

КАРИН
СЛОТЕР

ЯРОСЛАВЪ

КАРИН
СЛОТЕР

ЯРОСЬ

Annotation

Шокирующий триллер! Движимый яростью преступник становится беспощадным. Ему все равно, проститутка перед ним или невинная девочка. Одним чудовищным росчерком он ставит свою подпись на женских телах. Много лет назад его первой жертвой стала юная Мэри Элис. Но наказание за его преступление отбывал Джон — тот, кого он так удачно подставил. И вот сейчас Джон вышел из тюрьмы. История повторяется: кто-то вновь фабрикует против него улики. Кто отправил его за решетку двадцать лет назад? Кто подбросил ему нож, испачканный кровью одной из жертв?

- [Карин Слотер](#)

-
- [Часть 1](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Часть 2](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
-
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
-
- [Глава 20](#)

- [Часть 3](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
-
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
-
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
-
- [Глава 31](#)
-
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
-
-
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [От автора](#)
-
-
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)

- [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
-

Карин Слотер

ЯРОСТЬ

Роман «Ярость» является литературным произведением. Все имена, персонажи, места событий и сами события были либо рождены в воображении автора, либо использованы непредумышленно. Любое сходство с ныне живущими или умершими людьми, с какими-либо происшествиями или с местами реального действия является чистой случайностью.

Посвящается Кейт и Кейт

Часть 1

«ДЕКАТУР СИТИ ОБЗЕРВЕР», 17 июня 1985 года

УБИЙСТВО ПОДРОСТКА В ДЕКАТУРЕ

Вчера утром родители пятнадцатилетней Мэри Элис Финни в своем доме по Адамс-стрит обнаружили дочь мертвой. Полиция пока не сообщает никаких подробностей, ограничившись короткой информацией о том, что рассматривает случившееся как убийство и что уже опрошены все, кто видел Финни последним. В сделанном вчера вечером заявлении отца девочки Пола Финни, помощника прокурора округа Де-Кальб, выражается уверенность в том, что полиция привлечет убийцу к ответственности. Мэри Элис была отличницей средней школы Декатура, активисткой школьной группы поддержки, а недавно была выбрана президентом своего десятого класса. Источники, близкие к следствию, сообщили, что тело Мэри Элис было обезображено.

Глава 1

5 февраля 2006 года

Детектив Майкл Ормевуд ехал по Де-Кальб-авеню в направлении к Грейди Хоумс, краем уха прислушиваясь к передававшемуся по радио репортажу о футбольном матче. Чем ближе он подъезжал к этому району муниципальной застройки, тем больше чувствовалась висевшая в воздухе напряженность, а к моменту, когда он повернул направо, — в «зону военных действий», как называло это место большинство копов, — тело его буквально звенело, как туго натянутая струна. По мере того как Управление жилищного хозяйства Атланты медленно, но верно разваливалось, субсидированные городом участки застройки начали отходить в прошлое. Строительство внутри города стало слишком дорогостоящим, а суммы взяток — слишком высокими. Дальше дорога вела в город Декатур с его сверхсовременными ресторанами и частными домами за миллионы долларов. Менее чем в миле отсюда в другую сторону находилось здание законодательного собрания штата Джорджия с позолоченным куполом. Грейди находился между ними, словно олицетворение худшего из возможных сценариев развития событий — живое напоминание о том, что город, слишком занятый тем, чтобы ненавидеть этот район, был так же слишком занят, чтобы о нем заботиться.

Пока шла игра, на улицах практически никого не было. Торговцы наркотиками и сутенеры взяли выходной, чтобы стать свидетелями редчайшего события: их команда «Соколы Атланты» играла в финале Суперкубка. Дело было в воскресенье вечером, проститутки продолжали трудиться, предоставляя верующим гражданам греховный повод для покаяния на следующей неделе. Некоторые махали Майклу рукой, когда он проезжал мимо, и он отвечал им, размышляя над тем, сколько полицейских машин без опознавательных знаков останавливалось тут за ночь: парни сообщали диспетчеру, что уходят на десятиминутный перерыв, а сами направлялись к одной из этих девушек, чтобы «спустить пар».

Дом номер девять располагался в дальнем конце квартала. Это было внушительное здание из крошащегося красного кирпича, разрисованное эмблемами «Ратц» — новой банды, перебравшейся в Хоумс. Перед ним уже стояли четыре полицейские патрульные машины и еще одна, без опознавательных знаков; тревожно мерцали вращающиеся мигалки, из работающих раций доносились хриплые голоса. На стоянке перед домом были припаркованы черный BMW и навороченный «Линкольн Навигатор», сиявший в свете уличных фонарей золотом литых дисков «Рейзор» по десять тысяч баксов за комплект. Майкл едва справился с искушением крутануть руль, чтобы ободрать немного краски с этого шикарного внедорожника, который стоил тысяч семьдесят, не меньше. Он не мог спокойно смотреть на дорогие автомобили, на которых разъезжают бандиты. Сын Майкла за последний месяц вытянулся сразу на четыре дюйма и перерос свои джинсы, но покупку новой одежды придется отложить до следующей зарплаты. Выходит, его Тим должен дожидаться, пока уплаченные его отцом налоги заставят этих головорезов заплатить по своим долгам?!

Майкл не торопился выходить из машины, продолжая сидеть и слушать репортаж, наслаждаясь последними секундами умиротворения перед тем, как мир вокруг снова перевернется с ног на голову. Он проработал в полиции уже почти пятнадцать лет, придя сюда сразу после армии и слишком поздно сообразив, что разница между первым и вторым местом службы не так уж и велика, если не считать требования к стрижке. Он знал, что, как только он выйдет из автомобиля, этот механизм запустится снова, словно пружина до упора заведенных механических часов. Бессонные ночи, бесконечные и постоянно разваливающиеся версии, начальство, которое дышит в затылок. Ко всему этому еще, видимо, подключится и пресса. И каждый раз, когда он будет выходить из отделения, в лицо ему будут направлять камеры и репортеры будут задавать один и тот же вопрос: почему дело до сих пор не раскрыто? А сын будет видеть это в новостях и станет спрашивать, из-за чего эти люди так сердятся на его папу.

Кольер, молодой участковый полицейский с такими накачанными бицепсами, что руки не прижимались к бокам, постучал в окно, подав знак, чтобы тот опустил стекло. При этом Кольер сделал

выразительный вращательный жест, хотя, наверное, никогда не сидел в машине с окнами, открывающимися ручкой.

Майкл нажал кнопку, и стекло медленно поехало вниз.

— Что?

— Кто выигрывает?

— Не Атланта, — ответил Майкл, и Кольер понимающе кивнул, как будто именно такого ответа и ожидал. Последний раз Атланта играла за Суперкубок несколько лет назад. Тогда «Денвер» разнес их со счетом 34:19.

— Как Кен? — спросил Кольер.

— Это же Кен, — неопределенно ответил Майкл, уклоняясь от прямого ответа на вопрос о здоровье напарника.

— Мог бы помочь нам с этим, — кивнул патрульный в сторону здания. — Тут ситуация довольно хреновая.

У Майкла по этому поводу было свое мнение. Парню чуть больше двадцати, живет он где-нибудь в цокольном этаже дома матери и считает себя мужчиной только потому, что каждый день надевает кобуру с пистолетом. Майкл встречал таких Кольеров в иракской пустыне, когда Буш-старший решил ввести туда войска. Все это были горячие молокососы с характерным блеском в глазах, который говорил, что они пришли сюда не только из-за трехразового питания и бесплатного образования. Их переполняла гордость и чувство долга — все это дерьмо, которого они насмотрелись по телевизору и которое им скармливали вербовщики, выдергивавшие молодых ребят прямо из школы, словно зрелую морковь с грядки. Им обещали техническую подготовку и назначения на домашние американские базы — все, что угодно, лишь бы только получить их подпись на контракте. Для большинства из них это закончилось тем, что их первыми же транспортными самолетами забросили в пустыню, где они и получили свою пулю в голову, даже не успев надеть каски.

Из дома, судорожно развязывая галстук, словно ему не хватало воздуха, вышел Тед Грир. Их лейтенант был довольно бледен как для темнокожего парня, проводящего большую часть рабочего времени за письменным столом, греясь под настольной лампой в ожидании выхода на пенсию.

Увидев Майкла, по-прежнему сидящего в своей машине, он сердито бросил:

— Ты работаешь сегодня вечером или просто так выехал прокатиться?

Майкл неторопливо вышел, вынув ключ из замка зажигания как раз тогда, когда в перерыве матча по радио начались комментарии первой половины игры. Для февраля вечер выдался теплым, и кондиционеры на окнах домов жужжали, словно пчелы перед ульем.

— Тебе что, делать нечего? — рывкнул Грир на Кольера.

У того хватило ума тут же уйти, обиженно насупившись, как будто он получил удар по носу.

— Жуткое дело, — сказал Грир Майклу. Он вынул из кармана носовой платок и нервно вытер пот со лба. — Тут приложил руку какой-то отмороженный извращенец.

Майкл это уже слышал во время звонка, поднявшего его из уютного кресла собственной гостиной.

— Где она?

— Шесть пролетов вверх. — Грир аккуратно свернул платок и снова сунул его в карман. — Мы отследили звонок на 9-1-1 с этого телефона. — Он показал через улицу.

Майкл взглянул на старую телефонную будку — пережиток прошлого. Теперь у всех сотовые телефоны, тем более у наркоторговцев и сутенеров.

— Звонил женский голос, — сказал Грир. — Завтра у нас будет запись этого разговора.

— Сколько времени ушло на то, чтобы кто-то из наших добрался сюда?

— Тридцать две минуты, — ответил Грир, и Майкл удивился, что все произошло так быстро. По данным исследования, проведенного командой местных теленовостей, на экстренный вызов в район Грейди в среднем уходило сорок пять минут. А «скорая» едет еще дольше.

Грир снова повернулся к зданию, как будто оно могло снять с него ответственность.

— Нам нужно будет обратиться за помощью в этом деле.

Предложение это вызвало у Майкла раздражение. По статистике, Атланта занимает одно из первых мест в Америке по уровню насилия. Убийство уличной проститутки никак нельзя было считать каким-то сверхшокирующим событием, особенно если учесть, где было найдено тело.

— Не хватало тут только умников, которые будут указывать мне, как делать работу.

— И один из таких умников считает, что это именно то, что тебе сейчас нужно, — едко отрезал Грир.

Майкл хорошо знал, что спорить с ним бесполезно — и не из-за того, что Грир не терпит нарушения субординации, а потому что он согласится с Майклом, чтобы тот только закрыл рот, а потом развернется и все равно сделает все по-своему.

— Дело это скверное, — добавил Грир.

— А они у нас все скверные, — заметил Майкл, открывая заднюю дверцу машины и доставая оттуда свой пиджак.

— У нее не было ни единого шанса, — продолжал Грир. — Избита, порезана, изнасилована всеми мыслимыми и немыслимыми способами. Мы имеем дело с полным психом.

Надев пиджак, Майкл подумал, что Грир говорит это так, будто выступает по телевидению.

— Кен выписался из госпиталя. Сказал, что проведать его можно в любое время.

Грир пробормотал что-то невразумительное насчет того, что в последнее время он очень занят, после чего заторопился к своей машине, странно оглядываясь через плечо, как будто опасаясь, что Майкл последует за ним. Майкл дождался, пока босс усядется в автомобиль и отъедет с парковки, и только потом направился к зданию.

У дверей, положив руку на рукоятку пистолета, стоял Кольер. Вероятно, он думал, что охраняет этот вход, но Майкл знал, что тот, кто это сделал, больше сюда не вернется. С этой женщиной он уже все закончил. Больше с ней делать нечего.

— Босс уехал очень быстро, — сказал Кольер.

— Спасибо за свежую новость.

Майкл невольно внутренне сжался, открывая дверь, которая медленно впустила его в сырое, темное здание. Тот, кто планировал это социальное жилье, явно не думал о шумной детворе, радостно возвращающейся из школы, чтобы попить молока с теплым домашним печеньем. Все внимание было сконцентрировано на надежности и безопасности. Минимум свободного пространства, лампы в подъезде закрыты стальной сеткой. Провода аварийной сигнализации за толстыми стеклами напоминали сложную паутину, стены с узкими

окнами в тесных углах оштукатурены цементом. Когда-то белые, они были разрисованы краской из баллончиков, и теперь их покрывали различные надписи — знаки разных банд, предупреждения и другая информация подобного рода. Справа от входных дверей кто-то нацарапал: «Ким шлюха! Ким шлюха! Ким шлюха!»

Здрав голову, Майкл смотрел вверх по проему спиральной лестницы, мысленно отсчитывая шестой этаж, когда рядом со скрипом приоткрылась стальная дверь. Обернувшись, он увидел древнюю чернокожую старуху, смотревшую на него через щель.

— Полиция, — сказал он, выставляя вперед свой жетон. — Не бойтесь.

Дверь открылась шире. На женщине была грязная белая футболка, джинсы и надетый поверх всего этого фартук в цветочек.

— А я и не боюсь тебя, сволочь.

Позади нее кучкой стояли еще четыре старухи, все чернокожие, кроме одной. Майкл знал, что они выглянули не для того, чтобы помочь ему. Грейди, как и другие маленькие общины, держалась на слухах и пересудах, и это были как раз те рты, которые их подкармливали.

И все же он должен был задать им вопрос.

— Кто-нибудь из вас что-то видел?

Все дружно замотали головами, словно китайские болванчики на каминной доске.

— Прекрасно, — сказал Майкл, засовывая жетон в карман и направляясь к лестничному проему. — Спасибо за помощь по охране порядка в вашей общине.

— Это твоя работа, придурок, — фыркнула первая старуха.

Встав уже на первую ступеньку, он остановился, обернулся и посмотрел на нее. Она не отвела взгляда, и ее слезящиеся глаза забегали из стороны в сторону, словно читая книгу его жизни. Женщина эта была моложе остальных — ей, похоже, было где-то за шестьдесят, — но почему-то выглядела более высушенной, чем ее компаньонки, и совсем седой. От ее губ густой паутиной разбегались глубокие морщины — следы многолетнего постоянного курения сигарет. Седина окрасила ее волосы, начиная с макушки, а отдельные завитые штопором седые волосинки торчали из дряблого подбородка, словно жесткие жгуты. Она пользовалась помадой поразительного

оранжевого оттенка, какого Майклу еще не доводилось видеть ни у одной женщины.

— Как тебя зовут? — спросил он.

Ее подбородок упрямо задрался, но она все же ответила:

— Нора.

— Кто-то сделал звонок на 9-1-1 из телефонной будки напротив.

— Надеюсь, он после этого тщательно вымыл руки.

Майкл позволил себе улыбнуться.

— Ты ее знала?

— Мы все ее знали.

По тону старухи было понятно, что у нее есть много чего порассказать, но она не тот человек, который станет делиться этим с каким-то тупым белым копом. Очевидно, образованием в колледже Нора похвастаться не могла, но Майкл никогда особо не придавал значения таким вещам. Эта женщина обладала житейской уличной мудростью. Будь она глупой, она не прожила бы столько лет в таком месте, как Грейди.

Майкл снял ногу со ступеньки и вернулся обратно.

— Она работала?

Нора по-прежнему смотрела на него подозрительно.

— В основном по ночам.

— Она честная женщина, — вставила белая женщина позади нее.

Нора цыкнула на нее. Когда она продолжила, в голосе ее прозвучал даже какой-то вызов:

— Эта жизнь была не для нее, но что еще ей оставалось делать?

Майкл понимающе кивнул.

— А постоянные клиенты у нее были?

Они снова дружно покачали головами, а Нора ответила:

— Она никогда не брала работу на дом.

Майкл ждал, надеясь, что они добавят к этому что-то еще. Он мысленно считал секунды, решив довести паузу до двадцати. Над домом пролетел вертолет, в паре кварталов отсюда раздался резкий визг резины по асфальту, но никто из них не обратил на это внимания. Это был район, где люди начинают нервничать, если в течение недели пару раз не слышат перестрелку. Это был нормальный ход жизни, а насилие — или его угроза — было такой же неотъемлемой ее частью, как фастфуд или дешевая выпивка.

— Ну ладно, — сказал Майкл, досчитавший уже до двадцати пяти. Он вынул визитку и сунул ее Норе. — Можешь подтереть себе задницу при случае.

Она недовольно крикнула и брезгливо взяла карточку двумя пальцами.

— Моя задница намного больше этого.

Он многозначительно подмигнул ей и вкрадчивым голосом сказал:

— Не думай, что я этого не заметил, крошка.

Она разразилась хриплым хохотом, захлопнув дверь у него перед носом. Впрочем, карточку она оставила у себя. Это уже можно было расценить как позитивный результат.

Майкл снова вернулся на лестницу и преодолел первый пролет, шагая через две ступеньки. Все здания в Грейди были снабжены лифтами, но даже там, где они работали, пользоваться ими было опасно. На первом году патрульной службы Майкла как-то вызвали в Хоумс по поводу семейной ссоры, и он тут же застрял в такой вот скрипучей ловушке с разбитым устройством связи с диспетчером. Он провел там два часа, изо всех сил стараясь не внести свой вклад в стоявшее здесь зловоние от мочи и блевотины, пока его сержант не сообразил, что Майкл давно не отзывался, и не послал поискать его. Следующие полчаса старожилы проржали над ним, прежде чем помочь выбраться наружу.

Да здравствует полицейское братство!

Поднимаясь на третий этаж, Майкл заметил, что воздух вокруг изменился. Сначала он уловил это носом: в обычный запах жареной пищи, смешанный с запахом пива и пота, резко добавился неожиданный, но безошибочно узнаваемый смрад насильственной смерти.

Дом прореагировал на несчастье как обычно. Майкл слышал приглушенные голоса из-за закрытых дверей. Телевизоры были прикручены, а звуки шоу, заполнявшего перерыв футбольного матча, служили фоном для тихих разговоров — люди обсуждали женщину с шестого этажа и благодарили Бога, что это случилось с ней, а не с их детьми, не с их дочерьми, не с ними самими.

В этой относительной тишине в лестничный проем эхом доносился обычный деловой шум, когда на месте преступления идет

поиск улик и фотосъемка. На четвертом этаже Майкл остановился, чтобы перевести дыхание. Два месяца назад он бросил курить, но легкие пока что полностью ему не поверили. Поднимаясь на следующий пролет, он чувствовал себя, как задыхающийся астматик. У него над головой кто-то засмеялся, и к этому смеху присоединились другие копы — подобная бравада позволяла им, несмотря ни на что, выполнять свою работу.

Внизу со стуком распахнулась дверь, и, склонившись в лестничный проем, Майкл увидел, как две женщины затолкали в подъезд каталку. На них были темно-синие плащи с ярко-желтыми буквами на спине — «МОРГ».

— Наверх! — крикнул им Майкл.

— Как высоко? — спросила одна из них.

— Шестой этаж.

— Твою мать... — выругалась она.

Майкл снова взялся за перила и продолжил подниматься, прислушиваясь, как ругаются женщины, взбираясь по лестнице, и как каталка бьет по металлическим перилам, словно сломанный колокол.

Майклу оставалось преодолеть еще один пролет, когда внезапно волосы у него на затылке буквально встали дыбом. По спине у него лился пот, но некое шестое чувство заставило его зябко содрогнуться.

Сработала вспышка, тихо зажужжала камера. Майкл аккуратно переступил через женскую туфлю на шпильке, лежавшую на ступеньке так, будто кто-то присел здесь и снял ее. На следующей ступеньке был виден четкий отпечаток окровавленной руки. Дальше был точно такой же след, потом еще один — кто-то явно полз по лестнице.

На лестничной площадке пятого этажа стоял Билл Бургес, бывалый участковый коп, выдавший любые преступления, какие только происходили в Атланте. Рядом с ним на полу была лужа свернувшейся крови, из которой вниз, со ступеньки на ступеньку, стекали ручейки. Майкл представил себе эту картину: кто-то споткнулся здесь, а потом попытался подняться, размазав кровь.

Билл смотрел не на кровь, а куда-то вниз по лестнице. Лицо его было бледным, губы плотно сжаты. Майкл даже остановился, подумав, что никогда раньше не видел Билла настолько взволнованным. И это человек, который через час после того, как нашел семь отрубленных

пальцев в мусорном контейнере позади китайского ресторана, уже отправился перекусить куриными крылышками!

Мужчины не обменялись ни словом, пока Майкл аккуратно обходил лужу. Он взялся за перила, чтобы повернуть на следующий пролет, мысленно порадовавшись, что тут есть за что держаться, когда перед ним открылась страшная сцена.

Женщина была частично раздета, ее облегающее красное платье было распорото спереди, как халат, открывая темно-шоколадную кожу и островок черных лобковых волос, выбритых в тонкую линию, уходившую между ног. Грудь ее была неестественно высокой: идеальную форму поддерживали имплантаты. Одна рука была вытянута сбоку, а вторая лежала на голове; пальцы тянулись к перилам, как будто ее последней мыслью было попробовать подняться. Правая нога была согнута в колене и вывернута наружу, а левая отведена в сторону под таким углом, что были видны половые органы.

Майкл сделал еще шаг и, стараясь отвлечься от происходящего вокруг, попробовал взглянуть на женщину глазами ее убийцы. Размазанный макияж, обильный слой помады и румян, которые должны были подчеркивать черты ее лица. Вьющиеся черные волосы раскрашены оранжевыми прядями и торчат в разные стороны. Тело было хорошим — по крайней мере, лучше, чем можно было бы ожидать, имея в виду следы от шприца на руках, говоривших, что у этой женщины была порочная привычка, которую она поддерживала тем, что имела между ног. Синяки на бедрах мог оставить убийца или какой-нибудь Джон, который любит грубый секс. Если это был второй вариант, то она, вероятно, сознательно терпела это, зная, что за свою боль получит больше денег, а больше денег означает больше удовольствия потом, когда в тело вопьется игла и по венам разольется сладкое тепло.

Широко открытые глаза пустым взглядом смотрели в стену. Накладные ресницы с одной стороны оторвались и лежали на левой щеке. Нос был сломан, а скула свернута в сторону в том месте, где кость под глазом была размозжена. В открытом рту что-то блестело, и Майкл, сделав еще шаг, рассмотрел, что там было полно жидкости и что жидкость эта — кровь. Лампочка над головой отражалась в красной луже, словно полная луна.

Наверху лестницы стоял Пит Хансон, дежурный медэксперт, и разговаривал с Лео Доннелли. Лео был пройдохой, вечно строил из себя крутого копа, шутил, где надо и где не надо, слишком громко и слишком долго смеялся, но Майкл не раз видел в баре, когда он выпивал одну стопку виски за другой, только рука мелькала, — и все это, только чтобы заглушить страшный привкус смерти.

Заметив Майкла, Лео расплылся в улыбке, словно встретился со старым приятелем и собирается приятно провести с ним время. В руке он держал прозрачный пластиковый пакет для вещественных доказательств, который подбрасывал в воздух и снова ловил, как будто разминался перед игрой в бейсбол.

— Адская ночь выдалась для дежурства, — сказал Лео.

— Что здесь произошло? — спросил Майкл, ничем не показывая, что согласен с ним.

Лео продолжал подбрасывать пакет на ладони.

— Док говорит, что она истекла кровью.

— По-видимому, истекла кровью, — поправил его Пит. Майкл знал, что доктор любит Лео так же, как и все остальные в их управлении, — в смысле, на дух не переносит этого типа. — Когда посмотрю ее на своем столе, смогу сказать точнее.

— Лови, — сказал Лео, швыряя пакет с уликой Майклу.

Майкл, будто в замедленной съемке, следил за тем, как пакет плывет по воздуху, переворачиваясь, словно помятый мяч. Он поймал его, прежде чем пакет коснулся земли, и пальцы ощутили под пластиком что-то толстое и, видимо, мокрое.

— Тут кое-что для твоего кота, — сказал Лео.

— Какого хрена... — начал Майкл и запнулся.

Он вдруг понял, что это такое.

— Ты только глянь на его физиономию! — Громогласный хохот Лео эхом отразился от стен.

Майкл стоял, уставившись на пакет. Он ощущал привкус крови во рту, чувствовал металлическое жало панического страха. Он не узнал собственный голос: ему казалось, что он говорит под водой, а может быть — даже тонет.

— Что же тут случилось?

Лео продолжал хохотать, и ему ответил Пит:

— Он откусил ей язык.

Глава 2

6 февраля 2006 года

После возвращения с войны в Заливе Майкла по ночам преследовали страшные сны. Стоило ему только закрыть глаза, как он видел летящие в него пули, бомбы, отрывающие руки и ноги, и детей, бегущих по дороге и криками зовущих матерей. Майкл знал, где сейчас эти матери. Он беспомощно стоял рядом, глядя, как женщины отчаянно стучат в запертые окна школы, старясь вырваться из огня от взорвавшейся внутри гранаты, которая сожгла их заживо.

А сейчас его преследовала Алиша Монро. Женщина без языка последовала за ним домой, колдовским образом перестроив ситуацию в его сне так, что это уже Майкл гнался за ней по лестнице, Майкл силой затаскивал ее на лестничную площадку и раздирал пополам. Он живо чувствовал, как ее красные ногти впиваются в его кожу, как она сопротивляется и сжимает его горло. Он задыхался, царапал свою шею и руки женщины, пытаясь остановить ее. Он закричал так громко, что Джина подскочила на кровати, прижав простыню к груди, словно ожидала увидеть в их спальне маньяка.

— Господи, Майкл! — простонала она, хватаясь за сердце. — Ты меня до смерти напугал.

Он взял с тумбочки стакан с водой и, чтобы погасить полыхающий в горле огонь, принялся пить большими глотками, обливая себе грудь.

— Ну что ты, — сказала Джина, проводя кончиками пальцев по его шее. — Что случилось?

Майкл почувствовал боль на шее и пощупал это место рукой. На коже была царапина, а когда он встал и подошел к зеркалу над комодом, то увидел тоненькую струйку крови, сочащуюся из свежего пореза.

Она встала рядом с ним.

— Ты поцарапался во сне?

— Не знаю. — Хотя все он знал. После того сна его дыхание до сих пор не могло прийти в норму.

Джина сморщила нос и поднесла его ладонь к лицу. На мгновение ему показалось, что она хочет поцеловать ее, но вместо этого она спросила:

— Почему от тебя пахнет хлоркой?

Он должен был избавиться от этого запаха, от этой едкой липкости, которая остается после пребывания рядом со смертью. Майкл ничего не ответил, просто не хотел заводить этот разговор, и только, быстро взглянув в сторону часов, спросил:

— Который час?

— Блин... — простонала Джина, выпустив его руку. — Можно уже одеваться. Моя смена начинается через два часа.

Майкл взял часы и посмотрел на циферблат. Шесть тридцать.

После работы на месте преступления, обыска квартиры убитой женщины и заполнения всех бумаг он получил на сон где-то часа четыре.

В душе потекла вода, и трубы загудели, когда включился подогреватель. Войдя в ванную, Майкл увидел, что Джина снимает рубашку, в которой спала.

— Тим уже встал, — сказала она. — Ты должен проследить, чтобы он никуда не влез.

Прислонившись к стене, Майкл с восхищением смотрел на ее плоский живот, на то, как напрягаются мышцы на ее руке, когда она вынимает заколку из волос.

— С ним все в порядке.

Джина заметила, как он смотрит на нее.

— Следи за ним.

Майкл невольно улыбнулся. После рождения Тима грудь Джины увеличилась, и при взгляде на нее у него буквально потекли слюнки.

— Позвони на работу и скажи, что заболела, — попросил он.

— Конечно.

— Посмотрим кино, устроимся на диване... — Он помолчал и попробовал снова: — А помнишь, как мы раньше могли часами целоваться? — Господи, сейчас он месяцами мог рассчитывать не более чем на быстрый чмок в щеку. — Давай будем целоваться, Джина, как тогда. Просто целоваться. И ничего больше.

— Майкл, — сказала Джина, подставляя руку под струю, чтобы проверить ее температуру, и забираясь под душ, — перестань пялиться

на меня, как на уличную шлюху, и пойдя загляни к сыну.

Она закрыла дверь душевой кабинки, а он, перед тем как уйти, еще с минуту смотрел на ее силуэт, пытаясь понять, когда же в отношениях между ними все пошло не так.

Он познакомился с Джинной перед тем, как его подразделение отбыло к Заливу. Все солдаты рассчитывали выйти оттуда живыми и здоровыми, но все же Майкл со своими сослуживцами рассматривал и худшие варианты, поэтому старался успеть как можно больше, прежде чем их забросят в пустыню. Эллен Мак-Каллум была миниатюрной крашеной блондинкой, не блиставшей особым умом, — как раз такая девушка, о которой хочется вспомнить в какой-нибудь грязной, забитой песком палатке в миллионе миль от собственного дома, когда рассказываешь парням о девушке на родине, которая так сосет, что даже способна сорвать кожу с дивана.

Большую часть недели Майкл провел за тем, что пытался забраться в трусы к Эллен, когда внезапно появилась Джина, ее кузина. Она серьезно помешала Майклу, потому что постоянно крутилась вокруг любимой двоюродной сестрички, но когда через пару дней он уехал, то вспоминать начал именно о Джине. Вьющиеся каштановые волосы, тонкие черты лица, плавный изгиб ягодиц... Майкл написал ей, и, к его удивлению, она ответила — сначала очень скромненько, но потом немного успокоилась и стала даже мила с ним. Он находился в Кувейте, все было вроде бы мирно, но затем один придурочный подросток, балуясь с пистолетом, прострелил ему ногу. Парень подсунул ему эту подлянку случайно, но рана, тем не менее, не заживала. Когда Майкла направили в Германию на хирургическую операцию, первой, кому он позвонил, была Джина.

Они поженились через неделю после того, как его уволили и запас, а еще через две недели он поступил на службу в полицейское управление Атланты. Джина закончила школу медсестер при баптистской церкви штата Джорджия и получила хорошее место в больнице «Кроуфорд Лонг». Спустя два года она перешла работать в Пьемонт, где платили больше. Майкл получил свой золотой жетон и был переведен с должности участкового патрульного в Грейди в полицию нравов с соответствующим повышением зарплаты. Вскоре жизнь их потекла даже лучше, чем Майкл мог ожидать. Они купили дом к северу от Атланты, начали откладывать деньги на черный день и

стали подумывать о том, чтобы завести ребенка или даже двух, чтобы создать настоящую семью. А потом появился Тим.

Он был спокойным ребенком, но Майкл видел искру в его больших голубых глазах. В первый раз, когда он взял сына на руки, у него было ощущение, будто он держит в ладонях собственное сердце.

Первой проблемы заметила Барбара, мать Джини. Малыш никогда не плакал. Ничего не делал. Мог часами смотреть в степу. Майкл боролся с этим всеми силами, но доктор подтвердил подозрения Барбары. В какой-то момент беременности Джини Тим испытывал кислородное голодание. Его мозг никогда не будет развиваться дальше уровня шестилетнего ребенка.

Никто не знал, как это произошло и почему, но дело обстояло именно так.

Майкл всегда недолюбливал Барбару, а после такого диагноза стал ее просто ненавидеть. Относиться к теще с презрением — банально, но она всегда считала, что ее дочь прогадала с браком, а теперь еще и винила Майкла в проблемах Тима. Она была немного помешана на религиозной почве и легко находила вину других людей — с собственными ошибками дело обстояло не так гладко. Она была не просто пессимисткой, видевшей стакан наполовину пустым, — она считала, что стакан не только полупустой, но и что все **ОНИ** за это отправятся прямиком в пекло.

— Тим? — позвал Майкл, идя по дому и на ходу натягивая футболку. — Ты где, приятель?

Он слышал сдавленное хихиканье за диваном, но продолжил идти в сторону кухни.

— Куда же подевался Тим? — громко сказал Майкл, заметив, что сын рассыпал по кухонному столу целую коробку колечек сухого завтрака «Чириоуз». Синяя миска Тима была доверху залита молоком, и на мгновение перед глазами Майкла возник красный-красный рот Алиши Монро и то, как он был наполнен ее кровью.

— Бу! — закричал Тим, обнимая Майкла сзади.

Майкл вздрогнул, хотя Тим проделывал это практически каждое утро. Он подхватил сына на руки, и сердце тяжело забилося в груди. Тиму уже исполнилось восемь, и он был слишком большим, чтобы носить его на руках, но Майкл не смог удержаться. Он пригладил непокорный вихор на его макушке.

— Ты хорошо выспался, малыш?

Тим кивнул, уворачиваясь и упираясь Майклу в плечо, чтобы отец опустил его на пол.

— Давай-ка уберем весь этот беспорядок, пока не пришла Ба-Ба, — предложил мальчик, сгребая колечки в пригоршню и высыпая их обратно в коробку. Барбара приходила к ним по будням, чтобы присматривать за Тимом. Она отводила его в школу, забирала его оттуда домой, следила, чтобы он вовремя поел и сделал домашнее задание. Словом, она проводила с ним больше времени, чем Майкл или Джина, но у них, собственно, и не было другого выбора.

— Ба-Ба такой беспорядок точно не понравится, — сказал Майкл.

— Не понравится, — согласился Тим. Он сидел за кухонным столом, поджав под себя ноги. Ширинка на его пижаме со Спайдерменом была расстегнута.

— Заправь свое оборудование, приятель, — сделал ему замечание Майкл, стараясь погасить волну грусти, нахлынувшую при виде того, как мальчик неловко возится с пуговицами.

Майкл был единственным ребенком в семье, и его это, вероятно, немного испортило. Когда появился Тим, он ничего не знал о том, как ухаживать за детьми. Поменять Тиму подгузники было делом стеснительным и проблематичным, которое выполнялось как можно быстрее и при минимальном контакте. Теперь же Майкл только о том и думал, что через несколько лет Тим достигнет половой зрелости. Его тело начнет расти, превращая его в мужчину, но сознание никогда не догонит физическое развитие. Он никогда не сможет узнать, каково это — любить женщину, и как пользоваться тем, что дал тебе Бог, чтобы доставлять удовольствие другому человеку. У него никогда не будет собственных детей. Тим никогда не познает радости и боли, связанные с отцовством.

— Кто устроил весь этот беспорядок? — спросила Джина, закутанная в синий шелковый халат, который Майкл подарил ей на Рождество пару лет назад; волосы ее были замотаны полотенцем. — Это ты все это сделал? — с шутливой строгостью обратилась она к Тиму, взяв его за подбородок и поцеловав в губы. — Ба-Ба это не понравится, — сказала она.

Майкл в душе порадовался, что ребенок не в состоянии называть Барбару бабушкой, как ей того хотелось.

Тим начал помогать с уборкой, только увеличивая беспорядок.

— Ух-ох, — сказал он, упав на колени; он поднимал колечки «Чириоуз» по одному и вслух считал их, перед тем как отдать матери.

— Ты вечером вернулся в приличное время?

— Я же сказал тебе, что у меня было дело.

— В баре? — спросила она, а он повернулся к ней спиной и вынул из шкафа две кружки. Вчера ночью он был слишком под впечатлением, чтобы сразу идти домой. Лео предложил немного выпить и поговорить о деле, и Майкл охотно ухватился за это предложение, используя его в качестве оправдания, чтобы пропустить пару стаканчиков бурбона и немного смягчить увиденное накануне.

— Одиннадцать... — считал Тим. — Двенадцать...

— От тебя пахнет, как из пепельницы.

— Я не курил.

— А я и не говорю, что курил. — Она бросила в коробку очередную пригоршню колечек и протянула сыну ладонь для новой порции.

— Четырнадцать, — продолжал Тим.

— Мне просто потребовалось немного времени. — Майкл налил в кружки кофе. — Лео хотел поговорить об этом деле.

— Лео только и ищет повод, чтобы нажраться.

— Ух-ох... — осуждающе пропел Тим.

— Прости, малыш, — извинилась Джина перед сыном и мягко спросила: — Ты пропустил одну цифру. Что случилось с номером тринадцать?

Тим пожал плечами. На тот момент он умел считать только до двадцати восьми, но Джина следила, чтобы он называл все цифры по порядку.

— Иди оденься к приходу Ба-Ба, — сказала она Тиму. — Она скоро будет здесь.

Тим поднялся и заковылял из комнаты, переваливаясь с одной ноги на другую.

Джина высыпала колечки в коробку и со стоном опустилась на стул. На этот уик-энд она взяла двойную смену, чтобы немного подзаработать дополнительно. День еще не успел начаться, а она уже выглядела изможденной.

— Ты вечером занята? — спросил он.

Она отхлебнула кофе, бросив на него взгляд сквозь пар, поднимавшийся от кружки.

— Мне нужны деньги на нового врача.

Майкл, прислонившись к кухонной стойке, вздохнул. Старый логопед Тима вела его, сколько могла. Ребенку был нужен специалист, а услуги хороших специалистов не входят в программу государственного медицинского страхования.

— Пятьсот долларов, — сказала Джина. — Этого ему хватит до конца месяца.

— Господи... — Майкл с силой потер глаза, чувствуя, как накатывается головная боль. Он подумал о BMW и «линкольне», которые видел вчера ночью в Грейди Хоумс. За такие деньги можно было бы показать Тима пятидесяти специалистам.

— Возьми из наших сбережений, — сказал он.

Она фыркнула.

— Каких сбережений?

Рождество... Они влезли в свои сбережения перед Рождеством.

— Я собираюсь попросить еще одно дежурство в больнице. — Она поспешно подняла руку, чтобы остановить его возражения. — У него должно быть только самое лучшее.

— У него должна быть мать.

— Кстати, а как насчет твоей матери? — парировала она.

Майкл сжал зубы.

— Я не собираюсь выпрашивать у нее деньги.

Джина поставила свою кружку и при этом так стукнула по столу, что кофе выплеснулся ей на руку. Победить в этом споре не было ни малейших шансов — Майкл знал это наверняка, потому что такое происходило практически каждую неделю и течение последних пяти лет. Он работал сверхурочно, чтобы у Тима было все необходимое. Джина дважды в месяц брала дежурства на выходные, но Майкл решительно выступил против ее работы в праздничные дни. Он и так ее почти не видел. Иногда ему казалось, что она специально все так спланировала. Они больше не были супружеской парой; они были партнерами, некоммерческой организацией, работающей на то, чтобы Тиму было хорошо. Майкл даже не мог вспомнить, когда у них последний раз был секс.

— Вчера вечером звонила Синтия, — сообщила Джина. Это была их испорченная соседка. — У нее там доска оторвалась или что-то в этом роде.

— Доска оторвалась? — переспросил он. — А Фил где?

Она оперлась ладонями о стол и встала.

— В Ботсване. Черт, я не знаю, Майкл! Она просто спросила, не мог бы ты ее починить, и я ответила, что мог бы.

— А ты не хотела сначала спросить об этом у меня?

— Хочешь — делай, не хочешь — не делай, — бросила она, выливая остаток кофе в раковину. — Мне нужно собираться на работу.

Он смотрел ей вслед, когда она шла по коридору. Каждое их утро было похоже на это: Тим устраивает беспорядок, они убирают, потом между ними возникает спор по какому-нибудь глупому поводу. В довершение всего скоро должна появиться Барбара, и Майкл был уверен, что теща обязательно найдет, на что пожаловаться, будь то больная спина, мизерное пенсионное пособие или тот факт, что Майкл наградил ее умственно отсталым внуком. В последнее время она клейкой лентой приклеивала к холодильнику статьи о синдроме войны в Заливе, явно намекая на то, что Майкл совершил в Ираке что-то ужасное и этим навлек беду на их семью.

Майкл зашел в спальню и быстро оделся, пропустив утренний душ, чтобы лишний раз не сталкиваться в ванной с Джиной. Увидев, как «тойота» Барбары подъезжает к дому, он схватил молоток из ящика для инструментов и выскочил через заднюю дверь как раз в тот момент, когда теща заходила через парадный вход.

Часть забора из сетки-рабицы вокруг их заднего двора была повалена деревом во время последней снежной бури, и у них не было денег, чтобы починить его. Он перепрыгнул через поваленную секцию, стараясь не зацепиться брюками за покореженную проволоку и не удариться лицом об землю. Еще раз.

Он постучал в заднюю дверь и, дожидаясь, пока Синтия откроет, заглянул в окно. Явно не торопясь, она прошлепала через прихожую в коротком кукольном халатике, открывавшем на обозрение ночную рубашку и трусики «танга» под ней. Все было белым и практически прозрачным. Интересно, где все-таки Фил, подумал Майкл. Если бы Джина когда-нибудь попробовала открыть Филу дверь в подобном наряде, он бы прибил ее на месте.

Синтия возилась с замками, наклонившись вперед и демонстрируя свою грудь. Длинные светлые волосы закрывали лицо. Вырез ночной рубашки был таким низким, что ему были видны кончики розовых сосков.

Майкл нетерпеливо взвешивал молоток на ладони, а голова наполнялась каким-то электрическим жужжанием. Он должен тут же развернуться, и пусть она сама ремонтирует свою доску. Блин, когда-нибудь Фил все равно должен вернуться, пусть он этим и занимается.

Открыв дверь, Синтия блеснула улыбкой.

— Как поживаешь, сосед?

— А Фил где?

— В Индианаполисе, — ответила она, прикрывая рот ладонью, чтобы подавить зевок. — Продвигает в массы резиновые чулки, чтобы я могла поддерживать стиль жизни, к которому привыкла.

— Ага.

Он взглянул через ее плечо. Кухня напоминала свинарник. В раковине высилась гора грязной посуды, повсюду валялись коробки из-под пиццы на заказ, пепельницы были переполнены окурками. Он даже заметил плесень, плавающую в стакане чего-то, похожего на апельсиновый сок.

— Джина говорила, что у тебя тут где-то доска оторвалась, — сказал он.

— И нуждается в укреплении, — по-кошачьи улыбнулась Синтия.

Майкл опустил молоток.

— А ей ты зачем позвонила?

— Соседи должны помогать друг другу, — ответила она, словно это было нечто само собой разумеющееся. — Ты ведь сказал Филу, что позаботишься обо мне, пока его не будет.

Фил имел в виду вовсе не это.

Ухватившись за воротник рубашки, она затащила его в дом.

— Ты выглядишь таким напряженным.

— Я не могу этого делать.

— А что ты делаешь? — спросила она, притягивая его к себе.

Он подумал о Джине, о том, что она больше не смотрит на него так, вспомнил свои ощущения, когда она отталкивала его.

— Не могу — и все.

Ее рука плотно прижалась к его брюкам спереди.

— А кажется, что можешь.

У Майкла перехватило дыхание, а глаза сами собой скользнули по изгибу ее маленькой груди к тугим, напряженным соскам. Он почувствовал, как ее язык проскользнул через его губы, и живо представил, как это будет, когда он закроет ей рот своим ртом.

Она растянула змейку на его брюках и залезла рукой внутрь.

— Тебе нравится? — спросила она, делая круговые движения большим пальцем.

— Боже, — прошипел он сквозь зубы. — Да.

«ДЕКАТУР СИТИ ОБЗЕРВЕР», 19 июня 1985 года

РАЗЫСКИВАЮТСЯ СВИДЕТЕЛИ ПО ДЕЛУ ОБ УБИЙСТВЕ ФИННИ

Полиция разыскивает свидетелей по делу Мэри Элис Финни. Девочка была обнаружена убитой в своем доме в Декатуре в прошлое воскресенье. Шеф полиции Гарольд Уоллер в своем выступлении на пресс-конференции сообщил, что в тот вечер Мэри Элис отправилась с друзьями в торговые ряды Ленокс-Сквэр-Молл, а потом посетила вечеринку у соседей в Декатуре. Последний раз пятнадцатилетнюю девочку видели, когда она уходила с вечеринки с каким-то незнакомцем. Всех, кто видел Мэри Элис Финни или обладает какой-либо информацией о личности этого человека, просят позвонить в полицейское управление округа Де-Кальб. Родственники убитой отказываются давать какие-либо интервью, но в своем официальном заявлении Пол Финни, помощник прокурора округа Де-Кальб, отец девочки, попросил не вторгаться в частную жизнь семьи. Источники, близкие к расследованию, сообщают, что Салли Финни, мать девочки, обнаружила свою дочь, когда утром пошла ее будить, чтобы идти в церковь.

Глава 3

Майкл чувствовал себя полным дерьмом. Проклятье, он и на самом деле был дерьмом!

Первый раз у них с Синтией это вышло случайно, просто несчастный случай. Майкл понимал, что это слабое оправдание; все было не совсем так, будто идешь себе, а в следующий момент уже кому-то засадил, но он действительно думал об этом именно в таком ключе. Фил как-то позвонил ему ночью по междугородной связи из Калифорнии, он жутко волновался, потому что не мог дозвониться до Синтии. Парень постоянно в разъездах, продает женские чулочные изделия большим универсамам и, вероятно, время от времени закладывает. Доказательств у Майкла не было, но он три года проработал в полиции нравов и хорошо знал этот тип бизнесменов, которые вдали от дома по ходу дела охотно пользовались услугами местных барышень. Постоянные звонки, проверяющие Синтию, больше напоминали звонки раскаяния, способ следить за ней, когда не можешь проследить за собой.

В то время Джина работала по ночам и уже отталкивала от себя Майкла, когда тот тянулся к ней. Проблемы Тима становились все более очевидными, и она реагировала на это, набрасываясь на работу, вкалывая по две смены, потому что не могла смириться с мыслью о том, чтобы вернуться домой и столкнуться со своим ущербным сыном. Майкл и сам был болен от горя, изможден от внутренних рыданий по ночам и чувствовал себя жутко одиноко.

А Синтия была под рукой и буквально горела желанием отвлечь его мысли от всего этого. После первого раза он пообещал себе, что это больше никогда не повторится, и сдержал свое слово по крайней мере на год. У Майкла была своя работа, был Тим, и думал он только об этом до одного весеннего дня, когда Синтия сообщила Джине, что у нее протекает умывальник.

— Пойди и почини ей эту штуку, — сказала тогда Джина Майклу. — Фил все время в отъезде. Этой бедняге совсем некому помочь.

Майкл не был влюблен в Синтию, и он был не настолько глуп, чтобы испытывать какие-то иллюзии насчет ее глубоких чувств по отношению к нему. Находясь в зрелом возрасте, к своим сорока годам он уже знал, что женщина, готовая улечься под тебя всякий раз, когда видит, не любит — она чего-то ищет. Возможно, Синтии нравилось возбуждение, которое она получала, трахаясь с Майклом на кровати Фила. А может быть, ей нравилось видеть Джину в окне кухни и сознавать, что она забирает что-то, принадлежащее другой женщине. Майкл не мог позволить себе начать разбираться в ее мотивах. Достаточно того, что он хорошо знал свои. На эти пятнадцать-двадцать минут, которые он проводил у соседки, его голова становилась пустой, он переставал думать о том, что нужно платить врачам, погашать проценты по закладной или отвечать на звонки из банка по поводу того, когда он заплатит долги по кредитной карточке. В эти минуты Майкл думал только о замечательном маленьком ротике Синтии и собственном удовольствии.

Но однажды она должна была чего-то захотеть от него. У него хватило ума, чтобы, по меньшей мере, сообразить это.

— Эй, Майкл, очнись! — позвал Лео, постучав костяшками пальцев по его письменному столу. — Вытащи голову из собственной задницы.

— Что там происходит? — спросил Майкл, откидываясь на спинку стула.

В участке, кроме них двоих, никого не было, а Грир заперся у себя в кабинете, опустив жалюзи.

— Он снова там онанирует? — сказал Майкл, кивая в сторону закрытой двери.

— Да нет, с ним там какой-то чудак, смахивающий на ищейку.

— С чего бы это? — спросил Майкл, хотя ответ был ему известен. Вчера вечером Грир сказал, что собирается обратиться за помощью, и следующим шагом в этом направлении было Бюро расследований штата Джорджия.

— Он со мной не советовался, — ответил Лео, усаживаясь на край стола Майкла и сдвигая разложенные там бумаги. Он постоянно это делал, хотя Майкл сто раз его предупреждал.

— У тебя были проблемы с женой вчера вечером? — спросил Лео.

— Нет, — соврал Майкл, отводя глаза в сторону.

Помещение участка было местом угнетающим и темным, окна, выходявшие на супермаркет строительных материалов «Хоум Дипоу» на другой стороне улицы, были покрыты толстым слоем сажи, через который почти не пробивалось утреннее солнце. «Сити-Холл-Ист» представлял собой двадцатипятиэтажное здание, расположенное в начале поворота Понсе-де-Леон-роуд и протянувшееся на целый квартал; раньше здесь находился универмаг «Сирс». Железнодорожные пути отделяли это строение от старого завода Форда, который теперь перестроили в дорогие лофты. Штат выкупил бывшее здание «Сирс» много лет назад и разместил здесь различные государственные учреждения. Тут находилось не менее тридцати подразделений и работало более пятисот служащих. Майкл проработал здесь десять лет, но за все это время видел только вечно переполненную подземную парковку да три этажа, отведенные под управление полиции Атланты и морг.

— Эй! — повторил Лео и снова постучал по столу Майкл отодвинулся на стуле от стола и от Лео. Благодаря непрерывному курению и постоянному прикладыванию к бутылке, спрятанной в ящике, дух у того изо рта стоял, как у собаки из задницы.

— Похоже, ты размялся о какой-то киске?

— Заткнись! — огрызнулся Майкл, подумав, что это совсем недалеко от истины. Лео всегда попадал в точку со своими высказываниями — и не потому, что был хорошим детективом, а потому что не умел держать язык за зубами.

— Я хотел попозже заехать навестить Кена. — Лео вытащил из кармана пиджака мандарин и начал его чистить. — Как он?

— Все о'кей, — ответил Майкл, хотя на самом деле он уже неделю не разговаривал с Кеном.

Они долгое время были напарниками, близкими, как братья, пока однажды Кен вдруг не рухнул на пол. Он как раз рассказывал Майклу об одной грандиозной женщине, которую встретил накануне вечером, и на какое-то мгновение Майклу показалось, что это шутка. Но Кен начал судорожно дергаться, рот его безвольно приоткрылся, и он описался прямо тут, на полу в их полицейском участке. Пятидесятитрехлетнего мужика хватил удар, словно немощного старика. Вся правая сторона тела отказала ему, рука и нога обессиленно повисли, словно у тряпичной куклы, а рот был

искривлен, от чего по подбородку постоянно текла слюна, как у грудного младенца.

Никто из управления не хотел навещать его и слушать, как он пытается говорить. Кен был живым напоминанием о том, что могло ожидать любого из них. Чрезмерное курение, чрезмерные пьянки, две-три женитьбы, а в конце — перспектива провести последние дни под капельницей, прикованным к постели в каком-нибудь захудалом бесплатном доме для престарелых.

Дверь кабинета Грира внезапно открылась, и оттуда вышел долговязый мужчина в костюме-тройке. Кожаный портфель смотрелся на фоне его большой руки, словно почтовая марка. Майкл сразу понял, почему Лео назвал этого человека ищейкой. Он был высоким — где-то за метр девяносто — и поджарым, точно гончая. Белокурые волосы были коротко подстрижены и зачесаны набок. Верхняя его губа тоже выглядела необычно: как будто кто-то разрезал ее пополам, а потом неаккуратно вернул на место. Лео, как обычно, неправильно оценил увиденное. Добавь этому парню наросты по обе стороны шеи, и он вполне мог бы сойти за персонаж сериала «Семейка монстров».

— Ормевуд, — сказал Грир, возвращая Майкла к действительности. — Это специальный агент Уилл Трент из БТП.

Лео, как обычно, тут же продемонстрировал свои хорошие манеры.

— Что еще за БТП, черт побери?

— Группа по борьбе с тяжкими преступлениями, — пояснил Грир.

Майкл буквально кожей почувствовал, как напарник сдерживается, чтобы не брякнуть, что тогда это, собственно говоря, должно было бы звучать ГБТП. Но Тренд стоял вплотную к Лео, возвышаясь над ним чуть ли не на целый фут, так что, возможно, именно это обстоятельство и заткнуло разговорчивому детективу рот. Ручищи у этого парня из службы штата были просто громадные, и складывалось впечатление, что, если он обхватит ладонями голову Лео, череп у того может легко треснуть, словно кокосовый орех.

Лео был, конечно, идиотом, но не глупцом.

— Я работаю, — сказал Трент, — в специальном подразделении Бюро расследований штата Джорджия, основанном для помощи местным органам правопорядка на территории штата в раскрытии

насильственных преступлений. И моя роль здесь чисто консультативная.

Он говорил так, будто читал по учебнику, четко выговаривая каждое слово. С такой речью, да еще учитывая костюм-тройку, этого парня вполне можно было бы принять за профессора из колледжа.

— Майкл Ормевуд. — Майкл немного смягчился и протянул руку. Трент ответил рукопожатием не слишком крепким, но и не вялым, словно берешь в руки дохлую рыбу. — Это Лео Доннелли, — представил он напарника, который так энергично запихивал в рот половинки мандарина, что по руке потек сок.

— Детектив... — Трент несколько пренебрежительно кивнул в сторону Лео. Затем он взглянул на свои часы и обратился к Майклу: — Результаты вскрытия будут готовы не раньше чем через час. Я бы хотел сверить наши записи, если у вас найдется минутка.

Майкл взглянул на Грира, пытаясь сообразить, как перестроилась их служебная пищевая цепочка за последнюю пару минут. Складывалось впечатление, что он попал в самый ее конец, и ему это не нравилось. Грир повернулся к ним спиной и вразвалочку отправился в свой кабинет, бросив через плечо:

— Держите меня в курсе. — После чего прикрыл за собой дверь.

Какое-то мгновение Майкл рассматривал Трента. Этот парень из Бюро расследований штата не был похож на копа. Несмотря на свой рост, он не доминировал в комнате, занимая все пространство. Стоял себе, сунув руку в карман и немного согнув левое колено, совершенно непринужденно. Если бы он расправил спину, плечи его оказались бы очень широкими, но он, похоже, не собирался извлекать каких-либо преимуществ из своих физических данных. Он не был похож на человека при исполнении, не чувствовалось в нем отношения типа «да пошли вы все», которое вырабатывается, когда приходится постоянно арестовывать всяких подонков и мерзавцев.

Майкл смотрел на него и прикидывал, что произойдет, если он прямо скажет этому умнику, чтобы он отвалил. После стычки с Джиной и своей выходки с Синтией Майкл решил, что нужно хоть с кем-то сегодня быть помягче. Он махнул рукой в сторону двери.

— Конференц-зал у нас там.

Трент пошел по коридору. Майкл шел следом и, глядя на его широкие плечи, думал, как тот оказался в БРД — Бюро расследований

Джорджии. Обычно эти парни сплошь адреналиновые наркоманы, а их тела так накачаны тестостероном, что лбы постоянно блестят от пота.

— Как давно вы на службе? — спросил Майкл.

— Двенадцать лет.

Майкл прикинул, что Трент минимум лет на десять младше него, но это все равно не дало ему того, что он хотел узнать.

— После армии? — снова спросил он.

— Нет, — ответил Трент, открывая дверь в конференц-зал.

В этой комнате окна были практически чистыми, и в свете дня Майкл рассмотрел еще один шрам на лице Трента. Цвет его менялся от розового в районе уха до почти белого, когда рубец шел по шее, проходил через яремную вену и скрывался под воротником рубашки.

Кто-то здорово его порезал.

— А я воевал в Заливе, — сказал Майкл, стукнув себя в грудь и рассчитывая, что, возможно, это как-то поможет разговорить Трента. — Вы точно не были срочным служащим?

— Точно, — сказал тот, усаживаясь за стол. Он открыл свой портфель и вытащил оттуда пачку разноцветных папок для файлов.

Глядя на него сбоку, Майкл заметил, что нос у Трента сломан по меньшей мере в двух местах, и подумал, уж не боксер ли он. Впрочем, он был слишком худым, с поджарым телом и угловатым лицом. Но какое бы ни было у этого парня прошлое, было в нем что-то, что заставляло Майкла оставаться в напряжении.

Трент разбирался в своих папках, раскладывая их в каком-то только ему известном порядке, когда вдруг заметил, что Майкл продолжает стоять.

— Детектив Ормевуд, — сказал он, — это я у вас в команде.

— Это на самом деле так?

— Мне не нужны лавры, — сказал Трент, хотя, по опыту Майкла, именно к этому только и стремились ребята из БРД. О них сложилось такое мнение: налетели, довели дело до середины, а потом сняли все сливки.

Трент продолжал:

— Я не хочу стоять под вспышками фотокамер или давать интервью в новостях, когда мы поймаем этого плохого парня. Я просто хочу помочь вам в работе, а потом уйду.

— А с чего вы взяли, что мне нужна помощь?

Трент оторвался от своих папок и несколько секунд внимательно смотрел на него. Затем открыл папку флуоресцентного розового цвета и подвинул ее к Майклу.

— Джулия Купер из Такера, — сказал он, назвав городок, находившийся милях в двадцати от Атланты. — Пятнадцать лет. Изнасилована и избита до полусмерти четыре месяца назад.

Майкл кивнул, пролистывая папку и не вчитываясь в детали. Он дошел до фотографии жертвы и остановился. Длинные светлые волосы, сильно подведенные глаза, слишком много помады на губах для девочки ее возраста.

Трент открыл следующую папку, неоновозеленую.

— Анна Линдер из Снелвилла, четырнадцать лет.

Это к северу от Такера.

— Третьего декабря прошлого года Линдер была похищена, когда шла по улице от своего дома к дому тети. — Трент протянул папку Майклу. — Изнасилована, избита. Тот же почерк.

Майкл пробежал папку, задержавшись на фото. Волосы у Линдер были темные, но еще темнее оказались синяки под глазами. Он взял снимок девушки, чтобы рассмотреть его поближе. Рот разбит очень сильно, губа рассечена, на подбородке струйка крови. На лице у нее были какие-то блестки, в которых отразилась вспышка фотокамеры.

— Ее нашли на следующий день в Национальном парке Стоун-Маунтин, прячущейся в канаве.

— Понятно, — сказал Майкл, ожидая продолжения.

— Обе девушки сообщили, что на них напал мужчина в черной лыжной маске. — Трент положил сверху оранжевую папку, к первой странице которой скрепкой была приколотая фотография. — Дон Симмонс из Буффорда.

Майкл взглянул на нее с удивлением, решив, что этой девочке вообще не больше десяти лет.

— Она младше всех остальных, — сказал он, ужаснувшись при мысли, что какой-то больной выродок мог покушаться на ребенка. Она была не намного старше Тима.

— Она была изнасилована шесть месяцев назад, — сказал Трент. — Она рассказала, что на нее напал человек в черной лыжной маске.

Майкл покачал головой. Буффорд был в часе езды отсюда, да и девочка была слишком юная.

— Совпадение.

— Я тоже так считаю, — согласился Трент. — Такие типы не охотятся вне своей зоны комфорта.

Сам того не заметив, Майкл сел за стол. Он положил фотографию десятилетней девочки и отодвинул ее обратно Тренту, подумав, что, если он еще раз на нее глянет, его стошнит. Господи, бедные родители! Интересно, как людям удастся пережить такие вещи?

А вслух Майкл спросил:

— А что это значит? Я имею в виду, зона комфорта?

Трент снова перешел к своему профессорскому тону.

— Каждый детский сексуальный преступник преследует определенную возрастную группу. Человек, которого в сексуальном плане привлекают десятилетние, может считать, что пятнадцати- и шестнадцатилетние уже слишком старые для него. То же касается и человека, который интересуется подростками. Мысль о том, чтобы домогаться такой юной девочки, могла быть ему так же отвратительна, как и вам.

Желудок у Майкла свело. Трент говорил об этом так спокойно и прозаично, будто обсуждал погоду. Вопрос напрашивался сам собой:

— А у вас самого есть дети?

— Нет, — признался Трент, не задав встречный вопрос.

Видимо, ответ он знал и так, вероятно, от Грира. Майкл подумал о том, что этот старый негодяй наговорил ему о Тиме.

Трент продолжал:

— Я позвонил родителям всех девочек, чтобы выяснить, можем ли мы поговорить с их детьми и, возможно, получить какую-то новую информацию теперь, когда прошло уже некоторое время после этих нападений. По моему личному опыту, жертвы такого рода преступлений могут лучше вспомнить какие-то детали по прошествии определенного периода. Может быть, — добавил он, — это будет пустой тратой времени, но, с другой стороны, есть вероятность, что они расскажут что-то такое, чего не смогли припомнить на первых допросах.

— Правильно, — согласился Майкл, стараясь не показывать раздражения. На своем веку он расследовал массу изнасилований и в

учителях не нуждался.

— Я думаю, что злоумышленник — хорошо образованный человек, — сказал Трент. — Вероятно, ему где-то под сорок или чуть меньше. Ему не нравится его работа, не нравится ситуация в семье.

Майкл еле сдержался. С его точки зрения, составление психологических портретов, или профайлов, было полным дерьмом. Убрать пункт об образованности — и это описание подойдет к любому из их управления. А если учесть траханье с собственной соседкой, так вообще получится портрет самого Майкла.

— Во всех этих делах четко прослеживается развитие по нарастающей, — продолжал Трент. — Купер, первая девушка, была атакована перед кинотеатром; быстро и эффективно. Все это заняло минут десять и при этом оказалось вне поля зрения камер наружного наблюдения. Вторая, Анна Линдер, была насильно уведена прямо с улицы. Он затянул ее в машину — она точно не помнит, где именно это было. Бросил он ее перед въездом в парк Стоун-Маунтин. Полиция парка обнаружила ее на следующее утро.

— Следы от протекторов?

— Примерно двенадцать сотен, — ответил Трент. — В парке как раз начался ежегодный фестиваль рождественской иллюминации.

Майкл водил Джину и Тима посмотреть представление. Они ходили на это шоу каждый год.

— ДНК?

— Он пользовался презервативом.

— О'кей, — сказал Майкл. Выходит, это был не какой-то идиот. — Какое все это имеет отношение к вчерашней женщине?

Трент подозрительно прищурился, словно засомневался, что Майкл слышал то, что он до сих пор говорил.

— Их языки, детектив. — Он снова подсунул ему открытые папки с делами. — У всех были откушены языки.

Глава 4

— Язык, в принципе, напоминает кусок жесткого бифштекса, — сказал Пит Хансон, натягивая латексные перчатки. Внезапно он остановился и взглянул на Трента. — Мне кажется, вы занимаетесь бегом, сэр. Верно?

Похоже, вопрос этот несколько не удивил Трента. Майкл решил, что просто, проработав в системе двенадцать лет, тому довелось уже повидать свою толику эксцентричных коронеров.

— Да, сэр, — ответил он.

— Длинные дистанции?

— Да.

— Марафон?

— Да.

— Я так и думал.

Пит удовлетворенно кивнул, как будто набрал в собственных глазах дополнительные баллы, имея в виду, что, как Майкл уже заметил, Уилл Трент вовсе не рвался рассказывать что-то о себе.

Пит вернулся к труп, лежавшему на столе в центре комнаты. Тело Алиши Монро было накрыто белой простыней, оставляя открытой только голову. Накладные ресницы исчезли, макияж был смыт. На лбу, в местах, где кожа с лица и головы снималась для обследования черепа и извлечения мозга, виднелись толстые швы.

— Вы когда-нибудь прикусывали себе язык? — спросил Пит.

Трент промолчал, так что Майкл ответил за двоих:

— Ясное дело.

— Заживает очень быстро. Язык — поразительный орган, если только он не отделен, конечно. Так или иначе, — продолжал Пит, — но прокусить язык не так уже и сложно. — Он закатил простыню, открывая разрез в форме буквы «Y», но деликатно остановился на границе обнаженной груди Монро.

— Вот, — сказал Пит, и Майкл увидел глубокие черные синяки на левом плече. — Распределение трупных пятен говорит нам о том, что она умерла там, где вы ее обнаружили. То есть лежа на спине на

ступеньках. Я предполагаю, — продолжал он, — что она была избита, затем изнасилована, и в процессе насилия он откусил ей язык.

Майкл представил себе картину на лестнице: тело сначала расслабляется, когда она терпит насилие, потом судорожно напрягается, конвульсивно бьется, когда она понимает, что должно произойти после этого.

— Вы можете получить образец ДНК с ее языка? — наконец заговорил Трент.

— Думаю, с ее языка я получу целый набор разных ДНК, учитывая ее профессию. — Пит пожал плечами. — И еще я уверен, что соскобы из ее вагины дадут вам целую кучу подозреваемых. Но лично я считаю, что ваш злоумышленник пользовался презервативом.

— Почему это? — спросил Майкл.

— Порошок, — пояснил Пит. — Я обнаружил на ее правом бедре следы кукурузного крахмала.

Майкл знал, что резиновые изделия зачастую пересыпаются тальком, чтобы ими было легче пользоваться. На всех производствах презервативов используют одни и те же ингредиенты, так что по этому следу невозможно выйти на какого-то конкретного производителя. Да и что толку? Даже если они будут знать, что он пользовался «Троджан» или «Рамзес», это все равно не сузит круг поиска.

— Я думаю, что презерватив был со смазкой, — добавил Пит. — Там также были следы вещества, похожего на нонокси-нол-9.

Похоже, Тренту это обстоятельство показалось интересным.

— А на лестнице имелись его следы?

— Я их не обнаружил.

— Получается, — предположил Трент, — что у них был секс где-то в другом месте, возможно, в ее квартире, перед тем как началась эта борьба на лестнице.

Майкл не разделял их домыслы. Шлюха вроде этой Монро не стала бы тратить свои тяжело зарабатываемые деньги на такие экстравагантные штучки, как смазка и спермицид. Ей проще было сжать зубы и сберечь свою наличность. А с последствиями разбираться уже потом.

Поэтому он сказал:

— Презерватив принадлежал мужчине.

Трент удивленно посмотрел на него, как будто только сейчас вспомнил о его присутствии в комнате.

— Возможно.

— Насильник не думал ее убивать, — объяснил Майкл. — Иначе зачем тратиться на дорогой презерватив, верно?

Трент кивнул, но ничего не ответил.

— Ладно, — прервал молчание Пит. — Как я уже сказал... — Вернувшись к объяснениям, он открыл рот женщины и показал им обрубок на том месте, где когда-то был язык. — В языке отсутствуют крупные артерии, за исключением так называемой язычной, которая расходится, как корни дерева, сужаясь на концах. Чтобы до нее добраться, нужно углубиться в рот на несколько сантиметров, но в этом случае нельзя воспользоваться зубами. — Он нахмурился и на мгновение задумался. — Представьте себе таксу, которая пытается засунуть морду в барсучью нору.

Майкл, помимо воли, очень живо представил себе эту картинку, и в ушах его эхом отозвался возбужденный собачий лай.

— В этом случае, — продолжал Пит, — надрез отделяет от органа уздечку, frenulum linguae, делящую пополам подчелюстной канал. — Он открыл свой рот и, подняв язык, показал на натянутую под ним тонкую полоску кожи. — Удаление языка само по себе не является травмой, угрожающей жизни. Проблема в том, что она упала на спину. Возможно, к этому привел шок от произошедшего или различные химические вещества в ее теле. В результате она потеряла сознание. В течение нескольких минут кровь из обрубка языка заполнила ее горло. В моем официальном заключении причиной смерти будет асфиксия в результате блокировки трахеи собственной кровью, которая привела к остановке дыхания, вызванного обильным кровоизлиянием при травматической ампутации языка.

— Но все равно, — сказал Майкл, — он не думал, что она умрет.

— В мою компетенцию не входит догадываться о том, что творилось в голове у мужчины, откусывающего язык женщине, но если бы я был человеком азартным, — а все мои бывшие жены скажут вам, что так оно и есть, — тогда да. Я бы рискнул предположить, что нападавший не был намерен ее убивать.

— То же, что и со всеми остальными, — сказала Трент.

— А что, были и другие? — оживился Пит. — Я ничего не слышал о подобных случаях.

— Нам известно еще о двух девушках, — объяснил Трент. — У первой язык был откушен, но не полностью отделен. Его пришили, и сейчас она относительно нормально разговаривает. Вторая свой язык потеряла. Слишком много времени прошло, чтобы можно было вернуть его на место.

Пит сокрушенно покачал головой.

— Бедняжка! Это произошло недавно? Я ничего не читал об этом.

— Первое нападение произошло на землях, принадлежащих штату, так что нам удалось замолчать это дело. Родители второй девочки закрыли рот прессе, а местные копы подробностей не разглашали. А если никто не хочет рассказывать, то и говорить не о чем.

— А как же третья? — спросил Майкл. — Совсем маленькая девочка?

Трент вкратце рассказал Питу суть дела.

— Я думаю, она откусила его сама, — в заключение сказал он. — Она совсем юная, десять лет. Она, должно быть, была до смерти напугана. Местные полицейские — нормальные ребята, но у них маловато опыта по такого рода насильственным преступлениям. Думаю, им было очень сложно получить от нее вразумительные показания.

— Можно не сомневаться, — согласился Пит, а Майкл удивился, почему Трент ничего не сказал об этом раньше. Может быть, он испытывает Майкла, проверяет, сможет ли тот пройти тест на сообразительность?

Вот блин, подумал Майкл. Он уже устал скакать через все эти обручи.

— Как вы думаете, сколько ей было лет? — спросил он у доктора, кивнув в сторону Алиши Монро.

— Сложно сказать. — Пит внимательно оглядел лицо женщины. — С зубами у нее бардак из-за наркотиков. Учитывая ее тяжкую жизнь и длительную наркозависимость, я бы сказал, что ей под сорок; может, чуть старше или чуть моложе.

Майкл выразительно взглянул на Трента.

— Но она никак не девушка подросткового возраста.

— Определенно нет, — согласился Пит.

— Таким образом, мы имеем двух подростков на расстоянии тридцати миль друг от друга и наркоманку в Атланте, и единственное, что связывает их всех, это вся эта хрень с их языками. — Он старался взглядом передать Тренту, что при этом имеет в виду. — Так?

В этот момент у Трента зазвонил сотовый. Взглянув на дисплей, он извинился и вышел из комнаты.

Пит тяжело вздохнул и вновь прикрыл тело, на этот раз натянув простыню на голову трупа.

— Запутанная ситуация.

— Да уж, — согласился Майкл. Через стеклянные двери ему было видно Трента, и он думал, какого черта можно там столько времени делать.

— Он вырядился, как на бал, — заметил Пит, имея в виду Трента. — Должен сказать, что вид вашего брата в такой одежде вносит приятное разнообразие в общую серую картину.

— Что? — рассеянно переспросил Майкл. Он следил за Трентом, стараясь расслышать, о чем тот говорит по телефону.

— Его костюм, — уточнил Пит. — Производит впечатление.

— Как у какого-нибудь долбаного гробовщика, — фыркнул Майкл, подумав, что Пит и сам не вполне готов сниматься для разворота журнала «Джентльменс Квотерли». Его белые лабораторные халаты были чистыми и накрахмаленными, но лишь потому, что счет из прачечной оплачивался из денег штата. Под халатом Пит обычно носил джинсы и обычную рубашку на пуговицах с расстегнутым воротником, открывавшим заросли седых волос на груди и золотой медальон, который постеснялся бы надеть даже кто-нибудь из группы «Би Джис».

— Связь зыбкая, — сказал Пит. — Между этими тремя делами.

— Что и говорить.

— Но то, что у всех откушены языки, заставляет задуматься. Это далеко не тривиальный поворот. — Он взял пакет для улик с языком внутри и поднял его вверх, как будто Майкл предостаточно не посмотрелся на него еще прошлой ночью. — Должен сказать, что за все годы работы на этом поприще я никогда ни с чем подобным не сталкивался. Я всегда говорил, что, если вы хотите получить научное подтверждение того, что мы произошли от животных, стоит только

взглянуть на жертву обычного изнасилования. — Пит положил язык рядом с рукой Монро. — На груди и плечах множественные следы укусов. Я насчитал по меньшей мере двадцать два. Думаю, что кусаться во время жестокого нападения — это просто животный инстинкт. Собаки и большие кошки на воле ведут себя именно так. — Он хихикнул. — Даже не припомню, сколько я видел откушенных сосков. Пять или шесть случаев откушенных клиторов. Один палец... — Он улыбнулся Майклу. — Если бы у всех этих монстров были рога, было бы намного легче их искать.

Майклу не понравилось то, как доктор смотрит на него, и ему уж точно не хотелось слушать все эти рассуждения о сексуальных хищниках, поэтому он сказал:

— Когда Трент закончит трепаться по телефону, скажешь ему, что я внизу.

Он спустился по лестнице аварийного выхода, шагая через несколько ступенек. Инстинктивно ему очень хотелось сейчас прыгнуть в машину и оставить Трента ковыряться в заднице, но нельзя было бить горшки с этим парнем с самого начала. Даже если бы Грир не предупреждал его об этом, Майкл и сам прекрасно понимал, что не стоит заводить себе врагов среди хорошо одетых агентов БРД.

— Что, у нас пожар? — спросил Лео.

Он стоял на нижней лестничной площадке и курил.

— Дай сигарету, — сказал Майкл.

— Я думал, ты бросил.

— Ты мне кто — мать родная? — Майкл полез в карман его рубашки и вытащил оттуда пачку.

Лео щелкнул зажигалкой, и Майкл сделал глубокую затяжку. Они находились на уровне подземного гаража здания. Здесь все пропахло выхлопными газами и автомобильной резиной, но сигаретный дым, обжигавший ноздри Майкла, забивал все запахи.

— Итак, — начал Лео. — Где этот крендель?

Майкл выпустил густую струю дыма, чувствуя, как никотин успокаивает его.

— Наверху с Питом.

Лео сердито нахмурился. Пит запретил ему показываться в морге после одной глупой шутки.

— Я ходил в архив.

Майкл искоса взглянул на него сквозь облако дыма.

— Ну и?..

— Доступ к досье Уилла Трента закрыт.

— Да ты что!

Лео кивнул.

— Как это может быть, что досье закрыто?

— Черт его знает.

Оба молча курили еще с минуту, погруженные в свои мысли. Майкл смотрел в пол, усеянный окурками. В здании курить строго воспрещалось, но увещевать команду полицейских не делать что-нибудь — это все равно, что договариваться с мартышкой, чтобы она не разбрасывала свое дерьмо.

— А почему Грир позвонил ему? — спросил Майкл. — Я имею в виду, конкретно ему, Тренту. В эту команду ГБТП, кто бы они там ни были.

— Грир ему не звонил. — Лео восторженно приподнял брови, словно радовался этому открытию. — Когда Грир явился на работу, Трент уже сидел у него в кабинете.

Майкл почувствовал, как сердце в груди взволнованно забилося. Никотин продолжал действовать, и в голове постепенно начало проясняться.

— Сейчас это устроено так: парни из штата не могут сами прийти и забрать дело. Их должны пригласить.

— Вроде бы вчера вечером Грир заявлял, что все равно собирается кого-то позвать. Так какая разница, каким образом это вышло?

— Ладно, неважно.

Несмотря на отталкивающие человеческие качества, присущие Лео, этот человек знал в полиции массу людей. Он превратил процесс налаживания контактов в настоящее искусство и обычно мог вывалить в грязи кого угодно.

— Ты сможешь нарыть что-нибудь на него? — спросил Майкл.

Лео пожал плечами и подмигнул ему сквозь дым сигареты.

— Шэрон из диспетчерской службы знает одного парня, а тот встречается с девушкой, которая когда-то с ним работала.

— Боже! — простонал Майкл. — Ты мне еще расскажи, что у тебя есть приятель, который знает кого-то, у кого есть друг, который...

— Так ты хочешь дослушать или нет?

Майкл проглотил слова, которые ему хотелось сказать на самом деле.

— Давай.

Лео, демонстративно неторопливо покатал сигарету между большим и указательным пальцем, сделал затяжку и медленно выпустил дым. Майкл почувствовал, что еще пара секунд, и он его задушит, но тут Лео наконец заговорил:

— Новость состоит в том, что он хороший коп. Друзей у него немного...

— Это уже серьезно.

— Ну да.

Лео негромко хохотнул, потом закашлялся, а после чмокнул губами, словно проглотил все, что откашлялось. Майкл посмотрел на его сигарету и почувствовал, что желудок едва не выворачивается.

Лео сделал паузу, чтобы убедиться, что Майкл его слушает.

— У него процент раскрываемости — восемьдесят девять.

Майкла тошнило, но не от сигаретного дыма. В своей бескрайней мудрости федеральное правительство требовало в каждом полицейском управлении вести учет процента раскрываемости — по сути, количества раскрытых преступлений, — чтобы какой-нибудь писака в Вашингтоне мог отслеживать прогресс на своих маленьких графиках. Они называли это отчетностью, но для большинства копов это означало дополнительную бумажную работу — полное дерьмо. Любому идиоту было ясно, что это должно вызвать массовое соперничество между детективами, и Грир тоже в этом активно участвовал, каждый месяц отсылая наверх показатели.

Трент обошел каждого из них процентов на двадцать.

— Отлично, — сказал Майкл, заставив себя усмехнуться. — Легко раскрывать дело, когда ты берешь его у какого-нибудь копа, уже выполнившего всю работу.

— Этот ГПТБ — для него дело новое.

— ГБТП, — поправил его Майкл, понимая, что Лео специально дразнит его, но не в состоянии прекратить эту игру.

— Да все равно, — пробормотал Лео. — Я только хотел сказать, что Трент работал на самых тяжких преступлениях, пока не выдохся.

— Это для него хорошо.

— У него с одной бабой было грандиозное дело по преступлениям в отношении детей несколько лет назад.

— А имя у этой бабы есть?

Лео снова пожал плечами.

— Несколько парней похищали детей во Флориде и обменивались ими со своими подельниками из Монтаны. Все это шло через Хартсфилд^[1]; детей возили, как скот. Бригада твоего друга раскрыла это дело за месяц. Девушка получила большое повышение, Трент остался там, где был.

— А группу возглавлял он?

— Да.

— Тогда почему же он не пошел на повышение?

— Это ты у него сам спросишь.

— Если бы я мог спросить у него сам, то не торчал бы сейчас здесь, допытываясь у тебя.

Лео обиженно сверкнул глазами — его чувства были задеты.

— Это все, что мне пока удалось узнать. Трент — мужик честный и дело свое знает. А хочешь узнать о нем побольше, звони в управление и выясняй все сам.

Майкл уставился на сигарету, задумчиво глядя на мерцающий огонек. Джина прибила бы его, если бы увидела курящим. Она почувствует запах табака от его рук, как только он доберется домой.

Он бросил окурочок на землю и растер его каблуком.

— А Энджи по-прежнему работает в полиции нравов?

— Поласки? — ошарашенно переспросил Лео, как будто не верил своим ушам. — Не станешь же ты иметь дело с этой полячкой!

— Ответь, блин, на мой вопрос.

Лео вынул еще одну сигарету и прикурил ее от окурка.

— Ну да. Насколько я знаю.

— Если Трент будет меня искать, скажи, что я вернусь через несколько минут.

Майкл не стал дожидаться ответа Лео. Он взбежал по лестнице на третий этаж, и к моменту, когда он открывал дверь в коридор, легкие его уже всю хрипели. Работа у подразделения полиции нравов была в основном по ночам, так что сейчас половина личного состава сидела за столами и заполняла всякие бумажки после вчерашнего ночного рейда. Энджи, очевидно, выполняла роль приманки. На ней была

блузка на бретельках, заканчивавшаяся в десяти сантиметрах над пупком, а на письменном столе был разложен парик блондинки, напоминавший дохлого шпица.

Он подождал, пока она поднимет голову, но, когда Энджи наконец это сделала, стало понятно, что она совершенно не рада его видеть. Она откинулась на спинку стула и забросила ногу за ногу; юбка на ней была такая короткая, что Майкл для приличия отвел глаза в сторону.

— Что ты здесь делаешь? — требовательным тоном спросила она. — Боже, ты выглядишь просто ужасно!

Майкл провел ладонью по волосам. После спринта по ступенькам он был мокрым от пота. В легких по-прежнему оставался сигаретный дым, и он время от времени покашливал, при этом в груди что-то страшно тархтело. Господи, если он будет продолжать в том же духе, то вскоре переседет в инвалидное кресло, как Кен!

— Мне нужно с тобой поговорить, — сказал он.

Энджи подозрительно взглянула на него.

— О чем это?

Майкл облокотился о ее стол, соображая, как продолжить разговор.

— Уф-ф... — вздохнула она и встала. — Давай-ка выйдем в коридор.

Он последовал за ней, чувствуя, что вся команда смотрит им в спину. На самом деле Майклу нравилось работать в полиции нравов. Смотришь на девушек, задерживаешь всяких кадров, в тебя редко стреляют и не приходится рассказывать родителям, что труп их сына или дочери обнаружен плавающим в реке Чаттахучи. По собственному желанию он бы отсюда не ушел. Проблемой для него стала эта Энджи. Они с ней не очень ладили, и то, что она сейчас согласилась переговорить с ним, в принципе было большой неожиданностью.

Зайдя в укромный закоулок напротив лифтов, она одернула юбку. Рядом, мерцая лампочками, гудел старенький торговый автомат.

— Ты пришел, чтобы поговорить об Алише Монро?

— Проститутке? — Он и не подумал заглянуть в ее досье.

— Ты что, не помнишь ее? — спросила Энджи. — Мы забирали ее несколько раз, пока она не связалась с Бэби Джи.

— Да, — ответил Майкл, хотя вряд ли Энджи на самом деле рассчитывала, что он может помнить одну из тысячи уличных

проституток, которых они арестовывали во время воскресных рейдов. Иногда в ночь с субботы на воскресенье им приходилось вызывать автобус, чтобы отвезти всех девушек в участок. А через пару часов перед выходом из полиции такси выстраивались в очередь, чтобы развезти их обратно.

— Я просто... — начал Майкл.

У него за спиной шумно открылась дверь лифта. Он взглянул через плечо и увидел Уилла Трента.

— Черт! — пробормотал Майкл себе под нос.

— «Кит Кат», — сказал Трент, и напряженному мозгу Майкла потребовалось немало времени, чтобы сообразить, о чем, собственно, говорит этот тип.

Трент остановился перед торговым автоматом и вытащил из кармана мелочь. Майкл решил проявить любезность.

— Это Энджи Поласки, — сказал он и добавил, как будто это не было очевидно по ее внешнему виду: — Полиция нравов.

Трент совал в автомат монеты и только коротко кивнул Энджи, но в глаза ей не посмотрел.

— Доброе утро, детектив Поласки.

— Это Трент из БРД, — сказал Майкл. — Грир позвонил ему, чтобы он помог нам в деле Монро.

Майкл внимательно смотрел на Трента, ожидая, что тот сейчас возразит, что никто ему не звонил и он появился на пороге кабинета их лейтенанта по собственной инициативе. Трент в это время водил пальцем по стеклянному окошку автомата, пытаясь прочесть код под батончиками «Кит Кат», чтобы нажать на панели правильную кнопку. Он напряженно щурился, из чего Майкл заключил, что этому парню нужны очки.

— О господи! — проворчала Энджи. — Е-6. — Она выбила код, щелкнув по пластмассовым клавишам ярко раскрашенными длинными ногтями. — Сейчас принесу досье на Монро, — сказала она Майклу.

Прежде чем Майкл успел что-то сказать, она уже шла к комнате своего отдела. Он заметил, что Трент внимательно смотрит ей вслед, особенно на то, как при ходьбе на высоких каблуках раскачивается ее задница.

— Я когда-то работал с ней, — сказал ему Майкл. — Нормальная баба.

Трент разорвал обертку и откусил шоколадный батончик.

Майкл почувствовал, что нужны объяснения.

— Просто не в настроении.

— Если бы мне пришлось каждый день наряжаться таким образом на работу, думаю, я бы тоже не слишком радовался.

Майкл смотрел, как работают челюсти Трента, когда он жует. Теперь шрам на щеке был еще более заметным.

— Откуда у вас этот шрам?

Трент взглянул на свою руку.

— Строительный пистолет, которым забивают гвозди, — сказал он, и Майкл увидел еще один шрам, прорезавший кожу между большим и указательным пальцем.

Майкл имел в виду не этот шрам, но продолжил игру:

— Поранились, когда затеяли дома ремонт, или как?

— «Жилье во имя гуманизма». — Трент сунул остатки «Кит Кат» в рот и выбросил смятую обертку в корзину для мусора. — Один из соратников-добровольцев прострелил мне руку оцинкованным гвоздем.

Майкл почувствовал, как еще один фрагмент этого пазла с непонятным появлением Трента становится на свое место. «Жилье во имя гуманизма» — это группа добровольцев, строящих дома для малообеспеченных семей.

Многие копы в конечном счете начинают работать волонтерами в каких-нибудь организациях. Патрулируя улицы, стараешься забыть, что вокруг, как это ни удивительно, существуют хорошие люди. И ты пытаешься залечить эту рану в собственной психике, помогая людям, которые на самом деле нуждаются в помощи. Перед тем как родился Тим, Майкл и сам работал в детском приюте. Даже Лео трудился волонтером в команде Малой бейсбольной лиги, пока ему не сказали, что нельзя курить на спортивной площадке.

— Я бы хотел осмотреть место преступления, — сказал Трент.

— Мы вчера перерыли всю ее квартиру, — ответил Майкл. — Думаете, мы что-то пропустили?

— Не в этом дело, — возразил Трент. Майкл пытался уловить какой-то подвох в его тоне, но голос звучал совершенно безучастно. — Просто я люблю лично прочувствовать это место.

— Вы и в других делах так поступаете?

— Да, — ответил Трент, — раньше именно так и делал.

Энджи, стуча каблучками шпилек по выложенному плиткой полу, вернулась с желтой папкой.

— Вот все, что у меня есть по Монро.

Трент не попытался взять ее, так что это сделал Майкл. Он открыл ее и увидел на первой странице увеличенную фотографию Алиши Монро. Для своей профессии она была довольно привлекательна. В твердом взгляде глаз, смотревших прямо в объектив, читался вызов. Она выглядела скорее раздраженной, как будто вычисляла в уме, сколько денег потеряет, прежде чем ее выпустят под залог.

— Ее сутенер — Бэби Джи, — сказала Энджи. — Редкий ублюдок. Привлекался за нападение, изнасилование, покушение на убийство — вероятно, заказал двух других парней, но навесить это на него было невозможно. — Она указала на свои передние зубы. — У него тут декоративные золотые коронки с вырезанными на них крестами, как будто он сам Иисус.

— Где он обретается? — спросил Майкл.

— В Хоумс, — ответила она. — Его бабушка живет в том же доме, что и Алиша.

Трент снова сунул руки в карманы и стоял, рассматривая Поласки, словно пришельца из космоса. Его молчание раздражало, от него исходил какой-то дух превосходства, как будто он знал больше, чем говорил, и при этом считал, что они просто разыгрывают его, делая вид, что ничего не понимают.

— Хотите к этому что-то добавить? — сказал Майкл.

— Это же ваше дело, детектив, — ответил Трент и повернулся к Энджи. — Спасибо за содействие, мэм, — сказал он, и на его лице мелькнуло выражение, которое можно было бы принять за улыбку, будь оно не столь высокомерным.

Энджи посмотрела на Майкла, потом на Трента, потом снова на Майкла и приподняла бровь, как бы задавая немой вопрос, ответить на который Майкл не мог.

— Ну ладно, — пробормотала она, безнадежно махнув рукой, и повернулась к ним спиной.

Но Майкл был слишком зол, чтобы спокойно любоваться видом сзади.

— У вас проблемы, черт побери?! — вспыхнул он.

Трент, казалось, был удивлен его тоном.

— Простите, не понял?

— Вы собираетесь торчать тут весь день или все-таки готовы немного запачкать руки?

— Я же сказал вам, что нахожусь здесь только для консультации.

— Что ж, тогда у меня есть для вас один совет или консультация, если хотите, мистер Только Для Консультации, — сказал Майкл, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладонь. — Не играйте со мной в эти игры!

Похоже, Трента не испугало предупреждение, но, учитывая, что Майклу пришлось задирать голову, чтобы выложить все, нельзя сказать, что это не оказалось для него сюрпризом.

— Хорошо, — сказал Трент. И, видимо, считая вопрос исчерпанным, добавил: — Не возражаете, если мы снова съездим в Хоумс? Я действительно хотел бы увидеть место преступления.

Глава 5

Буквально все, что говорил или делал Трент, действовало Майклу на нервы, начиная с брошенного им «разумеется», когда Майкл сказал, что машину поведет сам, и заканчивая отсутствующим видом, с которым он смотрел в окно, пока они ехали по Северной авеню в сторону Хоумс. Агент БРД напоминал ему тех чокнутых старшеклассников, которые таскали в нагрудных карманах логарифмические линейки и цитировали разные непонятные фразы из сериала «Монти Пайтон». Сколько бы Майкл ни смотрел это шоу, до него юмор «Монти Пайтон» не доходил, и он абсолютно точно не понимал парней вроде Трента. Именно поэтому из таких ребят и выколачивали в школе все это дерьмо. Именно поэтому Майкл относился как раз к тем, кто занимался таким выколачиванием.

Он сделал глубокий вдох и закашлялся: легкие продолжали выдыхать последствия выкуренной сигареты. Он подумал о Тиме, о том, что его сын не является нормальным ребенком и это тянет за собой массу обид от других детей. В их школе была группа хулиганов, которые постоянно приставали к нему: прятали его шапку, размазывали бутерброд по обеденному столу во время ленча. Учителя пытались пресекать это, но они не могли быть все время рядом с Тимом, да к тому же далеко не все были рады тому, что в их классе учится ребенок, отстающий в развитии. Возможно, Уилл Трент был для Майкла его кармой. Как будто испытывал его. В смысле, будешь вести себя нормально с этим придурком — может быть, и с Тимом обращаться будут таким же образом.

— Ох, — сказал Трент, вытаскивая из кармана пиджака небольшой диктофон, — я же получил запись звонка на 9-1-1.

Прежде чем Майкл успел как-то прокомментировать это сообщение, он уже нажал кнопку воспроизведения. Из небольшого динамика пронзительный женский голос произнес: «Приезжайте в Хоумс, дом девять. Тут женщина сильно изнасилована».

Ожидая, пока на светофоре погаснет красный, Майкл барабанил пальцами по рулевому колесу.

— Прокрутите еще раз.

Трент сделал, что его просили, а Майкл напрягся, пытаясь различить какие-нибудь фоновые шумы и определить тон и тембр голоса. Что-то ускользало от него, и он никак не мог уловить, что именно.

— «Изнасилована», — эхом повторил Майкл. — Не «убита».

— Звонивший не кажется напуганным, — добавил Трент.

— Верно, — согласился Майкл, давя на газ, как только переключился светофор.

— Думаю, что, будь я женщиной, — сказал Трент, — меня бы испугало, если бы я увидел, — или хотя бы услышал, — что на другую женщину напали.

— А может, и нет, — возразил Майкл. — Может быть, если бы вы жили в Хоумс, вы бы уже по полной насмотрелись на такого рода вещи.

— Если бы это было так, — сказал Трент, — зачем мне тогда кому-то звонить? — И попытался сам ответить на этот вопрос: — Может быть, я знаю эту женщину?

— Если бы вы ее знали, то голос был бы более расстроенным. — Майкл указал на диктофон. Звонивший говорил спокойно, как будто рассказывал о погоде или сообщал счет в каком-нибудь особенно скучном матче.

— На то, чтобы приехал полицейский наряд, уходит более тридцати минут. — Затем Трент, казалось, без всякого осуждения в голосе добавил: — В Грейди самое большое время реагирования на вызовы в городе.

— Это не удивило бы никого, кто смотрит новости по телевизору.

— Или кто живет в Хоумс.

— Мы проверили всех в этом доме, сделали вчера вечером поквартирный обход. Ни у кого, кто нам открыл, таблички «Это сделал я» на шее не висело.

— А в доме есть люди, привлекавшиеся по сексуальным правонарушениям?

— Есть один, но он целый день просидел у нас: его допрашивали по другому делу.

Трент прослушал запись снова, на этот раз дослушав и ответ оператора службы спасения, которая сказала: «Мэм? Мэм? Вы еще

меня слышите?»

Он сунул диктофон в карман.

— Да и старовата немного наша жертва.

— Монро? — спросил Майкл, стараясь быстро переключиться. Трент наконец-то начал говорить с ним как с копом. — Да, если Пит прав, то она где-то моего возраста. А тем вашим девочкам сколько лет было? Четырнадцать? Пятнадцать?

— К тому же они белые.

— Монро черная, живет в муниципальном доме, работает на улице.

— Остальные девочки белые, из обеспеченных семей, относящихся к среднему или высшему обществу, хорошо учатся в школе.

— Может, у него просто не было времени выследить какую-то новенькую? — предположил Майкл.

У него снова возникло ощущение, что он идет по самому краю. В ушах опять зазвучал навязчивый внутренний голос, говоривший, чтобы он заткнулся, чтобы не доверял этому парню, не дал ему одурачить себя.

— Все может быть, — согласился Трент, но по его тону было ясно, что он считает это маловероятным.

Майкл умолк, потому что они как раз въехали в Грейди Хоумс. Ночью район выглядел намного лучше, поскольку темнота скрывала худшие из его пороков. Было почти десять утра, понедельник, но повсюду колесили на велосипедах подростки, как будто в школе всех уже распустили на летние каникулы. Майкл мальчишкой и сам все делал точно так же, охраняя свой Швинн вместе с другими ребятами из их квартала. Вот только он не передавал пластиковые пакетики с травкой, как сейчас в открытую делали эти подростки, и точно не стал бы особо дергаться из-за каких-то двух копов, которые решили проехаться по соседству.

Перед домом номер девять по-прежнему стоял BMW, на капоте которого, скрестив руки на груди, сидели двое подростков и смотрели, как он заезжает на стоянку. На вид им можно было дать лет пятнадцать-шестнадцать, и под взглядом этих безжалостных глаз Майкла обдало холодным потом. Это был возраст, который его как полицейского пугал больше всего. Им нужно что-то доказывать,

искать, что бы сделать такого, что превратит их из мальчишек в мужчин. А пролить чью-то кровь — это кратчайший способ такого перехода.

Трент тоже посмотрел на них и сокрушенно кивнул — мол, ничего себе! И Майкл с облегчением отметил, что тот по-прежнему думает как коп.

Дверь подъезда внезапно распахнулась, и руки обоих синхронно дернулись к пистолетам. Но никто оружия так и не вытащил, потому что на разбитый тротуар выскочил невысокий кряжистый мужчина, фигурой чем-то напоминавший торчащий на улице пожарный гидрант, и промчался мимо их автомобиля со стороны Трента, даже не взглянув в их сторону.

Рубашки на нем не было. На широкой грудной клетке под слоем подрагивающего жира угадывались контуры массивных мускулов, а его грудь, похожая на обвисшие женские сиськи, при каждом шаге раскачивалась из стороны в сторону. В одной руке у него была алюминиевая бита, но, подходя к парням на машине, он взялся за ручку и второй рукой, как будто готовился поотбивать кое-кому яйца.

Майкл взглянул на Трента. Тот бросил ему:

— Ваш выход, — и тут же полез из машины.

— Блин... — прошипел сквозь зубы Майкл, открывая дверцу и выбираясь на тротуар как раз в тот момент, когда человек-гидрант дошел до подростков.

— Убирайтесь от моей машины к чертовой матери! — заорал мужчина, размахивая битой в воздухе. Парни поднялись с капота и, скривив губы, стояли перед ним, опустив руки. — Проваливайте, пока я не поотбивал вам задницы, лентяи хреновы!

Поступив вполне предусмотрительно, мальчишки тут же сбежали.

— Послушайте... — осторожно начал Трент.

— Тупые уроды! — продолжал мужчина. Теперь он смотрел на Майкла и Трента, и Майкл был стопроцентно уверен, что он имеет в виду вовсе не смывшихся подростков. — А вам, грязные свиньи, чего еще нужно?

— Бэби Джи? — спокойно спросил Трент.

Мужчина замахнулся битой, готовый нанести удар.

— А ты кто такой, черт бы тебя побрал?

Трент сделал шаг вперед, как будто его совершенно не пугало, что его голова в любой момент может уподобиться бейсбольному мячу.

Нападение, вспомнил Майкл слова Энджи про Бэби Джи. Изнасилование, попытка убийства.

— Я специальный агент Уилл Трент, — сказал Трент, — а это детектив Ормевуд.

Майкл помахал рукой, в душе радуясь, что между ним и этим разъяренным сводником находится автомобиль. Трент был полным идиотом, если надеялся узнать что-то полезное от этого головореза.

— Мы расследуем смерть Алиши Монро.

— Какого черта я должен с вами разговаривать? — Бита Бэби Джи по-прежнему была занесена, мышцы его напряглись.

— Есть какие-нибудь соображения по этому поводу? — Трент вопросительно оглянулся на Майкла.

Майкл пожал плечами, раздумывая, что ему придется писать в своем рапорте, если Трент угодит в больницу. В голову ничего, кроме фразы «Офицер, восстановив против себя подозреваемого...», не лезло.

Трент снова повернулся к сутенеру и широко развел руками.

— Честно говоря, я шокирован, что моего привлекательного внешнего вида и обаяния вам недостаточно, чтобы просто поговорить.

От удивления у Майкла отвисла челюсть. Однако он быстро прикрыл рот и на всякий случай положил руку на пистолет, чтобы быть готовым отреагировать, когда до сводника дойдет, что его подкалывают.

Прошло две секунды, три, потом еще столько же. Наконец Бэби Джи кивнул.

— Ладно. — Он улыбнулся, продемонстрировав свои золотые коронки: посередине в них были прорезаны кресты, о которых рассказывала Энджи, открывавшие белые зубы под ними. — У вас есть десять минут, пока начнется шоу Монтела.

Трент протянул ему руку, словно они пришли к соглашению.

— Спасибо.

Сводник пожал ее, оглядел Трента с ног до головы и спросил:

— А вы точно коп?

Трент полез в карман и вытащил свой полицейский жетон.

Бэби Джи взглянул на него и еще раз оглядел Трента.

— Если и коп, то какой-то чудной.

Трент, проигнорировав это замечание, сунул жетон обратно в карман.

— Желаете пообщаться прямо здесь?

Бэби Джи опустил битую и оперся на нее, как на трость.

— Это мои младшие кузены, — сказал он, показывая на машину и, очевидно, имея в виду ребят, которых он прогнал. — Шатаются без дела. А должны в это время торчать в школе.

— Это хорошо, что вы интересуетесь их жизнью, — заметил Трент. Он снова засунул руки в карманы и стоял, прислонившись к машине, как будто они вели просто дружескую беседу. — Когда вы в последний раз видели Алишу Монро?

Бэби Джи задумался.

— Часов в шесть вчера вечером, — наконец ответил он. — Она как раз уходила на работу. Хотела кое-что, прежде чем уйдет. — Он вызывающе поднял подбородок, ожидая, что Трент спросил его, что это за «кое-что» она хотела.

Но Трент, видимо, и так все понял. Как и Майкл, он тоже заметил следы от уколов на руках сутенера.

— И вы дали ей это?

Бэби Джи пожал плечами, и Майкл для себя решил, что это должно означать «да».

— У нее были другие поставщики?

Сутенер огляделся по сторонам, словно проверяя, не слышит ли их кто-то еще. Потом сплюнул на землю и с вызовом посмотрел на них, но все же ответил:

— Ясное дело, нет. У нее денег не было. Никто не станет сплавлять такие вещи бесплатно.

— Но я бы мог, например, пробежаться по улице и отсосать у кого-нибудь за дозу, — заметил Трент. — И наличных не нужно.

При этой мысли Бэби Джи хохотнул.

— Ну да, умник, только ты не входишь в сферу моего влияния.

— Я уверен, что Алиша подробно докладывала обо всех своих доходах, — сказал Трент, хотя это больше было похоже на вопрос.

— А то! — хмыкнул Бэби Джи, как будто даже допустить обратное было крайне глупо.

— Она хорошо зарабатывала? — спросил Трент.

— Она любила иголку у себя в вене. И делала все, что хочешь, лишь бы получить ее.

— А постоянные клиенты у нее были? Парни, к которым нам следовало бы присмотреться?

— Я забочусь о своих девочках, — сказал Бэби Джи, указывая битой на последний этаж дома, где нашли Алишу. — За больной матерью так не присматривают. — Он оставил битую поднятой в воздух, видимо, для убедительности следующего заявления. — Если бы я увидел этого ублюдка, можете быть уверены, что сейчас хоронили бы его, а не мою Лишу.

Трент кивнул в сторону дома.

— Вы тут живете?

Бэби Джи немного смягчился.

— Со своей бабушкой. Она у меня уже старенькая. Я должен о ней заботиться.

— Вчера вечером вы были с ней?

— Мы с моими мальчиками ездили смотреть игру «Гепардов».

— Не возражаете, если мы переговорим с вашей бабушкой?

— Возражаю, черт побери, еще и как возражаю! Не хватает только вмешать во все это дерьмо еще и мою бабушку. Она ничего не видела, слышите меня? Она просто старая женщина.

— Ну ладно, — уступил Трент. Он вопросительно взглянул на напарника, не хочет ли он спросить что-нибудь. Майкл отрицательно покачал головой, и Трент, повернувшись к сутенеру, сказал: — Я знаю, что вы торопитесь смотреть свою программу. Спасибо, что уделили нам время.

Бэби Джи продолжал стоять, неуверенно глядя на них. Потом пожал плечами, бросил: «Ну и чудной же ты, блин, кадр!» — после чего скрылся в подъезде здания.

Когда дверь за ним захлопнулась, Трент повернулся к Майклу:

— Что думаете?

— Думаю, что он прав, — сказал Майк, отходя от машины. — Вы таки точно странный тип.

У Трента зазвонил мобильный, и Майкл, как и раньше, почувствовал раздражение, когда он отошел на несколько шагов в сторону, чтобы поговорить.

— Да, сэр, — сказал Трент. — Да, сэр.

Майкл посмотрел на небо, по которому уже плыли темные тучи. Судя по тому, как все сегодня неудачно складывается, гроза начнется как раз тогда, когда они будут выходить с осмотра места преступления, и придется бежать по гравию парковки, разбивая новые туфли.

Трент захлопнул телефон и сунул его в карман жилета.

— Вам нужно ехать домой, Майкл.

Майкл почувствовал, как сердце замерло в груди.

— Что?

— Вам нужно ехать домой, — повторил Трент. — Произошло несчастье.

«ДЕКАТУР СИТИ ОБЗЕРВЕР», 22 июня 1985 года

ПО ДЕЛУ ОБ УБИЙСТВЕ ФИННИ ПРОИЗВЕДЕН АРЕСТ

Сегодня утром полиция сделала официальное заявление о том, что по убийству пятнадцатилетней Мэри Элис Финни произведен арест. Имени подозреваемого не разглашают, поскольку он несовершеннолетний, но шеф полиции Гарольд Уоллер сообщил, что это пятнадцатилетний подросток, который хорошо известен в управлении полиции Декатур-Сити. Арест был произведен после того, как несколько соседей опознали в подозреваемом неизвестного, который провожал Мэри Финни домой после вечеринки, где ее видели живой в последний раз. Уоллер заявил, что ожидает получить полное признание в том, что сам шеф полиции назвал «самой гнусной жестокостью», с какой ему доводилось сталкиваться за свою службу в органах правопорядка.

Отцом девочки является Пол Финни, уважаемый член коллегии адвокатов, помощник прокурора округа Де-Кальб. Мать, Салли Финни, домохозяйка, принимала активное участие в деятельности Женской лиги, а также была сборщиком средств в пользу колледжа Агнесс Скотт. Других детей у этой супружеской пары нет. Заупокойная вечерняя служба при свечах в память о Мэри Элис Финни состоится на площади сегодня в 20:30, а закрытая панихида пройдет завтра во второй половине дня в похоронном доме Кейбл. Родные просят вместо цветов сделать пожертвования в пользу городской библиотеки Декатура — одного из самых любимых мест покойной.

Глава 6

Майкл летел как ненормальный, вцепившись в руль мертвой хваткой. Трент сидел рядом с ним, сохраняя невозмутимость каменной статуи, даже когда автомобиль проскакивал перекрестки на красный свет и не останавливался перед знаком «стоп». До дома было двадцать минут езды от Грейди Хоумс, но Майклу казалось, что на это ушли часы. Сердце его билось где-то в районе горла и при этом грохотало, как товарный поезд на стрелке. Все его мысли крутились вокруг того, что он ужасно вел себя по отношению к семье, что он недостоин их, что он исправится, полностью изменит свой образ жизни, лишь бы только с Тимом все было в порядке.

— Зараза! — Майкл резко крутанул руль влево, едва не задев «Шевроле Блейзер», которому должен был уступить дорогу.

Трент успел схватиться за ручку двери, но у него хватило ума промолчать и не советовать ехать помедленнее.

Майкл выровнял машину и свернул налево, на боковую улицу, где движение было меньше и которая, по идее, должна была быстрее привести их к дому. Сцепление пробуксовало, но тут же быстро схватило снова, когда он опять наступил на педаль газа. На приборной доске замигала лампочка, подсказывая, что стрелка датчика температуры уже сдвинулась в опасную красную зону. Но Майклу было важно одно: чтобы эта дерьмовая железяка доставила его домой! Ему сейчас было необходимо только это.

Он снова нажал кнопку повторного вызова на своем мобильном, пытаясь дозвониться домой, и уже в пятидесятый раз без-результатно. Барбара свой сотовый не брала, а разыскать Джину в больнице он был не в состоянии.

— Черт бы тебя побрал! — в отчаянии крикнул Майкл и с такой силой врезал сотовым по торпеде, что тот разлетелся вдребезги.

Грир позвонил и рассказал о возникшей проблеме Уиллу Тренту, а не Майклу, словно последний был каким-то штатским хлюпиком, а не бывалым копом. Лейтенант сообщил только, что в доме Майкла произошел какой-то инцидент с участием ребенка. Стандартная

наезженная процедура: ничего толком не говорить по телефону, чтобы излишне не распалать и чтобы они сгоряча не слетели где-нибудь с моста, добираясь до места происшествия. Когда Майкл сам перезвонил Гриру, чтобы узнать подробности, тот говорил с ним, как с двенадцатилетним мальчишкой.

— Поезжай домой, Майкл, — сказал он. — Все будет хорошо.

— Велосипед, — сказал Трент.

Майкл заметил велосипедиста в самый последний момент и едва не сбил его, но успел бросить машину в другой ряд. Навстречу ехал грузовик, и Майкл резко крутанул руль обратно — оказалось, как раз вовремя, чтобы избежать лобового столкновения.

— Мы уже почти на месте, — сказал Майкл, словно в ответ на вопрос молчавшего Трента. — Ч-черт! — прошипел он, с досадой хлопнув ладонью по рулю. Тим вечно лезет туда, куда не должен лезть. Просто он так воспитан. А Барбара стареет. Она постоянно чувствует себя уставшей, у нее просто нет сил, чтобы держаться на уровне.

Когда он на скорости свернул на свою улицу, машину занесло. Перед его домом стояли две патрульные машины, одна из них припарковалась на подъездной дорожке позади автомобиля Барбары. На тротуаре перед домом Синтии и Филадельфии стояли копы в форме. Майкл увидел Барбару, которая сидела на парадном крыльце, схватившись руками за голову, и сердце у него оборвалось.

Кое-как Майкл выбрался из машины и подбежал к ней, чувствуя во рту привкус желчи и боясь, что его может вырвать.

— Где Тим? — спросил он. Она ответила недостаточно быстро, и он уже повторно выкрикнул свой вопрос: — Где мой сын?

— В школе! — вскрикнула она в ответ, словно он был каким-то сумасшедшим.

Майкл схватил ее за руки и рывком поднял на ноги. В глазах у нее стояли слезы.

— Эй, — сказал Трент.

Сказано это было спокойным тоном, но в его голосе звучало предостережение.

Майкл тупо уставился на свои руки, словно не понимал, как они схватили запястья Барбары. Кожа ее в этих местах покраснела. Он с усилием заставил себя отпустить ее.

Подъехал фургон коронера и, скрипнув тормозами, остановился возле почтового ящика.

Майкл положил руки на плечи Барбары, на этот раз просто чтобы опереться на нее. Они сказали, что там был ребенок. Наверное, они что-то напутали. А может, Грир солгал.

— Джина? — спросил Майкл. Неужели что-то случилось с Джинной?

Один из копов уже стоял перед каретой скорой помощи. Он показал водителю в направлении соседнего дома:

— На задний двор.

Прежде чем Майкл успел что-то сообразить, ноги уже сами понесли его. Он ударом распахнул дверь и влетел в коридор. Позади себя он слышал шаги и понимал, что это Трент, этот ублюдок. Майклу было все равно. Он распахнул заднюю дверь, выбежал во двор и затормозил так резко, что бежавший следом Трент врезался ему в спину.

Сначала Майкл увидел что-то белое, коротенький халатик, прозрачную ночную рубашку. Она лежала на животе, запутавшись в поломанном заборе из проволочной сетки. Вокруг стояло шестеро или семеро мужчин.

Майкл с трудом двинулся вперед, но, когда он подошел вплотную, колени у него подкосились. Большое родимое пятно на плече, еще одна родинка на руке. Он сжал пальцами маленькую ладонь.

— Сэр, не прикасайтесь к ней, — предупредил его кто-то.

Майкл не обратил на это внимания. Он гладил ее мягкую руку, и слезы бежали по его щекам.

— Господи... О господи... — шептал он.

Трент о чем-то говорил с группой копов, слов Майкл разобрать не мог. Он видел только затылок Синтии и длинные пряди шелковистых светлых волос, спадавших на плечи, словно шаль. Он одернул ее халатик, прикрыв голые ягодицы, пытаясь хоть как-то сделать так, чтобы это выглядело более прилично.

— Детектив, — сказал Трент. Он просунул руку под мышки Майкла и легко поднял его на ноги. — Вам не следует прикасаться к ней.

— Это не она, — настаивал Майкл, пытаясь снова опуститься на колени и заглянуть ей в лицо.

Это какой-то розыгрыш. Это не может быть Синтия. Она сейчас гуляет в центре, прожигая деньги Фила и оттягиваясь с подругами.

— Я хочу посмотреть на нее, — сказал Майкл. Его трясло, как будто он ужасно промерз. Ноги опять подогнулись, но на этот раз Трент его поддержал, не дав снова опуститься на землю. — Я хочу увидеть ее лицо.

Один из мужчин, видимо, медэксперт, сказал:

— Я все равно собирался ее переворачивать.

С помощью еще одного копа доктор взял тело за плечи и перевернул лицом вверх.

Рот Синтии был приоткрыт. Из него текла кровь, тоненькой струйкой медленно спускаясь по шее и напоминая Майклу слабую течь в водопроводном кране. Ее красивое лицо было изуродовано глубоким порезом в области виска. Пустые зеленые глаза уставились в небо. Локоньки прилипли к щекам, и он попытался наклониться, чтобы поправить их, но Трент не дал ему этого сделать.

Майкл чувствовал, как горячие слезы жгут глаза. Кто-то должен прикрыть ее. Она не должна лежать вот так, открытой для всеобщего обозрения.

Медэксперт склонился над ней и заглянул в приоткрытый рот.

— Языка нет, — сказал он.

— Господи, — прошептал кто-то из копов, — совсем еще ребенок!

Майкл сглотнул, чувствуя, как горе буквально душит его.

— Пятнадцать лет, — выдавил он. День рождения у нее был на прошлой неделе. Он еще подарил ей плюшевого жирафа. — Ей пятнадцать.

Часть 2

Глава 7

2 октября 2005 года

Джон Шелли очень хотел телевизор. Последние два месяца он ходил на эту дерьмовую работу, ни разу не опоздал, каждый день уходил последним и скрупулезно выполнял любые задания, которые давал ему босс. Для него это было даже не вопросом желания — он просто заслужил телевизор! Не нужно никаких наворотов, требования самые простые: цветное изображение, дистанционное управление и антенна, которая бы принимала игры университетской футбольной лиги.

Он хотел смотреть, как играют его команды, хотел сжимать в руке пульт дистанционного управления, и, если вдруг Джорджия играет плохо, — что очень даже вероятно! — иметь возможность переключить канал, чтобы полюбоваться тем, как надирают Флориду. Он хотел видеть эти убогие шоу, заполняющие перерыв, слушать тупых комментаторов, хотел посмотреть игру университета Тулейна против Южного Миссисипи, политехников из Техаса — против Луизианского университета, команды этих придурков из Армии — против ВМФ. Близился День благодарения, и он мечтал, как станет свидетелем разгула «матчей футбольной чаши», после чего переключится на игры фаворитов — «Патриотов», «Рейдеров», «Орлов», — постепенно подходя к волшебному моменту в феврале, когда сядет в своей долбаной комнатке, в этом долбаном клоповнике, и будет с громадным удовольствием первый раз в жизни в полном одиночестве смотреть матчи за Суперкубок^[2].

В течение последних двух месяцев, шесть дней в неделю проезжая по Атланте мимо Центра «Все на прокат», он с тоской вглядывался в окно автобуса. Реклама на витринах гласила: «Ваша работа — гарантия вашего кредита», но дальше, под звездочкой — такой крохотной, что ее можно было принять за раздавленного жука, — следовала приписка, которая все это перечеркивала. Слава

богу, он так нервничал в первый раз, что не ринулся сразу же в магазин и не выставил себя полным идиотом. Когда Джон остановился перед парадным входом, сердце у него в груди бешено тряслось, как пес, мучительно пытающийся выкакать персиковую косточку, но тут он заметил этот текст на плакате, набранный мелким шрифтом. Там четко было написано: «Два месяца». Вы должны проработать на одном месте не менее двух месяцев, прежде чем вам окажут честь, предоставив возможность в течение пятидесяти двух недель платить по двадцать долларов за телевизор, который в нормальном магазине стоит в розницу триста баксов.

Но Джон и не был нормальным человеком. Несмотря на короткую стрижку, тщательное бритье и отглаженные твидовые брюки, окружающие неизменно чувствовали в нем это отличие от других. Даже на его работе, на мойке автомобилей, где большинство приходящего народу показывалось только для того, чтобы протереть автомобиль или пропылесосить крошки с заднего сиденья своего джипа, и то от него держались подальше.

И вот теперь, спустя два месяца, Джон сидел на краю стула, изо всех сил пытаясь не раскачивать нервно дергающейся ногой, и ждал свой телевизор. Прыщавый подросток, встретивший его в дверях, явно не торопился. Он взял заявление Джона и ушел в заднее помещение уже минут двадцать назад. Заявление. Это еще одна вещь, о которой они не упомянули на своем плакате. Домашний адрес, дата рождения, номер социального страхования, место работы — там не указывался разве что размер нижнего белья.

В воскресенье после обеда в прокатном центре Атланты было шумно. Все телевизоры были включены, со стен, сплошь уставленных светящимися экранами, мелькали разные сюжеты, слышалось смешанное жужжание передач о природе, новостных каналов и программ типа «сделай сам». Этот шум раздражал его. Через громадные — от пола до потолка — окна в комнату лилось слишком много света. Телевизионные экраны горели слишком ярко.

Джон поерзал на стуле, чувствуя, как по спине скатилась капля пота. Часов на руке он не носил, но зато большие часы висели на стене. Это было упущением того, кто занимался планировкой магазина, поскольку устройство это служило исключительно для того, чтобы напоминать людям, как они застряли здесь в ожидании того, что

какой-то вчерашний школьник выйдет сообщить удачливому клиенту, что тот удостоен величайшей чести заплатить пять сотен баксов за DVD-плеер «Симзитцу».

— Просто телевизор, — шептал Джон про себя. — Просто один небольшой телевизор. — Нога его снова задергалась вверх-вниз, и теперь он уже не сдерживался. На него смотрели люди. Родители крепче прижимали к себе своих отпрысков.

— Сэр? — Перед Джоном стоял Рэнделл, его собственный, персональный продавец. На лице, как приклеенная, застыла улыбка. — Простите, что заставил вас ждать. — Рэнделл вытянул вперед руку, как будто Джону могла понадобиться помощь, чтобы встать.

— Все нормально, — поднимаясь, ответил Джон, стараясь говорить разборчиво.

Он растерянно огляделся по сторонам, не совсем понимая, что происходит. Парнишка был слишком любезен с ним. Может быть, что-то произошло? И кто-нибудь уже вызвал полицию?

— Мы можем продемонстрировать эту аппаратуру вот здесь, — предложил Рэнделл, уводя его в заднюю часть магазина, где были выставлены большие экраны.

Джон остановился перед телевизором, который выглядел громадным, как экран в кинотеатре. В высоту он был почти с Джона, а в ширину — в два человеческих роста.

Рэнделл взял пульт дистанционного управления размером с хорошую книжку.

— Панасоник предлагает современную технологию получения глубокого черного цвета, которая позволит вам...

— Минутку. — Джон заглянул за телевизор. Он был толщиной всего в несколько дюймов. Он посмотрел на ценник и расхохотался. — Приятель, я ведь объяснил, что мне нужно.

Рэнделл сверкнул улыбкой и сделал шаг вперед, отчего Джону тут же захотелось отступить назад. Однако он все же сохранил за собой территорию, а юноша, понизив голос, сказал:

— Мы понимаем, что у наших клиентов могут быть и другие источники доходов, которые они не могут указывать в своих анкетах для кредита.

— Вы это о чем? — спросил Джон, чувствуя, что происходит что-то противозаконное, только пока не понимая, что именно.

— Ваша справка о кредитоспособности... — Рэнделл уже и сам казался сбитым с толку. — Пришли данные по вашим кредитным картам.

— Каким еще кредитным картам? — спросил Джон.

У него не было даже захудалого текущего счета в банке.

— Насчет этого можете не беспокоиться. — Рэнделл понимающе похлопал Джона по плечу, словно они были закадычными друзьями.

— Какие кредитные карты? — снова повторил Джон, и ему до зуда в мышцах захотелось сбросить руку этого мальчишки со своего плеча. Но признаваться, что чего-то не понимает, он не хотел. Оказавшись в неведении, становишься очень уязвимым.

Рэнделл наконец и сам убрал руку.

— Послушайте, — начал он. — Подумаешь — большое дело, верно? Вы только делаете платежи, а до остального нам дела нет. Мы вообще никому ничего не скажем, если только вы не перестанете платить.

Джон скрестил руки на груди — он знал, что так кажется окружающим более массивным и угрожающим, но все равно пошел на это.

— Это вы послушайте, — сказал он. — Мне нужно получить у вас всего лишь какой-то несчастный телевизор, двадцать два дюйма по диагонали с дистанционным управлением. И ничего больше.

— Круто! — сказал Рэнделл, поднимая руки. — Разумеется. Никаких проблем. Я просто подумал, что с вашим кредитным баллом^[3]...

Джону снова пришлось задавать вопрос.

— Каким таким баллом?

— Вашим кредитным баллом, — сказал парнишка, постепенно меняя тон с недоверчивого на озадаченный. — Ваш кредитный балл — самый лучший из всего, что мне приходилось встречать. У нас тут есть народ, у которого он не переваливает даже за три сотни.

— А у меня какой?

При этом вопросе Рэнделл испуганно вздрогнул.

— Нам не разрешается разглашать такое.

Но голос Джона звучал твердо, в нем чувствовалось даже раздражение.

— А у меня какой?

Прыщи Рэнделла побелели, а лицо стало багрово-красным.

— Семьсот десять, — прошептал он, быстро взглянув через плечо, не подсматривает ли за ним босс. — Вы можете пойти в настоящий магазин, мистер Шелли. Можете пойти в «Серкит-Сити» или в «Бест бай»...

— Дайте взглянуть.

— На вашу справку?

Джон несколько сократил расстояние между ними.

— Вы сказали, что там указаны кредитные карты. Я хочу знать, что это за карты.

Рэнделл снова опасливо покосился через плечо, хотя в данный момент ему следовало бы больше думать об опасности, что находится прямо перед ним.

— Перестань оглядываться, малыш. Смотри на меня. И отвечай на заданный вопрос.

Рэнделл, судорожно дернув кадыком, нервно сглотнул.

— Может быть, я неправильно внес ваш номер социального страхования. Действующий адрес был другим...

— Но имя?

— Имя то же.

— И предыдущий адрес в Гарден-Сити?

— Да, сэр.

Джон решил обобщить все услышанное для этого парня.

— Так ты считаешь, что есть еще один Джонатан Уинстон Шелли с моей датой рождения и предыдущим адресом, который живет в Атланте и номер социального страхования у которого очень похож на мой?

— Не-е-ет. То есть я хотел сказать, да. — Верхняя губа Рэнделла покрылась капельками пота, голос задрожал. — Простите меня, мистер. Если я покажу это вам, я могу потерять работу. Вы можете сами получить копию, совершенно бесплатно. Я могу дать вам номер...

— Забудь об этом, — прервал его Джон, чувствуя себя монстром, обидевшим ребенка.

Страх в глазах продавца царапал душу, как осколки стекла. Джон прошел обратно через весь магазин, мимо телевизора, который так

хотел иметь, и вышел, прежде чем успел сказать что-то, о чем потом будет жалеть.

Вместо того чтобы направиться домой, Джон перешел на другую сторону улицы и сел на лавочку рядом с автобусной остановкой. Он снял со стенда одну из бесплатных газет местной общины и просмотрел ее. На улице было четыре полосы для машин, но движение все равно было очень оживленным. Пользуясь газетой, как щитом, он следил за магазином, где Рэнделл вместе с коллегами-продавцами беседовал с людьми, которым следовало бы хорошенько подумать, прежде чем доверять этой братии свои жизни.

Справки о кредитоспособности, кредитные карты, баллы... Блин, он обо всем этом практически ничего не знал.

К остановке подъехал автобус, и водитель вопросительно взглянул на Джона.

— Едете?

— На следующем, — ответил Джон. И добавил: — Спасибо, брат.

Ему нравились водители автобусов МАРТА^[4]. Они, похоже, никогда не торопятся делать поспешные выводы. Если ты заплатил за проезд и при этом не создаешь проблем, они по умолчанию считают тебя хорошим человеком.

Автобус тронулся, сзади у него с шипением вырвалась струя теплого воздуха. Джон перевернул страницу, а потом вернулся на первую полосу, сообразив, что так ничего там и не прочел. Он просидел на автобусной остановке два часа, потом еще час, отлучившись только раз, чтобы отлить позади какого-то заброшенного задания.

Продавец Рэнделл вышел в восемь часов. Он сел в ржавую «тойоту», сунул ключ в замок зажигания, и в вечерней тишине загремела самая несносная музыка, какую только Джону доводилось слышать. На улице стемнело еще час назад, но Рэнделл все равно не заметил бы Джона, даже если бы было светло, как днем. Парню на вид было лет семнадцать или восемнадцать. У него была своя машина, работа, за которую неплохо платили, и все его проблемы в этом мире сводились к наличию какого-то чудака с хорошей кредитной историей, который пытался наехать на него сегодня после обеда.

Из магазина вышел менеджер. По крайней мере, Джон решил, что это менеджер: мужик постарше, длинная прядь волос зачесана через

лысину, желтоватая кожа и большая круглая задница, какая и должна быть у человека, который целыми днями только и делает, что сидит за своим столом и говорит всем «нет».

Дотянувшись до нижнего края проволочной решетки, мужчина опустил ее сверху на окна, закричав так громко, что это было слышно через улицу. Потом закричал еще раз, когда нагнулся, чтобы запереть замок на скобе, а после снова — когда разогнулся. С трудом выпрямив спину, он подошел к темно-серому «Форду Таурус» и уселся на водительское сиденье.

Джон подождал, пока тот пристегнет ремень безопасности, выставит зеркало заднего вида, потом включит заднюю передачу. Наконец, замигав белыми огнями, «таурус» сдал назад и выехал со стоянки, вяло тарахтя двигателем, словно это был электромобиль для гольфа.

Прошло десять минут. Пятнадцать. Полчаса. Джон поднялся, и на этот раз сам натужно застонал. Колени затекли, а задница болела от долгого сидения на холодной бетонной скамейке.

Прежде чем перейти улицу и подойти к магазину, он огляделся по сторонам. Цепи, закрывавшие переднюю дверь, и решетки на окнах были прочными, но Джон не собирался ничего взламывать и грабить. Вместо этого он направился к контейнеру для мусора с обратной стороны здания.

Камера наблюдения системы безопасности была направлена на задний вход, а подход к мусорному контейнеру был открыт и свободен. Джон отодвинул стальную дверцу, нарушив вечернюю тишину резким металлическим скрипом. Из железного контейнера пахло жуткой вонью, но ему приходилось сталкиваться с запахами и похлеще этого. Он принялся вытаскивать наружу небольшие черные пакеты, наподобие тех, которыми были выложены корзины для бумаг внутри помещения. Он действовал аккуратно, не рвал пакет, а осторожно развязывал каждый, потом завязывал тем же узлом и переходил к следующему. После получасового изучения мусорных отходов ситуация стала просто смешной. В пакетах для бумаг было достаточно информации — номеров социального страхования клиентов, их адресов, трудовых биографий, — чтобы организовать крупную аферу. Впрочем, искал Джон не это. Он не был аферистом, как не был и

вором. Ему действительно нужна была информация, но только его собственная, и нашел он ее, разумеется, в последнем пакете.

Он наклонил бумагу со справкой о своей кредитоспособности в сторону фонарей службы безопасности, чтобы легче было читать.

Тот же номер социального страхования. Та же дата рождения. Тот же адрес предыдущего места жительства.

Джонатан Уинстон Шелли, тридцати пяти лет, был обладателем двух карточек «Мастер-Кард», трех «Виза» и еще карточки «Шелл Гэз». В качестве адреса был назван почтовый ящик с индексом 30316, указывавшим на то, что живет он где-то на северо-востоке Атланты — в районе законодательного собрания штата Джорджия, в нескольких милях от нынешней комнаты Джона в ночлежке на Эшби-стрит.

Кредитная история у него была великолепная, состояние текущего счета в местном банке — прекрасное. Очевидно, что он был абсолютно надежным покупателем, причем уже в течение последних шести лет. За исключением одной задержки с выплатой по карточке «Шелл», все его кредиторы были удовлетворены своевременностью платежей, что, если вдуматься, было довольно забавно, поскольку за предыдущие двадцать лет Джон Уинстон Шелли покупал не так уж много. Охранники в тюрьме стараются следить в оба, если ты проходишь по статье от «двадцати двух лет до пожизненного» за изнасилование и убийство пятнадцатилетней девочки.

Глава 8

Джон знал Мэри Элис Финни всю свою жизнь. Она была хорошей девочкой, красивой участницей группы поддержки, твердой отличницей, человеком, которого в школе знали и любили практически все, поскольку она со всех сторон была такая чертовски замечательная! Ясное дело, были девчонки, которые ее ненавидели, так они всегда ненавидят тех, со стороны кого чувствуют угрозу. Они распускают грязные сплетни. Лицом к лицу они ведут себя вполне мило, но стоит повернуться к ним спиной, и они уже готовы воткнуть в спину нож по самую рукоятку, да еще и провернуть его там. Даже в реальной жизни взгляните только на преуспевающую женщину, добившуюся успеха, и тут же обнаружите вокруг нее кучу других женщин, которые будут говорить, что она — последняя стерва, дававшая всем направо и налево, чтобы пробиться на вершину. Так уж устроен этот мир, и в микрокосме средней школы Декатура все было точно так же.

Позже Джон обнаружил, что школа эта во многом напоминала тюрьму. Шелли жили в двух улицах от дома Финни в одном из самых приятных районов Декатура, соседствовавшего с колледжем Агнесс Скотт. Их матери постоянно пересекались в круговороте верхушки среднего класса общества. Они встречались, как обычно встречаются жены врачей или адвокатов, на каких-нибудь благотворительных собраниях или приемах по сбору средств в пользу местной средней школы, больницы, колледжа, что, впрочем, неважно, поскольку все эти организации служили лишь поводом, чтобы оставить тщательно продуманное мероприятие и пригласить посторонних людей в свой прекрасно обставленный дом.

Ричард Шелли был онкологом и заведовал отделением противоопухолевой терапии в городской больнице Декатура. Его жена Эмили была агентом по продаже недвижимости, но оставила эту работу после рождения их первого ребенка — Джойс. Через три года появился Джон, и Шелли решили, что создание их семейного мирка завершено.

Эмили относилась к матерям, которые полностью отдают себя родительским обязанностям. Она была активисткой школьного родительского комитета, продавала печенье от скаутской организации для девочек и в конце каждого учебного года с головой погружалась в шитье костюмов для выпускного вечера школы Друзей квакеров. Когда дети подросли и перестали нуждаться в ее помощи, — или даже не хотели, чтобы она им помогала, — у нее оказалось масса свободного времени. К моменту, когда Джон был в младшей средней школе^[5], а Джойс оставалось два года до поступления в колледж, она снова вернулась к работе агентом по недвижимости на неполный рабочий день, просто чтобы чем-то заняться.

Жизнь текла замечательно, если бы не Джон.

Врать он начал рано и, казалось бы, без всякой причины. Джон оказывался дома, хотя говорил, что должен быть на тренировке по футболу. Он был на тренировке по футболу, хотя говорил, что должен быть дома. Успеваемость в школе начала падать. Он отрастил длинные волосы. Потом появился этот запах. Было похоже, что он вообще не моется, а его вещи, когда Эмили поднимала их с пола его промозглой спальни, чтобы забросить в стиральную машину, казались на ощупь странными, как будто их обрызгали какой-то химией или тефлоном.

Ричард подолгу задерживался на работе, которая требовала больших эмоциональных и физических сил. У него не было ни времени, ни желания беспокоиться о сыне. Когда Ричарду было столько же лет, сколько Джону, он был замкнутым мальчиком. Подростком у него были свои секреты. Он попадал в беду, но сам из нее выпутывался. Пришла пора оторвать его от сиськи матери. Нужно дать мальчишке больше свободы.

Эмили в основном переживала по поводу курения марихуаны и поэтому не забила тревогу, когда нашла остатки какого-то порошка в переднем кармане джинсов сына.

— Аспирин, — сказал он ей тогда.

— А зачем тебе в кармане аспирин?

— У меня часто болит голова.

Еще ребенком Джон таскал в карманах довольно странные вещи: камни, скрепки для бумаг, как-то сунул туда лягушку. Она забеспокоилась о его здоровье.

— Может быть, нужно обратиться к доктору?

— Мама...

Он ушел, а она осталась стоять перед стиральной машиной с его джинсами в руках.

Шелли, как и большинство хорошо обеспеченных супружеских пар, считали, что деньги и привилегии автоматически защитят их детей от наркотиков. Почему-то родителям не приходило в голову, что эти два фактора, наоборот, только помогут им получать лучшие наркотики. Но даже при этом Эмили хотела верить, что ее сын был хорошим мальчиком, и верила в это. Она не замечала его остекленевшего взгляда по утрам, глазных капель, которыми он постоянно пользовался, сладковатого и тошнотворного запаха, которым тянуло от навеса на заднем дворе. Со своей стороны, доктор Ричард за чтением утренней газеты не обращал внимания, что зрачки у сына уже размером с полудолларовую монету, а кровь носом идет чаще, чем у его пациентов в раковом отделении.

А потом жизнь разбилась вдребезги.

Выборочная проверка в школе обнаружила в шкафчике Джона пакетик травы, спрятанный в кеды.

— Это не моя обувь, — сказал Джон, и мать подтвердила, что никогда раньше не видела, чтобы ее сын ходил в этом.

Потом им позвонил охранник из местного торгового комплекса и сказал, что их сына поймали, когда он украл магнитофонную кассету.

— Я просто забыл заплатить за нее, — пожал плечами Джон, и мать подтвердила, что у сына действительно было в кармане двадцать долларов. Зачем, скажите на милость, ему что-то воровать, если он может спокойно это купить?

Последней каплей стал телефонный звонок однажды в пятницу поздно вечером. Ричарда Шелли разбудил интерн из больницы, который сообщил, что его ребенок находится в реанимации с диагнозом «передозировка кокаина».

Состоялся разговор о том, что пора снять с глаз шоры. Заключение медиков — это то, чем отец мог размахивать перед носом матери в качестве реального доказательства никчемности ее сына.

Ночью Джон сидел в своей комнате и слушал, как за стеной родители ссорятся и горячо спорят, пока отец не выкрикнул: «Все, это окончательно!» После этого мать бросилась в супружескую спальню и громко хлопнула за собой дверь. Когда оттуда слышались

сдавленные рыдания, он включил свою стереосистему, и из динамиков принялись вопить «Деф Леппард». Так продолжалось до тех пор, пока Джойс (которая в это время, разумеется, занималась) не начала тарабанить в стенку и орать: «Выруби это, бездельник!»

Джон тоже постучал в стену, назвал ее сучкой и поднял столько шума, что отец зашел в комнату, больно дернул его за руку и спросил, что с ним, черт побери, происходит.

— Против чего ты протестуешь? — спросил Ричард. — У тебя же есть все, что только можно захотеть!

— Почему? — задала похожий вопрос мать, вытирая залитые слезами щеки. — Где я что-то упустила?

Джон только пожимал плечами. Когда они пытались наезжать на него, он всегда только пожимал плечами. Он делал это так часто, что отец даже сказал, что, возможно, это у него какое-то неврологическое расстройство. Может быть, ему нужно прописать препараты лития? Может быть, его следует поместить в психиатрическую лечебницу?

— Как это началось? — допытывалась мать. Должен найтись какой-то способ поправить это, вылечить, но для этого она должна знать, как все началось. — Кто посадил тебя? Скажи мне, кто это с тобой сделал!

Джон в очередной раз пожал плечами, вызвав саркастическое замечание отца:

— Ты сейчас заторможен? Страдаешь аутизмом? В этом твоя проблема?

Все началось с травмы. После всего того, что Нэнси Рейган сказала в своем знаменитом обращении к детям «Просто скажи нет», это был повод. Первая проба Джона состоялась сразу после похорон.

Брат Эмили, Барри, погиб в автокатастрофе на скоростной автостраде. Внезапно. Фатально. Это изменило весь ход жизни. Он был крупным мужчиной, ел, что попало, курил сигары, как сам Фидель Кастро. Он сидел на таблетках от высокого давления, каждый день колосился от диабета и вообще всеми силами медленно, но верно двигался в могилу. То, что он был убит водителем грузовика, заснувшим за рулем, больше напоминало какую-то глупую шутку.

Похороны проходили жарким летним утром. В церкви Джон вместе со своим кузенком Вуди шел за гробом. Он никогда не видел, чтобы этот парень плакал, и Джону было тревожно оттого, что

крепкий двоюродный брат, на четыре года старше его и намного более крутой, чем Джон когда-либо надеялся стать, сломался буквально на глазах. А Барри даже не был его родным отцом. Мать Вуди развелась — тогда это было шокирующим обстоятельством — и была замужем за Барри всего два года. Джон даже не был вполне уверен, является ли этот парень по-прежнему его кузеном.

— Иди сюда, — сказал Вуди.

Они находились в доме, который без дяди Барри казался таким пустым. Дядя его был человеком очень общительным, он всегда умел пошутить или рассказать что-нибудь смешное, чтобы снять напряжение в компании. Отец Джона недолюбливал его, и Джон подозревал, что происходило это главным делом из-за снобизма. Барри продавал тягачи с прицепами. Он очень прилично зарабатывал, но Ричард приравнивал его работу к торговле подержанными автомобилями.

— Пойдем, — сказал Вуди, поднимаясь по лестнице к спальням.

Джо зачем-то огляделся по сторонам, нет ли поблизости родителей, потому что по голосу Вуди догадывался, что сейчас должно произойти что-то плохое.

И все же последовал за ним в его комнату, закрыл дверь, а потом по просьбе брата и запер ее.

— Черт... — тяжело вздохнул Вуди, падая в мягкое кресло.

Из-за книг на полке он достал пластиковую коробочку из-под фотопленки, а потом вытащил из-под матраса какую-то свернутую в трубку бумагу. Джон молча наблюдал, как он ловко скручивает косяк.

Заметив, как брат смотрит на него, Вуди сказал:

— Мне нужно немного покурить, дружище. Как ты?

Джон никогда раньше не курил сигарет и не принимал ничего крепче, чем лекарство от кашля, — которое мама прятала от него у себя в ванной комнате, словно оно было радиоактивным, — но когда Вуди предложил ему травку, он ответил:

— Это круто.

Он смотрел, как кузен втягивает дым и задерживает его в легких, ожидая реакции. Когда Джон брал свернутую сигарету, у него на верхней губе выступил пот. Он в большей степени переживал, чтобы не выглядеть глупо в глазах кузена, чем боялся того, что делает что-то незаконное.

Джону понравилось облегчение, которое наступило после выкуренного косяка, и то, как это отодвинуло на задний план все проблемы. Его больше не заботило, что отец считает сына полным придурком, а мать постоянно им недовольна. После хорошей затяжки марихуаны Джона больше не доставало превосходство сестры Джойс, которая пошла по стопам отца, и под кайфом ему даже больше нравилось находиться в кругу семьи.

Когда родители наконец поняли, что происходит, они во всем обвинили вечную причину всех бед — плохую компанию. Чего они никак не могли уразуметь, так этого того, что Джон Шелли сам был плохой компанией. За несколько недель он превратился из неловкого недоумка в довольного любителя травки, и ему нравилось внимание, которое принесла эта новая трансформация. Благодаря Вуди он стал парнем, у которого есть свой запас наркотиков. Он знал, где собираются крутые вечеринки, где всегда рады несовершеннолетним школьникам, если они приводят с собой хорошеньких девчонок. К пятнадцати годам он уже продавал своим новым друзьям пакетики с травой. На очередном сборище их братства Вуди дал ему первую дозу кокаина, и после этого дороги назад уже не было.

К семнадцати годам он уже был осужден за убийство.

Насколько Джон мог припомнить, Мэри Элис Финни была его единственной подругой, не принадлежавшей к этой компании. Их матери договорились по очереди возить детей в школу, сменяясь через неделю. А дети сидели на заднем сиденье, хихикали по поводу всякой ерунды и играли в разные глупые игры, которыми обычно занимаются, чтобы скоротать время. В начальной школе они были примерно на одном уровне. Это были умные детки, у которых были все возможности. При переходе в младшую среднюю школу все изменилось. Дядя Барри умер. А Джон стал лидером плохой компании.

— Ты очень изменился, — сказала Мэри Элис, когда он однажды встретил ее на углу перед раздевалкой для девочек. Она крепко прижимала к груди учебники, прикрывая футболку с фотографией группы «Полис», словно чувствуя, что нуждается в защите от него. — И не могу сказать, что мне нравится человек, которым ты решил стать.

Решил стать... Как будто у него был какой-то выбор. Он не выбирал себе такого толстокожего папашу и такую рассеянную мать, которые практически заново изобрели для себя розовые очки. Он не

выбирал Джойс, свою идеальную сестричку, эту стерву, которая так высоко установила собственную планку, что все, на что Джон мог надеяться, — это когда-нибудь в будущем встать на цыпочки, чтобы кое-как дотянуться до этой планки, не говоря уже о том, чтобы преодолеть ее.

Неужели он мог такое выбрать? Да у него не было ни единого шанса.

— Да пошла ты знаешь куда! — сказал он тогда Мэри Элис.

— Размечтался, — фыркнула она и, отбросив назад волосы, развернулась на каблуках, оставив его стоять посреди коридора, как полного идиота.

В тот вечер он внимательно рассмотрел себя в зеркале: длинные засаленные волосы, темные круги под глазами, угри на щеках и на лбу. Его тело еще не могло освоиться с громадными руками и ногами. Даже одеваясь в церковь, он выглядел худющим мальчишкой, которого поставили на картонный ящик. В школе он был изгоем, у него не осталось друзей, и в период активного полового созревания, наступившего к пятнадцати годам, весь его сексуальный опыт сводился к использованию принадлежащего сестре лосьона для рук «Йергенс» и богатому юношескому воображению. Глядя на себя в зеркало, Джон проникся всем этим, а потом помчался под навес на заднем дворе и так нанюхался кокаина, что ему стало плохо.

С этого дня Джон возненавидел Мэри Элис. Все плохое в его жизни стало ее личной виной. Он распускал о ней сплетни. Отпускал всякие шуточки в ее адрес, причем так, чтобы она слышала и знала, насколько он ее презирает. Когда она выводила девочек из группы поддержки на паркет спортивного зала, он засыпал ее обидными выкриками. Иногда по ночам он лежал без сна и думал о ней, ненавидел ее, а потом рука его сама собой сползала с живота и залазила в трусы. Он вспоминал, как видел ее в школе сегодня, представлял, как она улыбается другим, когда идет по коридору, рисовал в воображении ее плотно облегающий свитер — и кончал.

— Джон? — У его матери было какое-то шестое чувство, и она почти всегда стучала в дверь, когда он мастурбировал. — Нам нужно поговорить.

Эмили хотела поговорить о его плохих оценках, о его последнем задержании в полиции, о том, что она нашла в карманах его джинсов.

Она хотела поговорить с незнакомцем, похитившим ее сына, хотела попросить его, чтобы он отдал ее Джонни обратно. Она знала, что ее ребенок находится где-то тут, и не сдавалась. Даже на суде Джон чувствовал ее молчаливую поддержку, когда сидел за столом и слушал адвокатов, говоривших, что он подонок, когда стоял перед присяжными, которые не удосужились хотя бы заглянуть ему в глаза.

Единственным человеком в зале суда, который верил в Джона Шелли, была его мать. Она не отпускала этого славного мальчика, этого бравого скаута, строителя моделей самолетов, своего драгоценного ребенка. Ей хотелось защитить его, обнять, прижаться лицом к его затылку и вдохнуть странный запах — смесь аромата теста для печенья и мокрой глины, — которым он пропитывался, играя с друзьями у них на заднем дворе. Матери хотелось, чтобы он рассказал ей, как прошел его день, как закончилась игра в бейсбол, каких новых друзей он приобрел. Она хотела получить своего сына. Она *страдала*, переживала за него.

Но тот мальчик уже безвозвратно исчез.

«ДЕКАТУР СИТИ ОБЗЕРВЕР», 15 июля 1985 года

ШЕЛЛИ БУДУТ СУДИТЬ ЗА УБИЙСТВО ФИННИ КАК СОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

Окружной судья Билли Беннет постановила вчера, что пятнадцатилетнего Джонатана Уинстона Шелли из Декатура будут судить как совершеннолетнего по обвинению в убийстве Мэри Элис Финни, также из Декатура. Адвокаты подзащитного пытались привести смягчающие обстоятельства, но судья Беннет заявила, что, учитывая предыдущие аресты обвиняемого, а также другиеотягощающие факторы, она не видит причин, по которым этого юношу нельзя судить как взрослого. Прокурор Лайл Андерс сообщил, что обвинение будет требовать для него смертного приговора.

Пол Финни, отец убитой девушки, сказал собравшимся перед зданием суда репортерам, что он доволен решением судьи. Шелли, обвиняемый в убийстве при отягощающих обстоятельствах, будет первым несовершеннолетним в округе Де-Кальб, которого будут судить как взрослого. Отдельным постановлением судья Беннет

отклонила требование об изменении места рассмотрения дела, выдвинутое адвокатами Шелли.

Шестеро осужденных за убийство были казнены в штате Джорджия с тех пор, как Верховный суд Соединенных Штатов поддержал конституционность смертного приговора в деле «Грегг против штата Джорджия» 1976 года. Самым молодым из казненных осужденных в истории штата был шестнадцатилетний Эдди Марш, приговор которому за убийство фермера, выращивавшего орехи pekan в округе Догерти, был приведен в исполнение 9 февраля 1932 года. В марте этого же года двадцативосьмилетний Джон Янг, в восемнадцать лет убивший троих пожилых людей при совершении ограбления дома в округе Бибб, был казнен на электрическом стуле в Центре классификации и диагностики при тюрьме города Джексон, штат Джорджия.

Глава 9

2 октября 2005 года

Джон спал плохо, но к такому он уже привык. В тюрьме ночные кошмары всегда мучили его больше всего. В основном это были отчаянные вопли. Плач. И другие вещи, о которых ему не хотелось бы говорить. Джону было пятнадцать, когда его арестовали, а в шестнадцать его уже посадили в тюрьму. К тридцати пяти годам он провел в камере больше времени, чем в родительском доме.

Как бы шумно ни было в тюрьме, но к этому все равно привыкаешь. На воле же было, что называется, тяжело. Автомобильные сигналы, сирены пожарных машин, радио ревет со всех сторон. Солнце светит ярче, все запахи более насыщенные. Простые цветы могли вызвать слезы у него на глазах, а нормальную еду практически невозможно было есть. Слишком много оттенков и вкусовых ощущений, слишком широкий выбор, чтобы он мог чувствовать себя комфортно, придя в ресторан и заказав что-нибудь.

Когда Джона посадили, никто не бегал по улицам трусцой в обтягивающих шортах из спандекса и с наушниками. Тогда сотовые телефоны носили в больших футлярах, похожих на женские сумки, которые вешают на плечо, и позволить их себе могли только по-настоящему обеспеченные люди. Рэп как направление массовой культуры не существовал вообще, а слушать «Мотли Кру» и «Поизон» считалось круто. CD-плееры рассматривались как что-то из научно-фантастического сериала «Звездный путь», но даже в принципе знать, что такое этот самый «Звездный путь», уже предполагало, что ты какой-то придурок.

Он не знал, как обращаться с этим новым миром. Ничего здесь не имело для него смысла. Здесь не осталось знакомых ему вещей. В свой первый день после освобождения он забился во встроенный шкаф для одежды, закрыл дверь и прорыдал там, как ребенок.

— Шелли! — крикнул Арт. — Ты вообще собираешься работать или как?

Джон, растянув губы в улыбке, помахал начальнику рукой.

— Простите, босс.

Он подошел к зеленому «Шевроле Субурбан» и принялся вытирать воду с боковой панели. Это был еще один момент, который шокировал его. Машины стали просто громадными. В тюрьме у них был телевизор, который показывал два канала, и какой из них будет включен, решали заключенные со стажем. Антенна, выломанная задолго до того, как здесь появился Джон, постоянно норовила выколоть кому-нибудь глаз, да и качество приема было ужасным. Даже когда «снег» на экране иногда рассеивался и можно было разобрать картинку, не было ориентиров, по которым можно было бы оценить размер автомобилей. И оставалось только догадываться, настоящая это машина или сделанная специально для конкретного шоу. Может быть, этот сериал показывали вообще про альтернативный мир, где женщины носят юбки, едва прикрывающие то, что у них между ног, а мужики вообще ничего не носят под туго облегающими спортивными кожаными штанами и при этом изъясняются фразами типа «Мой отец никогда не понимал меня».

Заключенные в таких случаях всегда громко смеялись и выкрикивали «киска» или «педик», так что следующих слов актера было не разобрать.

Джон мало смотрел телевизор.

— Эгей-эгей, — сказал Рей-Рей, наклоняясь, чтобы нанести силикон на шины «субурбана».

Джон поднял голову и увидел, как на мойку заезжает полицейская патрульная машина. Рей-Рей всегда повторял слова по два раза — откуда у него и появилось такое прозвище — и всегда предупреждал Джона, когда появлялись копы. Джон платил ему тем же. Двое мужчин не то что не рассказывали друг другу о своей жизни, они даже толком не разговаривали, но оба с первого взгляда поняли, кто из них есть кто, безошибочно опознав друг в друге бывшего заключенного.

Джон принялся не торопясь вытирать стекло на дверце водителя так, чтобы в отражении можно было видеть копа. Сначала он услышал полицейскую рацию, эти электростатические разряды, когда диспетчер называл персональный номер патруля. Офицер огляделся по сторонам, на пару секунд задержав взгляд на Джоне и Рее-Рее, а потом поправил пояс и пошел внутрь, чтобы заплатить за мойку. Не то чтобы они

собирались брать с него за это деньги, но в таких случаях всегда было правильно хотя бы сделать вид.

Хозяйка «субурбана» находилась рядом, разговаривала по телефону, и, продолжая вытирать стекло, Джон закрыл глаза, вслушиваясь в ее голос и смакуя мельчайшие его оттенки как бесценное музыкальное произведение. Где-то внутри он уже забыл, на что похож голос женщины и каково это — выслушивать жалобы, которые могут быть только у женщин. Неудачный поход к парикмахеру. Нелюбезный продавец в магазине. Сломанный ноготь. Мужчины хотят говорить о *вещах*: машинах, пистолетах, женских половых органах. Они не обсуждают свои чувства, если только это не ярость, но даже это не продолжается слишком долго, потому что обычно они начинают что-то предпринимать по этому поводу.

Каждые две недели мать приезжала на машине из Декатура в Гарден-Сити, чтобы повидать его, и хотя он был очень рад ее видеть, ему хотелось услышать вовсе не такой женский голос, как у нее. Эмили всегда была позитивно настроена и счастлива видеть своего сына, даже если по глазам было заметно, что долгая езда за рулем утомила ее или что она расстроена его новой татуировкой либо тем, что он завязывает волосы в конский хвост. Приезжала тетя Лидия, но это потому, что она была его адвокатом. Два раза в год с матерью приезжала Джойс: один раз на Рождество, второй — на его день рождения. Она ненавидела находиться там. Он буквально чуял это. Джойс рвалась покинуть это место даже больше, чем сам Джон, а когда она говорила с ним, это скорее напоминало то, как между собой разговаривают члены негритянских банд и арийцы^[6] «Ты долбаный грязный негритянский пес. А ты лупоглазый белый ублюдок. Я прирежу тебя, как только представится возможность».

За все время заключения отец дважды приезжал навестить его, но Джон не любил думать об этом.

— Простите?

Рядом с ним стояла женщина с сотовым телефоном в руке. Он почувствовал запах ее духов. Ее верхняя губка чем-то напоминала галстук-бабочку, а сами губы покрыты блеском и поэтому казались влажными.

— Эй, — сказала она, сдерживая улыбку.

— Извините, — выдавил из себя Джон, шокированный тем, что она подошла так близко, а он этого даже не заметил. В тюрьме он от этого уже умер бы на месте.

— Я сказала вам «спасибо», — сообщила она и протянула ему доллар.

Он взял его, чувствуя себя грязной дешевкой.

Джон демонстративно положил купюру в общую коробку для чаевых, зная, что сейчас за ним наблюдают все присутствующие. Он и сам действовал так же, когда клиент совал чаевые кому-то другому. Здесь никто никому не доверял и имел на это все основания. Не нужно было большого ума, чтобы сообразить, почему группа мужчин среднего возраста работает за минимальную зарплату плюс чаевые на автомойке «Горилла».

Из конторы вышел Арт и, на ходу крикнув: «Первая смена — обед!», направился к полицейскому, стоявшему возле торгового автомата. Вот черт, Джон и его не заметил. Коп вышел наружу и наблюдал за ним, а он не видел, что происходит.

Опустив голову, Джон прошел в заднее помещение, отметил на компостере выход на перерыв и схватил с полки свой ленч.

В холодильнике у него стояла газировка, но туда он сможет пройти не раньше, чем уйдет этот коп и Арт вернется за свой рабочий стол считать деньги.

На бетонном заборе в тени большой магнолии, выросшей на полоске травы на заднем дворе позади мойки, сидел Чико, один из рабочих. Джон и сам любил сидеть здесь, наслаждаясь уединением и тенью, но сегодня Чико его обошел. В тюрьме такое произойти не могло. Занять место другого заключенного было все равно, что трахнуть его сестру в задницу. За решеткой все, что делалось, обязательно имело свою цену.

— Как дела? — кивнув Чико, бросил Джон, проходя под навес, служивший складом запчастей.

Парни, занимавшиеся запчастями, ушли на обед. Они зарабатывали достаточно и могли позволить себе такую роскошь.

Он уселся под навесом на землю, снял бейсболку и вытер пот со лба. Ноябрь, по идее, должен был означать приход зимы, но сейчас это означало только, что вам очень повезло, если в пиджаке, который вы надели утром, вы не обливаетесь потом днем.

Господи, в его отсутствие даже погода поменялась!

Он огляделся по сторонам, прежде чем вытащить из заднего кармана лист бумаги. Справка о кредитоспособности. Одна его половина очень хотела вчера вечером сунуть эту бумажку обратно в мусорный бак и просто забыть о ней. Выходит, какой-то урод разыгрывает из себя его, Джона. И что все это должно означать для Джона Шелли? Очевидно, что этот загадочный тип не прокручивает какую-то аферу. Иначе с чего бы ему аккуратно платить по кредитным карточкам каждый месяц в течение шести лет? В тюрьме Джон наслушался о самых разных видах мошенничества и, хотя там у него не было доступа к компьютеру, знал, что лучшим местом для всякой химии с личными данными человека является Интернет. Но тут... Это было ни на что не похоже. Понятно, если забираешь деньги и убегаешь, а не торчишь на месте, чтобы вовремя оплатить ежемесячные счета. Это напоминало старую шутку с заказом пятидесяти пицц на чужой адрес, только здесь кто-то сам заплатил за все это со своей кредитной карты.

Он сложил справку и снова сунул ее в карман. Он должен оставить все как есть. Ничего хорошего из этого не получится. Джону следует делать именно то, что сказал его полицейский надзиратель по условно-досрочному освобождению: сконцентрироваться на перестройке собственной жизни. Получить постоянную работу. Показать окружающим, что ты изменился.

Однако случившееся продолжало беспокоить его, словно заноза, которую никак не удавалось вытащить. Он всю ночь думал над этим, пытаясь найти мотив. Должна же быть какая-то причина. Зачем кому-то понадобилось делать это? Может, кто-то с темным прошлым использует данные из жизни Джона в качестве прикрытия? Может, какой-то бывший убийца или преступник из рабочих ударился в бега, и Джон Шелли показался ему хорошим прикрытием?

При этой мысли он рассмеялся и откусил от бутерброда с арахисовым шоколадным маслом и бананом. Нужно быть достаточно отчаянным парнем, чтобы выбрать себе для прикрытия данные человека, осужденного за убийство на сексуальной почве.

Арахисовая паста застряла в горле, и Джон пару раз кашлянул, а потом встал и направился к свернутому на земле шлангу. Он открутил кран и попил воды, глядя, как Рей-Рей разговаривает с какой-то

женщиной возле пылесоса для чистки ковриков. Джон всегда узнавал, когда кто-то из парней затевает обычный в таких случаях треп, пытаясь проверить на женщине свои мужские чары. Судя по тому, как она была одета, Рей-Рей вполне мог бы сэкономить время, если бы сразу предложил ей немного денег. Большинство парней из «Гориллы» пользовались услугами местных дарований. Если пройти дальше по Чешир-Бридж-роуд, попадаешь как раз к ресторану «Колониальный» — заведению, где кормят в основном мясом с картошкой и позади которого в изобилии фланируют уличные девки. Джон не раз слышал споры по утрам в понедельник, что лучше: брать их пораньше, пока они еще свежие, но и берут больше, или же позже, когда они подустали, но зато платить придется меньше.

Такая вот уличная экономика.

— Отвали, козел! — воскликнула проститутка, ударив обеими руками Рея-Рея в грудь.

Тот прорычал что-то в ответ и толкнул ее так, что она шлепнулась на пятую точку.

Первым инстинктивным желанием Джона было оставаться на своем месте. Не следует влезать в чужое дерьмо. Так можно и жизнью поплатиться. Это была, конечно, женщина, но работает она на улице. И знает, как постоять за себя. По крайней мере так казалось со стороны, пока Рей-Рей не размахнулся и не ударил ее кулаком в лицо.

— Черт! — пробормотал Чико, словно сидел возле ринга во время чемпионата по рестлингу. — Даже не дал ей подняться на ноги.

Джон опустил глаза на свои туфли, которые уже насквозь промокли. Вода из шланга продолжала течь. Из-за этого инцидента у него могли быть проблемы. Он подошел к крану и закрутил его со второй попытки, потому что сначала повернул не в ту сторону. Он снова аккуратно свернул шланг, как было. Когда он обернулся, нога Рея-Рея уже была в воздухе и летела по направлению к лицу проститутки.

— Эй! — сказал Джон, а затем, когда нога Рея-Рея попала в цель, снова повторил: — Эй!

Должно быть, он побежал к ним. Должно быть, по пути он что-то говорил, причем громко, чем привлек еще большее внимание к этой ситуации. К тому моменту, когда мозг снова начал контролировать его

действия, кулак Джона уже болел так, будто его укусил шершень, а Рей-Рей лежал, распростертый на земле.

— Это еще что за хрень! — заорал Арт. Ростом он был в лучшем случае метр пятьдесят, но, подскочив к Джону, остановился в нескольких сантиметрах от его груди и грозно рявкнул: — Ах ты грязная обезьяна!

Оба посмотрели вниз. Один из зубов Рея-Рея валялся на асфальте в лужице крови. Сам парень не подавал признаков жизни, но никто не наклонился, чтобы проверить его пульс.

В дверном проеме стоял коп. Джон медленно начал поднимать взгляд от его черных туфель, дальше по острой стрелке отглаженных брюк; пропустив ремень с кобурой, где на рукоятке пистолета лежала большая рука копа, и с усилием заставил себя посмотреть ему в лицо. Тот пристально смотрел Джону прямо в глаза, а потом прикрутил громкость рации так, что вызов диспетчера звучал уже как шепот.

— Что здесь происходит?

Джону пришлось собрать всю свою волю, чтобы ощутить себя здесь и сейчас.

— Я ударил его.

— Ни хрена себе ответ, урод! — рявкнул Арт. — Ты уволен к чертовой матери. — Он тронул Рея-Рея носком ботинка. — Боже милостивый, Шелли! Чем же ты его стукнул? Молотком, что ли?

Джон сгорбился и уставился в землю. О господи! Он не может опять угодить в тюрьму. После всего, что с ним было. После всего, через что он прошел.

— Простите меня, — сказал Джон. — Этого никогда больше не повторится.

— Вот тут ты абсолютно прав, — фыркнул Арт. — Боже! — Он взглянул на копа. — Вот такая благодарность за то, что я даю этим ребятам второй шанс.

— Я извиняюсь, — снова повторил Джон.

— Эй! — завопила проститутка. — Кто-нибудь подаст мне руку?

Все мужчины ошарашенно повернулись на крик, как будто полностью забыли о ее существовании. Лицо у шлюхи было потрепанное, и миллионы морщинок на коже говорили о нелегкой жизни. Из носа и губы, куда угодила нога Рея-Рея, текла кровь. Она сидела, приподнявшись на локтях; вокруг худой шеи было обмотано

перепачканное боа из когда-то белых перьев. На ней была мини-юбка из чего-то, похожего на пластмассу, и черная майка на бретельках, которые едва прикрывали тощее тело.

Никто не захотел прикасаться к ней.

— Эй, рыцарь в сияющих доспехах, — сказала она, махнув рукой в сторону Джона. — Давай, жеребчик. Помоги мне, блин, подняться.

Джон заколебался, но все же наклонился и поднял ее на ноги. От женщины пахло табаком и бурбоном, и ей явно непросто было стоять на высоких каблуках. Чтобы сохранить равновесие, она схватилась за его плечо. Джона чуть не передернуло от брезгливости, когда он представил, где бывала эта рука, но он сдержался. При дневном свете ее кожа казалась болезненно-желтоватой, и он подумал, что печень ее от отчаяния с удовольствием вырвалась бы через пупок наружу, если бы ей только представилась такая возможность. Ей могло быть лет тридцать, но с таким же успехом и восемьдесят.

— Объяснишь мне наконец, что тут происходит? — вмешался коп.

— Он не хотел мне платить, — сказала проститутка, кивнув в сторону лежащего на земле Рея-Рея.

Ее голос напоминал стук камня, перекатывающегося в стакане блевотины. Слова, которые она выговаривала недостаточно четко, видимо, никому и не нужно было разбирать.

— Так ты, выходит, дала ему в долг? — спросил коп, не считая нужным скрывать свое недоверие. Его можно было понять. Сам Джон не дал бы Рею-Рею в долг даже кусок засохшего дерьма.

— Мы были вон там, — сказала она, имея в виду кабинку биотуалета позади здания. — Этот паршивый придурок пытался заговорить мне зубы. Сказал, что завтра должен получить зарплату.

Полицейский недоверчиво поднял бровь.

— Ты, похоже, разводишь меня.

— Он прошел за мной вот сюда, все пытался договориться, — продолжала она, покачнувшись и снова схватившись за руку Джона. — Как будто сегодня день двойных скидок на рынке сексуальных услуг. Тупой козел! — Она подняла ногу в лакированной туфле и ткнула каблуком в руку Рея-Рея.

— Эй-эй, минутку! — проворчал Рей-Рей, переворачиваясь на спину.

Джон догадался, что он просто прикидывался отключенным, чтобы выставить его виноватым во всем этом.

Коп пнул Рея-Рея носком ботинка.

— Так ты, тупица, хотел оттянуться на халяву?

Рей-Рей прикрыл глаза ладонью, защищаясь от слепящих солнечных лучей, чтобы можно было смотреть на полицейского.

— Нет-нет, что вы. Все было не так. Совсем не так.

— А ну встать, идиот хренов! — скомандовал коп. — Теперь ты! — указал он на шлюху. — Где ты живешь?

Она была занята тем, что отряхивала от цемента свои локти.

— Там, возле винного магазина.

В рации послышался шум электрических разрядов, потом голос диспетчера произнес:

— Экипаж пятьдесят один, пятьдесят один?

Коп нажал кнопку микрофона и сказал в трубку:

— Сейчас проверю. — После чего ткнул пальцем в Джона, продолжая слушать диспетчера. — Ты, сказочный принц! Проследи, чтобы она добралась до дома в целости и сохранности. Ты, — показал он на Рея-Рея. — Если еще раз замечу тебя замешанным в какой-нибудь непотребной хрени, вздрючу прямо на месте, так что твоему надзирающему офицеру даже не придется вызывать машину, чтобы отправить тебя обратно за решетку. — Рей-Рей тут же подскочил с земли, а коп снова переключил рацию и сказал: — Роджер, буду там через десять минут. — На прощание он спросил у Арта: — Что, разобрались?

Арт нахмурился, и на лоб у него появилась складка в виде буквы «V».

— Да, в общем-то, — наконец согласился он. — Шелли, сегодня берешь отгул. Вернешься завтра, когда голова у тебя будет работать нормально.

— Спасибо, — с чувством сказал Джон, испытывая такое облегчение, что готов был расплакаться. — Спасибо, сэр. Я вас не подведу.

Уважительное отношение немного окрылило его.

— Хочешь, чтобы я выбросил отсюда этого заикающегося уроды? — спросил Арт у Джона, ткнув большим пальцем в сторону Рея-Рея.

Джон задумался, но долго стоять вот так, глядя через плечо на этого балбеса, было нельзя.

— Мы уже все уладили, — наконец сказал он. — Правда, Рей?

— Да-да, — ответил Рей-Рей. — Мы крутые. Мы крутые.

— А ты заткнись! — оборвал его Арт. — Чтоб я тебя здесь до утра в среду не видел, уразумел?

Рей-Рей кивнул. Тоже дважды.

Арт оценивающе оглядел проститутку и сказал Джону:

— Уведи ее отсюда, пока она нам всех клиентов не распугала.

Джон знал, что выбора у него нет. Шлюха снова вцепилась костлявыми пальцами ему в руку выше локтя. Он медленно шел рядом с ней. Что-то подсказывало ему: если он отойдет в сторону, все закончится тем, что она шлепнется физиономией об асфальт.

Они шли по Пьемонт-авеню, а мимо них с шумом проносились машины. Каждый день Джон видел несметное количество дорогих внедорожников и спорткаров, проезжавших по этой улице в обе стороны. На одном ее конце находился крутой район Бакхед, на другом — Энсли-парк, а если на этой дороге и появлялся убогий автомобиль, то принадлежал он садовнику, горничной, уборщику бассейнов или еще какой-нибудь бесталанной душе, выполнявшей грязную работу, которую не должны делать люди состоятельные.

— Козел несчастный! — пробормотала проститутка, пока они стояли у перехода на светофоре. Она пыталась сохранить равновесие на своих нелепых высоких каблуках, отчего ее пальцы все глубже впивались в его руку. — Пстой минутку, — наконец сдалась она и, не отпуская его, сняла сначала одну туфлю, а потом и вторую. — Проклятые каблуки!

— Да, — согласился Джон, решив, что тут нужно ответить хоть что-нибудь.

— Красный, — сказала она, подтолкнув его на проезжую часть, когда машины остановились на светофоре. — Господи, как же у меня болят ноги! — Оказавшись на другой стороне улицы, она посмотрела на него снизу вверх. — Знаешь, он выбил мне зуб. Когда ударил ногой.

— Вот как? — только и сказал Джон, решив, что она тупая или ненормальная, если думает, что у него есть лишние деньги, чтобы отвести ее к стоматологу. — О'кей. Да. Прости.

— Да нет же, придурок безмолвный. Я хочу сказать, что руками-то исполню, а в рот взять не смогу.

Сам того не желая, Джон так сжал зубы, что заболела челюсть.

— Нет, — ответил он. — Все нормально.

— Послушай. — Она остановилась, отпустила его руку и тут же начала раскачиваться, словно плот в открытом море во время цунами. — Можешь идти обратно, Ромео. Я дойду сама.

— Нет, — повторил он, беря ее под руку. С его-то удачей она вполне может рухнуть где-нибудь на улице, а коп потом навесит на него непредумышленное убийство. — Пойдем.

— У-упс, — выдохнула она, когда ступила на выщербленный кусок тротуара и едва не подвернула ногу.

— Аккуратно, — сказал Джон, подумав о том, какая же она худая, что он чувствует каждую косточку ее руки.

Совершенно неожиданно она добавила:

— В задницу я не трахаюсь.

Джон засомневался, что все-таки хуже: мысли про ее рот или про ее задницу. Взглянув мельком на язвы, покрывавшие ее руки и ноги, он почувствовал в горле вкус съеденного на ленч бутерброда с арахисовым маслом и бананом, который теперь просился наружу.

— О'кей, — сказал он, не понимая, с чего ей так припекло рассчитывать, и страстно желая, чтобы она прекратила эти свои штучки.

— Это, блин, даже смешно! — сказала она, искоса взглянув на него. — Не думала я, что нужно будет тебе все объяснять, если, конечно, ты планировал именно это.

— Я просто хочу убедиться, что ты благополучно добралась, — заверил он ее. — А обо всем остальном не переживай.

— Бесплатно ничего не бывает, — заявила она, а потом рассмеялась. — Ну, разве что в этом случае. Конечно, это прогулка. Впрочем, если считать это твоей платой, то тут тоже все было не полностью бесплатным.

— Мне все равно идти в эту же сторону, — солгал он. — Я там живу.

— В Морнингсайд? — переспросила она, имея в виду один из самых зажиточных районов за Чешир-Бридж-роуд.

— Ну да, — ответил он. — Трехэтажный особняк с гаражом.

Она снова покачнулась, и он подхватил ее, не дав упасть лицом на тротуар.

— Пойдем.

— Тебе совсем не нужно быть со мной грубым.

Он взглянул на ее руку и только сейчас заметил, как крепко сжал пальцы.

— Прости, я не хотел, — сказал он совершенно искренне. Господи, все это время он думал о женщинах, но при этом даже не знает, как прикоснуться к ним так, чтобы не доставить боль! — Я просто провожу тебя домой, о'кей?

— Мы почти пришли, — сообщила она и, к счастью, погрузилась в молчание, полностью сконцентрировавшись на ухабистой тропинке в месте, где заканчивался тротуар и начиналось бездорожье.

Джон пропустил ее вперед, а сам шел в двух шагах позади на случай, если она все-таки упадет. На него как-то разом накатила чудовищность всего того, что только что произошло. Что он вообще себе думал? Не было ни малейшей надобности влезать в дела Рея-Рея, а теперь он теряет зарплату за целый день, чтобы отвести эту проститутку к месту ее работы, где она за час, вероятно, зарабатывает больше, чем он за три. Боже! А он ведь мог потерять работу. Его вообще могли бросить обратно в тюрьму.

Арт получал хорошую дотацию за трудоустройство условно освобожденного плюс налоговые льготы от федералов. Но даже при всех этих так называемых средствах поощрения работодателей найти работу для Джона сразу после выхода на волю было практически невозможно. Согласно своему статусу, он не мог работать с детьми и жить ближе, чем в ста метрах от школы или детского сада. По закону работодатели не имели права на дискриминацию отсидевших преступников, но всегда находили способ этот закон обойти. Прежде чем найти место на автомойке, Джон был на девятнадцати собеседованиях. Начиналось все везде одинаково: «Как поживаете? Мы с удовольствием взяли бы вас... Просто заполните эту форму, и мы с вами свяжемся». А потом, когда он обращался туда через неделю, потому что от них не было ни слуху ни духу, тоже было одно и то же: «Мы уже закрыли эту вакансию... Мы нашли более квалифицированного кандидата... Простите, но у нас идет сокращение кадров».

— Более квалифицированного кандидата, чтобы паковать коробки? — все-таки спросил он одного из них, менеджера по отгрузке на кондитерской фабрике.

— Послушай, приятель, — ответил тот. — У меня дочка подросткового возраста, ясно? Сам должен понимать, почему ты не получил эту работу.

Откровенно, по крайней мере.

В каждой анкете звучал один и тот же стандартный вопрос: «Были ли вы осуждены за какие-либо преступления, кроме преступлений, связанных с нарушениями правил дорожного движения?»

Джон вынужден был писать «да». Все равно его биографию будут проверять и обязательно все выяснят.

«Пожалуйста, изложите на отведенных ниже строчках суть вашего правонарушения».

И приходилось излагать. Они могли связаться с его надзирающим офицером. Могли обратиться в полицию, чтобы просмотреть его досье. Могли просто полезть в Интернет и на сайте БРД найти его в разделе «Осужденные за сексуальные преступления в регионе Атланта». В комментарии под именем Шелли, Джонатан Уинстон, они прочли бы, что он изнасиловал и убил фактически ребенка. Государство не делает различий между несовершеннолетними и взрослыми преступниками, поэтому в документах он проходил не как человек, совершивший правонарушение, будучи сам совсем юным, а как взрослый педофил.

— Эй! — позвала проститутка. — Ты еще здесь, красавчик?

Джон кивнул. Задумавшись, он просто шел за ней, как щенок. Они стояли перед винным магазином. Некоторые из девушек были уже на рабочем месте в надежде подцепить кого-то из отправившихся на обеденный перерыв.

— Эй, Робин! — крикнула она. — Иди-ка сюда.

Женщина, видимо Робин, направилась к ним. Ходить на высоких каблуках у нее явно получалось лучше, чем у новой знакомой Джона.

В трех метрах от них Робин остановилась.

— Что, черт возьми, с тобой стряслось? — Она подозрительно взглянула на Джона. — Ты что, ублюдок, был груб с ней?

— Нет, — сказал он, а потом, увидев, как она полезла в сумочку за чем-то, что, похоже, могло доставить ему большие неприятности,

добавил: — Прошу вас. Я не причинил ей никакого вреда.

— Эй, погоди, крошка, он не сделал ничего плохого! — успокоила ее проститутка. — Он спас меня от того засранца на автомойке.

— От которого? — спросила Робин, продолжая пылать взрывоопасной злостью. То, как она смотрела на Джона, говорило, что она еще не определилась в отношении его, и рука ее по-прежнему находилась в сумочке, сжимая то ли баллончик с перцовым аэрозолем, то ли молоток.

— От которого? От которого? — сказала шлюха, очень точно сымитировав Рея-Рея. — От того худого ниггера, который вечно повторяет все по два раза. — Она посмотрела на Джона. — Она моложе и понравится тебе, верно, дорогой?

Джон почувствовал, как все тело напряглось.

— Нет, я не совсем это имела в виду, — сказала она, погладив его по спине, словно успокаивала ребенка. — Послушай, Робин, сделай мне одолжение. Он и вправду спас мою задницу. Сделай ему «пятьдесят на пятьдесят».

Робин уже открыла рот, чтобы ответить ей, но Джон перебил ее. Он быстро поднял вверх руки и сказал:

— Нет, все в порядке.

— Я всегда рассчитываюсь по своим долгам, — настаивала проститутка, — будь то любезность от незнакомого человека или какая другая хрень. — Глаза ее скользнули на машину, заезжавшую на стоянку перед магазином. — Блин! Это мой постоянный клиент, — бросила она, ладонью вытирая кровь под носом.

Заскакивая в автомобиль, она помахала Джону рукой и что-то крикнула — что именно, он не разобрал.

Джон смотрел на отъезжающую машину, чувствуя, что Робин не спускает с него глаз. Это был тот же стальной взгляд, что и у копа: чего, черт побери, можно ожидать от этого типа и куда нужно врезать, чтобы поставить его на колени?

— Я ей не подмена в смысле трахаться, — сказала она.

— Не беспокойся об этом, — ответил он, снова предупредительно поднимая руки. — Правда.

— Что, — спросила она, — ставишь себя слишком высоко, чтобы платить за это?

— Я этого не сказал, — возразил он, чувствуя, что краснеет.

Еще пять или шесть проституток открыто прислушивались к их разговору, и по их изумленным лицам он понимал, что его член в их глазах с каждым мгновением становится все меньше и меньше.

— К тому же, — добавил он, — мы вообще не говорили о том, чтобы платить за это. — И пока Робин не успела вставить что-то свое, продолжил: — Я просто оказал ей любезность.

— Мне ты никаких любезностей не оказывал.

— Тогда от тебя ничего и не требуется, — сказал он, поворачиваясь, чтобы уйти.

— Эй! — взвизгнула она. — Куда это ты пошел?

Он обернулся на крик. Она явно играла на толпу. Он почувствовал, что член его сжался еще больше.

Стараясь совладать со своим голосом, он спросил:

— Что еще?

— Я сказала, не уходи от меня, придурок чертов!

Джон покачал головой, думая, что день этот выдался хуже некуда.

— Так ты все-таки хочешь сделать это? — спросил он и полез в карман.

Он уже три недели откладывал по двадцать баксов, чтобы гарантированно иметь деньги на выплату за телевизор. В кармане у него было пятьдесят долларов, а еще семьдесят было спрятано под подошвой в туфле. Джон сомневался, что девушка зарабатывает хотя бы половину этого за обеденный перерыв. Черт, а он эту сумму не зарабатывал и за день!

Ее подбородок вызывающе поднялся. Их всех, похоже, учат этому жесту в школе проституток.

— Сколько у тебя есть? — спросила она.

— На это хватит, — сказал он.

Какого черта он творит? Языку стало тесно во рту, а слюны вдруг оказалось столько, что он не знал, куда ее девать. Впрочем, деньги свои он уже засветил. Двери на галерку захлопнулись.

Робин еще некоторое время смотрела на него, потом кивнула.

— Хорошо, — сказала она. — Может, хочешь обед и что-нибудь выпить?

Джон закусил губу, пытаясь прикинуть, во что это может ему обойтись.

— Я только что поел, — сказал он. — Если хочешь выпить чего-нибудь...

— Боже, — простонала она, закатывая глаза, — ты что, коп?

— Нет, — ответил он, все еще не понимая, куда она клонит.

— Пятьдесят на пятьдесят, — сказала она. — Обед и выпивка.

Джон взглянул на остальных. Они снова смеялись над ним.

— Цыц! — рявкнула Робин, и какое-то время Джон думал, что она обращалась к нему. — Пойдем, — сказала она, хватая его за руку.

Второй раз за день Джона вела по улице шлюха. Впрочем, эта, вторая, была намного лучше первой. Она выглядела более чистой. Кожа у нее, видимо, была мягкая. Даже волосы у нее смотрелись намного лучше — густые и здоровые, а не редкие и засаленные от постоянных наркотиков и дешевых париков. Она не пропахла насквозь табачным дымом. Джон сидел в одной камере с завзятым курильщиком, который прикуривал новую сигарету от предыдущей. Тот парень даже проспать не мог больше часа, чтобы не проснуться для перекура, и бывали дни, когда воняло от него похлеще, чем от пепельницы с намокшими окурками.

Робин потянула его в посадку за рестораном «Колониальный», бросив через плечо:

— У тебя хватит денег заплатить за комнату?

Джон не ответил, потому что до сих пор не верил в то, что происходит. Держа под руку, Робин вела его через посадку, как будто у них было любовное свидание. Ему захотелось снова услышать ее голос. Тон ее был успокаивающим, хотя она явно торопилась побыстрее со всем этим покончить.

Не выпуская его руку, она остановилась.

— Эй, я спросила, хватит у тебя денег на комнату? — Она показала в сторону кустов. — Я не делаю этого на улице, как какое-нибудь животное, которому припекло.

Джону пришлось прокашляться, чтобы быть в состоянии говорить. Сердце в груди стучало так сильно, что он чувствовал, как с каждым ударом вздрагивает рубашка на груди.

— Да.

Она не двинулась с места.

— Ты вспотел.

— Прости, — сказал он и, высвободив руку, вытер ее о джинсы. Джон чувствовал себя неловко, и на его губах появилась глупая улыбка. — Прости, — повторил он.

Она строго взглянула на него, пытаясь понять, что у него на уме, и опять сунула руку в сумочку.

— Ты в порядке?

Джон огляделся по сторонам и подумал, что с ее стороны было большой ошибкой уводить незнакомых мужчин в посадку, что бы там у нее в сумочке ни лежало.

— Здесь небезопасно, — сказал он. — Ты же не знаешь, кто я на самом деле.

— Ты никогда раньше этого не делал. — Это был не вопрос, Робин просто констатировала очевидные для нее вещи.

Он вспомнил Рэнделла, паренька из магазина, вспомнил, как у того судорожно перекатывался кадык, когда Джон на него наехал. И почувствовал, как у самого заклинило в горле, так что трудно было говорить.

— Эй! — сказала она, погладив его по руке. — Пойдем, ты уже большой мальчик. Все будет в порядке.

Джон заметил, что голос ее изменился. Он не мог понять, почему это произошло, но она вдруг заговорила с ним, как с живым человеком, а не с чем-то, что хотелось бы побыстрее соскрести с подошвы своей туфли.

— Я не хотел этого делать, — признался он, чувствуя, что тембр его голоса тоже изменился. Он стал мягким. По-настоящему мягким, как будто он доверился ей и хотел поделиться чем-то сокровенным. Как-то сами собой его губы открылись, и с них сорвалось: — О господи, какая ты красивая! — Чувствуя, что выглядит, как какой-то патетический придурок, он попытался исправить положение и добавил: — Я понимаю, что это звучит глупо, но так оно и есть. — Он следил за ее лицом, пытаясь сообразить, что еще сказать в подтверждение того, что он не какой-нибудь козел, которого нужно поливать перечным аэрозолем.

Ее рот казался очень мягким — эти губы можно целовать вечно.

Нет, про ее рот он говорить не мог. Это слишком сексуальная тема.

Тогда нос?

Нет, это совсем глупо. Никто никогда не говорит девушке, что у нее красивый нос. Носом дышат, иногда он течет, еще им можно сморкаться. Он просто присутствует на лице и все.

— С тобой все нормально? — спросила она.

— Твои глаза... — выпалил он, чувствуя себя идиотом еще в большей степени, чем раньше. Он произнес эти слова так громко, что она вздрогнула. — Я хотел сказать... — продолжил он уже тише. — Прости. Я просто подумал, что твои глаза... — Господи, на ней был такой слой макияжа, что просто в голове не укладывается! — Я думаю, что у тебя замечательные глаза.

Робин внимательно смотрела на него, возможно, прикидывая, как быстро сможет выхватить из сумочки баллончик, чтобы брызнуть ему в лицо, а может, обдумывая, как вытащить у него деньги, когда он свалится.

— Знаешь, — в конце концов сказала она, — тебе не обязательно ухаживать за мной. Просто заплати.

Он сунул руку в карман.

— Не сейчас, малыш, — сказала она, неожиданно занервничав.

Он делал что-то не так. Это делалось как-то иначе, но Джон не знал, как именно.

— Прости... — извинился он.

— Заплатишь мне в комнате, — сказала она, махнув рукой, чтобы он следовал за ней. — Это вон там.

Он стоял на месте как вкопанный, ноги его отказывались идти дальше. Боже, он снова чувствовал себя прыщавым мальчишкой, пытающимся на бейсболе добраться до второй базы!

В голосе ее послышалось раздражение.

— Пойдем, большой мальчик. Время — деньги.

— Давай останемся здесь, — сказал он, а когда она начала протестовать, добавил: — Нет, я в другом смысле. Давай просто постоим здесь и поговорим.

— Ты хочешь поговорить? Это к психиатру.

— Я тебе заплачу.

— Это тебя как-то заводит? — спросила она. — Я начинаю говорить, а ты дрожишь? Исключено.

Она направилась обратно к дороге, а он неловко попытался быстро достать из кармана деньги. Несколько купюр выпало из его

руки, и он присел, чтобы подобрать их с земли. Когда он поднял голову, она продолжала идти.

— Пятьдесят долларов! — крикнул он, и Робин замерла на месте.

Она медленно обернулась, и он так и не понял, то ли его предложение так раздосадовало ее, то ли она просто злилась.

— Вот, — сказал он, поднимаясь, подошел и сунул деньги ей в руку. Там было много купюр по одному доллару и несколько пятерок — все, что ему причиталось из общей коробки для чаевых на автомойке.

— Только брюки я снимать не буду, о'кей? Не нужно ничего этого.

Она попыталась отдать ему деньги обратно.

— Не надо меня дурачить, понял?

— Я и не собираюсь, — ответил и услышал нотку отчаяния в своем голосе. Он мог снова напугать ее, и тогда ее уже не воротить назад никакими деньгами. — Просто поговори со мной, — сказал он, сжимая ее пальцы, державшие купюры. — Просто расскажи мне что-нибудь.

Она закатила глаза, но продолжала держать деньги.

— Рассказать тебе что?

— Что угодно, — сказал он. — Расскажи мне... — Господи, как назло, в голову ничего не приходило! — Расскажи мне... — Он внимательно смотрел на ее лицо в надежде, что оно подскажет ему что-то, что позволит задержать ее здесь подольше. Он смотрел на ее красивые губы, на то, как они скривились от недовольства и еще чего-то — возможно, чего-то сродни любопытству. — Твой первый поцелуй, — решил он. — Расскажи мне о своем первом поцелуе.

— Ты точно издеваешься надо мной!

— Нет, — сказал. — Вовсе нет. — Он отступил на пару шагов и вытянул руки в стороны, чтобы она могла видеть, что он не собирается мастурбировать. — Просто расскажи мне о своем первом поцелуе.

— Ты хочешь, чтобы я рассказала тебе о поцелуе с сестрой? С моим отцом?

— Нет, — сказал он, качая головой. — Только прошу тебя, не лги мне.

Она скрестила руки на груди и оглядела его с ног до головы.

— Ты серьезно дал мне пятьдесят баксов, чтобы я рассказала тебе о своем первом поцелуе?

Он кивнул.

Робин огляделась по сторонам и снова взглянула на него. Потом пересчитала деньги, беззвучно шевеля губами и перекладывая мятые купюры из одной руки в другую.

— Ну ладно, — наконец сказала она, пряча пачку наличных под рубашку. — Это был Стиви Кампано.

Имя рассмешило его.

— Да, — подтвердила она и впервые за все это время улыбнулась. У нее были идеальные ровные зубы. — Настоящий Ромео этот наш Стиви.

— И ты пошла с ним?

— Да нет, конечно, — обиженно сказала она. — Он был на два года младше меня, один из приятелей моего брата. Мы просто как-то играли вместе.

— Играли во что? — Брови ее нахмурились, и он быстро добавил: — Нет, я не то имел в виду. Я просто хотел узнать, что вы делали.

— Купались в бассейне, — поколебавшись, ответила она, очевидно, по-прежнему пытаясь сообразить, к чему он клонит. — Я только потому и пошла с братом, что у Стиви был свой плавательный бассейн.

Джон почувствовал, что невольно улыбается.

Она решила продолжить рассказ.

— Светила полная луна и все такое, а мы купались в бассейне, баловались и валяли дурака. Он посмотрел на меня, я посмотрела на него, а потом он наклонился и поцеловал меня.

— По-настоящему или по-детски?

— Это был детский поцелуй, — сказала она, и улыбка волшебным образом преобразила ее лицо. Она действительно была очень красива — о таких брюнетках с оливковой кожей поэты слагают стихи.

Ее улыбка вдруг стала озорной.

— А потом был настоящий поцелуй.

— Вот так Стиви! — сказал Джон, представляя себе эту картину: луна и семейный бассейн на заднем дворе, в котором плавают всякие надувные штучки и игрушки. — Сколько же тебе было лет?

— Тринадцать, — призналась она.

— Выходит, Стиви было...

— Десять. Ну да, я знаю. — Виноватым жестом она подняла руки. — Совращение малолетних. Признаю, виновна.

Джона поразила ее какая-то детская бравада.

— Боже, думаю, когда мне было десять, я и понятия не имел, что такое целоваться с языком.

— Да уж. Мне было тринадцать, но я этого тоже не знала, — сказала она, а потом рассмеялась: может, из-за нахлынувших воспоминаний, а может, от абсурдности всей этой ситуации.

Джон тоже засмеялся и почувствовал такое сладкое облегчение, что впервые за двадцать пять лет мог бы сказать как на духу, что ему сейчас хорошо.

— Господи, — сказала Робин, — я сто лет не вспоминала об этом мальчишке!

— А чем он сейчас занимается, как ты думаешь?

— Доктор, наверное. — Она снова засмеялась — коротко, резко и с удовольствием. — Гинеколог.

Джон все еще улыбался.

— Спасибо тебе, — сказал он.

— Ладно. — Она поджала губы. — Эй, а зовут тебя как?

— Джон.

Она расхохоталась, словно это была какая-то шутка.

— Нет, честно. Джон Шелли. — Он протянул ей руку, но она сделала шаг назад. — Прости, — сказал он, виновато опустив руку. Что он сделал не так? Чем нарушил этот контакт?

— Все нормально. Просто мне уже надо идти. — Она опасливо глянула через плечо. — Скоро контролер хватится меня, и тогда...

— Все в порядке, — сказал он. Он опять сунул руки в карманы, потому что не знал, что с ними делать. — Прости, если я что-то...

— Нет проблем, — перебила она его.

— Могу проводить тебя обратно.

— Я дорогу знаю, — ответила она и едва ли не бегом направилась к дороге.

Джону только и оставалось, что смотреть ей вслед и думать, что он сказал такого, отчего она убежала. Пятьдесят баксов. Он мог много чего купить на эти деньги. Еду. Одежду. Мог заплатить за комнату. Повеселиться. Но то, как сверкали ее глаза, когда она по-настоящему улыбалась... Такое за деньги не купишь. Да, она взяла его деньги, но

этот смех... Это был миг настоящего контакта между ними. Она говорила с ним, она на самом деле разговаривала с ним, потому что ей этого хотелось, а не из-за пятидесяти баксов.

Джон стоял в посадке, словно пустил здесь корни, и, закрыв глаза, вызывал в памяти ее голос, ее смех. У нее где-то есть брат. Она выросла по соседству с бассейном. Ее родители потратили определенные деньги на ортодонта; может быть, водили дочь на уроки танцев, чтобы ее тело стало таким изящным; а возможно, она была в этом смысле похожа на Джойс и относилась к типу девушек, которые так быстро усваивают пищу, что для поддержания фигуры им всего-то и нужно немного пройтись после еды.

Со стороны дороги раздался сигнал автомобиля, и Джон открыл глаза.

Почему он не пошел с ней в гостиничный номер? Пятьдесят баксов. Это был его заработок в удачный рабочий день. Целый день, в течение которого он вытирает машины и убирает чужое дерьмо, ожидая, что его работу придет проверять Арт, который обязательно ткнет пальцем в несуществующее пятнышко на лобовом стекле, чтобы клиент почувствовал, что не даром заплатил свои деньги.

Пятьдесят баксов — за что? За то, чтобы послушать о чем-то там поцелуе?

Возвращаясь к дороге по другой тропинке, чтобы не выйти случайно снова к винному магазину, Джон сломал какую-то веточку. Он мог бы сейчас обнимать Робин, мог заниматься с ней любовью. Он остановился, опершись рукой о дерево, — легким не хватало воздуха, словно из груди выбило дыхание.

Нет, подумал он. В том номере он делал бы то же, что делает сейчас, — обманывал себя. А правда заключалась в том, что на самом деле Джон никогда не занимался любовью с женщиной. Никогда не испытывал интимной близости, о которой пишут в книжках, никогда возлюбленная не брала его за руку, не гладила его по голове, не прижималась к нему всем телом. Последняя женщина, которую он целовал, — она же и единственная, с которой ему пришлось целоваться в жизни, — на самом деле была даже не женщиной, а девочкой. Джон помнил эту дату, как будто она была выжжена в его мозгу: 15 июня 1985 года.

Он поцеловал Мэри Элис Финни, а на следующее утро она была уже мертва.

Глава 10

10 июня 1985 года

Когда Джон был маленьким, он любил играть в грязи, строить всякие штуки, а потом постепенно и последовательно ломать их. Когда мать встречала его бредущим по улице в перепачканных штанах, с какой-то соломой в волосах, то частенько со смехом брала садовый шланг, заставляла сына раздеться на заднем дворе и окатывала его водой, прежде чем впустить в дом.

Устав после дневных занятий, Джон по ночам крепко спал. Он относился к типу детей, которые все доводят до конца. Для своего возраста он был худым, с впалой грудью, но компенсировал эти недостатки ярко выраженной силой воли. Если на улице затевалась какая-нибудь игра, он всегда принимал в ней горячее участие и, несмотря на свои физические данные, был в первых рядах. Стикбол^[7], бейсбол, игра в вышибалы — он обожал движение. Американский футбол вряд ли можно было считать его видом спорта при его скромном сложении, но он, тем не менее, всегда квалифицировался в команду соответствующей лиги, как только достигал нужного возраста. К старшим классам школы он стал выше ростом, но тело его все-таки больше напоминало резиновую ленту, чем фигуру накачанного атлета. Тем не менее тренер футбольной команды был покорен его напористостью, и в первую же неделю после начала учебного года в младшей средней школе Джон уже носился по футбольному полю, отчаянно потея и старясь изо всех сил, а как каждая его мышца ликовала от возможности играть в одной команде с испытанными бойцами.

В средней школе выяснилось, что с плохими оценками в футбол играть не разрешат. Когда Джона отчислили из команды, он расстроился больше, чем думал, и в порыве ярости со всей силы швырнул шлемом в стенку, пробив в гипсокартоне большую дыру. После школы он начал шататься по району, потому что знал: мать обязательно спросит, почему он не на тренировке. Он выбросил записку, которую тренер прислал на домашний адрес, и заплатил за

разбитую стену из доходов от подпольной торговли наркотиками. Он понимал, что родители все узнают, как только ему выдадут табель успеваемости, и старался насладиться свободой, пока на него, словно кара Господня, не обрушился гнев Ричарда.

Даже после того, как жизнь начала разваливаться на куски, Джон все равно любил ходить пешком. Когда его в первый раз отстранили от школы за дозу травки, найденную в шкафчике, большую часть дня он провел, бродя по окрестностям. После кражи магнитофонной кассеты отец посадил его под домашний арест на шесть месяцев, и, если бы не доброе сердце матери («Возвращайся через час и ничего не говори отцу»), Джон, вероятно, совсем зачах бы в своей комнате. Иногда ему казалось, что именно этого отец и хотел. Пусть плохой сын погибает сам по себе: с глаз долой — из сердца вон. У доктора Ричарда, в конце концов, была его Джойс. Оставался, по крайней мере, один хороший ребенок.

Джон любил бродить по улице, смотреть, как раскачиваются под ветром деревья, как парят, опускаясь на землю, желтые листья. На прогулку он никогда не отправлялся под кайфом. Не хотел портить себе удовольствие. К тому же привлекательность кокаина быстро улетучивалась. Попадание в реанимацию, ощущение, что голова горит в огне, хлещущая носом кровь, рвота активированным углем, которым его пичкали, — все это открыло Джону глаза. Именно тогда он и решил перейти исключительно на травку. Ничто не стоило того, чтобы отдавать за это жизнь. Вуди, конечно, поднимет его на смех, но Джон не собирался убивать себя только потому, что не сможет противостоять двоюродному брату.

В ночь, когда случилась та передозировка, Ричард приехал в больницу в наспех надетой рубашке, застегнутой не на те пуговицы. Медсестра оставила Джона наедине с отцом, решив, что между ними существует сильная родственная связь или что-то в этом роде.

— Какого хрена с тобой происходит? — потребовал объяснений Ричард. Он был вне себя от злости. Его напряженный голос звучал так, словно проходил через какой-то фильтр, и уши Джона, в которых и так стоял гул из-за ужасного самочувствия, едва воспринимали то, что говорил отец.

Ричард обожал цитаты. Некоторые из них были распечатаны и развешены на стенах его кабинета, и порой, приводя туда сына, чтобы

поговорить о каком-нибудь очередном его проступке, он просто показывал на одно из этих высказываний. «Глупость — качество благоприобретенное, ей учатся» было одним из его любимых изречений, но той ночью в больнице Джон понял, что времена, когда отец указывал на выцветшие листы бумаги в надежде вразумить его и наставить на путь истинный, уже миновали.

— Ты мне больше не сын! — заявил Ричард. — Если бы не мать, я бы вышвырнул твою бесполезную задницу на улицу с такой скоростью, что голова могла бы за ней и не поспеть. — В качестве иллюстрации он отвесил сыну пощечину. Удар был несильным, но это был первый раз с шести-семилетнего возраста, когда отец поднял на него руку, да и шлепал он его всегда только по попе.

— Папа... — попытался что-то сказать Джон.

— Никогда больше не называй меня так! — оборвал его Ричард. — Я *работаю* здесь. У меня здесь коллеги, у меня здесь *друзья*. Ты не представляешь, что чувствуешь, когда тебе звонят среди ночи и говорят, что твой никчемный сын попал в реанимацию.

Он наклонился, и его багровое лицо оказалось в нескольких сантиметрах от лица Джона. От него пахло мятой, и Джон вдруг сообразил, что отец успел почистить зубы, перед тем как ехать в больницу.

— Знаешь, кто может так поступать? — спросил Ричард. — Никчемные, законченные наркоманы, вот кто!

Какое-то время он расхаживал по палате, сжимая и разжимая кулаки. Потом обернулся и кивнул, словно принял окончательное решение и хода назад уже нет.

Джон попытался снова.

— Папа...

— Ты мне не сын! — отрезал Ричард, и дверь за ним захлопнулась.

— Он еще отойдет, — сказала мать, но Джон знал, что это не так.

Он никогда не видел такого выражения в глазах отца. Разочарование — да. Но ненависть... это было что-то новое.

Джон думал об этом взгляде, когда бродил в окрестностях дома через день после стычки с отцом в палате реанимации.

— Только на один час, — сказала мать, но на этот раз не прибавила «Только отцу не говори», потому что они оба знали, что

отцу уже все равно.

Видимо, решив, что сцены в больнице недостаточно, Ричард тем утром пришел в комнату сына и открытым текстом заявил, что он будет кормить и одевать его до восемнадцатилетия, а потом хочет, чтобы Джон убирался из его дома и из его жизни. Он потер руки, а затем вытянул их перед собой ладонями вверх.

— Все, в отношении тебя я умываю руки.

Пахнуло прохладным ветром, и Джон поплотнее запахнул куртку. Несмотря на то что прошлой ночью он чуть не умер, ему хотелось дозу кокаина, чего-то такого, чтобы притупить ощущения. Впрочем, на самом деле он не собирался этого делать. И не из-за отца или матери — он сам был напуган. Джон не хотел умирать и знал, что кокаин убьет его рано или поздно, причем, скорее всего, именно рано. Он и нюхал его всего-то несколько раз. Так что завязать, наверное, будет несложно. Однако сколько бы он ни курил травку, тяга к средствам посильнее горела внутри острой болью, как будто он наглотался бритвенных лезвий. Будь проклят Вуди и эти его глупые сборища!

— Эй!

Джон вздрогнул и, оторвавшись от своих мыслей, поднял голову. На одной из качелей на детской площадке сидела Мэри Элис Финни.

Его ненависть к ней вспыхнула, как спичка.

— А ты что здесь делаешь?

— Я и не знала, что эта площадка принадлежит тебе, — сказала она.

— Ты ведь сейчас должна быть в школе, верно?

— Я прогуливаю.

— Ну да, конечно! — хрипло хохотнул он и почувствовал во рту вкус крови. — Зараза! — выругался он, зажимая рукой нос. Кровь хлестала, как из открытого крана.

Мэри Элис уже стояла рядом с ним. В руке у нее была салфетка — почему у девчонок всегда есть с собой такие вещи? — и она прижимала ее к его носу.

— Сядь, — сказала она, подводя его к «джунглям»^[8].

Он шлепнулся на нижнюю перекладину и тощей задницей почувствовал через джинсы ее холод.

— Наклонись вперед.

Он закрыл глаза, но чувствовал на себе прикосновение ее рук: одна придерживала его затылок, вторая держала салфетку у его носа. По идее, когда кровь идет носом, нужно было бы наклониться назад, но, пока она держала его голову, ему было все равно.

Она тяжело вздохнула.

— Джон, зачем ты делаешь все это с собой?

Он открыл глаза и увидел, как кровь капает на песок у него под ногами.

— Ты что, вправду уроки прогуляла?

— Я должна была пойти на прием к доктору, но мама забыла за мной заехать.

Джон попробовал повернуть голову, но она не позволила. Матери никогда не пропускают прием у врача. Такого просто быть не может.

— Все правильно, — сказала она, как будто прочитав его мысли. — Мои родители разводятся.

Джон выпрямился слишком быстро, и перед глазами вспыхнули звезды.

Она выглядела смущенной и растерянно сжимала в руках окровавленную салфетку.

— Мой отец встречается с той женщиной у себя в офисе.

Он видел натянутую улыбку на ее губах. Родители идеальной Мэри Элис расстанутся!

— Ее зовут Минди, — сказала она. — Отец хочет, чтобы я с ней познакомилась. Он думает, что мы станем подругами.

Джон, казалось, слышал, как Пол Финни произносит эти слова. Он был адвокатом и, как и большинство адвокатов, обладал непомерным самомнением, полагая, что все, что срывается с его губ, является истиной в последней инстанции.

Джон ткнул носком ботинка в песок.

— Мне очень жаль.

Мэри Элис плакала, и он видел, что она следит за своими падающими на песок слезами, как он несколько мгновений назад следил за каплями своей крови.

Он ведь ненавидит ее, верно? Только сейчас ему почему-то хотелось обнять ее за плечи и сказать, что все будет хорошо.

Он задумался, что бы такого сказать, чтобы ей стало легче.

— Хочешь пойти на вечеринку? — неожиданно выпалил он.

— На вечеринку? — переспросила она, сморщив нос. — Что, с твоими друзьями-наркоманами?

— Нет, — ответил он, хотя она, конечно, была права. — Мой кузен Вуди устраивает вечеринку в воскресенье. Его мать уезжает в город.

— А отец его где?

— Я не знаю, — признался Джон. Он никогда раньше об этом не задумывался, но мать Вуди уезжала так часто, что Вуди практически все время жил один. — Ты можешь прийти, когда захочешь.

— Мы собрались в торговый центр с Сьюзан и Фэй.

— Придешь после этого.

— Я там почти никого не знаю, — сказала она. — К тому же, думаю, после того, что случилось, тебя не выпустят из дома.

Выходит, уже вся школа знала о том, что он попал в больницу. А Джон считал, что у него есть еще пара дней, прежде чем произойдет утечка информации.

— Выпустят, — сказал он и подумал об отце, о том, как он смотрел на него сегодня утром. Точно так же, брезгливо поджав губы, он смотрел на мертвого дядю Барри, лежавшего в гробу. Обжора. Бабник. Торговец подержанными автомобилями.

— А где живет твой кузен? — спросила Мэри Элис.

Джон назвал ей адрес: это было в трех улицах отсюда.

— Приходи, — сказал он. — Скажи, что придешь.

Она снова сморщила носик, но на этот раз уже дразня его.

— О'кей, — ответила она и, оставляя себе пути для отступления, добавила: — Я подумаю.

Глава 11

11 октября 2005 года

Джон лежал на кровати и дремал, когда в дверь его комнаты в ночлежке постучали. Он перекатился на бок и, прищурившись, взглянул на часы. Шесть тридцать. Вставать на работу ему было только через час.

— Тук-тук, — произнес женский голос, и он со стоном снова откинулся на подушку. — Проснись и пой, мой маленький певчий! — пропела Марта Лэм.

Первым, что он узнал о своем надзирающем офицере по условно-досрочному освобождению, было то, что она обожает внезапные проверки.

— Минутку! — откликнулся он, усаживаясь на кровати и сонно потирая глаза.

— Никаких минуток, ковбой, — настойчиво сказала мисс Лэм вежливым, но твердым голосом. — Немедленно открывай дверь, слышишь меня?

Он сделал, как было велено, потому что знал: если она вобьет себе что-то в голову, то может усадить его обратно за решетку еще сегодня.

Марта Лэм стояла в дверном проеме, опираясь рукой о косяк, и на губах ее цвела радостная улыбка, как будто она была просто счастлива видеть его. Одета она была как обычно: черная отглаженная рубашка, жилет из ткани с золотой нитью и черные кожаные брюки в обтяжку. Та ее часть, которая находилась между вульгарными туфлями и внушительным «глоком» в кобуре на поясе, вполне могла бы принадлежать девушке из какого-нибудь глянцевого журнала.

Она мельком взглянула на его трусы-боксеры и махнула рукой в сторону ванной комнаты.

— Пойди отдай честь своему маленькому генералу. А я тут пока одна посижу.

Джон прикрылся руками, чувствуя себя пятнадцатилетним мальчишкой.

— Мне просто в туалет нужно, — пояснил он.

Она снова радостно улыбнулась ему; благодаря тягучему южному произношению слова ее прозвучали даже как-то вежливо:

— Возьми стаканчик в коридоре возле бачка с водой и наполни его для меня, договорились?

Он как можно быстрее прошел в общий туалет, спешно пописал, набрав достаточное количество мочи в стаканчик для выборочной пробы на наркотики, и вернулся в комнату. Мисс Лэм сейчас должна будет сделать анализ, и хотя Джон знал, что она там ничего не найдет, он все равно чувствовал себя виноватым и боялся, что она может снова запереть его обратно. Парни в тюрьме рассказывали много чего о надзирающих офицерах, о том, что они подкидывают наркотики, если им кто-то не нравится, что к насильникам они особенно придираются и ищут любой повод упечь их снова за решетку.

Когда он вернулся, она держала в руках фотографию его матери в рамке.

— Это было снято в прошлом году, — сказал он, чувствуя комок в горле.

Эмили стояла в тюремной приемной для посетителей, и Джон обнимал ее одной рукой на фоне белой стены из шлакобетона. Это было на его день рождения. Снимок сделала Джойс, потому что мама настояла.

— Славно, — сказала мисс Лэм.

Джон всегда называл ее мисс Лэм, и никогда — Марта, потому что она пугала его, а он хотел показать ей, что способен на уважительное отношение.

Она сняла заднюю стенку рамки. Что она там искала? Он не знал этого, но чувствовал, что обливается потом, пока она не поставила фотографию обратно на картонный ящик, служивший ему прикроватной тумбочкой.

Потом она начала просматривать книжки в мягкой обложке, которые он набрал в библиотеке; она пролистывала страницы, комментировала названия.

— «Тэсс из рода д'Эрбервиллей»? — удивленно спросила она, остановившись на последней.

Он пожал плечами.

— Я раньше ее не читал. — Его арестовали на следующий день после того, как мисс Ребак, преподавательница английской литературы, объявила классу, что письменную работу они будут писать по «Тэсс».

— Хм... — промычала мисс Лэм и просмотрела книгу еще раз, уже более внимательно.

Наконец она поставила ее на место и, уперев руки в бока, оглядела комнату. Комода у Джона не было, поэтому его вещи были сложены и аккуратными стопками лежали на красном холодильном ящике, где он держал еду. Он мог сказать, что она уже рылась в его одежде, поскольку рубашка сверху была сложена иначе; также можно было предположить, что она проверила его бананы, хлеб и банку с арахисовым маслом в холодильнике. В комнате было одно окно, и он клейкой лентой прилепил на него картон, чтобы заслониться от раннего утреннего солнца. Мисс Лэм отклеила края, чтобы убедиться, что там нет чего-то недозволенного. Комнату освещала голая лампочка, и он заметил, что она выключила напольный светильник возле его кровати. Абжур висел косо. Она его тоже проверяла.

— Подними, пожалуйста, матрас, — сказала она, а потом доверительно, словно они были старинными приятелями, добавила: — Я только что сделала маникюр.

Джон ступил два шага и оказался возле матраса. Он поднял его и прислонил к стене, чтобы она могла посмотреть на грязный блок матрасных пружин снизу. Они одновременно обратили внимание на нижнюю сторону матраса. Кровавые пятна и какой-то грязный серый круг посередине заставили ее поморщиться от отвращения.

— Это тоже, — сказала она, показывая на блок пружин, лежавший на голом полу.

Он поднял его, и они дружно отскочили назад, словно перепуганные школьники, потому что оттуда выскочил большой таракан и побежал по сырому коричневому половику.

— Брр... — сказала она. — А лучше комнату найти нельзя?

Он покачал головой и бросил пружины на пол. Ему повезло, что он нашел хотя бы эту. Как и в тюрьме, в ночлежках свои требования, и очень многие из них не пускают к себе осужденных за сексуальное насилие, особенно если жертвами стали подростки. Джона поселили здесь с шестью другими заключенными, и все они были взяты на учет

штатом. Один из них пошел за восьмилетней девочкой, другой любил насилловать пожилых женщин.

— Ладно. — Мисс Лэм улыбнулась, снова очень радостно. — Думаю, с орудиями педофилов в данный момент разобрались. — Она показала на картонный ящик возле кровати. — Открой вот это, пожалуйста.

— Да там ничего...

Джон осекся, понимая, что возражать бессмысленно. Он снял с ящика стопку книг, положил их на кровать, а сверху поставил фотографию мамы, не желая, чтобы она касалась грязного постельного белья.

Он открыл ящик, показав мисс Лэм, что он пустой.

Она следовала дальше по своему списку.

— Виагру, случайно, где-нибудь не прячешь? — Джон отрицательно покачал головой. — Запрещенные наркотики? Порнография? Какое-то оружие?

— Нет, мэм, — заверил он ее.

— По-прежнему работаешь в «Горилле»?

— Да, мэм.

— Если что-то изменится, первым делом докладываешь мне, понятно?

— Да, мэм.

— Что ж. — Она снова уперлась руками в бока. — Тогда все в порядке. На сегодня ты чист.

— Спасибо, — сказал он.

Она погрозила ему пальцем с накрашенным ногтем.

— Я слежу за тобой, Джон. Не забывай об этом.

— Нет, мисс Лэм, не забуду.

Она чуть дольше задержала на нем взгляд, а потом сокрушенно покачала головой, словно никак не могла понять его.

— Не влазь ни в какие неприятности, и у нас с тобой не будет проблем, о'кей?

— О'кей, — согласился он и невпопад добавил: — Спасибо.

— Я буду заглядывать к тебе, — сказала она, направляясь к двери. — Держись подальше от неприятностей.

— Да, мэм, — пообещал он.

Проводив ее, он задержал руку на закрывшейся деревянной двери и устало прислонился к ней лбом, переводя дыхание.

— Тук-тук, — услышал он из коридора сверху. Мисс Лэм отвечала также и за насильника старух. Джон не знал, как того зовут, потому что всякий раз, когда они встречались в этой ночлежке, он собирал всю волю в кулак, чтобы сдержаться и не врезать ему по полной.

Он вернулся в свою комнату, стараясь не слушать бодрые пассажи мисс Лэм в комнате наверху. Он ненавидел людей, которые копаются в чужих вещах. Самое главное, чему он научился в тюрьме, — нельзя прикасаться к чужой собственности, если не хочешь умереть за это.

Он взял футболку, одну из шести, и снова сложил ее по-своему. У него была пара хлопчатобумажных брюк, двое джинсов, три пары носков и восемь пар трусов, потому что мама почему-то все время приносила ему в тюрьму нижнее белье.

Ногой Джон поправил одну из кроссовок. Мисс Лэм и их тоже обыскала. Языки были вывернуты наружу, стельки смяты. Тридцать баксов за пару спортивных туфель, подумал Джон. Он не мог поверить, насколько подорожала одежда и обувь, пока он сидел.

Внезапно он услышал, как мисс Лэм наверху произнесла: «Уху-ху!» Джон застыл, понимая, что она что-то там нашла. Он слышал, как насильник что-то бормотал в ответ, а затем мисс Лэм громким и четким голосом сказала:

— Расскажешь это судье.

Никакой стычки там не произошло. В конце концов, у нее был «глок», и, кроме того, не похоже, что в этом ветхом строении, которое он называл своим домом, было куда бежать. Джон не удержался и выглянул в коридор, когда услышал, что они спускаются вниз по лестнице. Мисс Лэм положила одну руку бывшему насильнику за плечо, а второй держалась за наручники, застегнутые на запястьях у него за спиной. Мужчина был в нижнем белье — без рубашки, без носков, босиком. В камере предварительного заключения ему будет весело, и мисс Лэм это прекрасно знала.

Она заметила, как он выглядывает из дверей.

— Он облажался, Джон, — сказала она, как будто это и так не было очевидно. — Пусть это послужит тебе уроком.

Джон ничего не ответил. Он закрыл дверь и дождался, пока на улице хлопнула дверца машины, заурчал заведенный двигатель и они

отъехали от дома.

Все же он решил убедиться в этом и отодвинул край приклеенного к окну картона как раз вовремя, чтобы успеть заметить, как красный джип мисс Лэм остановился на светофоре в конце улицы.

Джон опустил на колени и приподнял край грязного коричневого половика, стараясь не думать о тараканах или мышинном дерьме, которые вполне могли там оказаться. Он нашел справку о кредитоспособности там, где положил ее. Ничего запрещенного, но что бы сказала мисс Лэм, если бы увидела это? «Уху-ху!» — и он пропал.

Джон натянул джинсы и сунул ноги в кроссовки. По лестнице он шагал через две ступеньки. В коридоре стоял телефон, которым можно было пользоваться для местных звонков. Он схватил трубку и набрал номер, который помнил наизусть.

— Компания «Кинер, Роуз и Шелли», — представилась секретарша на другом конце линии. — С кем вас соединить?

Джон старался говорить тихо.

— Джойс Шелли, пожалуйста.

— Как я должна вас представить?

Он уже хотел назвать ей чужое имя, но потом передумал.

— Джон Шелли.

Последовала пауза, короткая заминка, от которой он застыл на месте.

— Момент.

Момент этот затянулся на несколько минут, и Джон уже представил себе, как нахмурилась сестра, когда секретарь сообщила ей, кто звонит. Жизнь Джойс была вполне обустроена, и, похоже, дела у нее шли хорошо. Она восстала против диктата отца по-своему: она не стала врачом, бросив медицинский факультет университета Эмори на втором курсе, и подалась в юристы. Сейчас она целыми днями оформляла сделки по недвижимости, получая фиксированную плату за то, что ее клиенты оставляли свою подпись в бумагах над пунктирной линией. Ему было трудно представить ее за столь скучным занятием, хотя Джойс, со своей стороны, вероятно, тоже подняла бы брата на смех за то, что он целый день вытирает с машин мыльную воду.

— Что случилось? — прошептала она, не удосужившись даже поздороваться.

— Мне нужно тебя кое о чем спросить.

— У меня сейчас сделка в разгаре.

— Это не займет много времени, — сказал он и тут же продолжил, чтобы она не успела прервать его: — Что такое кредитный балл?

Она перешла с шепота на нормальный голос.

— Ты что, совсем идиот?

— Да, Джойс, да. Ты же в курсе.

Она тяжело вздохнула, и вздох этот прозвучал более сдавленно, чем обычно. Он подумал, что она, наверное, простыла или опять начала курить.

— Все компании, работающие с кредитными картами, все банки и вообще любой, кто дает тебе возможность покупать что-то в кредит, сообщает в кредитное агентство, насколько успешно ты платишь по своим счетам, вовремя ты это делаешь или задерживаешь платежи, делаешь только минимальный взнос или полностью рассчитываешься каждый месяц, и все в таком роде. Эти агентства составляют твою историю платежей и выставляют тебе балл, который говорит другим компаниям, насколько рискованно давать тебе в долг.

— Семьсот десять — это хороший балл?

— Джон, — сказала она, — у меня правда нет на это времени. Что за аферу ты затеял?

— Никаких афер, — ответил он. — Я аферами не занимаюсь, Джойс. Не за это меня в тюрьму посадили.

Она молчала, и он понял, что перегнул палку.

— Я не забыла, за что именно тебя посадили в тюрьму, — сказала она, и по напряженной интонации было слышно, что она с трудом держит себя в руках.

— А что, если кто-то воспользовался моими личными данными, чтобы оформить кредитные карты и все такое?

— Тогда это испортит тебе кредитный балл.

— Нет, — уточнил он, — что, если они полностью расплачивались по этим картам и по всему остальному каждый месяц?

Она на мгновение задумалась.

— Но зачем им это делать?

— Я не знаю, Джойс. Поэтому и обратился к тебе.

— Так ты что, серьезно? — спросила она. — В чем дело, Джон? Просто спроси меня о том, что ты хочешь узнать. У меня много работы.

— Я и спрашиваю, — сказал он. — Дело в том, что кто-то...

Он умолк. Не впутывает ли он Джойс в то, что сейчас происходит? Не может ли ей повредить каким-то образом, если она об этом узнает? Он не знал, как работают законы. Черт, на прошлой неделе он вообще ничего не знал о существовании таких вещей, как кредитный балл.

И еще он не знал, не прослушивает ли мисс Лэм этот телефон.

Наконец он сказал:

— Это одна афера, которой занимаются парни в тюрьме.

— Господи! — Она снова перешла на шепот. — Лучше тебе не влазить в такие вещи.

— Хорошо, — сказал он. — Буду держаться от греха подальше.

— Так действительно будет лучше, Джон. Они быстро засунут тебя опять за решетку — опомниться не успеешь.

— Ты говоришь совсем как папа.

— Это ты так интересуешься, как у него дела?

Джон вдруг понял, что затаил дыхание.

— Нет.

— Хорошо, потому что он все равно не захотел бы, чтобы я тебе рассказывала.

— Я знаю.

— Господи, Джон! — Она снова вздохнула. Он раздражал ее. Зачем он ей позвонил? Зачем ему нужно было беспокоить ее всем этим?

Джон почувствовал, как подступают слезы, и надавил пальцами на уголки глаз, чтобы попробовать это остановить. Он вспомнил, как они были маленькими, как сестра, играя с ним, наряжала его в вещи Ричарда, как будто была его матерью. Они устраивали чаепития и пекли маленькие кексы в ее игрушечной печке.

— Помнишь, как мы расплавили мамин подарок? — спросил он.

Джону тогда было шесть, Джойс — девять. Они откладывали карманные деньги и купили маме на день рождения браслет. Джойс предложила запечь его в печенье, чтобы сделать ей сюрприз, — она вычитала об этом в какой-то книжке. Они только не учли, что браслет

этот был из очень дешевых украшений, и, когда они включили стоваттную лампочку, чтобы испечь печенье, браслет просто расплавился на подставке. А от дыма сработала пожарная сигнализация.

— Помнишь?

Джойс вздохнула и ничего не ответила.

— Ты в порядке? — спросил он.

Ему хотелось расспросить ее о жизни. Встречается ли она с кем-нибудь? Она никогда не была замужем, хотя была такой чертовски красивой и умной. В ее жизни должен быть кто-то, кто будет заботиться о ней.

— Я заболеваю, простыла, — сказала она.

— По голосу похоже на то.

— Мне нужно идти.

Он услышал мягкий щелчок, когда она повесила трубку.

Следующие три дня выдались с грозами, — то набегают тучи с дождем, а через минуту уже светит солнце, — и у Джона, в принципе, не было работы на мойке, пока погода не устоялась. Он уже жалел, что так глупо протрынькал те пятьдесят долларов со шлюхой. Но потом ловил себя на мысли, что на самом деле жалеет о том, что у него не было еще пятидесяти, чтобы отдать ей. Какой бы вопрос он задал ей на этот раз? Возможно, каково это — быть влюбленным в кого-нибудь? Что чувствуешь, когда обнимаешь человека, который тоже хочет обнимать тебя? Ему хотелось снова поговорить с ней. Хотелось узнать о ее жизни.

К сожалению, он не мог себе этого позволить.

Когда Джон рос, ему не нужно было беспокоиться о том, что он будет есть, какую одежду носить. Обо всем заботились его родители. Постель всегда была застелена свежим бельем, туалет был сверхъестественно чистым, и когда бы он ни открыл холодильник, тот постоянно был забит вкусными вещами, которые он любил. Даже в тюрьме он был обеспечен буквально всем. Там был жесткий распорядок дня и правила просмотра фильмов, но пока ты делаешь то, что говоришь, тебе не нужно ни о чем переживать.

Примерно за месяц работы на мойке Джон заработал чистыми, после удержания налогов, около тысячи долларов. За свою комнатку три на три метра с тараканами он платил четыреста пятьдесят

долларов — дорого, конечно, но, с другой стороны, никто другой его вообще бы не пустил к себе, так что домовладелец имел право взвинчивать цену. Снять квартиру было бы дешевле, но Джон не смог бы потянуть взнос приличного залогового депозита, не говоря уже о всяких платах за подключение и большой первый платеж, которые требовали коммунальные предприятия. Проезд также обходился недешево. Управление городского транспорта Атланты — MARTA — предлагало месячный абонемент на неограниченное число поездок в автобусах и сабвее, но это стоило почти пятьдесят два доллара каждый месяц. Иногда Джон не мог позволить себе заплатить за это заранее, и тогда приходилось тратить по доллару семьдесят пять центов за проезд в один конец, чтобы добраться до работы и вернуться домой.

На еду, которая у него обычно состояла из сухих завтраков из овсяных хлопьев, бананов и бутербродов с арахисовым маслом, к которым иногда добавлялось что-нибудь из фруктов, уходило сто двадцать долларов в месяц. Джону приходилось покупать молоко в маленьких упаковках, чтобы его можно было выпить сразу, и таким образом не связываться со скоропортящимися продуктами. Холодильный ящик для хранения продуктов он использовал в основном для защиты пищи от тараканов: Джон не мог покупать пакет льда каждый день, особенно летом, когда жара превращала лед в воду еще до того, как он успевал доехать домой в автобусе.

За привилегию условно-досрочного освобождения он ежемесячно платил штату двести тридцать долларов. Изнасилование и убийство — штука не из дешевых, и если ему не удастся сделать этот платеж, то он напрямик направится обратно в тюрьму.

При таком раскладе у него каждую неделю оставалось на все необходимое менее семидесяти пяти долларов. Причем это если неделя была удачной, потому что порой он получал значительно меньше. Джон заставлял себя экономить, иногда на еде, и бывало, что от голода у него так кружилась голова, что, дойдя вечером домой, он тут же без сил валялся на постель. Однажды он в отчаянии забрел в один из миллиона так называемых магазинов «заплатишь в получку», которых было полно в бедных районах города, но так и не смог заставить себя платить четыреста восемьдесят процентов за кредит на неделю. А даже если бы и смог, там все равно требовалось наличие текущего счета, чтобы они могли перевести деньги непосредственно в

банк. Но ни один банк мира не открыл бы у себя текущий счет Джону Шелли.

Медицинская страховка была фантастической мечтой, и Джон жил в постоянном ужасе от мысли, что может заболеть.

После злополучного звонка сестре он шел под дождем, ожесточенно пиная встречавшиеся на пути лужи и жалея, что не может дать пинка самому себе за то, что позвонил Джойс. Он и так уже доставил ей массу неприятностей, чтобы навешивать на нее еще что-то сомнительное. На самом деле ему просто хотелось поговорить с ней, узнать, как у нее дела. Джон звонил ей где-то раз в месяц, и она всякий раз радовалась его звонку примерно так же, как сегодня утром.

Перед ним, взвизгнув тормозами, остановился автобус МАРТА, и Джон сначала взглянул на его номер, прежде чем сесть. Этот месяц выдался удачным, так что он махнул абонементом перед считывающим устройством и кивнул водителю.

— Холодает, — заметил тот.

— Это точно, — согласился Джон, наслаждаясь этой незамысловатой беседой, пока вдруг не сообразил, что теперь придется покупать зимнюю куртку или пальто. Господи, сколько же это может стоить?

Автобус дернулся, набирая скорость, и Джон, пробираясь на заднюю площадку, схватился за спинку сиденья, чтобы удержаться на ногах. Народу было много, и он нашел свободное место только возле пожилой женщины, которая читала лежащую на коленях Библию. Когда он сел, она не подняла голову, но он видел, что она краем глаза взглянула в его сторону.

Существует куча жульнических способов заработать. Всегда можно придумать аферу, какой-то финт. В тюрьме было полно таких, кто думал, что изобрел идеальную схему. Джон знал, что некоторые парни из «Гориллы» воруют из машин квитанции об оплате товара и обменивают их на наличные. Для этого лучше всего подходят большие магазины, относящиеся к какой-нибудь торговой сети. Все, что нужно, — это зайти туда, найти товар с номером, указанным на квитанции, потом отдать квитанцию девушке за стойкой и получить наличные. Легкие деньги, говорили они все. Причем Рей-Рей говорил это по два раза.

На остановке Линдберг Джон пересел в другой автобус, который ехал мимо закрытой автомойки. Понимая всю бесполезность этой затеи, он все же выбрал длинный маршрут через Чешир-Бридж-роуд, зная, что он проходит мимо винного магазина, где он встретил Робин. Всю эту неделю он вспоминал о ней и думал, чем она занимается.

Представляя себе ее жизнь, он почему-то считал ее зеркальным отражением своей. Возможно, она была немного испорченным ребенком, как Джойс — папина дочка. Он думал о ее младшем брате, дружившим со Стиви, который поцеловал ее. Интересно, какой он? Звонит ли она ему иногда, когда наступают особенно тяжелые времена? Раздражают ли его эти звонки так же, как Джойс злят звонки брата? Джон не мог себе представить, каково это — иметь сестру шлюху. Он был готов убить любого мужика, который только посмотрел бы на нее.

Автобус проехал мимо винного магазина, и Джон увидел трех девушек, стоявших на рабочем месте под навесом. Одна из них была та крикливая, которая сцепилась с Реем-Реем. Но Робин там не было.

Джон откинулся на спинку сиденья, глядя, как мимо проплывают дорогие рестораны. Автобус остановился на углу рядом с кинотеатром, и он встал, чтобы пропустить чернокожую пожилую женщину, которая выходила здесь. Он прочитал бегущую строку, но по названию ни одного фильма не узнал. Со своей первой полочки он пошел в кино и был шокирован, когда, дойдя до кассы, увидел цены на билеты. Десять баксов! Он не мог поверить, что кино может столько стоить. Даже дневной сеанс стоил очень дорого.

На перекрестке автобус повернул направо, и картина за окном поменялась, став более похожей на жилой квартал. Джон видел, что дома становятся все больше, а дворы — все ухоженнее. Морнингсайд, Вирджиния-Хайленд, Понис-Хайленд. Через Литтл-Файв-Поинтс, мимо новых магазинов «Барнс энд Нобл», «Таргет», «Бест Бай». Декорации снова несколько ухудшились, только когда они уже прилично проехали по Морланд-авеню. По обе стороны неопрятной улицы выстроились винные магазины, угловые гастрономы и лавки автомобильных запчастей. Вывески зазывали дешево обналечить чек или застраховаться, а одна гордо провозглашала: «Единственное место в городе, торгующее одеждой на вес».

На остановке стояла группа мужчин с накинутыми на голые плечи грязными футболками — они натянули их на себя только в самый последний момент перед посадкой. В автобус начали садиться строительные рабочие, и в воздухе почувствовался новый запах. Мексиканцы, азиаты, черные. Очень скоро Джон остался единственным белым среди пассажиров.

Он вышел из автобуса в месте, где улицу можно было назвать даже красивой. Эта часть Морланда граничила с парком Браунвуд и Грант-парк. Здесь поселялись семьи, которые приватизировали городскую землю. Они заботились о своих домах, следили за порядком во внутренних дворах и требовали лучшего отношения к себе, более хороших ресторанов, большей безопасности на улицах, чем предыдущие обитатели этого района. Джон уже давно понял, что средний класс живет так хорошо потому, что все время ждет улучшений. Они знают себе цену и на меньшее не согласны. В противном случае они садятся в свои сияющие автомобили и отправляются туда, где их будут ценить. Бедные же люди, наоборот, довольствуются тем, что им дают, и благодарны уже за это.

В какой-то момент дождь прекратился, и из-за темных туч показалось солнце. Джон не захотел возвращаться через Морланд и поэтому пошел через парк Браунвуд, срезая путь через посадку. Он изучал этот район по карте из городского атласа, который обнаружил в библиотеке, и с удовольствием отметил, что дороги здесь расположены примерно так, как он и ожидал. Вокруг шло строительство, и над домами в стиле ранчо пятидесятых годов уже поднимались трехэтажные особняки. Интересно, сколько это может стоить? Какая должна быть работа, чтобы ты был в состоянии купить собственный дом, обеспечить детей и, возможно, позволить себе подержанный, но хороший автомобиль? Он даже примерно не мог прикинуть того количества денег, которое на это потребуется.

Свернув в Ист-Атланта-Вилледж по Таублиб-стрит, он с удивлением обнаружил несколько симпатичных ресторанчиков и небольшое кафе на месте, где ожидал увидеть заброшенные дома и захудалые автомастерские. Здесь же находилась пара бутиков, кондитерская и магазин товаров для домашних животных. Сквозь его витрину он увидел жирного рыжего кота, принимавшего солнечные ванны на большом мешке с собачьим кормом. Хорошо было бы завести

кота, хоть какое-то животное составило бы ему компанию. Таракан, которого обнаружила мисс Лэм, не в счет. Но эту роскошь он сможет себе позволить только в будущем. Пока что Джон с трудом мог прокормиться сам.

Он свернул направо по Метрополитен-авеню и, пройдя несколько кварталов, оказался перед почтовым отделением Восточной Атланты. Джон оглядел приземистое здание казенного вида. На табличке перед входом был указан тот же почтовый индекс, что и на его справке о кредитоспособности: 30316.

Здесь было многолюдно, стоянки перед почтой и сбоку были забиты, так что машины стояли даже на улице, несмотря на запрещающие дорожные знаки. Подъезд к голубому дому в викторианском стиле, расположенному рядом с почтой, был перекрыт большим грузовиком с трейлером.

Небо снова потемнело, и с него посыпался мелкий морозящий дождь. Джон прошел немного вниз по Метрополитен-авеню, потом развернулся и пошел назад. Он смотрел на людей, входивших и выходивших с почты, и думал, какого черта он сюда пришел.

Потоптавшись на улице с полчаса, Джон понял, что ему на самом деле ничего не мешает зайти внутрь. Его местное почтовое отделение выглядело мрачно, и там, непонятно почему, все время пахло копченым салом. Он покупал бланки для оплаты квартиры и сбора в пользу штата там только потому, что это было в десяти минутах ходьбы от того места, где он жил. Поблизости жила масса иммигрантов, и порой люди притаскивали на почту кур и других домашних животных, чтобы отправить их бог весть куда. Частенько, стоя в очереди, он слышал крик петуха.

В центральном отделении Восточной Атланты было светло и чисто, и вообще здесь чувствовалась какая-то здоровая энергетика. Прямо напротив входной двери располагались ряды почтовых ящиков, наверху — те, что поменьше, внизу — побольше. Слева от него находился офис, где две женщины старались как можно быстрее помочь клиентам. Через весь холл к автомату у входной двери, продающему почтовые марки, тянулась длинная вереница людей. Джон вытащил из кармана пустой конверт и встал в очередь, стараясь не привлекать к себя внимания. Очередь продвигалась медленно, шаг

за шагом, и он не смотрел в сторону почтовых ящиков, пока не поравнялся со стеклянной дверью, ведущей в офис.

Ящик номер восемьсот пятьдесят находился в первом ряду примерно на уровне глаз. На ящике рядом был наклеен оранжевый стикер с настолько выцветшей надписью, что прочесть ее было невозможно.

— Следующий, — сказала одна из служащих почты за стойкой, когда очередная клиентка вышла из офиса, задев Джона. Он быстро отступил с дороги, бормоча извинения и вытирая стекающие с промокших волос капли дождя. Когда он снова поднял голову, то заметил, что к почтовым ящикам кто-то направляется.

Джон затаил дыхание и судорожно сжал в руке свой конверт, когда худощавая чернокожая женщина, разговаривавшая по сотовому телефону, вставила ключ в замок ящика номер восемьсот пятьдесят. Она смеялась в трубку, рассказывая что-то малопочтительное о ком-то из членов семьи, но вдруг выдернула ключ и громко сказала:

— Блин, подруга, я с тобой совсем заболталась и сунула ключ не в тот замок.

Прижав телефон плечом и продолжая разговаривать, она вставила ключ в ящик, который находился ниже номера восемьсот пятьдесят.

— Сэр? — сказала женщина, стоявшая в очереди позади него.

Очередь сдвинулась, а он остался стоять на месте. Джек виновато улыбнулся.

— Простите. Забыл бумажник, — сказал он и вышел из очереди.

Глупая трата времени! Не может же он целый день сидеть возле этого ящика, а вероятность того, что тот, кто воспользовался его именем, появится здесь в одно время с Джоном, была ничтожно мала. Скорее можно выиграть по лотерейному билету.

Он распахнул дверь и выбросил чистый конверт в корзину для мусора. Небеса вновь разверзлись, обрушив на землю очередной холодный шквал воды. Джон зябко передернул плечами. Сто долларов. Хорошее зимнее пальто будет стоить по меньшей мере сто долларов. Откуда ему взять такие деньги? Сколько времени нужно будет копить на это долбаное пальто?

Съездившись, он стоял на автобусной остановке, проклиная себя и этот дождь. Нужно будет подумать о том, чтобы начать искать новое место работы. Что-нибудь в помещении, с фиксированным рабочим

днем и чтобы от погоды не зависело. Что-то такое, где не обращали бы внимания на то, что на тебя в полиции заведено досье, в котором записано, что с тобой нужно обращаться, как с бешеной собакой, чтобы защитить окружающий мир от пропитавшего тебя насквозь порока.

Выбор такой работы для Джона ограничивался только чем-то связанным с опасностью. Половина парней в тюрьме сидели за то, что обчистили круглосуточный магазин или семейную закусочную. Большинство тех, кто сидел в камерах смертников, начинали с ограбления местного универсама «Квики Март» и заканчивали свою криминальную карьеру, всадив пулю в голову какому-нибудь низкооплачиваемому работяге за шестьдесят баксов в ящике кассового аппарата. Перед тем как мисс Лэм определила его на работу в «Гориллу», он от отчаяния уже готов был попробовать обнести ночной магазин. Теперь он понимал, что не может продолжать работать на автомойке, — зимой, по крайней мере. Ему было необходимо найти способ получить деньги, причем срочно.

Автобус опаздывал, а когда подъехал, водитель был раздражен. Настроение Джона, пока он, хлюпя практически разваливающимися от дождя тридцатидолларовыми кроссовками, поднимался по ступенькам и проходил на заднюю площадку, вполне соответствовало настроению других пассажиров. Он тяжело бухнулся на свободное сиденье сзади; состояние было такое, что он бы, в принципе, не возражал, если бы ударившая с неба молния врезала через окно ему в голову. В результате повреждения мозгов он превратился бы в неподвижный «овощ», пускающий слюни на койке в какой-нибудь заштатной больнице. Он даже начал задумываться, почему так много бывших заключенных снова возвращаются в тюрьму. Ему было тридцать пять. Он никогда не водил автомобиль, никогда по-настоящему не встречался с женщиной, никогда по-настоящему не жил. Так какого хрена, думал Джон, угрюмо глядя через окно на чудака, который пытался под дождем одновременно закрыть свой зонтик и сесть в машину.

Когда автобус тронулся, Джон встал, продолжая смотреть в окно и не отрывая глаз от этого мужчины. Сколько же лет прошло? Мозг не позволил ему сделать точный расчет, но он был убежден, что узнал этого человека и не ошибся. Джон открыл рот от удивления, когда

странный мужчина наконец сдался и, швырнув упрямый зонтик на парковку, громко захлопнул дверцу своего автомобиля.

Ну конечно. Это был он. Это определенно был он!

С неба падал миллион капель дождя, и точно так же существовал миллион других шансов, чтобы Джон поехал в это почтовое отделение в правильный день и в правильное время.

Вероятность — один шанс из миллиона, но все же он ему выпал.

Он нашел этого второго Джона Шелли.

Глава 12

Джон не помнил, как его арестовывали, не потому, что пребывал тогда в шоке, просто в тот момент он находился в полубессознательном состоянии. Утром к нему зашел Вуди и накачал его валиумом. Джон принял дозу, которой хватило бы, чтобы вырубить лошадь.

Видимо, копы пришли в его дом с постановлением на арест. Отец провел их к нему в комнату, и там они нашли его, распростертого на кровати. Когда полицейские волокли Джона из дома, наручники больно врезались в кожу на запястьях. На лужайке он снова отключился.

Очнувшись в больнице, он почувствовал во рту уже привычный вкус активированного угля. Только на этот раз, когда он попробовал поднять руку, чтобы вытереть лицо, что-то громко звякнуло о металлическую раму койки. Он опустил взгляд на свое запястье и увидел, что прикован к кровати наручниками.

У дверей сидел коп и читал газету. Он хмуро взглянул на Джона.

— Проснулся?

— Да, — сказал Джон и снова заснул.

Когда он пришел в себя в следующий раз, в палате находилась мама. Господи, выглядела она просто ужасно! Джон задумался, сколько же он проспал, поскольку по Эмили казалось, что прошло уже лет двадцать с того момента, когда он взобрался по лестнице к себе в комнату, тихонько включил на стереосистеме группу «Харт» и принял целую горсть маленьких белых таблеток, которые принес ему кузен.

— Малыш, — сказала она, вытирая ему лоб, — ты в порядке?

Его язык завалился назад, перекрывая горло, а грудь болела так, словно ему трамбовали ребра кувалдой. Как ему вообще удавалось

дышать все это время?

— Ты поправишься, — сказала она. — Это какая-то ошибка.

Но никакой ошибки не было — по крайней мере, с точки зрения полиции. Где-то через час пришел окружной прокурор, рядом с которым стоял Пол Финни и сверлил Джона взглядом так, будто был готов броситься на него и придушить здесь же, на больничной койке. Коп, видимо, тоже заметил это, потому что на всякий случай встал вплотную к мистеру Финни, чтобы ситуация не вышла из-под контроля.

Прокурор представился:

— Меня зовут Лиль Андерс. Это шеф полиции Гарольд Уоллер.

Коп рядом с мистером Финни держал в руках лист бумаги.

Он заглянул в него и прокашлялся, словно приготовился читать речь.

Джон посмотрел на маму.

— Все в порядке, малыш, — сказала она.

— Джонатан Уинстон Шелли, — начал Уоллер, — я арестовываю вас за изнасилование и убийство Мэри Элис Финни.

Уши Джона воспринимали происходящее так, будто он находился под водой. Губы Уоллера двигались, он что-то говорил, но Джон не мог его понять.

Наконец Лиль Андерс наклонился и щелкнул пальцами у Джона перед глазами.

— Ты понимаешь, что происходит, сынок?

— Нет, — сказал Джон. — Я ничего не...

— Не говори ничего, — вмешалась мать, прижав пальцы к его губам. Эмили Шелли, попечитель школьного родительского комитета, воспитатель младшей дружины бойскаутов, мастерица выпекать шоколадное печенье и придумывать костюмы для Хэллоуина, выпрямилась и обратилась к трем мужчинам в комнате: — У вас все?

Они угрожающе уставились на его маленькую маму, особенно Пол Финни. Он и так был мужчина крупный, а злость делала его еще больше.

— Он должен дать показания, — сказал Андерс.

— Нет, — сказала она, эта миниатюрная женщина, которая была его мамой. — Фактически ничего он не должен.

— Это было бы в его интересах.

— Мой сын прошел через очень суровое испытание, — ответила Эмили. — Он нуждается в отдыхе.

Андерс попробовал заговорить непосредственно с Джоном, и даже когда Эмили преградила ему дорогу, он не оставил своих попыток.

— Сынок, ты должен превозмочь себя и рассказать нам, что произошло. Я уверен, что есть какие-то причины, по которым...

— Ему нечего вам сказать! — твердым голос заявила Эмили.

Джон только однажды слышал, чтобы она говорила так, — это было, когда десятилетняя Джойс попробовала пройти по перилам балкона верхнего этажа их дома.

Эмили по очереди посмотрела каждому из мужчин в глаза.

— Прошу вас уйти.

Пол Финни рванулся к Джону, но коп перехватил его.

— Сукин сын! — процедил Пол Финни сквозь зубы. — Ты поджаришься за это на электрическом стуле!

Мистер Финни когда-то был хорошим — по меркам штата — рестлером, и Андерсу с Уоллером пришлось немало потрудиться, чтобы удержать его. В конце концов им пришлось силой увести его из палаты. Через закрытые двери было слышно, как он кричит:

— Ты еще заплатишь за это, долбаный ублюдок!

Когда мама снова повернулась к Джону, ее нижняя губа предательски дрожала. Как это ни странно, но он подумал, что ее расстроили грязные ругательства мистера Финни.

— А где папа? — спросил он. Ричард в их семье всегда брал руководство на себя и улаживал любые неприятности. — Мама? — спросил Джон. — Где он?

Она болезненно сглотнула и, наклонившись, взяла его за руку.

— Послушай меня, — торопливо сказала она. — Они могут в любую минуту вернуться и увести тебя в тюрьму. У нас совсем немного времени.

— Мама...

— Молчи, — сказала она, сжимая ему руку. — И слушай.

Он кивнул.

— Полиции ничего не говори. Даже не называй своего имени. Не рассказывай им, где был сегодня ночью, не говори, что ел на обед.

— Мама...

— Тише, Джонатан, — сказала она, прижимая палец к его губам. — В тюрьме тоже не говори ни с кем. Там никто не может быть твоим другом. Там каждый думает о себе, и тебе тоже следует делать это. Ничего не говори по телефону, потому что все разговоры записываются. Там везде стукачи.

Стукачи? Где мама услышала это слово? Откуда она может все это знать? Она ведь даже «Коджак»^[9] не смотрела, потому что считала, что там слишком много жестокости.

— Я хочу, Джон, чтобы ты мне кое-что пообещал, — настойчиво продолжала она. — Обещай мне, что никому не скажешь ни слова, пока не появится тетя Лидия.

Тетя Лидия. Жена Барри. Она была адвокатом.

— Джон? — окликнула она его. — Обещаешь мне? Ни слова! Не говори даже о погоде. Ты понял меня? Это самое главное из того, что я тебе когда-либо говорила сделать, и ты должен послушаться меня. Ни с кем не говори. Ты слышишь меня?

Он тоже начал плакать, потому что она плакала.

— Да, мама.

Дверь открылась, и в палату вернулся Уоллер. Он взглянул на эту сцену — мать и сын, — и Джон увидел, что в нем что-то смягчилось. Когда он обратился к Эмили, голос его звучал почти по-доброму:

— Миссис Шелли, вам нужно отсюда выйти.

Ее рука сжала руку Джона. Она смотрела на него сверху вниз, и в глазах ее стояли слезы. Он почему-то ожидал, что сейчас мама скажет, что любит его, но вместо этого она одними губами беззвучно произнесла:

— Ни с кем.

Не говорить ни с кем.

Андерс подождал, пока Эмили выйдет, после чего полез в карман и вытащил ключи от наручников. Мягкость его испарилась так же внезапно, как и проявилась.

— Слушай меня, маленький ублюдок! — сказал он. — Сейчас ты встанешь, оденешься и заведешь руки за спину. Если я хотя бы на миллисекунду заподозрю неладное, я обрушусь на тебя, как тонна кирпичей. Ты меня понял, грязный убийца, вонючий кусок дерьма?

— Да, — сказал Джон, замирая от страха. — Да, сэр.

Глава 13

15 октября 2005 года

Государственная тюрьма штата «Коустел» была расположена возле реки Саванна в городе под названием Гарден-Сити, штат Джорджия^[10]. Названия эти, столь привлекательно звучащие на бумаге, вызывали в воображении причудливый приморский городок с открытки. Тот, кто выбирал место для исправительного учреждения штата, должно быть, решил хорошенько подшутить.

«Коустел» была тюрьмой строгой изоляции, которая открылась всего за несколько лет перед тем, как туда попал Джон; через десять лет его срока она была переоборудована под прием заключенных, совершивших насильственные преступления. В наши дни тюрьма состоит из семи зданий, где имеется двенадцать двухместных камер и двадцать четыре четырехместные. Здесь также есть сорок четыре камеры изоляции, тридцать дисциплинарных камер и пятнадцать камер со специальной защитой заключенных. В здании «L» размещается двести человек, в "N" — еще двести, а «O» и «Q» представляют собой открытые спальные корпуса с койками, как в любой обычной военной казарме. В общей сложности тюрьма эта стала домом для почти тысячи шестисот человек.

Джон не думал, что когда-нибудь по своей воле вернется в «Коустел», тем не менее он отпросился с работы и в шесть часов утра сел в автобус дальнего следования «Грейхаунд». На билет ушел весь остаток телевизорных денег, но это его не очень заботило. Он попытался заснуть, прислонившись головой к окну, но все, что ему удалось, это погрузиться в воспоминания о своей первой поездке сюда, в наручниках и кандалах. Он не мог снова вернуться в тюрьму. Он не мог умереть здесь.

Он взял с собой книгу «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» и в течение всей почти пятичасовой поездки заставлял себя читать ее. Джону постоянно приходилось возвращаться по тексту, потому что мыслями он был далеко.

Как мама каждые две недели ездила сюда, независимо от погоды, в дождь и под солнцем? Неудивительно, что ко времени, когда Эмили добиралась на место, она была совсем вымучена. Неудивительно, что она выглядела такой раздавленной в тот первый раз, когда ей разрешили свидание с ним. Впрочем, она делала это двадцать лет и за все это время пропустила только три визита.

Когда «Грейхаунд» подкатил к тюрьме штата, Тэсс как раз сообщила Энджелу о своем благородном происхождении. Джон заложил страницу автобусным билетом и положил книгу в пластиковый пакет из-под продуктов, который привез с собой.

На досмотре посетителей Джон чуть не сгорел от стыда, когда его обыскивали и допрашивали. Но не потому, что был выше этого, а потому что наконец узнал, через что приходилось пройти его матери всякий раз, когда она приезжала на свидание. Пока они досматривали его пакет для продуктов, вскрывали блок сигарет и пролистывали книгу буквально по странице, он производил вычисления в уме. Она совершила эту поездку более пятисот раз. Как Эмили могла выдержать все это? Как он мог подвергнуть свою мать такому унижению? Неудивительно, что Джойс злилась на него. Джон в этот момент ненавидел себя так, как еще никогда в жизни.

В ожидании, пока назовут его имя, он присел на пластиковый стул. Нога опять начала дергаться, хотя все остальные в комнате выглядели абсолютно спокойными. В основном это были женщины с детьми. Они приехали проведать своих отцов. Мальчик рядом с Джоном держал в руках рисунок самолета, сделанный цветными карандашами. Какая-то девочка плакала, потому что ей не разрешили принести сюда плюшевого медведя. Рентген обнаружил внутри игрушки что-то необычное, а мать не разрешила испаривать ее.

— Шелли, — сказала женщина в униформе.

Никто из охранников не узнал его, но, учитывая количество заключенных и посетителей, которые проходили здесь каждую неделю, ничего удивительного в этом не было.

— Шелли, — снова повторила она.

Джон встал, прижимая пластиковый пакет к груди.

— Столик три, — кивнув ему, сказала она.

Он положил пакет на резиновую ленту транспортера рентгеновского аппарата, где ее просветили в третий раз, а сам прошел

через металлодетектор в комнату для посетителей. Он остановился у края транспортера, глядя на это помещение и стараясь представить его себе глазами матери. В комнате примерно семь на десять метров были расставлены металлические столики, напоминавшие мебель для пикника, которые были прикручены к полу. По одну сторону сидели мужчины, а по другую — их жены, подруги или проститутки, которым эти мужчины заплатили, чтобы те пришли их проведать. Между столиками с визгом и смехом гоняли дети, а через каждые три метра спиной к стене стоял охранник. Повсюду были развешены видеокамеры наблюдения, с молчаливым неодобрением медленно двигавшие объективами из стороны в сторону.

За одним из столиков, за столиком номер три, сидел Бен Кар-вер. Он был одет в обычную белую рубашку, белые штаны и белые носки. У него была пара подходящих по цвету домашних тапочек, которые ему принесла мать, но Бен редко надевал их вне камеры, потому что боялся испачкать.

У всех в тюрьме была некая своя маска, новый образ, помогавший выжить в этих условиях. Убийцы становились еще более отвратительными, арийцы — более жестокими, гомики — гомиками в еще большей степени, а у полоумных вообще срывало крышу. Бен относился как раз к последней категории, и исполнял он эту роль, как мэтр драматической сцены. Джон не думал, что это было так уж тяжело для него. К тому моменту, когда парни из БРД схватили его, он уже убил шестерых в окрестностях Атланты. Его фишкой было отрезать у своих жертв правый сосок в качестве сувенира. Во время ареста в центральном отделении почты Атланты, где он восемнадцать лет проработал сортировщиком, один из копов переусердствовал и сбил Бена с ног. При этом изо рта у Бена вылетел кусочек мышечной ткани, позднее идентифицированный как правый сосок последней жертвы, — Бен сосал его в качестве спасательного средства, своего рода палочки-выручалочки.

Эта зловещая подробность в сочетании с подходящей фамилией — Карвер^[11] — вызвала громкий резонанс в прессе. В отличие от Джона, он попал в выпуски телевизионных новостей и даже получил свое персональное прозвище — Резатель из Атланты. Бену эта кличка никогда особо не нравилась, но потом он вдруг обиделся на Уэйна Уильямса — человека, осужденного по делу об убийствах детей в

Атланте, — за то, что тот вытеснил его с первых страниц газет уже через несколько недель после ареста Бена.

— О, мой милый мальчик, — сказал Бен, с тонкой улыбкой глядя на Джона. Губы его были влажными, и посередине, там, где он всегда держал сигарету, на них было видно темное пятно. Точно такая же выеденная никотином отметина, напоминавшая «яблочко» на мишени, была в центре и на его зубах. Одной из первых вещей, которые Бен сразу же заявил Джону, было то, что ему необходимо все время что-то держать во рту для фиксации. «И лучше уж пусть это будут сигареты, чем твой правый сосок, мой милый мальчик». После этого Джон никогда не жаловался на то, что его сокамерник курит.

— Итак, — сказал Бен.

Джон продолжал стоять перед столом, не будучи уверенным, что тот хочет, чтобы он сел.

— Хорошо выглядишь, — сообщил он Бену.

— Разумеется. — Он жеманным жестом пригладил волосы, которых на голове у него практически не было, и подмигнул кому-то за спиной у Джона.

Хотя Бен сидел в камере со специальной защитой от остальных заключенных, в их крыле не было комнат, специально оборудованных для встреч с посетителями, поэтому в тех редких случаях, когда к нему кто-то навещался, он сидел здесь вместе с обычными обитателями тюрьмы. Любой заключенный из блока для людей с психическими расстройствами третьего уровня во время таких визитов был очень уязвим. Ему оставалось только надеяться, что его друзья по несчастью слишком заняты своими шлюхами или слишком уважают своих жен и подруг, чтобы при них вытащить нож и вспороть ему живот.

— Мне нужно было с тобой повидаться, — сказал Джон.

Бен цыкнул языком, и Джон постарался не думать, что было бы у него во рту сейчас, если бы полицейские в свое время не поймали его.

— Разве я не говорил тебе, чтобы ты больше никогда в жизни не возвращался в эту чертову дыру?

— Я рад тебя видеть, — сказал Джон, и это была чистая правда. С тех пор как вышел отсюда, он не встретил еще ни одного приветливого лица.

— Ладно, — сказал Бен, облизывая губы. — Что ты мне принес?

Джон вытащил из пакета блок «Кэмела» без фильтра.

— О, этого просто не может быть! — Бен прижал блок к груди. — Пожалуйста, присаживайся, мой сладкий! Ты ведь знаешь, я не люблю, когда стоят над душой, даже если при этом открывается такой прекрасный вид на твои яйца.

Джон сел, несколько сбитый с толку речью Бена. Он уже успел забыть, как тот разговаривал с ним, как умудрялся заставить его чувствовать на себе грязь, даже если просто интересовался, который час. Джону пришлось напомнить себе, что это было частью образа жизни Бена, его способом прожить очередной день, чтобы не перерезать себе горло.

— Опра^[12] сегодня выступает со своим любимым занятием, — доверительно сообщил Бен.

Шоу Опры было единственной программой, смотреть которую соглашался весь блок без исключений.

— Я уверен, что это будет хорошая передача, — сказал Джон.

Он замолчал, потому что в этот момент к их столику подошел охранник и ненадолго задержался там, прежде чем идти дальше.

— Слушай, — сказал Бен, — ты прекрасно знаешь, что я не могу надолго оставаться без никотина. Так что ты хочешь за это?

Джон наклонился поближе, оставив руки на столе, чтобы охраннику было видно, что он не делает ничего запрещенного.

— У меня проблема.

— Я так и думал.

Охранник двинулся вперед. Джон с трудом подавил желание обернуться через плечо. За ситуацией позади него следил Бен, в то время как Джон не спускал глаз с тех, кто был за спиной у Бена.

— Драгоценный мой, — сказал Бен, — давай не забывать, что здесь даже у стен есть уши.

Скорее, у этих столов. Джон не знал, правда это или нет, но все в тюрьме верили, что в комнате для посетителей полно «жучков» — некоторые вмонтированы под столами, другие вставлены в люминесцентные светильники над головой. Камеры видеонаблюдения были видны достаточно хорошо: они сканировали комнату из стороны в сторону, время от времени задерживаясь на отдельных подозрительных посетителях, чтобы увеличить изображение. Здесь не доверяли даже священникам.

Тихим голосом Джон рассказал Бену о телевизоре, о справке о кредитоспособности, о почте. Он рассказал ему также о человеке с зонтиком, умышленно не назвав его имени, потому что, кто его знает, насколько достоверны слухи.

Когда он закончил, Бен сказал:

— Понятно.

Джон откинулся назад.

— Что мне делать?

Бен плотно сжал пухлые губы и задумчиво приложил палец к черному ожогу на верхней.

— Это, любовь моя, вопрос непростой.

— Он напаривает меня на чем-то, — сказал Джон, а потом неуверенно добавил: — Верно?

— Да, конечно, — согласился Бен. — Другого объяснения быть не может. В принципе.

— Он использует меня для прикрытия.

— Он подставляет тебя, любовь моя.

Джон покачал головой и снова наклонился вперед.

— Но это лишено всякого смысла. Все началось еще шесть лет назад. А шесть лет назад я находился здесь. У меня железобетонное алиби.

— Верно, верно, — согласился Бен и снова приложил палец к верхней губе. — А он знал, что ты вышел?

Джон пожал плечами.

— Он мог это выяснить.

— Но он знал об этом? — спросил Бен. — Должен тебе сказать, дорогой мой, что даже для меня оказалось сюрпризом, что ты так убедительно говорил на совете по досрочному освобождению. Прямотаки чудеса красноречия.

Джон кивнул. Он удивил этим даже самого себя.

— Давай рассуждать, опираясь на допущения типа «что, если», — предложил Бен. — Что, если твой друг решил, что ты заживо сгнил здесь, в нашем маленьком домике для засранцев?

— Допустим.

— Что, если он вдруг, к своему удивлению, обнаруживает, что наш малыш вышел на свободу?

— И что дальше?

— Что, если он почувствовал угрозу в твоём возвращении? — Бен подался вперед. — У него же, очевидно, что-то там крутится.

— Да, — согласился Джон.

— И ему не захочется, чтобы что-то помешало его небольшому левому дельцу, правильно?

— Правильно.

— Ну и что же он сделает?

Оба замолчали, пытаясь продумать этот следующий шаг.

— Я не знаю, — расстроено признался Джон. — Мне необходимо его найти.

— Ты уже перепробовал все пути, лежавшие на поверхности?

— Да.

Он проверил телефонную книгу, но этого парня там не было. Он даже попытался воспользоваться компьютером в библиотеке, чувствуя себя полным идиотом, пока пробовал следовать письменным инструкциям по поводу поиска в Интернете. Ничего.

— Я должен выяснить, что он собирается делать, — сказал он.

Бен крутил в руках блок сигарет, ковыряя пальцем его край.

Джон понимал, что ему не терпелось поскорее закончить с этим.

— Я, конечно, мог бы воспользоваться своими связями из прошлой жизни, чтобы достать тебе действующий адрес этого парня.

— У тебя есть еще свои люди?

Джон был удивлен, что Бен признался в этом там, где их могли слышать. Во время судебного процесса над Беном были некие «источники, близкие к расследованию», утверждавшие, что он использовал внутренние каналы пересылки корреспонденции почтового ведомства, чтобы отправлять кое-что из своих сувениров кому-то из приятелей-фетишистов.

Бен расплылся в широкой улыбке.

— «Сквозь дождь, снег и слякоть»^[13]... Но ты должен предоставить необходимую мне информацию.

Имя. Ему нужно имя. Джон огляделся по сторонам, открыл рот, но...

— Тс-с... — предупредительно прошипел Бен.

К ним подошел другой охранник и остановился прямо напротив их столика. Оба снова замолчали, и Джон уставился на свои руки, размышляя, насколько разумно было приехать сюда. Но с кем еще он

мог бы поговорить? Впутывать в это дело Джойс он не хотел. Единственные люди, с которыми он был знаком, — осужденные преступники и шлюхи.

Охранник пошел дальше, и Джон нахмурился. Этот человек был Джону во многих отношениях как отец. Как это могло произойти? Как мог тот, в ком столько зла и ни малейших поползновений к раскаянию, как он мог оказаться его другом?

Просто Бен считал, что они с Джоном — два сапога пара, другого объяснения быть не могло.

— Вот что я тебе скажу... — начал Бен. — У меня есть машина.

— Что?

— Она стоит в доме моей матери. Я позвоню ей сегодня и скажу, что мой приятель на время ее позаимствует.

В таких вещах Бен был умнее его. Джон собирался двигаться шаг за шагом, не продумывая все до конца. Ну и что, если у него будет адрес этого парня? Не станет же он, в самом деле, следовать за ним на автобусе МАРТА.

— А она еще на ходу? — спросил Джон.

— Мама каждое воскресенье ездит на ней в церковь, но сейчас ее возит туда друг, мистер Пропсон, — сказал Бен. — Бьюла Карвер. Должен сказать, что в телефонной книге она одна такая. Она отдаст тебе ключи, но не говори ей, откуда ты меня знаешь.

— Ты сидишь в тюрьме уже почти тридцать лет. Неужели ты думаешь, что она сама не догадается?

— Я три года держал в холодильнике мужские соски и говорил ей, что это гомеопатическое средство от облысения. Что ты на это скажешь?

Джон вынужден был согласиться.

— О'кей. — Глаза Бена стрельнули куда-то через плечо Джона, и он заговорил скороговоркой, на время прекратив притворяться. — Ты должен проследить за ним, — сказал он. — Следуй за этим человеком и выясни, что он делает и куда ходит. У всего, что происходит, есть свои причины. У всего. — К ним направился следующий охранник, и Бен встал. — А теперь ступай, любовь моя, и еще раз спасибо за твой очаровательный подарок. — Он похлопал рукой по блоку сигарет.

Джон тоже поднялся.

— Бен...

— Иди, — настойчиво повторил тот и обнял его за плечи.

Охранники дружно двинулись в их сторону — физические контакты с посетителями были строго запрещены, — но Бен продолжал крепко держать его, уткнувшись губами куда-то под ухо Джону. Он хихикал, словно гиена, когда они отрывали его, но при этом не выпустил блок сигарет из рук.

— До свидания, мой сладкий мальчик! — крикнул Бен, когда его уже волокли к выходу.

Джон помахал рукой в ответ, с трудом подавив желание срочно вытереть с себя слюну Бена.

Примерно лет через пять заключения Джон как-то спросил у Бена, почему он, как более старший, никогда не приставал к нему и не пытался с ним ничего сделать в камере. К этому моменту Джон уже стал намного крупнее. Как и предсказывала мать, он в конце концов «пошел в кость», руки и ноги его стали большими и сильными. Благодаря занятиям в спортзале, его тело обросло мышцами, а волос на нем хватило бы, чтобы согреть белого медведя за Полярным кругом.

Бен тогда пожал плечами.

— Не нужно гадить там, где ешь.

— Нет, — настаивал Джон, не давая ему уйти от ответа с помощью столь саркастического заявления. — Скажи мне. Я хочу знать.

Бен разгадывал кроссворд и поначалу был раздосадован, но, увидев, что Джон говорит серьезно, отложил его в сторону.

— В этом нет никакого спортивного интереса, — наконец сказал Бен. — Я люблю соблазн-шоу, мой мальчик. Я — актер на сцене, а ты... — Он улыбнулся своей влажной улыбкой. — А ты — деревенщина.

Впрочем, тогда эта «деревенщина» не ударила в грязь лицом. Через мгновение Джон притянул Бена к себе, нос к носу, и получил возможность высказать все, что о нем думает.

Глава 14

После того как жюри присяжных вынесло приговор, Джона увезли назад в камеру окружной тюрьмы. Наручники оставили, зато забрали ремень и шнурки на ботинках, чтобы он не натворил каких-нибудь глупостей. Но переживали они напрасно. Он был слишком потрясен, чтобы вообще шевелиться, не говоря уже о том, чтобы лишиться себя жизни в этой крохотной камере полтора метра на два пятьдесят.

Двадцать два года жизни. Двадцать два года. Ему будет уже тридцать, когда у него появится право на условно-досрочное освобождение. Он будет уже стариком.

— Все хорошо, — сказала ему мама со слезами на глазах. После его ареста она почти не плакала, но сейчас дала волю слезам. — Все хорошо, мой мальчик.

Она имела в виду, что это хорошо, потому что ему удалось избежать смертной казни. Тогда на первых полосах все газеты страны писали о четырнадцатилетнем мальчишке, забившем своего сверстника бейсбольной битой до смерти. В Техасе недавно казнили двадцатилетнего парня за преступление, которое он совершил в семнадцать лет. Несовершеннолетние правонарушители больше никого не удивляли. И Джон мог бы уже находиться по пути в камеру смертников, вместо того чтобы думать о перспективах жизни за решеткой.

— Мы можем подать апелляцию, — сказала мама. — Это будет недолго. Мы подадим апелляцию.

На лице тети Лидии, стоявшей позади нее, было написано сомнение. Позже Джон узнал, что все присяжные, кроме одного, — отца троих детей, один из которых был возраста Джона, — проголосовали за смертный приговор. Остальным же хватило один раз взглянуть на Джона, потом на фотографии обезображенного тела Мэри Элис крупным планом, чтобы осудить его на смерть.

В камере предварительного содержания Джон продолжал раз за разом прокручивать в уме все, что было сказано о нем во время

судебного процесса. Психолог штата показался ему довольно славным, когда они беседовали несколько месяцев назад, но на суде он во всеуслышание заявил, что Джон, видимо, параноидальный психопат, хладнокровный убийца без намеков на угрызения совести. Еще там были ученики школы Джона, которые на стадии вынесения приговора пришли, чтобы рассказать, какой хорошей девочкой была Мэри Элис и каким ужасным всегда был Джон Шелли. Директор школы Биндер, тренер Мак-Коллох... Все говорили о нем, как о Чарльзе Мэнсоне^[14].

Кто этот человек, о котором они говорят? Джон не узнавал его. Половина этих людей за последние три года не перекинулись с ним и парой слов, а теперь они ведут себя так, будто знают о нем буквально все. Некий раскол произошел, когда они переходили из начальной школы в среднюю и компания популярных детей не приняла его. Если бы не спорт, он так и остался бы чокнутым отщепенцем. Когда его выгнали из футбольной команды, никто из них при встрече даже не смел взглянуть ему в глаза. А теперь, если послушать этих его так называемых «друзей», Джон вообще был каким-то... монстром.

Джон сидел, уставившись на расползавшиеся по бетонному полу трещины, напоминавшие линии судьбы на ладони, и пытался по ним угадать свое будущее. Когда он поднял голову, по другую сторону решетки стоял Пол Финни.

Отец Мэри Элис улыбался.

— Приятного времяпрепровождения, маленький кусок дерьма, — сказал он Джону. — И так же будет для тебя и дальше.

Джон не ответил. Что он мог на это сказать?

Мистер Финни придвинулся ближе и вцепился руками в прутья решетки.

— Думай о том, что ты сделал с ней, — прошептал он. — Вспоминай о ней каждый раз, когда будешь наклоняться в душе.

Джон тогда его не понял. Ему было шестнадцать лет. И даже если бы мистер Финни объяснил ему все в мельчайших деталях, Джон, вероятнее всего, только покачал бы головой и сказал, что этого просто не может быть.

Но на самом деле все было именно так, как говорил Финни.

Они продержали его в окружной тюрьме до вечера, причем охранники заходили в камеру каждые полчаса, чтобы убедиться, что Джон не пытается сделать из простыни петлю и повеситься. Тюрьма

штата находилась на берегу Атлантического океана, в нескольких сотнях миль отсюда, в городке, о котором Джон никогда не слышал. Политика этого учреждения в отношении посетителей была очень строгой. Он должен будет провести здесь полный календарный месяц, прежде чем матери разрешат увидеться с ним. Они говорили, что это период акклиматизации, время, которое дается заключенному, чтобы он привык к новому окружению и почувствовал, что привилегию принять гостя еще нужно заслужить. До сих пор самым продолжительным отрезком времени, когда Джон не видел своих близких, была неделя церковных праздников, которую он провел в Гатлинбурге, штат Теннесси.

Они разбудили его на рассвете, пока машин а улицах было еще мало, и Джон, с трудом передвигая ноги в кандалах, влез в тюремный транспортный автобус, держа закованные в наручники руки перед собой. Запястья у него были такие тонкие, что им пришлось одолжить в женской тюрьме маленькие наручники. Он всегда был худым, как вешалка, а от стресса стал выглядеть еще хуже. За время судебного процесса он потерял почти десять килограммов, и сквозь мешковатый оранжевый комбинезон, в который он был одет, отчетливо просматривались ребра.

В автобусе были и другие мужчины, и, когда он садился туда, они принялись свистеть и улюлюкать. Он улыбнулся, потому что подумал, что это какой-то ритуал при посадке.

— Будь сильным, — сказала ему мама, используя свою жесткую лексику, как из сериала «Коджак». — Не позволяй им садиться тебе на голову и никому не доверяй.

Один из охранников врезал дубинкой по решетке, отделявшей кабину водителя от заключенных, указал Джону на место сразу позади водителя и сказал:

— Садись.

Кондиционера в автобусе не было, езда была тряская. Всю дорогу Джон гремел своими цепями похлеще Джейкоба Марли^[15]. Мысленно он играл в игры, в которые они с Джойс играли в машине по пути к морю, когда всей семьей ездили отдыхать во Флориду. Сколько встретится машин с номерами из их города? Сколько коров пасется на одной стороне дороги? Сколько на другой?

Когда они подъезжали к пригороду Саванны, мочевой пузырь у него так раздулся, что глаза слезились от боли. Инстинктивно он понимал, что остановок на отдых во время этой поездки не будет, и, пока автобус проезжал первые ворота тюрьмы, затем вторые, а потом и третьи, он уже сидел как на иголках.

Встав, он почувствовал острую боль в мочевом пузыре и был даже благодарен кандалам, которые могли быть оправданием того, почему он сжимает ноги. Охранник направился к первому зданию. Джон шел впереди, а все остальные заключенные, которые были выше него, следовали за ним. Один из них все время наступал Джону на пятки, и он пошел быстрее, а мочевой пузырь внутри уже криком кричал.

Их всех завели в открытую ванную комнату с рядом писсуаров. Очень медленно с каждого из мужчин сняли кандалы и наручники. Джон был смущен и ждал, чтобы кто-то другой сделал это первым. Когда он наконец решился, то почувствовал, что все смотрят только на него. Тюремная роба была сшита на взрослого человека, так что ширина оказалась у него где-то на уровне колен. Из-за нервного стресса сначала он вообще не мог писать, но в конце концов ему все-таки удалось выпустить тонкую струйку мочи.

— Похож на маленькую венскую сосиску, — сказал мужчина позади него и уставился на пенис Джона. Когда Джон посмотрел на него, он улыбнулся, обнажив ряд кривых зубов. — У меня от одного его вида разгорается аппетит.

— Заткнись! — скомандовал один из охранников. На нашивке его униформы было написано «Эверетт», и он держал дубинку обеими руками, словно блокировал продвижение противника, как в американском футболе. — Всем снять одежду и выстроиться на черной линии.

Лицо Джона стало пунцовым. Из-за возраста во время суда его содержали в окружной тюрьме в изоляторе. Охранники там много раз обыскивали его, но так — никогда. За всю свою жизнь он никогда еще не стоял голым перед толпой незнакомых людей. Пока он расстегивал пуговицы на комбинезоне, руки его занемели; он старался не смотреть на других мужчин, хотя, конечно, все видел. Они были громадными — все как один. У них были тела взрослых мужчин, и волосы росли повсюду. Джон еще такой порослью не обзавелся. Он брил лицо где-то

раз в неделю, да и то, скорее, принимая желаемое за действительное, чем по необходимости. Рядом с ними он выглядел как девочка, как перепуганная маленькая девочка.

Эверетт перешел к правилам внутреннего распорядка и начал перечислять, что им делать можно, а чего нельзя. Пока он говорил, второй охранник прошел за спиной у заключенных с фонариком, заставляя их наклоняться и раздвигать ягодицы для осмотра. Еще один служащий тюрьмы надел резиновые перчатки и пальцами залазил им в рот в поисках запрещенных вещей или оружия. Третий взял резиновый шланг и окатил их всех водой, а потом посыпал порошком от вшей.

Им всем выдали пару белых штанов и белую футболку. Джону досталась рубашка самого маленького размера, но в эти штаны мог бы поместиться целый слон. При ходьбе ему приходилось поддерживать их за пояс, тогда как во второй руке он держал подушку и постельное белье, наверху которого шатко балансировали выданные ему скудные туалетные принадлежности.

Он шел как в тумане, глядя прямо перед собой и стараясь сдержаться, чтобы его не вырвало.

— Шелли, — сказал Эверетт, и его дубинка уперлась в открытую дверь в камеру. — Тебе сюда.

Джон вошел в камеру. От унитаза из нержавеющей стали, расположенного в углу, тянуло мочой и дерьмом. Вмонтированный в стену умывальник когда-то был белым, но с годами от ржавчины и известкового налета стал грязно-серым. Слева располагался стол, справа — две койки, одна над другой. Стоя посередине камеры и вытянув руки в стороны, можно было прикоснуться к противоположным стенкам. Лежавший на верхней койке парень, которому было на вид лет двадцать пять, повернулся, чтобы посмотреть на Джона, и улыбнулся.

— Ты снизу, — сказал он.

При этом он выразительно присвистнул, но Эверетт уже шел дальше, распределяя по камерам остальных заключенных.

— Зебра, — сказал парень, и Джон догадался, что его так зовут.

— Джон.

— Сколько тебе лет?

— Шестнадцать.

Зебра улыбнулся. Зубы у него были черно-белые, в полосочку, как зебра.

— Нравится? — сказал он, указывая на свои зубы. — Можем и тебе такие сделать. Хочешь?

Джон покачал головой.

— Мама меня убьет.

Зебра расхохотался, и звук этот прозвучал в бетонном помещении шокирующе.

— Давай застилаю свою постель, Джонни. Тебе нравится, когда тебя называют Джонни? — спросил он. — Так тебя называет мама?

— На самом деле нет, — ответил Джон. По крайней мере, с тех пор как он вырос.

— Ты будешь здесь в полном порядке, Джонни, — сказал Зебра и, протянув руку, с такой силой потрепал его по голове, что ему даже пришлось уклоняться.

Зебра хохотнул и доверительным тоном сказал:

— Я позабочусь о тебе, мальчик.

И он позаботился.

Каждую ночь после отбоя, как по часам, Зебра спускался на нижнюю койку и, уткнув Джона лицом в подушку, насилует его с такой силой, что на следующий день, когда Джон садился на унитаз, у него шла кровь. Крики не останавливали Зебру, а только провоцировали долбить еще сильнее. К концу первой недели Джон едва мог стоять на ногах.

Зебра был сексуальным преступником, «хищником». Все в тюрьме знали это — от тюремных надзирателей и охранников до последних шестерок, приходивших убирать мусор. Первую неделю он придерживал Джона для себя, а потом начал отдавать другим заключенным, меняя его на сигареты и контрабанду. А через три недели Джон попал в тюремную больницу с раскромсанным задним проходом и глазами, которые опухли от постоянных слез и практически не открывались.

В этот момент состоялся первый из двух визитов Ричарда Шелли к сыну в тюрьму.

В больницу его проводил охранник по имени Эверетт, которого Джон не видел с первого дня заключения.

— Вот он, — сказал Эверетт Ричарду, отступая к стене, чтобы дать отцу немного пространства. — У вас есть десять минут.

Ричард стоял в ногах койки Джона. Он пристально смотрел на сына и долго ничего не говорил.

Джон тоже смотрел на него, чувствуя одновременно облегчение и стыд. Ему хотелось потянуться к отцу, сказать ему, что он любит его, что ему очень жаль, что он сделал все это, и что Ричард был прав, когда говорил, что Джон — ничтожество. Он не заслуживал того, что мог дать ему отец, но он очень хотел этого, он нуждался в этом так сильно, что сердце его горело огнем.

Ричард с видимым усилием заговорил:

— Тебе больно?

Джон мог только кивнуть в ответ.

— Это хорошо, — сказал отец, и в его голосе прозвучало удовлетворение свершившейся справедливостью. — Теперь ты знаешь, что чувствовала Мэри Элис.

Глава 15

25 октября 2005 года

Джону не хотелось думать о своей первой ночи в тюрьме, но память снова и снова прокручивала ее в голове, как навязчивый, кошмарный сон. Он лихорадочно вздрагивал, когда на работе кто-то всего лишь проходил мимо него. От любого резкого звука с улицы сердце подскакивало к горлу. Стоило ему наклониться за мочалкой в ведре, чтобы навести глянец на диски какого-нибудь седана или фургона, как старое воспоминание вновь захлестывало его.

После того как Зебра пустил его по кругу, Джон провел целый месяц в больничном крыле «Коустел», по новой учась справлять большую нужду. Когда он вышел оттуда, оказалось, что его определили в изолированное от других заключенных отделение, где содержались сидевшие за серьезные сексуальные преступления. Может быть, администрация посчитала, что Бен Карвер получит от Джона особое удовольствие и закончит дело, начатое Зеброй, но этот пожилой мужчина только взглянул на тощего шестнадцатилетнего подростка и тоном нескрываемого разочарования бросил:

— Брюнет! Я же просил блондина!

Джон не знал, кто принимал решение о переводе его в это отделение под охрану для защиты, но даже если бы и знал, все равно понятия не имел, как его благодарить. Иногда ему казалось, что это был Эверетт, охранник, но когда он ночью лежал на своей койке, воображение начинало рисовать ему фантастическую историю о том, что это отец спас его. Вот Ричард врывается в контору тюремных надзирателей. Ричард пишет суровое письмо сенатору штата. Ричард требует справедливого отношения к своему сыну.

Джон сунул свою учетную карточку в часы с компостером и в ожидании громкого щелчка, который должен засвидетельствовать, что рабочий день на автомойке для него на сегодня закончен, стоял, посмеиваясь над своими мальчишескими фантазиями. Уже несколько недель погода установилась хорошая, и народ, отправляющийся за покупками на праздники, дружно выехал помыть машины. Время,

чтобы съездить к матери Бена и взять машину, появится у Джона только завтра во второй половине дня. Когда погибла Мэри Элис, он как раз занимался получением ученических водительских прав, но это было так давно, и теперь при мысли о перспективе сесть за руль он обильно потел, словно шлюха в церкви. Если его застукают, когда он будет вести машину, Марта Лэм бросит его обратно в тюрьму. Правда, если он не воспользуется автомобилем, то все равно вполне может оказаться там же.

По телефону голос старенькой матери Бена звучал открыто и дружелюбно — она была «очень рада поговорить с другом Бена». Когда он задал вопрос о страховке, она заверила его, что все уплачено. Потом миссис Карвер объяснила Джону, что ее друг, мистер Пропсон, в воскресенье повезет ее на собрание церковной общины в Ворм Спрингс, и попросила не забыть вернуть машину с полным баком горючего. Джон был согласен на все, но она все равно продержала его на линии еще пятнадцать минут, чтобы рассказать о своем ишиасе. Все бабушки и дедушки Джона умерли, пока он был в тюрьме, никто из них ни разу не удосужился навестить его. Он сосредоточенно слушал о ее невзгодах, реагируя в соответствующих местах соответствующими восклицаниями, пока на него уставился педофил из комнаты на другой стороне коридора и не потребовал освободить телефон.

Как и было обещано, Джон нашел темно-синий «Форд Фэрлейн» припаркованным под навесом для автомобиля. Ключ был заткнут за козырек вместе с документами на машину и страховой карточкой. Но в тот момент самым главным для Джона было завести этот агрегат с первой попытки. Он включил передачу и выехал на улицу, нажимая ногой то на газ, то на тормоз, чтобы потренироваться на улице с однорядным движением, на которой стоял дом Карверов. Хвала Господу, трансмиссия здесь была не ручная, а автоматическая, иначе Джону пришлось бы бросить машину, где взял. Большую часть второй половины дня Джон учился управлять этим «фэрлейном», и к моменту, когда выехал на шоссе с двухрядным движением, руки его, вцепившиеся в руль, от постоянного напряжения гудели.

Ты можешь это сделать, скрипя зубами, повторял он про себя, выезжая на хайвей 1-20 в сторону Атланты. Все, что ему сейчас нужно, — это обеспечить видимость того, что он знает, что делает. Не слишком быстро, не слишком медленно, взгляд уверенный, локоть на

опущенном оконном стекле. Копы всегда только и высматривают кого-то, кто выглядит виноватым. Срабатывает их специальный маленький коповский радарчик, который чувствует сигнал исходящей от человека неуверенности.

Джон сказал себе, что должен еще немного попрактиковаться, когда сажился в «фэрлейн» вчера в районе полуночи. Но долго он обманывать себя не мог, когда машина остановилась на другой стороне улицы напротив винного магазина на Чешир-Бридж-роуд. Он прождал там тридцать минут, но Робин, видимо, в этот день не работала. Когда он ехал домой, то подумал, что, будь у него хвост, тот сейчас уныло болтался бы между ног.

Поскольку бензин был еще одной роскошью, которую Джон не мог себе позволить, он ушел с мойки пешком и направился по Пьемонт до перекрестка с Чешир-Бридж. Сначала он делал вид, что просто гуляет, но потом решил, что самообман — такая же глупость, как и то, что он спланировал на сегодняшний вечер. Бен наконец-то дал о себе знать. Джон получил на этой неделе две открытки — это была единственная почта, которая пришла в ночлежку на его имя за все это время. На первой стоял штамп штата Алабама, а внутри содержалась последовательность цифр: 185430032. Вторая открытка была из Флориды, и в ней было написано: «Едем в Пиней-Гроув. Увидимся, когда вернемся обратно!»

Джон ненавидел всякие загадки, но у него хватило ума снова отправиться в библиотеку и усесться за атлас. Посидев пару часов, тупо уставившись в окно, он наконец понял. 30032 было почтовым кодом поместья Эвондейл. Адрес 1854 Пиней-Гроув-Серкл граничил с Мемориал-Драйв на окраине Декатура.

— Эй, малыш!

Перед винным магазином стояли уличные шлюхи, включал и пожилую даму, которую Джон спас на автомойке. Ему, вероятно, следовало бы узнать ее имя, но он знал, что если бы сделал это, то только расстроился бы. Если у нее появляется имя, это означает, что где-то у нее есть близкие. Что когда-то она была маленькой девочкой, ходила в школу, у нее были свои надежды и мечты. А теперь... теперь ничего этого нет.

— Хочешь свидание? — спросила одна из женщин.

Он покачал головой, не подходя ближе и сохраняя дистанцию.

— Я ищу Робин.

— Она в кино, — сказала проститутка, кивнув в сторону дороги. — Там показывают «Звездные войны». Она считает, что любой из этих парней в последний раз видел женскую киску, когда одна из них производила его на свет.

Девушки добродушно посмеялись этой шуточке.

— Спасибо, — сказал Джон, помахав им рукой, прежде чем они успели предложить ему кого-то другого взамен.

Кинотеатр находился на приличном расстоянии от винного магазина, но время у Джона было. Он позволил себе сконцентрироваться на том, что просто вдыхает воздух, даже несмотря на наполнявшие его выхлопные газы. В тюрьме такого сделать нельзя. Там приходится искать другой способ заработать рак легких.

Когда он добрался до кинотеатра, у него уже болели ноги. «Звездные войны». Он смотрел этот фильм раз шесть или семь, когда был маленьким. Каждый уик-энд мама привозила его с друзьями в кино и через несколько часов заезжала за ними. Это было еще до наркотиков, до того, как Джон стал крутым. Он любил эту ленту, ему нравился уход от реальности.

В тюрьме за все, что они делали, отвечал Бен, и даже когда Джон вырос, он не стал здесь ничего менять, потому что так было проще. Отрицательный момент состоял в том, что все культурные познания Джона были получены от человека старше его более чем на тридцать лет. Он не знал очень многих фильмов и телевизионных шоу, появившихся за последние два десятилетия. Никто из их крыла не ходил в общий холл в вечер просмотра телепрограмм, потому что все они были достаточно сообразительными, чтобы не смешиваться с обычными заключенными. Дорис Дэй, Фрэнк Синатра, Дин Мартин — их песни всегда звучали из маленького транзисторного радиоприемника, который Эмили подарила Джону на его первое Рождество в заключении. В детстве для него была очень важна музыка — саундтрек к его неблагополучной жизни. Сейчас он не смог бы назвать ни одной современной популярной песни, даже если бы кто-то приставил ему пистолет к виску.

Джон уже успел убедить себя, что Робин не может быть в кинотеатре, поэтому был очень удивлен, когда буквально столкнулся с ней, едва завернув за угол.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она, и ему показалось, что сначала она обрадовалась, а затем занервничала.

— Девушки сказали мне, что ты здесь, — пояснил он. Потом заметил группу молодых парней, шнырявших вокруг здания. — Ты занята?

— Нет. — Она махнула рукой. — Эти тупые козлы сначала хотят посмотреть фильм. Думаю, я подойду сюда попозже.

— Сколько длится сеанс?

— Боже, да я не знаю! — Робин направилась в сторону винного магазина, и он последовал за ней. Она обернулась и требовательным тоном спросила: — Что ты делаешь?

— Думал проводить тебя.

— Послушай, — сказала она. — Я не «Красотка» из одноименного фильма. А ты, — добавила она, — уж определенно не Ричард Гир.

Джон понятия не имел, о чем она говорит. Единственный фильм с Ричардом Гиром, который они смотрели в тюрьме, был «Соммерсби», да и его показывали только потому, что там был ребенок.

Она уточнила:

— Мы не влюбимся друг в друга, не поженимся и не нарожаем детей, ясно?

Джон об этом не думал, но, возможно, именно так и выглядел его план.

— Я только хотел сообщить, — сказал он, — что больше тебя никогда не увижу.

— Ну ты и тупица! Ты и так видел меня всего один раз.

— Знаю, — сказал он.

Она пошла дальше, и он опять двинулся за ней.

— Остановись, пожалуйста, — попросил он. — Выслушай меня.

Она скрестила руки на груди.

— Хорошо. Валяй.

— Просто я... — Теперь, когда Робин наконец слушала его, Джон не знал, что сказать. — Я думал о тебе, — пробормотал он. — Не по части секса. — Видимо, выражение его лица говорило совершенно о другом, поскольку она закатила глаза. — О'кей, может, и о сексе, — признался он.

— Если ты здесь не для того, чтобы заплатить мне за свои счастливые юношеские сопли, я должна возвращаться.

— Дело не в том, — сказал он. — Прошу тебя.

Робин двинулась дальше, но Джон встал перед ней и, пятясь, пошел впереди, понимая, что она не остановится.

— Я тут кое в чем замешан, — не унимался он.

— Что ты говоришь! Я в шоке.

— Я сидел в тюрьме.

— Предполагается, что тут я должна сильно удивиться?

— Ну пожалуйста! — сказал Джон. Он остановился, и она тоже. — Я не хотел, чтобы меня вмешивали в это дело, но так получилось. Мне необходимо что-то предпринять. Я не хочу обратно в тюрьму.

— Кто-то шантажирует тебя?

Он задумался.

— Возможно, — наконец ответил он. — Я не знаю.

— Обратись к копам.

Он понимал, что она шутит.

— Я просто хотел еще раз встретиться с тобой и сказать, что не смогу тебя больше увидеть. После этого, я имею в виду. — Он замолчал, пытаясь объяснить доходчиво. — Я уже сказал, что не хочу впутывать тебя в это дело. Этот парень — он плохой человек. На самом деле очень плохой, и я не хочу, чтобы ты как-то пострадала.

— Ты пугаешь меня, — сказала она, но ее скучающий тон совершенно не соответствовал смыслу слов. — Кто пытается нанести мне вред?

— Никто, — сказал Джон. — Он даже не знает о твоём существовании. — Он беспомощно потер лицо руками, издав нечто похожее на глухой стон. — Для тебя этого ничего не значит, — продолжал он. — Мне жаль, что морочу тебе голову этим. Я просто хотел увидеть тебя в последний раз.

— Почему?

— Это из-за того, что ты тогда рассказала мне о своем первом поцелуе. Я просто... — Он попробовал улыбнуться. — В школе я был настоящим неудачником. Девчонки не хотели иметь со мной ничего общего.

— У меня для тебя экстренное сообщение, малыш. В этом смысле ничего не изменилось. — Слова были обидно резкие, но по тону Джон понял, что она дразнит его.

— Я попал в тюрьму очень рано, — сказал он. — И просидел там двадцать лет.

— И я должна пожалеть тебя за это?

Он покачал головой. Он перестал ожидать от людей жалости к себе уже очень давно.

— Я хочу поблагодарить тебя за рассказ о Стиви и вообще. Я много об этом думал, это по-настоящему хорошая история.

Она закусила нижнюю губу, стараясь заглянуть ему в глаза.

— Ну хорошо. Это ты сказал.

— А еще я... — Голос его сорвался. На работе он репетировал это сотню раз, но сейчас ничего не получалось.

— Ты — что? — помогла она ему. — Ты хочешь трахнуть меня?

— Да. — Врать тут он не мог. — Да, очень хочу.

— Что ж, блин, ты мог бы сэкономить кучу времени, если бы сказал об этом с самого начала. — Она снова пошла по улице, на ходу объясняя: — За комнату — десять, «пятьдесят на пятьдесят» — в смысле, сначала в рот, потом по-нормальному — это тридцатка. В задницу не трахаемся, не драться, иначе я оторву тебе твой поганый член.

Она прошла еще несколько метров и только потом поняла, что он уже не идет за ней.

— А теперь, блин, что с тобой случилось?

— Спасибо, — сказал он. И добавил: — До свидания.

Глава 16

— Посмотри на меня, — сказала мать, склонившись над столом в комнате для свиданий.

Она видела его впервые с момента, когда он попал в «Коустел», и никто из них ни слова не проронил про Зебру, больницу и тот факт, что Джону нужно было сидеть на специальной надувной подушке, просто чтобы иметь возможность поговорить с ней.

— Ты не можешь зачахнуть здесь, — сказала она ему. — Ты должен что-то делать со своей жизнью.

Он сидел перед ней и плакал. Крупные слезы катились по его щекам, а грудь лихорадочно вздрагивала, когда он пытался подавить рыдания.

— Ты уже не мальчик, Джон. Ты сильный мужчина. Ты переживешь все это. И в конце концов выйдешь отсюда.

Эмили по-прежнему надеялась на апелляцию. Она верила в справедливость системы и считала, что отцы-основатели демократии не могли предусмотреть такого наказания для шестнадцатилетнего подростка.

— Я оставляю тебе вот это, — сказала она, показывая на учебники, которые привезла с собой. Математика и естественные науки были любимыми предметами Джона в то время, когда он еще получал удовольствие от занятий в школе. — Ты все еще можешь получить аттестат о среднем образовании, — добавила она.

Джон уставился на нее пустым, непонимающим взглядом. Он носил подгузник, который впитывал гной, выходящий из заднего прохода, а мать беспокоится о том, чтобы ее сын закончил курс школьного обучения.

— Тебе это понадобится, чтобы поступить в колледж, когда ты выйдешь отсюда, — сказала она.

Образование... Эмили всегда настаивала на том, что образование является единственной вещью, которая по-настоящему обогащает жизнь человека. Сколько он помнил, мама постоянно что-то читала и у нее всегда была какая-нибудь статья, вырезанная из газеты или

журнала, которая заинтересовала ее и которую она хотела запомнить получше.

— Ты слышишь меня, Джонатан?

Он не мог даже кивнуть.

— Ты получишь аттестат, а потом поступишь в колледж, о'кей?

Она взяла его за руки. На запястьях, в местах, где мужчины держали его, до сих пор были синяки. Один из охранников сделал было шаг вперед, но мешать им все же не стал.

— Ты не должен сдаваться, — сказала она Джону, сжимая его руки, как будто хотела таким образом передать ему свою силу и забрать его боль.

Она всегда говорила, что ей лучше страдать самой, чем смотреть, как мучаются ее дети, и Джон впервые увидел, что это на самом деле так. Если бы Эмили могла, она хоть сейчас поменялась бы с ним местами. И он позволил бы ей это сделать.

— Ты понимаешь меня, Джон? Ты не должен сдаваться.

Он ни с кем не разговаривал четыре с половиной недели.

В горле до сих пор, словно густая несмываемая патока, стоял вкус собственного дерьма и чужой спермы. Он боялся открывать рот, боялся, что мама может уловить этот смрад и догадаться, что он делал.

— Скажи мне, Джон, — потребовала она. — Скажи, что сделаешь это ради меня.

Его растрескавшиеся и кровоточащие губы были плотно сжаты. Не разжимая зубов и неотрывно глядя на свои руки, он произнес:

— Да.

Через две недели она спросила, занимался ли он. Он солгал ей, сказал, что занимался. К тому времени его перевели в камеру к Бену, и по ночам он не спал, боясь, что этот пожилой мужчина просто выжидает, играет в какую-то игру, а сам только и ждет подходящего момента, чтобы сделать свой ход.

— Мой сладкий, — наконец сказал ему Бен. — Если ты считаешь, что ты в моем вкусе, то очень себе льстишь.

Позднее оказалось, что Джон был именно в его вкусе: молодой, темноволосый, худощавый, стройный. Тем не менее Бен никогда не переступал эту черту, и за все время Джон только дважды видел его по-настоящему в ярости. В последний раз это было, когда самолеты врезались в здание Пентагона и башни-близнецы Мирового торгового

центра. Еще несколько дней после этих событий Бен был слишком зол, чтобы разговаривать. А в первый раз такое случилось, когда много лет назад он застукал Джона с наркотиками.

— Ты никогда не будешь этого делать, — тоном, не терпящим возражений, сказал он и так сжал запястье Джона, что у того едва не затрещали кости. — Ты меня слышишь?

Джон посмотрел ему в глаза и подумал, что последнего мужчину, который видел Бена Карвера таким разозленным, нашли голым, плавающим лицом вниз в неглубоком заросшем пруду рядом с заброшенной церковью.

— Я натравлю их на тебя, сынок. Как стаю голодных шакалов. Ты меня понял?

В крыле с обеспеченной охраной было десять камер по два человека в каждой. Шестеро из них были педофилами. Двое любили маленьких девочек, четверо преследовали мальчиков. По ночам Джон слышал, как они мастурбируют и шепчут его имя, когда стонут во время оргазма.

— Да, сэр, — сказал Джон. — Обещаю.

Остальные заключенные в их крыле были такими же, как Бен. На воле они охотились на взрослых, так что среди них Джон чувствовал себя более-менее в безопасности. Но секс есть секс, и в тюрьме радуешься любой свежей заднице, перебирать не приходится. Намного позднее он узнал от Бена, что все они, каждый в свое время, предлагали ему разные сделки в обмен на нового мальчика. Согласно тюремному этикету, Бен как сокамерник имел на него преимущественное право. По мере того как время шло, а Бен не пользовался этой своей привилегией, кое-кто начал нервничать; но все они как один — от насильников младенцев до убийц детей — боялись Бена. Они считали его свихнувшимся ублюдком.

Первые годы заключения Джон вычеркивал каждый день в своем календаре большим крестиком и подсчитывал, сколько ему осталось до освобождения. Тетя Лидия, работавшая над его делом, искала любую лазейку в законодательстве, чтобы вытащить его оттуда. Они посылали апелляцию за апелляцией, но все они отклонялись. Наконец однажды тетя Лидия приехала в тюрьму вместе с Эмили и сообщила, что Верховный суд штата Джорджия отказался пересматривать его дело. Лидия была его воинствующим сторонником, единственным

человеком, кроме мамы, кто настаивал, чтобы он не прекращал бороться в суде и не соглашался с приговором штата.

Но сейчас выражение ее лица говорило само за себя, без всяких слов. Это была конечная инстанция. Больше вариантов не осталось.

Приговор штата был пятнадцать лет без права на условнодосрочное освобождение. Лидия тогда сказала, чтобы он не соглашался с ним, что она будет настаивать на его невиновности до последнего. Теперь ему светило от двадцати двух до пожизненного.

Тетя Лидия качала головой и всхлипывала. Джон в итоге сам начал успокаивать ее, пытаясь как-то утешить и уговорить не винить себя в том, что она не смогла его спасти.

— Все о'кей, — говорил он. — Вы сделали все, что могли. Спасибо вам за это.

Джон вернулся в камеру и принялся за чтение последнего номера журнала «Популярная механика». Он не плакал. Что в этом толку? Неужели демонстрация своих эмоций какому-то насильнику и убийце детей из соседней камеры могла унять его боль? Нет. К этому времени Джон уже закалился и огрубел. Бен научил его, как жить в тюрьме, чтобы тебя не зарезали или не забили до смерти. В итоге он стал замкнут, никогда не смотрел никому в глаза и очень редко разговаривал с кем-либо, кроме Бена.

А еще в тюрьме Джон выяснил, что умен. Он пришел к такому выводу не из тщеславия. Это больше походило на панегирик или своего рода эпитафию по человеку, которым он мог бы стать. Он разбирался в сложных формулах и математических уравнениях. Он любил учиться. Иногда ему казалось, что он чувствует, как его мозг буквально растет в голове, а когда он решал трудную задачку или строил особо сложный график, ощущения были такие, будто он выиграл марафон.

Порой на него вдруг накатывала депрессия. Отец был прав. Его учителя тоже были правы. И пастор был прав. Ему нужно было как-то применить себя. Ему нужно было — и он мог это сделать — заставить свой мозг работать, чтобы чего-то добиться в жизни. А теперь? Что у него есть теперь? Кому какое дело, что в этой тюрьме он самый умный из всех заключенных, осужденных за убийство?

Иногда по ночам Джон лежал без сна и думал об отце, о том, какое отвращение испытывал Ричард в тот единственный раз, когда

посетил сына в тюрьме. За решеткой Джон узнал о жизни и многие другие вещи. Каким бы плохим ни был Ричард, он все-таки никогда не бил Джона так, как били некоторых его товарищей по несчастью. Возможно, отец не был внимателен к нему, но он не был жестоким. Он все-таки никогда не мучил его, никогда не бил так, что от побоев слипались легкие. Никогда не приставлял к голове сына пистолет, предлагая выбирать: либо дашь отсосать какому-то старому гомику, чтобы папочка мог получить за это дозу порошка, либо получишь пулю в лоб.

Прошли годы, и Джон в конце концов понял, что приспособился. Он смог принять тюрьму. Дни здесь были длинными, растянутыми, но он научился терпению, выработал у себя способность переносить заключение. Возможность условно-досрочного освобождения возникла для него на десятый год отсидки, а затем вновь появлялась каждые два года. За неделю до шестого для него заседания совета по досрочному освобождению и за полтора года до окончания его двадцатидвухлетнего срока Ричард посетил сына в тюрьме во второй и в последний раз.

Джон рассчитывал увидеть Эмили в комнате для свиданий, он сидел и ждал, когда же она появится в рамке металлодетектора, но вместо этого там возник Ричард.

— Папа?

При звуке этого слова губы Ричарда брезгливо скривились.

Джон едва мог узнать его. Волосы Ричарда, по-прежнему густые и пышные, были абсолютно белыми, резко контрастируя с довольно загорелым лицом. Он был, как всегда, подтянут. Ричард считал лишний вес признаком лени и начал вести здоровый образ жизни задолго до того, как это стало навязчивой идеей всей нации.

— Ты наконец добился своего, — сказал Ричард, не присаживаясь к столу, а оставаясь стоять, нависая над Джоном. Все его существо источало отвращение и презрение. — У твоей матери рак груди последней стадии. В конечном итоге ты убил и ее тоже.

Через неделю Джон сидел перед советом по условно-досрочному освобождению, по очереди смотрел в глаза этим людям и рассказывал, как он в конце концов пришел к пониманию того, что ему некого винить в своем заключении, кроме самого себя. Он ненавидел Мэри Элис Финни. Он завидовал ее популярности, ее друзьям, ее

положению. Он был наркозависимым, но это его не оправдывает. Кокаин только ослабил его сдерживающее начало, его способность судить о том, что такое хорошо, а что — плохо. В тот вечер после вечеринки он пошел за ней. Он ворвался в ее спальню и жестоко изнасиловал ее. Когда он начал немного отходить от действия кокаина, то понял, что натворил, и хладнокровно убил ее, изуродовав тело так, чтобы было похоже, будто ее убил какой-то сумасшедший незнакомец.

Его тюремное досье было идеально чистым. Джон был образцовым заключенным, и в деле было только два нарушения режима, причем оба произошли более десяти лет назад. Он посещал все занятия и лекции, которые им предлагали в тюрьме: психология потерпевшего, насилие в семье, коррекция мышления, как выйти из депрессии, посттравматическое стрессовое расстройство, жизненные проблемы, искусство общения, управление собственным гневом, как научиться сосредотачиваться, как контролировать тревогу и беспокойство. Он сдал экзамен на школьный аттестат, закончил курс на бакалавра и дошел до середины следующей ступени образования, когда поправка к уголовному законодательству 1994 года отменила федеральные субсидии на обучение для заключенных. Джон добровольно работал в тюремной больнице, где обучал других заключенных методам оказания первой помощи и основам гигиены. Он посещал занятия по огородничеству и приготовлению пищи. В письме, написанном Джоном и приложенном к его делу, указывалось, что его мать смертельно больна и он просто хочет вернуться домой, чтобы побыть с ней, как она все эти годы делала это по отношению к нему.

Официальный ответ, предоставивший ему условно-досрочное освобождение, пришел 22 июля 2005 года.

Эмили умерла за два дня до этого.

Глава 17

6 января 2006 года

Кузен Вуди. Крутой, популярный. У него в гараже стоял спортивный тренажер, и большую часть своего времени он проводил за тем, что тренировался и курил травку. Грудь его была накачана, на животе — рельефные квадратики брюшного пресса, разделенные узкой полоской волос, уходившей под плавки. Девчонки вешались на него, как лиана на дерево. Ездил он на новеньком, с иголки серебристом «мустанге» с кузовом «хэтчбек». Он привлекал подростков из местной школы продавать кое-что из своих запасов дури, так что деньги постоянно жгли ему карман. Его овдовевшая мать быстро продвигалась по карьерной лестнице в своей юридической фирме, все время работая по ночам и оставляя сына одного. Такой себе мистер Пойдем Ко Мне Наверх, мистер Хочешь Косячок, мистер Просто Вдыхай Это Через Нос. Крутейший кузен Вуди.

Джон следил за Вуди уже два месяца, оставляя «фэрлейн» на муниципальной автобусной станции Инман-Парк, потому что бензин был слишком дорогим, чтобы пользоваться машиной еще для чего-то, кроме бизнеса. Джон именно так и воспринимал это — бизнес. Он был генеральным директором предприятия под названием «Спасти Джона от тюрьмы». А также его чертовым финансовым директором, вице-президентом и секретарем — все в одном лице.

С самого начала Вуди очень упростил Джону задачу следить за ним. Он всегда был рабом своих привычек, и в его взрослой жизни ничего не поменялось. Джон мог легко проверять свои часы по этому парню. Каждый день он уходил на работу, оттуда возвращался прямо домой, целовал жену, если та была дома, укладывал в постель ребенка, а затем на весь остаток вечера усаживался перед телевизором. Первую неделю он проделывал это каждый день, и Джон уже начал подумывать, что напрасно теряет время, но тут наступило воскресенье. Ребенка дома не было — жена Вуди не привезла его из церкви, и Джон предположил, что его оставили с кем-то из родственников. В районе

шести жена ушла, одевшись, как на работу, и оставила мужа в доме одного.

Вуди подождал минут тридцать после ее ухода, а затем уселся в свою машину и уехал. Так повторялось несколько недель подряд, потом месяц, затем другой. Каждое воскресенье вечером Вуди, как часы, оказывался в своей машине.

Со временем Джон научился хорошо сохранять дистанцию, чтобы Вуди точно не мог заметить тянущегося за его машиной «фэрлейна». Впрочем, Вуди никуда особенно не смотрел, кроме как на ряды женщин, стоявших вдоль дорог деловой части Атланты. Он останавливался, подсаживал к себе одну из них, а затем отъезжал с ней на какую-нибудь аллею или в парк на пустынной улице. Джон видел, как голова женщины несколько минут ритмично двигалась вверх и вниз, потом окончательно поднималась, после чего женщина выходила из машины, а Вуди уезжал, чтобы уже через час оказаться дома перед своим телевизором.

Но однажды вечером он поменял всю эту схему. Вместо того чтобы повернуть налево по своей улице, он свернул направо и направился на восток по шоссе 78. Джон был вынужден пристроиться за ним дальше, чем обычно, потому что на дороге было много машин. Он резко дернул руль в самый последний момент, чтобы не проскочить съезд, на который свернул Вуди, после чего еще минут двадцать ехал за ним по извилистой дороге, в конце проехав мимо вывески, на которой было написано: «Добро пожаловать в Снеллвиль, где каждый найдет своего Кого-то!»

Джон припарковал машину на улице из жилых домов и дальше пошел пешком, потому что именно так сделал Вуди. Было довольно холодно, стояла первая неделя декабря, но Джон обливался потом, потому что понимал, что находится посреди района, где в каждом доме полно спящих детей. Он был так поглощен этими страхами, что потерял из виду свою цель. Он растерянно заглядывал в безлюдные улицы, заскакивал в тупики и в конце концов так запутался, что уже не мог найти даже свой «фэрлейн».

Теперь Джон переживал уже за собственную безопасность. Он прятался в тени, напрягался при каждом звуке, боясь, что его могут остановить копы, которые свернутся с его досье и начнут спрашивать, что могло завести педофила в этот поселок посреди леса.

Внезапно в отдалении он заметил мужчину, который шел рядом с маленькой девочкой. Они сели в машину Вуди и уехали. Свой «фэрлейн» Джон нашел только через пять минут и всю дорогу обратно в Атланту проклинал себя. Следующие две недели он постоянно просматривал газеты в поисках заметок о каких-либо происшествиях в Снеллвиле — похищение ребенка, убийство. Он так ничего и не обнаружил, но понимал, что это только вопрос времени.

Разгадка была проста: Вуди использовал личные данные Джона с определенной целью. Он пытался запутать следы. Джон достаточно времени провел среди преступников, чтобы сообразить это, столкнувшись с этим приемом в действии. И всего лишь вопрос времени, когда то, что делал Вуди, снова тяжким бременем ляжет на плечи Джона.

Поняв это, Джон поклялся, что убьет себя сам или найдет кого-то, кто поможет ему в этом, но в тюрьму больше не сядет. Он и так двадцать лет своей жизни прозябал среди педофилов и прочих монстров. Он больше никогда не вернется к этому. Он не может допустить, чтобы Джойс вновь прошла через боль унижения. За решеткой он чувствовал свою уверенность и силу, воля его закалилась как сталь, но на свободе он оказался мягким и беззащитным и знал, что не выдержит потери той маленькой, но своей жизни, которую сам создал. Скорее он пустит себе пулю в висок.

К этому времени Джон встретился с сестрой. Как раз перед Рождеством Джойс позвонила ему в ночлежку, и он был настолько удивлен, услышав ее голос, что подумал, будто кто-то решил посмеяться над ним. Только кто мог с ним так шутить? Он здесь никого не знал, и друзей на воле у него не было.

Они встретились в модном кафе неподалеку от Монро-драйв. Джон надел новую рубашку и свои единственные приличные штаны — хлопчатобумажные брюки, которые прислала Джойс, чтобы ему было что надеть, когда он выйдет из «Коустел». По установленному обычаю заключенному возвращали одежду, в которой он прибыл в тюрьму, но сейчас Джон был на много размеров больше, чем тот худой подросток, который прибыл в Саванну на тюремном автобусе много лет назад.

Накануне вечером он ушел с работы пораньше, чтобы сходить в магазин подарков, расположенный на их улице. Джон целый час

выбирал для Джойс рождественскую открытку, колеблясь между дешевыми и красивыми. Из-за неустойчивой погоды работа на мойке «Горилла» появлялась от случая к случаю, и Арт распускал ребят по домам. Во время ударной работы Джон сэкономил, сколько мог, но в конце концов ему все же пришлось покупать зимнее пальто. Хотя он обещал себе, что больше никогда не будет носить подержанную одежду, у него не было другого выхода, кроме как направиться в комиссионный магазин «Гудвилл». Единственное пальто, которое хоть как-то ему подошло, было разорвано у воротника и пропиталось каким-то вонючим запахом, который не удалось удалить даже после стирки. Впрочем, оно было теплым, а это самое главное.

Джойс опоздала в кафе на пять минут, и Джон уже начал обливаться потом и переживать, что придется платить три доллара за чашку кофе только для того, чтобы иметь возможность посидеть за столиком, когда она наконец ворвалась в зал. Было видно, что она торопилась: ее очки были сдвинуты на лоб, а длинные каштановые волосы рассыпались по плечам.

— Прости, я опоздала, — сказала она, отодвигая стул и усаживаясь напротив.

Она так и не придвинулась к столу, сохраняя дистанцию между Джоном и собой.

— Хочешь кофе?

Он посмотрел в сторону стойки, собираясь заказать ей чашечку, но она остановила его, резко замотав головой.

— Через десять минут я встречаюсь с друзьями. — Она даже не сняла пальто. — Не знаю, зачем я тебе позвонила.

— А я рад, что ты это сделала.

Она взглянула в окно. Через дорогу находился кинотеатр, и она смотрела на людей, стоявших в очереди.

Джон вынул из кармана рождественскую открытку, радуясь в душе, что все-таки решил на ней не экономить. Три шестьдесят восемь, зато снаружи открытка была усыпана блестками, а когда открываешь ее, изнутри поднимается красивая снежинка. В детстве Джойс любила книжки-раскладушки. Он помнил, как она радостно смеялась, когда открывала одну из них, про ферму, на каждой странице которой были домашние животные.

Он протянул ей открытку.

— Это для тебя.

Она не взяла, так что он положил открытку на стол и придвинул к ней. Большую часть вчерашнего вечера он занимался тем, что отрабатывал надпись в своем блокноте: ему не хотелось вручить подарок с коряво написанными словами или, того хуже, с каким-нибудь глупым текстом, который только испортит открытку, и тогда придется покупать новую. В конце концов он просто написал «С любовью, Джон», понимая, что больше сказать ему нечего.

— Чем занимаешься? — спросил он.

Она снова перевела взгляд на него, как будто только сейчас вспомнила, где находится.

— Работаю.

— Ну да. — Он кивнул. — Я тоже. — Он даже попытался пошутить. — Не так, как ты, конечно, но кто-то же должен мыть машины.

По-видимому, это не показалось ей смешным.

Он уставился на свою чашку, перекатывая ее в руках. Джойс сама позвонила ему и пригласила в это место, где из всего меню он не мог позволить себе даже бутерброда, и все же он почему-то чувствовал себя виноватым, плохим парнем.

Возможно, он и был плохим парнем.

— Помнишь Вуди? — спросил он ее.

— Кого?

— Кузена Вуди, сына Лидии.

Она пожала плечами, но ответила утвердительно:

— Да.

— Ты знаешь, чем он занимается?

— В последний раз, когда я о нем слышала, он вступил в армию или что-то в этом роде. — Глаза ее сверкнули. — Ты же не собираешься снова связываться с ним?

— Нет.

Она наклонилась к нему.

— Ты не должен этого делать, Джон! От него и раньше были одни неприятности, и я уверена, что и сейчас ничего не изменилось.

— Я не буду, — сказал он.

— Иначе это опять закончится тюрьмой.

А ей какое дело? Разве для нее не лучше, если он снова окажется в «Коустел», вместо того чтобы болтаться здесь, под самым ее носом? Джойс была единственным человеком в мире, кто еще помнил, каким он был когда-то. Она — словно драгоценная шкатулка, где хранились воспоминания о его детстве, вот только сестра выбросила ключ от нее в ту же минуту, как полицейские выволокли его через парадную дверь на улицу.

Джойс откинулась на спинку стула и озабоченно взглянула на часы.

— Мне правда нужно идти.

— Да, — сказал он. — Друзья ждут.

Впервые с момента ее прихода они встретились глазами. И Джойс увидела: брат знает, что она лжет.

Она облизала губы.

— Я ездила навестить маму в прошлые выходные.

Джон часто заморгал, смахивая внезапно подступившие слезы. Он мысленно представил себе эту картину: кладбище и Джойс у могилы мамы. Автобусы туда не ходят, а такси стоит долларов шестьдесят. Джон даже не знал, как выглядит мамино надгробье и что Джойс решила не нем написать.

— Поэтому я тебе и позвонила, — сказала она. — Думаю, она хотела бы, чтобы я встретила с тобой. — Она пожала плечами. — Рождество.

Он больно закусил губу, зная, что если откроет рот, то разрыдается.

— Она всегда верила в тебя, — сказала Джойс. — И всегда считала, что ты невиновен.

Он с трудом, до боли в груди, сдерживал свои чувства.

— Ты сам все поломал! — заявила Джойс. — Ты поломал наши жизни, но она, тем не менее, никогда тебя не бросала.

На них смотрели люди, но Джону было все равно. Он много лет просил у матери прощение — в письмах и лично. Жаль, что для Джойс это ничего не значило.

— Я не могу винить тебя за то, что ты меня ненавидишь, — сказал он, вытирая слезы. — Имеешь полное право.

— Если бы я могла тебя ненавидеть... — прошептала она. — Если бы все было так просто...

— Я бы, например, ненавидел тебя, если бы ты сделала...

— Сделала — что? — Джойс снова подалась вперед, голос ее едва не срывался от отчаяния. — Сделала — что, Джон? Я читала то, что ты сказал на совете по досрочному освобождению. Я знаю, что ты им сказал. Расскажи и мне. — Она хлопнула ладонью по столу. — Расскажи и мне, что там произошло.

Он вытащил салфетку из стаканчика на столике и высморкался.

Она не унималась:

— Каждый раз, когда ты раньше стоял перед этим советом, каждый раз, когда ты говорил с ними, ты утверждал, что невиновен, что не будешь на себя наговаривать только для того, чтобы выйти оттуда.

Он вытащил еще одну салфетку, просто чтобы чем-то занять руки.

— Что же изменилось, Джон? Дело в маме? Ты не хотел разочаровывать ее? Все дело было только в этом, Джон? Теперь, когда мамы больше нет, ты можешь наконец сказать правду?

— Когда я говорил это, она была еще жива.

У нее были очень красивые руки, изящные, с длинными пальцами. Совсем как у Эмили.

— Джон, прошу тебя!

— Я люблю тебя, Джойс. — Он полез в боковой карман и вытащил свернутый лист бумаги. — Что-то должно случиться, — сказал он. — Что-то очень плохое, и я думаю, что не смогу этому помешать.

Она отдернула руку и отодвинулась от него.

— О чем ты говоришь, Джон? Во что еще ты успел вляпаться?

— Возьми это, — сказал он, кладя справку о кредитоспособности поверх рождественской открытки. — Возьми это и знай: что бы ни случилось, я люблю тебя.

Джон не взял сюда «фэрлейн», но не хотел, чтобы Джойс видела, как он дожидается автобуса на остановке перед торговым центром, поэтому быстрым шагом прошел по улице до остановки Вирджиния-Хайленд, чтобы сесть там в автобус МАРТА. Он не хотел домой, он видеть не мог свою убогую лачугу с тараканами и соседей-насильников, поэтому доехал до остановки Инман-Парк и взял свой «фэрлейн».

Обычно он следил за Вуди только вечером по воскресеньям. За первые две недели рекогносцировки Джон выяснил, что он в основном торчит дома, разве что жена отправит его вынести мусор. Хотя Вуди, возможно, умнее, чем кажется. Может быть, у него где-то есть еще одна машина. Это было не таким уж невероятным, учитывая абонентский ящик на почте и кредитные карты. Возможно, Джон Шелли за последние шесть лет приобрел себе и автомобиль.

В канун Рождества дома по соседству с домом Вуди были украшены гирляндами разноцветных огней, а вдоль улицы развешены светильники, сделанные из пластиковых бутылей из-под молока. Неделю назад Джон видел, как пожилая леди, выгуливавшая собаку, зажигала в каждом из них огонь.

Это был хороший район.

Джон пристроил свою машину между джипом и «универсалом», припаркованными на стоянке у церкви, мельком взглянув на табличку с расписанием ее работы, чтобы узнать, когда заканчивается служба. Жена Вуди каждое воскресенье водила ребенка в церковь, а затем большую часть времени проводила с какой-то женщиной, вероятно, своей матерью.

От церкви Джон направился по улице, которая шла параллельно дому Вуди, небрежно насвистывая и делая вид, что просто прогуливается. Он прикинул в уме расстояние и, срезав путь через заброшенный участок, разглядел, как полагал, внутренний двор дома Вуди. Там было не так много деревьев, за которыми можно было укрыться, и Джон чувствовал себя как на ладони. В любой момент кто-то мог выйти через заднюю дверь и увидеть его.

Он уже собирался развернуться и уйти, когда это произошло. Дверь дома открылась, и на пороге появилась совсем молодая девушка. Джон замер, потому что оказался у нее на виду, но она не смотрела в его сторону. Она повернулась к дому по соседству и приветственно подняла руку.

Джон рухнул на землю. Двор зарос бурьяном, но любой, присмотревшись, мог бы разглядеть лежащего там Джона. К счастью, глаза ее следили за чем-то гораздо более интересным. Джон увидел, как через двор, перепрыгнув через забор из проволочной сетки, поваленный деревом, прошел Вуди. Даже не взглянув по сторонам, он направился к девушке и, подхватив ее на руки, принялся целовать.

Джон видел, как она обхватила его ногами, как сомкнулись их губы, когда Вуди уносил ее в дом, громко хлопнув за собой дверь.

Глава 18

15 июня 1985 года

Джон весь вечер ждал, что Мэри Элис появится на вечеринке, и накурился так, что от травки пекло в легких. Вуди постоянно следил за ним, периодически показывая поднятый вверх большой палец, словно подбадривая. Джон уже и не рад был, что рассказал кузену о том, что пригласил на вечеринку девушку. То, что Мэри Элис не пришла, было плохо само по себе, но чувствовать себя полным идиотом в глазах Вуди было в миллион раз хуже.

Джон уже почти потерял надежду, когда около полуночи она зашла через парадный вход. Первое, что бросилось ему в глаза, было то, насколько не к месту она была здесь в своих джинсах «Джордаш» и белой блузке с высоким воротником. Она выглядела великолепно, тогда как на всех остальных преобладали различные тона темного: грязные джинсы, футболки хеви-метал в пятнах, засаленные волосы.

Она уже готова была развернуться и уйти, когда он схватил ее за руку.

— Эй! — Голос ее звучал одновременно удивленно, настороженно и головокружительно — три в одном.

— Классно выглядишь, — похвалил он, перекрикивая ревущих из стереосистемы «Поизон».

— Я должна идти, — сказала она, но не сдвинулась с места.

— Пойдем чего-нибудь выпьем.

Он видел, что она задумалась, что именно он имеет в виду под этим «выпьем», и прикидывает, можно ли ему доверять.

— У Вуди в кухне есть безалкогольные напитки, — сказал он, сообразив, что ни разу в жизни не произносил этих слов — «безалкогольные напитки». — Пойдем.

Она все еще медлила, но, когда Джон отступил в сторону, пропуская ее в кухню и перекрывая путь к выходу, решила.

Когда они проходили мимо лестницы, Джон увидел Вуди. Кузен стоял, прислонившись к перилам, — зрачки расширены, по лицу блуждает ленивая улыбка. На нем, словно приклеившись, висела одна

из девочек единственной чернокожей семьи в их районе; она обнимала его руками за шею, а ее нога змеей обвилась вокруг его бедра. Все время, пока Джон смотрел на них, они целовались враскоряку, долго и вдохновенно. Она выглядела очень эффектно — матовая темная кожа, волосы заплетены в экзотические косички. Кому, как ни Вуди, было кадрить самую красивую девушку на вечеринке!

Он снова показал Джону поднятый вверх большой палец, только на этот раз уже не улыбался.

В кухне было накурено, и Мэри Элис, закашлявшись, помахала ладонью перед лицом. В углу зажималась парочка, и Джон неожиданно для себя отвел глаза в сторону, потому что рука парня была у девушки под джинсами.

— Крутая вечеринка, — сказал какой-то парень, врезавшись в Джона плечом.

Его напиток расплескался Джону на руку, и он, извинившись, в знак примирения протянул ему наполовину полный пластиковый стаканчик. Джон в тот вечер выпил уже более чем достаточно, тем не менее сделал большой глоток, и жидкость обожгла ему горло.

Когда он оглянулся, Мэри Элис уже выходила через заднюю дверь.

— Эй! — крикнул Джон, устремившись за ней.

Она стояла под высоким дубом и смотрела на звезды. Волосы ее были растрепаны, и она, похоже, нервничала. Может быть, он может взять ее за руку? Может быть, он может ее поцеловать?

Она рассмеялась без всякой причины.

— Я не могла там дышать.

— Прости.

Она увидела стаканчик в его руке.

— Дай мне.

— Я не знаю, что это такое, — сказал он. — Лучше тебе не пробовать.

— Ты мне не отец! — отрезала она. Сделала большой глоток темной жидкости и посмотрела ему в глаза. — На вкус как кока-кола с чем-то еще.

Он молился Богу, чтобы это «что-то» было не то, что он думает. Вуди было девятнадцать, а все его дружки — еще на пару лет старше. Некоторые из них употребляли тяжелые наркотики, всякую отраву, о

которой Джон даже знать не хотел. Кто его знает, что плавает в этом стакане?!

— Мне жаль, что так получилось, — сказал Джон. — Я не думал, что тут будет такая дикая обстановка.

Она сделала еще глоток из стаканчика и понимающе улыбнулась. Господи, он так долго ненавидел ее, что совсем забыл, какая она красивая!

Мэри Элис снова подняла стаканчик, но он остановил ее.

— Тебя может стошнить. — На самом деле он думал, что даже если бы ее вырвало, он бы все равно поцеловал ее.

— Ты сейчас под кайфом?

— Нет, — солгал он.

Он так нервничал, что готов был курить хоть козьи шарики, если бы был уверен, что это поможет успокоиться.

Она отпила еще, и он не остановил ее.

— А я хочу забалдеть.

Если бы она сказала, что хочет улететь на Луну, это шокировало бы его в меньшей степени.

— Брось, Мэри Элис! И поосторожнее с этой штукой. Тебя и вправду может стошнить.

— Но для тебя же это нормально, — сказала она, допивая, и перевернула стаканчик вверх дном, чтобы показать, что он пустой. — Я хочу еще.

— Давай лучше немного постоим здесь.

— Зачем? — спросила она. Потом покачнулась, и он протянул руку, чтобы поддержать ее. — Я думала, что ты меня ненавидишь.

Он чувствовал аромат ее духов и исходивший от прически запах лака для волос. Кожа ее под его рукой была горячая. Он мог бы обнять ее — просто обхватить руками и держать так всю ночь.

— Я не ненавижу тебя.

— Ты все время говоришь мне гадости.

— Я не буду, — сказал он с такой уверенностью, что даже сам поверил.

Она отстранилась от него.

— Мои родители думают, что я дома.

— Мои тоже.

— Тебя отстранили от занятий в школе?

— Нет.

— Должны устранить, — сказала она. — Мой отец говорит, что ты полный бездельник.

— Да, — сказал он, жалея, что она допила это месиво. — Мой отец тоже.

— Сегодня вечером он съехал из нашего дома, — сказала она.

— Твой отец?

— Он просто собрал чемоданы и уехал, пока я была в торговом центре. Мама сказала, что он переехал жить к той женщине с его работы. — Она тихонько икнула. — Мама все время плачет.

Мэри Элис уже тоже плакала, и Джон растерялся, не зная, как ее успокоить. В конце концов он сказал:

— Мне очень жаль.

— Я звонила по номеру, который он оставил, — сказала она. — Трубку взяла какая-то девушка.

Что он мог на это сказать?

— Отец сказал, что будет навещать меня по выходным. Сказал, что Минди возьмет меня на шопинг.

— Мне очень жаль, — повторил он.

— Зачем ты водишься с этим придурком? — спросила она.

— С кем? — Джон обернулся и, проследив ее взгляд, увидел Вуди.

Его кузен, направляясь к ним, едва не рухнул с заднего крыльца. Он рассмеялся над собственной неловкостью, и Джон засмеялся тоже.

— Промочи горло, — сказал Вуди, протягивая Джону еще один стаканчик.

Джон отхлебнул немного, стараясь особо не разгоняться, потому что голова уже поплыла.

— Привет, детка, — сказал Вуди; оперся о Джона и уставился на Мэри Элис. — Где ты так задержалась? Я уже начал подумывать, что мой кузен выдумал тебя.

Джон хотел было представить их друг другу, но что-то его остановило. Ему не нравилось то, как Вуди смотрел на нее: в его глазах горела откровенная похоть. У этого парня в доме осталась Алисия, готовая делать все, что он скажет, а теперь он пристает еще и к Мэри Элис. Так нечестно.

— Мы уже уходим, — сказал Джон, уверенно беря Мэри Элис за руку, как будто она была его девушкой.

— Так скоро? — удивленно спросил Вуди и преградил им дорогу. — Вернись в дом со своим старым кузенком. У меня для тебя кое-что есть.

— Не думаю. — Джон швырнул пустой стаканчик во двор. — Я должен проводить ее домой. Ее мама будет искать.

— Всего одна небольшая доза, — настаивал Вуди. — Точнее сказать, еще одна. — Он подмигнул Мэри Элис. — Возможно, тебе не помешал бы глоточек, крошка. Это могло бы высушить твои прекрасные голубые глазки.

Мэри Элис выглядела странно. Она улыбалась, почти флиртвала с ним.

— Я не плакала.

— Ясное дело, куколка.

— Вуди... — начал было Джон.

Но Вуди прикрыл ему ладонью рот и сказал Мэри Элис:

— Он слишком любит поговорить.

Она рассмеялась, и Джон почувствовал, как внутри вспыхнула злость. Она смеется вместе с Вуди. Она смеется над ним!

— Как думаешь, малышка, может, выпьешь еще немного? Справишься?

Губы ее изогнулись в сексуальной полуулыбке.

— Справлюсь.

— Мэри Элис, — сказал Джон.

Вуди отодвинул его руку и обнял Мэри Элис за плечи. Взглянув на ее грудь, он нервно облизал губы и сказал Джону:

— Заткнись, кузен.

Мэри Элис засмеялась.

— Да, Джон, заткнись!

Вуди обнял ее покрепче, и она запрокинула голову....

Вуди смотрел прямо в глаза Джону, прижимаясь открытым ртом к губам Мэри Элис. Она начала отвечать на поцелуй, и у Джона появилось ощущение, будто кто-то вырвал сердце у него из груди. Он беспомощно замер, а рука Вуди тем временем скользнула под блузку Мэри Элис и уверенно накрыла ладонью ее грудь, как будто он щупал ее таким образом каждый день. Рот его открылся еще шире, и Мэри Элис, дернувшись, отшатнулась от него, придя в себя на секунду позднее, чем должна была бы.

— Прекрати! — вскрикнула она и, оступившись, едва не упала.
Джон подхватил ее и поставил на ноги.

— Ты омерзителен! — сказала она Вуди, со слезами на глазах запахивая блузку.

Вуди улыбался.

— Брось, детка. Не нужно быть такой сердитой.

— Как я могла тебе поверить? — плакала она. — Твой язык просто отвратителен.

Его улыбка стала зловещей.

— Ты поосторожнее с этим!

Мэри Элис со слезами прижалась к Джону.

— Пожалуйста, отведи меня домой!

Джон повел ее, не сводя глаз с Вуди: ему совсем не понравилось, как кузен смотрит на них.

— Останься! — скомандовал Вуди, протянув к ней руку.

— Оставь ее в покое! — крикнул Джон, сжимая кулаки.

Вуди был тяжелее его килограммов на пятьдесят, но Джон почему-то был твердо убежден, что должен и сможет надрать ему задницу, если хоть волос упадет с головы Мэри Элис.

— Вау! — Вуди поднял руки и отступил на шаг назад. — Я же не знал, что ты ее уже застолбил, малыш. Ну давай, отведи ее к мамочке.

— Отвяжись от нее! — предупредил Джон. — Я не шучу.

— Не вопрос, без обид, — сказал Вуди, продолжая искоса поглядывать на Мэри Элис, словно лев, у которого увели добычу прямо из-под носа. — Побеждает сильнейший.

— Чертовски правильно сказано.

— Вот, — сказал Вуди и полез в карман брюк, — подарок на дорожку. — Он протянул Джону пакетик белого порошка. — Без обид, кузен, договорились?

Глава 19

6 февраля 2006 года

Джон узнал об этой статье в газете случайно. Он пылесосил багажный отсек в заляпанном грязью «Субару Форестер» и вытянул оттуда стопку старых газет, чтобы выбросить их в мусорную корзину. Но вдруг пачка вырвалась у него из рук и рассыпалась, словно колода гадальных карт. Он нагнулся, чтобы все собрать, но тут на одной из страниц заметил два слова, на которые никогда раньше не обращал внимания: «Местный выпуск».

Владелец «субару» был из округа Клейтон, но Джон уже понял: если есть специальный вкладыш для одного города, точно такой же должен быть и для других.

Сказав Арту, что у него проблемы с желудком и поэтому он должен уйти сегодня раньше, Джон направился в деловую часть города в центральное отделение публичной библиотеки округа Фултон. Для доступа к компьютерному архиву газет требовалась кредитная карта, так что вместо этого он запросил микрофиши местных выпусков газет округа Гвиннетт за последние три месяца. Через два часа он нашел то, что искал. Заметка была датирована 4 декабря 2005 года.

В ШЕЛЛВИЛЕ ВОЗЛЕ СОБСТВЕННОГО ДОМА ПОХИЩЕНА ДЕВОЧКА

Особых подробностей не сообщалось. Имя ребенка не указывалось, назывался только возраст — четырнадцать лет — и то, что она шла от своего дома, чтобы навестить тетю, живущую на этой же улице. Очевидно, семья с прессой не общалась, поэтому ничего не было написано о подозреваемых или рассматриваемых полицией версиях. Джон просмотрел газеты за следующие несколько недель и нашел только одну статью. В ней говорилось, что на следующий день девочку нашли прячущейся в канаве.

Когда Джон обнаружил эту заметку, сердце его подступило к горлу. Медленно, постепенно элементы пазла начинали складываться в картинку. В памяти всплыла игра Бена «Что, если..». Что, если Вуди использовал личные данные Джона, чтобы сбивать полицию со следа в течение последних шести лет? Что, если Вуди считал, что Джон никогда не выйдет из тюрьмы? Что, если Вуди узнал, что Джон вышел на свободу, и решил в этой связи что-то предпринять?

Сзади посигналили, и он, свернув в первую же боковую улочку, припарковался позади грузовика для укладки кабеля. Сердце стучало так гулко, что кружилась голова. К горлу подступала тошнота, грозя горячим потоком дать выход его панике и страху.

Он оперся лбом о рулевое колесо и вспомнил вчерашний вечер. Воскресенье. Воскресенье, когда разыгрывается Суперкубок. В этот вечер играли эти долбанные «Соколы», но Джон не хотел смотреть игру по телевизору, не хотел слушать репортаж по радио. Он хотел только знать, что делает Вуди, хотел следить за ним, как будто мог воспрепятствовать тому, чтобы происшедшее повторилось снова. И снова.

Жена уехала на работу, и Вуди, прежде чем уйти, выждал еще тридцать минут. Он выбрал свой привычный маршрут в Атланту, но на этот раз свернул в Грейди Хоумс. Джон следовал за ним так напряженно, что забывал держаться подальше и несколько раз уже думал, что Вуди точно заметит и раскроет его.

Белый мужчина на темно-синем «Форд Фэрлейн» в районе трущоб под вечер в воскресенье выглядел весьма подозрительно, но Джон не сдавался. Вуди остановился возле группы уличных проституток, и он проехал мимо, решив, что лучше будет наблюдать за кузенном в зеркало заднего вида. Но ничего никогда не выходит по плану, и, когда Вуди со шлюхой в машине заехал за жилой комплекс, Джон вышел из «форда» и дальше пошел пешком.

Сейчас Джона бросало в холодный пот, когда он вспоминал о том, что произошло дальше, что он видел. Эти крики до сих пор звенели у него в ушах — пронзительные вопли, в которых слышалась отчаянная борьба за жизнь.

Он вылез из машины и кивнул парню за рулем грузовика. Небрежно. Круто. Как своему.

Джон сунул руки в карманы и направился вдоль усаженной деревьями улицы, где жил Вуди, делая вид, что он нормальный парень, который просто вышел прогуляться, — даже несмотря на то, что с руками в карманах чувствовал себя неловко, поскольку в тюрьме карманы не разрешались.

Утром по понедельникам ребенка в школу отводила какая-то женщина — Джон догадывался, что это была его бабушка. После этого она делала кое-какие покупки и иногда пила кофе с подругами. Ее не было в доме по меньшей мере час: именно это и было нужно Джону.

Он прошел по тому же маршруту позади домов, небрежно насвистывая на ходу, словно ему не о чем было переживать в этом мире. Он двигался через задние дворы, внимательно следя за домами и надеясь, что в таких районах, как этот, где живет в основном рабочий класс, большинство людей днем либо на работе, либо слишком заняты, чтобы глазеть в окно.

Забор из проволочной сетки по-прежнему был сломан. Джон перепрыгнул через него и направился к задней двери, на ходу натягивая латексные перчатки, украденные у парней из отдела запчастей. Хотя собаки у Вуди не было, в нижней части задней двери было прорезано специальное отверстие. Джон был слишком большим, чтобы пролезть через него, но все же просунул в него руку, вслепую пытаясь дотянуться до замка. Пальцы нащупали ручку, и он повернул ее.

Джон снова поднялся на ноги, огляделся вокруг, чтобы убедиться, что его никто не видел, и открыл дверь. И внутренне сжался, ожидая, что сработает сигнализация. Он не был опытным взломщиком, просто подумал, что Вуди слишком самонадеянный тип, чтобы тратить деньги на систему безопасности.

Ради бога, он ведь все-таки коп!

Джон не задерживаясь прошел через кухню и направился прямо в гостиную. Он подошел к письменному столу в углу, игнорируя телевизор с большим экраном и расставленную по дому цифровую электронную аппаратуру, которые явно указывали, что Вуди хорошо зарабатывает и может позволить себе купить пару дорогой обуви или вкусную еду в любой момент. Черт, он мог позволить себе и кучу других вещей, разве не так? Жизнь под двумя личинами, для начала! На что он еще способен?

Вуди был слишком умен, чтобы оставлять что-то компрометирующее в очевидных местах. Его чековая книжка с совместным с женой счетом лежала на видном месте, в лотке для бумаг были аккуратно сложены счета и квитанции. Им многое уже принадлежало, но зарабатывали они суммы, которые казались Джону настоящим состоянием. Тысячи долларов приходили и уходили каждый месяц. Новенький автомобиль для жены, дорогая школа для ребенка... Джону было слишком трудно осознать все это.

В гараже был любой инструмент, какой только можно себе вообразить, хотя, по наблюдениям Джона, Вуди большую часть времени проводил на диване. Иногда к ним приходил какой-то подросток, чтобы подстригать лужайку, так что оставалось загадкой, зачем Вуди нужна громадная самоходная газонокосилка с непонятным держателем для стакана. Но больше всего разозлил Джона бильярдный стол посреди гаража. Мысль о том, что Вуди приходит сюда со своим ребенком, может быть, с соседями или товарищами по работе, пьет здесь пиво и играет в пул, почему-то раздражала Джона больше всего.

Он прошелся по ящикам верстака, следя за тем, чтобы все оставалось на своих местах. Под съемным лотком в ящике для инструментов он нашел пачку порножурналов, заголовки в которых обещали «практически легальный процесс» и «фейерверк оргазма». Он пролистал их страницу за страницей в поисках подсказок, стараясь не смотреть на молоденьких девочек — некоторые из них были просто детьми, — которые были разложены на обозрение всем желающим. Возможно, в тюрьме что-то выключилось у Джона внутри, потому что единственное, о чем он мог думать, глядя в их пустые глаза, была Джойс и то, какой незащищенной и уязвимой она была в таком возрасте. Он положил журналы обратно под лоток, пожалев, что смотрел их.

Спальня Вуди находилась рядом — громадная хозяйская спальня с двухместной кроватью, где этот отморозок, вероятно, каждую ночь занимался любовью с женой. Ванная комната тоже была огромная, больше, чем лачуга Джона в ночлежке. Даже детская была очень большая — кровать в форме гоночного автомобиля, игрушки, высыпанные из стоящего под окном ящика. В скором времени маленькую кроватку придется менять на большую. Ребенок подрастет,

ему нужно будет больше уединения. Он пойдет в школу, познакомится там с девочкой, поведет ее гулять...

Обстановка в детской была какая-то гнетущая, так что Джон снова вышел в коридор и вернулся в спальню, чувствуя, что что-то там пропустил. Он старался думать, как его надзирающий офицер, мисс Лэм, когда ищет запрещенные предметы. Он проверил под матрасами, прощупал подушки на предмет каких-то уплотнений. Затем осмотрел обувь в шкафу и рубашки в ящике комода.

Рубашки. Все с ярлыками известных дизайнеров. Мягкий хлопок, некоторые из шелка. Нижнее белье Вуди было от «Келвин Кляйн», пижамы — от «Наутика».

— Господи... — прошептал Джон, чувствуя, как от ненависти к Вуди перехватывает дыхание. — Думай! — приказал он себе, как будто это могло как-то помочь. — Думай!

На комодѣ стояли две бутылки мужского одеколona. Но Джона заинтересовали не названия известных брэндов, а то, что лежало перед ними. Большой складной нож. Вуди носил с собой точно такой же, когда они были подростками. Он говорил, это потому, что ему как наркoдилеру приходится иметь дело с подлыми ублюдками, и Джон верил ему, представлял напряженные стычки и рискованные сделки по наркoтикам, когда кузен демонстрировал ему острое лезвие с зазубринами.

Вуди носил с собой нож. Как он мог об этом забыть?!

— Кто вы?

Джон резко обернулся и был потрясен увиденным: в дверях спальни стояла девушка из соседнего дома. На ней была белая ночная рубашка из шелка и халат. Это одеяние на ее по-детски нескладном теле выглядело словно мокрый мешок, сохнувший на вилах. Голос тоже был детским, пронзительно высоким, почти визгливым.

— Что вы здесь делаете? — требовательным тоном спросила она, но он видел, что она напугана.

— Я мог бы то же самое спросить у вас, — сказал он, накрывая нож ладонью и стараясь говорить авторитетным тоном, каким обычно взрослые разговаривают с детьми.

— Это не ваш дом.

— Но и не ваш, — заметил Джон. — Вы живете в соседнем.

— Откуда вы это знаете?

— Вуди рассказывал.

Она взглянула на его руки: латексные перчатки, нож...

— А кто такой Вуди?

Этот вопрос сбил Джона с толку, и она, заметив его замешательство, бросилась бежать по коридору.

— Эй! — крикнул он и погнался за ней через гостиную в кухню. — Стоять! — рявкнул он, но девушка уже выскочила через открытую заднюю дверь во двор.

Направляясь к забору, она бросила взгляд через плечо. Джон вспомнил, что у него все еще в руке нож Вуди, и остановился. Она споткнулась, но тело ее продолжало двигаться. Двигаться вперед.

Он наблюдал за ее падением, как в замедленном кино: вот ее нога цепляется за поваленный забор, голова бьется о землю... Джон ждал. Она не вставала. Он подождал еще немного. Она по-прежнему не шевелилась.

Он медленно вышел на задний двор, чувствуя под ногами мягкую траву. Он вспомнил свои ощущения, когда, выйдя из «Коустел», впервые за двадцать лет прошелся по траве. Его ноги привыкли к жесткому бетону или местной красной глине, утопанной тысячами заключенных, ступавшими по ней каждый день, и поэтому твердой, как кирпич. А трава на кладбище казалась такой мягкой, как будто он, следуя за маминым гробом к ее могиле, ступал по облакам.

Прошло двадцать лет, и он забыл, какой на ощупь бывает трава. Двадцать лет одиночества, изоляции от мира. Двадцать лет страданий Эмили во время ежемесячных визитов к сыну. Двадцать лет, в течение которых Джойс жила, снедаемая изнутри мыслью о том, каким чудовищем является ее брат.

Двадцать лет, которые Вуди преспокойно оставался на свободе, за которые обзавелся хорошей работой, женился, заимел ребенка, — одним словом, жил полной жизнью.

Джон осторожно переступил через забор. Он вспомнил, что все еще держит в руке нож Вуди, и положил его на землю, присев рядом с девушкой. В тюремной больнице он научился проверять пульс. Так вот, пульса у нее не было. Но и без такого подтверждения, по тому, как был проломлен череп, он понимал, что она, видимо, умерла в тот момент, когда ударилась головой о большой камень по другую сторону

забора. Кварц был вымазан ее кровью, которая пропитала и пряди белокурых волос.

Он сидел на корточках, а воспоминания унесли его к тому моменту, когда он видел Мэри Элис в последний раз. Ее глаза. Он никогда не забудет ее глаза и то, как они смотрели в никуда. Хотя ее тело и так рассказывало, что с ней случилось. Она перенесла ужасные, невыносимые вещи. Он и сейчас мог припомнить какие-то разрозненные сцены суда, выложенные на всеобщее обозрение фотографии изуродованного тела Мэри Элис Финни. Он помнил, как тетя Лидия расхаживала перед присяжными, а он думал, что эти метания адвоката только вредят, потому что этим она привлекает внимание к снимкам, разложенным сразу позади нее.

— Все в порядке, — сказал Джон тете Лидии, когда она приехала к нему в «Коустел» и объяснила, что сроки апелляции миновали и что, скорее всего, он так и умрет в тюрьме. — Я знаю, что вы сделали все, что могли.

Тетя сказала ему, чтобы он не говорил с полицейскими о наркотиках и тем более о Вуди, потому что, если привлечь к этому ее сына, неминуемо всплывет, что Джон злоупотреблял наркотиками, а кому это нужно? Если Вуди вызовут в суд, он скажет всю правду.

А мы ведь не хотим, чтобы Вуди рассказывал всю правду, верно?

В тот вечер Вуди сказал ему: «Без обид», а потом сунул этот пакетик. Может, именно тогда он и решил напасть на Мэри Элис?

Без обид. Никаких обид у Джона не осталось — одна только ярость, которая горела внутри, будто он хлебнул бензина, а потом бросил туда спичку.

Он посмотрел на девушку. Она была совсем ребенком, но одновременно еще и посланником.

Желудок Джона сжался спазмом, когда он сунул руку в перчатке ей в рот и зажал язык большим и указательным пальцем.

Вуди сам принес все это к дверям Джона. И Джон вернет это ему обратно. Самое главное, чему он научился в тюрьме: нельзя прикасаться к чужой собственности, если не хочешь умереть за это.

— Вуди, — произнес он.

Но это было имя мальчика, а Вуди больше уже не мальчик. Как и Джон, он стал мужчиной. И звать его нужно мужским именем.

Майкл Ормевуд.

Джон поднял нож с земли.

Глава 20

15 июня 1985 года

— Тебе нужно пройтись, — сказал Джон Мэри Элис. — Нельзя возвращаться домой в таком виде.

— Ты когда-нибудь целовался с девушкой?

Он густо покраснел, и она расхохоталась.

— Марк Рид, — сказала она. — Он считает себя моим парнем, потому что поцеловал меня после игры.

Джон молчал, про себя желая скорейшей кончины этому Марку Риду, куортербеку и лидеру футбольной команды, ездившему за рулем красного «корвета», гордому обладателю густой поросли по всему телу, которую он любил демонстрировать, разгуливая по раздевалке, словно работал в мужском стрип-шоу «Чиппендейле».

— Ты мне так и не ответил, — напомнила Мэри Элис, и Джон подумал о пакетике с порошком Вуди в кармане.

Она прочла его мысли.

— Дай мне попробовать.

— Ни за что.

— Но я хочу!

— Не хочешь.

— Брось! — Она полезла к Джону в карман и при этом коснулась его руки.

Джон с такой силой втянул в себя воздух, что даже удивился, как его легкие не взорвались.

Мэри Элис поднесла пакетик к свету уличного фонаря.

— Что в этом такого хорошего?

Джон не мог ответить на этот вопрос. Сейчас было несколько других напряженных моментов, требующих всего его внимания.

Она открыла пакетик.

Он пришел в себя.

— Не делай этого!

— Почему? Ты же делаешь.

— Я неудачник, — сказал он. — Ты сама мне об этом говорила.

Позади раздался какой-то шорох, и они обернулись.

— Кошка, — предположила Мэри Элис. — Пойдем.

Она взяла его за руку, и Джон позволил увести себя по улице по направлению к дому Финни. Когда она провела его через задний двор, Джон совсем притих. Он знал, что ее спальня находится на первом этаже, но не ожидал, что она откроет окно и залезет через него.

— Что ты делаешь?

— Тс...

Позади хрустнула ветка. Он снова оглянулся, но, сколько ни вглядывался, видел только темные тени.

Мэри Элис сказала:

— Давай.

Он взобрался на подоконник и замер там, прошептав:

— Твоя мама убьет меня, если найдет здесь.

— Мне все равно, — прошептала она в ответ и включила ночник в форме белой кошечки из японского мультика «Привет, киска».

— Ты спишь с включенным ночником?

Она игриво шлепнула его по плечу.

— Просто залазь.

Джон мягко спрыгнул. Ее кровать стояла прямо под окном, и теперь они сидели на ней. Надо же — кровать Мэри Элис! Он почувствовал, как эрекция мстительно нарастает.

Если Мэри Элис и заметила это, она ничего не сказала.

— Покажи мне, как это делается, — попросила она, протягивая ему пакетик с кокаином.

— Я не собираюсь этого делать.

— Я уверена, что хочу этого.

И он сделал это. Боже, он это сделал! Он готов был на все, лишь бы перешагнуть через собственный идиотский комплекс и поцеловать ее.

— Покажи мне, — повторила она.

Он развязал пакетик и пальцем поддел немного порошка.

— Это нужно нюхать, — сказал он. — Вот так.

Джон закашлялся и едва не подавился, когда порошок ударил в горло. Вкус был горький, металлический. Он пытался собрать слюну, чтобы проглотить его, но во рту было слишком сухо. Сердце

вытворяло какие-то странные вещи: оно как будто оборвалось, а потом ему показалось, что в него воткнули нож.

Мэри Элис выглядела напуганной.

— Ты что...

Кокс ударил ему в голову. Две секунды — и все, он был в таком состоянии, что не мог открыть глаза. Он увидел звезды — настоящие звезды! — и упал вперед, прямо на Мэри Элис. Она положила руки Джону на лицо, чтобы остановить его, а он приподнял подбородок, и губы их встретились.

Следующее, что он мог вспомнить, — это пробуждение с такой головной болью, какой у него не было никогда в жизни. Он чувствовал стреляющую боль в груди, ему было холодно, хотя тело обливало потом. Когда он поворачивался на бок, кожа, казалась, прилипла к простыням. Он еще подумал, что мать убьет его за то, что он намочил постель, и тут почувствовал рядом с собой чье-то тело.

Мэри Элис была абсолютно голая. Ее шея была свернута в сторону, рот открыт и заполнен кровью. Он увидел синяки на ее руках и по всему телу. Волосы на лобке были вырваны клочьями, а маленькая грудь испещрена следами от укусов.

Джон был слишком ошеломлен, чтобы издавать какие-то звуки. Он задыхался, мочевой пузырь рвался освободиться от своего содержимого, когда он отталкивал от себя ее тело. Позади него находилось открытое окно. Он потянулся вверх, но пальцы соскользнули по раме. Кровь! Его руки были в крови.

Он пролежал в ней всю ночь, и одежда пропиталась ею, словно губка.

Он услышал какой-то шум — хуф-хуф-хуф! — но этот шум исходил от него самого. Ее лицо... Он не мог оторвать глаз от ее лица. Столько крови! Мочевой пузырь расслабился, и горячая жидкость хлынула по ногам.

Нужно было выбираться отсюда. Он должен уйти.

Джон прижался к стене и, отталкиваясь ногами, поднялся на подоконник. Он вывалился через открытое окно и упал во внутренний двор на спину. Падение, казалось, выбило весь воздух из легких, и он закашлялся.

Он посмотрел на небо. Утро еще не наступило, солнце едва начало окрашивать силуэты деревьев в серый цвет на фоне черного

неба. Ноги его дрожали, но ему удалось встать. Брюки прилипли к бедрам, а окровавленная рубашка в том месте на спине, которым он всю ночь прижимался к Мэри Элис, казалась ему второй кожей.

Джон побежал, и сердце билось где-то у него в горле.

Он должен убираться отсюда.

Он должен попасть домой.

«ДЕКАТУР СИТИ ОБЗЕРВЕР», 18 июня 1995 года

УБИЙСТВО ФИННИ: ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Прошло десять лет с тех пор, как пятнадцатилетнюю Мэри Элис Финни нашли изнасилованной и убитой в доме ее родителей в Декатуре, хотя это преступление, в свое время всколыхнувшее спокойное предместье Атланты, до сих пор свежо в памяти местных старожилков. «Оно изменило буквально все, — утверждает Элизабет Рид, чей сын встречался с Мэри Элис в то время, когда ее убили. — Мы перестали быть открытой общиной и теперь запираем по ночам двери своих домов».

Сперва полиция была поставлена в тупик убийством юной девушки, лидером группы поддержки и президентом класса средней школы Декатура. «Она была просто нормальной девчонкой, которая вела нормальную жизнь», — говорит Рид. Но все изменилось 16 июня 1985 года, когда весь район разбудили женские вопли. Салли Шелли пришла будить дочь, чтобы идти в церковь, а вместо этого обнаружила кровавую бойню.

«Работать на месте преступления было сложно, — говорит шеф полиции, ныне в отставке, Гарольд Уоллер. — Кровь была повсюду. Мы никогда не видели ничего подобного. Мы тогда подумали, что видим работу психопата... В конечном итоге, так и оказалось».

Судебные психиатры согласились с такой оценкой Уоллера в отношении хладнокровного убийцы, объяснив, что ярость накачанного наркотиками подростка стала проявлением скрытого психоза. Хотя убийца говорил о том, что принимал дозы только «для поддержания формы», его друзья раскрыли гораздо более мрачную картину. Тренер Вик Мак-Коллох, подтвердивший жестокий характер поведения Шелли на футбольном поле, сказал, что вынужден был в

конце концов отчислить юношу из команды. Тогда же близкий друг Шелли, просивший не называть его имени, сообщил, что у Шелли выработалась навязчивая идея в отношении Мэри Элис Финни и он «горел ненавистью» к ведущей ученице.

Помимо того, что девочка была жестоко изнасилована, на ее теле, груди и бедрах были раны от нескольких глубоких укусов. Затем малолетний убийца осквернил труп, помочившись на него. Однако не это стало самым шокирующим открытием. Давая свидетельские показания на судебном процессе, Уоллер показал, что язык девушки был отрезан ножом с зазубринами.

Очень немногие из соседней удивились, когда за это преступление был арестован местный юноша Джонатан Шелли. По данным полиции, пятнадцатилетний подросток к этому времени уже задерживался за употребление наркотиков и мелкие кражи. Директор школы Дон Биндер рассказал на суде, что Шелли был известен в среде школьников как наркодилер «с серьезными проблемами». На месте преступления был найден пакетик со смесью кокаина и героина, который на уличном сленге называется «спидбол». Кровавые отпечатки пальцев Шелли были найдены как на самом пакетике, так и на основных поверхностях в комнате девушки.

«У нас не было недостатка в вещественных доказательствах, — говорит Уоллер. — Там повсюду были отпечатки его окровавленных пальцев». Адвокат на процессе сообщила о том, что в комнате было обнаружено также несколько неидентифицированных отпечатков, но не смогла ничего противопоставить самому убийственному вещественному доказательству — шестидюймовому кухонному ножу с зазубринами, спрятанному в шкафу в комнате мальчика. Нож из комплекта из кухни Шелли был тщательно вымыт, но в щелях деревянной рукоятки были найдены следы человеческой крови. Эмили Шелли, мать мальчика, под присягой заявила в суде, что порезалась этим ножом и это ее кровь. Однако на перекрестном допросе она не смогла объяснить, как и почему этот нож оказался под шкафом ее сына.

«Я ни на секунду не сомневался в виновности Джона Шелли, — говорит Пол Финни, сенатор штата от округа Фултон. — Под действием наркотиков с ним случился приступ неконтролируемой ярости, и моя дочь дорого заплатила за это». Салли Финни никогда не

говорила с прессой об утрате Мэри Элис, своего единственного ребенка. Соседи рассказали, что мать отказалась вернуться в дом на Сент-Патрик-драйв и что во время суда она подала на развод с мужем. «Это ужасное насилие разрушило нашу семью», — сказал в то время Пол Финни. Дважды разведенный сенатор является известным адвокатом, специалистом по правам потерпевших; он был соавтором либо поддерживал несколько законопроектов штата Джорджия, осложнявших заключенным, осужденным за тяжкие насильственные преступления, возможность досрочного освобождения.

Кстати говоря, первое заседание совета по условно-досрочному освобождению для Шелли было назначено на прошлую пятницу. Стоя перед советом, Шелли зачитал заранее подготовленный текст заявления. «Я не совершал этого преступления, — сказал он в набитом до отказа зале. — Я не стану признаваться в том, чего не делал».

Говорит продолжающий скорбеть отец Пол Финни: «Джон Шелли находится там, где ему самое место».

Часть 3

Глава 21

6 февраля 2006 года, 8:02 вечера

Когда раздался звонок в дверь, Уилл Трент расчесывал собаку. Бетти тут же принялась лаять и так задергалась, что чуть не свалилась со стола. Он цыкнул на нее и в ответ удостоился изумленного взгляда. Уилл никогда не говорил этой собаке «нет».

Прошла минута. Уилл и Бетти ждали в надежде, что тот, кто звонил в дверь, уйдет, но звонок раздался снова, уже три раза подряд.

Собака начала лаять по-настоящему. Уилл вздохнул, положил на стол щетку и опустил закатанные рукава. Подхватив собаку на руки, он направился к двери, а звонок тем временем зазвонил снова — шесть раз подряд.

— Какого черта, чего так долго?

Он выглянул на улицу, чтобы посмотреть, одна ли она.

— В последнее время тут настоящее нашествие свидетелей Иеговы.

— Может быть, для тебя это неплохой способ знакомиться с женщинами. — Энджи наморщила нос. — Боже, что за уродливый пес!

Прижимая собаку к груди, Уилл прошел за Энджи в дом, сразу почувствовав в ее голосе некоторое презрение, которого могло не уловить животное. Энджи была по-прежнему одета, как на работу, и он заметил:

— Выглядишь, как проститутка.

— А ты выглядишь, как труп в гробу.

Он потрогал рукой галстук.

— Тебе не нравится мой костюм?

— Что произошло с джинсами, которые я тебе купила? — Со вздохом облегчения она шлепнулась на диван. — Проклятые туфли... — пожаловалась она, сбрасывая на коврик эти орудия пытки на пятнадцатисантиметровых каблуках. Она вынула заколку и, тряхнув

головой, распустила длинные каштановые волосы. — Как же мне остохренела эта чертова работа!

Уилл опустил Бетти на пол. Чихуахуа тут же отправилась в кухню, стуча коготками по паркету. Он слышал, как она попила воды, а затем принялась хрустеть тем, что осталось от ее завтрака. Собака была ему нежеланным и, будем надеяться, временным компаньоном. Две недели назад Уилл, вернувшись с утренней пробежки, обнаружил, что его пожилую соседку увозит «скорая». У нее были какие-то проблемы с речью, и, судя по тембру голоса, курила она пачек по пять в день.

— Смотрите за Бетти! — хрипло крикнула она ему через всю лужайку. Уиллу послышалось «Протрите за Бетти».

— Что я должен с ней делать? — спросил он, несколько напуганный открывшейся перспективой. Женщина непонимающе уставилась на него, поэтому он показал пальцем на чихуахуа, стоявшую на парадном крыльце. — Собачка. Что насчет собачки?

— Вычесывайте ее! — прохрипела женщина, и дверца «скорой» захлопнулась.

Уилл даже не знал, как зовут его соседку. Он вообще мало знал о ней, если не считать того, что она обожает на полную громкость слушать телеигру «Угадай цену». Он понятия не имел, куда ее увезла «скорая», есть ли у нее кто-то из близких и вернется ли она сюда. Единственная причина, по которой он знал, как зовут эту собачку, заключалась в том, что хозяйка жутким голосом ругала ее. «Бетти! — мог он услышать глубокой ночью этот баритон, пониже, чем у любого мужчины. — Бетти, я же сказала тебе этого не делать!»

Энджи сидела, скрестив руки на груди, и внимательно смотрела на Уилла.

— Ты хотя бы понимаешь, насколько нелепо выглядишь, таская за собой эту собачонку?

Уилл сел напротив нее в кресло и откинулся на спинку. Он взял пульт дистанционного управления и выключил стереосистему, где крутилась аудиокнига, которую он слушал до ее прихода. Два долгих года прошло с тех пор, как он в последний раз разговаривал с Энджи Поласки, и вот она сидит в его гостиной, как будто они расстались только вчера. Она всегда была такой, еще с тех времен, когда они были детьми. Представь себе, что нет ничего удивительного, и никогда не будешь удивлен.

— Спасибо, — сказал он, — что помогла мне утром с этим торговым автоматом. — Он решил опустить тот факт, что его едва не хватил удар, когда он увидел ее сегодня стоящей в коридоре «Сити-Холл-Ист».

— Слушай, как там у вас дела с Майклом Ормевудом? — спросила она, но ответа решила не дожидаться. — Боже, поверить не могу, что с его соседкой могло такое случиться! Жуть какая-то.

— Он ведет дело, которое меня заинтересовало. А откуда ты его знаешь?

— Работали вместе в полиции нравов, — сказала она. — Есть у тебя что-нибудь пожевать?

Уилл пошел к холодильнику, Бетти следовала за ним по пятам. Он практически ничего не держал в холодильнике, но собачка любила сыр, и он приготовил для нее небольшой запас.

Энджи тоже прошла в кухню.

— Когда Ормевуда перевели в убойный отдел? — спросил он.

— Где-то месяцев шесть назад.

Шесть месяцев назад Уилл жил в северной Джорджии, сосланный шерстить заброшенные птицефабрики, переоборудованные под лаборатории по производству метамфетамина, пока начальство будет решать, что с ним делать.

— С тех пор как он получил полицейский жетон, полиция нравов была его самым важным назначением, — сказала она. — Он трудился на это десять лет.

Уилл догадался, что она хочет что-то сообщить ему.

— Почему он ушел оттуда?

— Из-за меня. — Она вытянула стул из-за стола и села. — Я сказала ему, что либо он сам уйдет, либо я напишу на него рапорт.

— По поводу?

— Он трахал кое-кого из девочек.

Уилл положил сыр на кухонную стойку.

— Это уже интересно.

— Я-то как раз думала, что это просто омерзительно, но каждому свое.

Уилл некоторое время осмысливал услышанное, его представление о Майкле Ормевуде снова менялось. Этого парня действительно трудно на чем-то подловить.

— И что, он делал это все десять лет, пока работал в полиции нравов?

— Я работала в его команде всего несколько месяцев. Могу только догадываться, но, если тебя интересует мое личное мнения, я бы сказала, что да.

— А это вообще обычное дело? — спросил он.

Она пожала плечами.

— Случается порой, особенно с женатыми. Чужая дырка и бесплатно — кто же откажется?

Уилл отвернулся к буфету, чтобы вынуть тарелку, так что она не могла видеть выражение его лица, но Энджи знала его с восьмилетнего возраста и все равно рассмеялась.

— Ты просто ханжа, Уильям, — сказала она.

— За два года мало что изменилось.

Она не поддалась на его уловку. Те два года и целая куча месяцев — тогда было совсем другое дело. Они находились в этой же самой кухне, Энджи кричала на него, а Уилл смотрел в пол и ждал, когда она остановится. И она действительно остановилась, но только тогда, когда хлопнула за собой дверь.

Он нарезал сыр кубиками, стараясь не обращать внимания на взгляды, которые бросала на него Бетти.

— Что ты слышала насчет того, что там произошло сегодня после обеда?

— Ты о соседке Майкла? — уточнила Энджи. — Совсем немного. Только то, что это, видимо, как-то связано с делом Монро.

— Язык соседки был отрезан. Его до сих пор не нашли.

— Зачем кому-то нужно было преследовать соседку Майкла?

— Я и сам удивляюсь.

— Думаешь, это случайность?

Он прислонился к стойке и посмотрел на нее.

— Да не похоже. У Ормевуда много врагов?

— Я не отношусь к его верным друзьям, но, как я знаю, ребята его любят. Он много времени проводит с этим придурком Лео Доннелли, так что это не очень объясняет его вкусы.

— А ты не слышала о каких-то расследованиях, где он мог кого-то серьезно разозлить?

— Ты имеешь в виду, достал кого-то? — Она снова пожала плечами. Новая привычка, которую она приобрела, пока они не виделись. — Ничего особо впечатляющего. Ты действительно считаешь, что это связано с делом Монро?

— Заключение coronера по трупу девушки будет готово завтра. Насколько я заметил, там есть определенные отличия. — Он помолчал, восстанавливая в памяти место преступления. — У нее сверху поцарапана стопа. Очевидно, она споткнулась о забор. Вот здесь у нее рана. — Он показал пальцев в область виска. — Когда она падала, то ударилась головой, причем, похоже, очень сильно. И еще кровь. — Он снова замолчал. — Крови было сравнительно мало. У Монро рот наполнился кровью очень быстро, ее было достаточно, чтобы она задохнулась. Конечно, эта девушка лежала лицом вниз, но и на земле крови было немного. Могу предположить, что сердце ее остановилось до того, как ей отрезали язык.

— Ее изнасиловали?

— На бедрах были кровоподтеки, но точно сказать нельзя, пока она не попадет на стол в морг.

— Вскрытием занимается Пит Хэнсон?

— Да. Убийство произошло в округе Де-Кальб, но я попросил их разрешить ему провести экспертизу и этого тела, для сравнения. Хэнсон сегодня утром делал вскрытие Алиши Монро. Похоже, он нормальный мужик. — Он вспомнил о замечании, которое доктор сделал сегодня во время аутопсии. —

А что, презервативы со смазкой и спермицидом стоят намного дороже, чем без всего этого?

Энджи подозрительно уставилась на него.

— Я что, похожа на крупного специалиста в таких делах?

Он подумал, что, по-видимому, именно так оно и есть, но решил не развивать дискуссию на эту тему прямо сейчас.

— Убийца Монро использовал презерватив со спермицидом и смазкой. Я просто подумал, дороже это или нет.

— Он не хотел оставлять свою ДНК, — озвучила Энджи очевидный вывод.

— А Ормевуд считает, что он просто не собирался ее убивать.

— Полная чушь! — возразила Энджи. — Клиентура проституток не приносит с собой резинки. Они не очень переживают за девушек,

которых трахают. Знаешь, как они называют остальную кожу вокруг вагины? Женщина. — И добавила: — Кому, как не Майклу Ормевуду, знать это?

— Тогда это снова возвращает нас к тому же вопросу. Они намного дороже?

Энджи несколько секунд внимательно смотрела на него. Она знала, что Уилл никогда в жизни не покупал презервативов.

— Девушки такие же люди, как и все остальные: они думают, что если вещь стоит немного дороже, то она лучше. И они заплатят лишние тридцать-сорок центов, если думают, что это может защитить их от гепатита С.

— А СПИД их волнует не больше?

— СПИД обычно можно скрыть. А при гепатите становишься желтым. Лиша была одной из самых умных. Она использовала все меры предосторожности, какие могла.

Энджи посмотрела на свои ногти, словно проверяя состояние маникюра. Она редко принимала свою работу близко к сердцу, — в противном случае, наверное, закончила бы пьянчужкой где-нибудь на улице, — но сейчас Уилл видел, что в ней идет внутренняя борьба. Как бы она ни ненавидела свою работу в полиции нравов, чем-то она была все-таки похожа на этих девушек. Их объединяли те же надругательства и чувство покинутости. Она легко могла бы стать одной из них.

— Она мне нравилась, — наконец сказала Энджи. — Монро. В прошлом году мы ее закрывали раз шесть подряд. Она была славная. Ввязалась в эту игру по обычным для всех причинам, а потом не знала, как из нее выпутаться. Я пыталась устроить ее на лечение, но ты сам знаешь, как это бывает. Никого нельзя заставить что-то делать, пока он сам этого не захочет.

Он пытался сообразить, что бы такого хорошего можно было сказать об убитой шлюхе, зная, что Энджи это будет приятно.

— Она была красивая, — наконец выбрал он.

— Да, была. — Энджи встала и подошла к нему. Уилл замер, глупо полагая, что она сейчас что-то сделает, но она всего лишь взяла несколько кубиков сыра и снова села на диван. — Я спрашивала Майкла о ней сегодня утром. Он ее даже не помнит.

— А Монро была одной из проституток, к которым он приставал?

— Понятия не имею, — призналась Энджи. — Насчет девочек — все это только на уровне слухов. «Есть один коп, который — за кое-какие услуги — готов не обращать на тебя внимания». Такие вот дела. Я этому не особо верила, но потом одна из них назвала его имя. Ормевуд — не самая распространенная фамилия, верно? Я спросила его об этом напрямую, он ничего отрицать не стал, поэтому я предупредила: «Смотри, или сам уйдешь, или это дойдет до лейтенанта». Он выбрал вариант номер один.

Уилл повернулся к ней и скрестил руки на груди.

— А вообще что он за парень?

— Нормальный коп. — Она откусила сыр. — Не знаю, правда, насколько это теперь важно. — Она жевала, раздумывая над его вопросом. — Честно говоря, я его никогда не любила. Он вечно терся вокруг, что-то вынюхивал, все предлагал ввести меня в курс дела. Я сказала, чтобы он отвалил.

— В свойственной тебе женственной манере. — Он бросил немного сыра Бетти.

— Не корми ее так, — предупредила Энджи. — У нее случится запор, а ты потом будешь ее жалеть.

— Спокойно.

— Тогда не приходи ко мне поплакаться, если эта маленькая крыса начнет пукать в ритме «Копакабаны».

Уилл бросил Бетти еще сыра, хотя обычно ограничивался одним кусочком за вечер.

— Расскажи мне об Ормевуде.

Энджи пожала плечами.

— Пока он не ушел, я по-настоящему не понимала, насколько он меня раздражал. Понимаешь, он вечно строил из себя эдакого взрослого дядю среди детворы. Он ветеран войны...

— Он говорил мне.

— Да, ему нравится, если окружающие об этом знают. — Она подозрительно взглянула на Бетти, как будто собака уже начала надуваться от газов. — Даже после перевода он продолжал приходить в полицию нравов, как в былые времена. По крайней мере раз в неделю он был у нас, разнюхивал обстановку, рассказывал о громких делах, которые раскрыл, как будто от принадлежности к убойной команде рейтинг у него стал больше.

— У него очень хороший процент раскрываемости.

— Лучше, чем у тебя?

Уилл ответил вопросом на вопрос:

— Ты думаешь, он продолжал околачиваться у вас, потому что боялся, что ты передумаешь в отношении его «внепрограммной деятельности», так сказать?

— Мне кажется, он просто не мог успокоиться, что последнее слово осталось за мной. — Энджи улыбнулась своей самой сладкой улыбкой, говорившей, что она решила все-таки додавить его. — Ну же, детка. У тебя ведь процент раскрываемости больше, верно?

— Давай поговорим об Ормевуде.

Она обиженно надула губы, но долго не выдержала.

— Я же сказала тебе: Майкл любит контролировать ситуацию.

— Он показался мне нормальным парнем.

— Ребята этого не замечают, но это есть. Можешь мне поверить. Спроси у любой женщины, и она, проведя с ним десять минут, скажет тебе, что этот тип поведен на контроле.

— Ладно. — Для полицейского в этом не было ничего необычного, Уилл сталкивался с таким часто. — А еще я заметил, что в нем очень силен дух соперничества.

— Это еще мягко сказано, — ответила Энджи. — Он перевелся в другой отдел, но так и не успокоился, что я взяла верх. Он всегда приходит ко мне в конце смены, сразу после того как я напечатаю все свои DD-5^[16].

— Он их просматривает?

— Я бы ему яйца оторвала, если бы только попробовал! — Она бросила в рот еще один кусочек сыра. — Но, думаю, если бы я оставила его одного на пару секунд, он бы все вверх дном в моем столе перевернул.

— Он вспыльчивый?

— Не больше, чем остальные из нас.

Уилл не понял, что она хотела этим сказать, но решил не упираться на это.

— Выглядит так, будто он хочет убедиться, что ты не собираешься посадить его.

— Может быть. — Она снова принялась жевать, оставив свои мысли по этому поводу при себе.

Уилл внимательно смотрел на нее, пытаясь понять, что она от него скрывает.

С Энджи всегда было так: она всегда держала что-то в резерве. Даже по прошествии стольких лет Уилл не знал, делает она это умышленно или у нее просто такой защитный механизм. Здесь была и ложь, и то, что Уилл считал инстинктом самосохранения. И он был последним человеком на Земле, который стал бы упрекать ее за это.

— Сегодня днем Ормевуд выглядел очень расстроенным по поводу своей соседки, — сказал Уилл.

— Он на самом деле любит детей, — ответила она. — У его сына какие-то проблемы с головой, но я его как-то встречала, он очень славный. Жена его очень холодна, но и я на ее месте была бы такой, если бы каждую ночь нужно было трахаться с придурком. — Она решила пояснить. — Я встречала их на вечеринке по поводу ухода на пенсию его напарника. Кен Возняк, чернокожий парень, хотя тоже поляк. Я подумала: пойду поддержу соотечественника.

— Очень мило с твоей стороны.

— Не думаю, что он долго протянет. С ним случился какой-то удар, внутри что-то оборвалось. Половина тела не работает.

— Родные у него есть?

— Никого.

Они немного помолчали.

Энджи открыла рот, чтобы что-то сказать, но потом передумала. Уилл хорошо знал, что подгонять ее не нужно, она сама в конце концов все выложит.

— Насчет Майкла... Все дело в том, что он не тот человек, которым старается казаться.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Он все время пытается соответствовать, но ему это не удается.

Уилл подумал, что то же самое можно сказать и о нем самом.

— Это плохо?

Прежде чем ответить, она на несколько секунд задумалась.

— Вот как с этим Возняком. Мы с ним не были слишком близки, тем не менее я пошла навестить его. Здоровенный парень вот с таким брюхом. — Она отвела руки на приличное расстояние от живота. — При этом он настоящий дамский угодник, понимаешь? Вечно комментировал, как я одеваюсь на работу. «Я бы охотно пожарился с

этой птичкой» — и всякий прочий бред в этом же духе. Но он пожилой мужик, настоящий плюшевый мишка, поэтому все это просто забавно и даже, может быть, немного лестно, но уж никак не страшно.

— О'кей, — сказал Уилл.

Он не вполне понимал, к чему Энджи клонит, но понял: главное, что этот человек не обманывает.

Она продолжала:

— У Кена были свои специфические высказывания. Например, вручает каким-нибудь штатским свою визитку и говорит: «Этим можно подтереться», и все с такой обезоруживающей непосредственностью, что они смеются, но карточку все равно берут, понимаешь? Как коп Кен, может, и чудаковатый, но они понимают, что при этом он крутой парень.

— Все правильно, — согласился Уилл.

Все копы пользуются какими-то трюками, чтобы наладить контакт с потенциальными свидетелями. Конечно, у каждого они свои, но всем этим фокусам обязательно требуется определенное очарование, чтобы они срабатывали на улице.

— Кен сейчас в больнице, такие вот дела. Пролеживает свою кровать. Честно сказать, жалко парня.

— Плохо дело.

— Да уж. — Она сделала движение рукой, как бы отмахиваясь от его слов. — Дело в том, что как-то через пару недель стою я с девочками на нашем месте, а тут идет Майкл. Девочки откуда-то знают, что он коп, потому что... ну, блин, потому что он на самом деле коп. Может, по запаху чувят. — Она откинулась в кресле, и Уилл заметил, что это воспоминание злит ее. — Так вот, Майкл прохаживается туда-сюда перед всеми, прямо кум королю, подмигивает мне так заговорщицки, как будто это все очень забавно, а не полная глупость, которая может провалить работу под прикрытием, спрашивает у девочек, не видели ли они тут одного парня, говорит, что он очень опасный ублюдок и чтобы они держались от него подальше. Потом достает свою визитку и говорит...

— «Этим можно подтереться», — догадался Уилл.

— Правильно, — подтвердила она. — Ему всегда это нравилось, он изо всех сил строил из себя крутого, пытался соответствовать, вот только не знал как, поэтому подражал другим.

— Как те, кто цитирует фразы из фильмов.

— Да, бэйби, — сказала она, идеально скопировав голос Остина Пауэрса.

Уилл обдумывал все это, вспоминал короткое время, которое провел с Майклом Ормевудом до того момента, когда они обнаружили мертвую девушку во внутреннем дворе дома детектива. Энджи, конечно, предоставила богатый материал для размышлений по поводу его личности, но Уилл не полностью соглашался с ее выводами.

— Меня это не очень настораживает.

— Понятно, — сказала она. — Но все равно ты считаешь, что в нем что-то такое есть. Твой внутренний радар уже сработал.

Ее слова отражали самую суть их отношений. Двадцать пять лет назад они встретились в детском доме штата. Уиллу было восемь, Энджи — одиннадцать. Обоим всю свою короткую жизнь приходилось оттачивать собственные инстинкты; оба тяжело учились слушать внутренний голос, когда тот говорил им, что если кто-то носит белую шляпу, то это еще не значит, что он хороший человек.

— Да, — согласился Уилл. — Я пока не очень разобрался в нем. Думаю, это потому, что я его раздражаю. Никому не нравится, когда его заставляют плясать под чужую дудку.

— Тут не только это, тут нечто большее, — настаивала она. — И ты знаешь это так же, как и я.

— Возможно. — Он поднял Бетти, чтобы почесать ей за ухом.

Энджи встала.

— Мне нужно, чтобы ты пробил для меня одно имя.

— Какое еще имя?

Она вернулась в гостиную за сумочкой. Уилл последовал за ней, прижимая собаку к груди. Косточки этого крошечного создания были такими хрупкими, что порой казалось, будто он держит в руках птичку.

— Вот. — Энджи протянула ему розовую липкую бумажку для записок с аккуратной надписью печатными буквами посередине. — Он сказал, что во что-то вляпался. Звучало это скверно, но у меня такое ощущение... — Она пожала плечами, так и не закончив фразу. — Думаю, он попал в беду.

Уилл не взял бумажку. Стараясь, чтобы голос звучал так, будто он подшучивает над ней, он сказал:

— С каких это пор ты занимаешься тем, что спасаешь людей?

— Ты сможешь мне или будешь просто торчать здесь, почесывая эту маленькую псину?

— А можно я буду делать и то и другое?

Ее губы дрогнули в улыбке.

— В его карточке о досрочном освобождении все записано очень кратко, а дело слишком старое, чтобы быть в нашем компьютере. Сможешь воспользоваться своими волшебными возможностями в БРД и сделать для меня копию из архива?

Он понял, что именно из-за этого Энджи и пришла к нему сегодня вечером, и постарался не выдавать своего разочарования. Он взял листок и мельком взглянул на надпись, которая напоминала расплывшееся пятно. Уиллу всегда было трудно разглядеть буквы, особенно когда он был расстроен или раздосадован.

— Уилл?

— Выяснение того, попало ли дело в архив, может потребовать какого-то времени, — предупредил он.

— Это не срочно, — сказала она. — Может быть, я его вообще никогда больше не увижу.

Он почувствовал облегчение, что могло означать только то, что перед этим он ревновал.

Она уже взялась за ручку двери, чтобы уйти.

— Он пишется через два «л». Ты хорошо рассмотрел?

— Что?

Голос ее прозвучал раздраженно, как будто она обиделась, что он ее не слушал.

— Его имя, Уилл. Которое на бумажке. Там написано «Шелли» через два «л».

Глава 22

Энджи жила менее чем в пяти милях от дома Уилла. Она ехала домой с приглушенным радио хорошо знакомой дорогой, дав волю собственным мыслям. Он выглядел так же, как и всегда, может быть, чуть похудел, и одному Богу известно, что он делал со своими волосами. Энджи всегда стригла его сама, а сейчас догадывалась, что он купил электробритву, чтобы не ходить к парикмахеру, который мог увидеть шрам у него на затылке и спросить, кто это хотел его убить.

Она знала, что последние два года Уилл прожил в горах северной Джорджии. Наверное, за это время он мало выезжал оттуда. Дислексия — избирательное нарушение способности к овладению навыками чтения и письма — вносила ограничения в его жизнь. Он не ходил в новые рестораны, потому что не мог разобрать меню. Он покупал продукты в гастрономе, основываясь на знакомых цветах ярлыков или на фотографиях на упаковке. Он скорее начал бы голодать, чем обратился за помощью. Энджи прекрасно помнила, как он в первый раз пошел за покупками самостоятельно. Он вернулся с банкой кулинарного жира «Криско», решив, что на ее содержимое указывает жареная курица на упаковке.

Сворачивая на дорожку к своему дому, Энджи пыталась припомнить, сколько раз она бросала Уилла Трента. Она считала это по именам мужчин, к которым уходила от него. Первым был Джордж, это еще в середине восьмидесятых. Он был большим энтузиастом панк-рока с тайной пагубной привычкой к героину. Номер два и номер восемь были Роджеры, разные мужчины, но оба с одинаково мерзким вспыльчивым характером; как частенько говорил Уилл, Энджи притягивала к себе только тех мужчин, которые собирались причинить ей боль. Номером шесть был Марк. Он был настоящим победителем. У Энджи ушло пять месяцев на то, чтобы сообразить, что он набирает долги по ее кредитным картам. Этот идиот был в полном шоке, когда она позвонила приятелю в отдел, который занимается мошенничествами, и горемыку арестовали; она до сих пор не могла удержаться от смеха при воспоминании о глупом выражении на его

лице. Пол, Ник, Дэнни, Джулиан, Дарен... был даже Горацио, хотя и продолжалось это всего неделю. В общем, никто из них не задержался надолго, и она снова и снова оказывалась на ступеньках дома Уилла и в очередной раз ломала ему жизнь, пока не находила нового мужчину, который мог бы увести ее от него.

Энджи остановила машину на дорожке перед домом. Двигатель продолжал работать даже после того, как она вытянула ключ из замка зажигания, и она в миллионный раз подумала, что нужно бы отвезти несчастный механизм в сервис. Старушка текла, где только можно, глушитель болтался на честном слове, но Энджи не могла заставить себя допустить какого-то постороннего человека ковыряться в моторе, который Уилл восстановил собственными руками. У него могло уйти шесть часов на то, чтобы прочесть обычную утреннюю газету, зато он мог разобрать и собрать двигатель машины с закрытыми глазами. Он мог починить любое устройство, в котором есть движущиеся части, от карманных часов до пианино. К расследованию дел он подходил точно так же: выяснял, каким образом собраны все детали преступления, как оно смогло произойти, — и был одним из лучших агентов, которыми располагало Бюро. Вот только обратить свой острый, как бритва, ум на устройство личной жизни ему не удавалось.

Когда она подошла к задней двери и вставила ключ в замок, зажглись лампочки охранной системы. Роб. Как она могла забыть о Робе, с его рыжими, как морковка, волосами, сладкой улыбкой и пагубной страстью к азартным играм? Итого получается одиннадцать мужчин. Одиннадцать раз она уходила от Уилла, и одиннадцать раз он принимал ее обратно.

Блин, и это не считая женщин.

Энджи включила свет в кухне и прижала ключи к панели сигнализации. Уилл действительно любил ее. Она была убеждена в этом. Даже когда ссорились, они следили за тем, чтобы не зайти в этом деле слишком далеко, не сказать чего-то, что может глубоко ранить, причинить слишком большую боль и привести к окончательному разрыву. Они знали друг о друге все — по крайней мере, знали то, что имело значение. Если бы кто-то приставил пистолет к ее голове, под угрозой смерти заставляя объяснить, почему они с Уиллом каждый раз снова оказывались вместе, она бы погибла, но ответа так и не нашла. И

дело не в том, что это требовало какого-то глубокого самоанализа, — просто, видимо, Уиллу это тоже было написано на роду.

Энджи взяла из холодильника бутылку с минералкой и пошла в заднюю часть дома, безуспешно стараясь не думать об Уилле. Она включила автоответчик на прослушивание и начала раздеваться. Одна ее половина надеялась, что он позвонит, но вторая точно знала, что он этого не сделает. Звонок к ней был бы поступком импульсивным, а Уилл вовсе не был импульсивным человеком. Он любил устоявшийся порядок. Спонтанность — это для киногероев.

Раздевшись, Энджи включила душ и взглянула в зеркало. Глядя на свое тело, она не могла не думать о теле Уилла. Она получила свою долю жестокого обращения от рук приемных отцов и неродных родителей, но все рубцы от ран были внутри, в ее душе. В отличие от Уилла, у нее не было шрама на лице, ожогов от сигарет и глубоких порезов, оставленных пьяными взрослыми, решившими сорвать свою злость на беззащитном ребенке. У нее не было неровного шрама через всю ногу, когда сложный открытый перелом привел к шести операциям на кости. Как не было до сих пор розового рубца на предплечье от удара бритвы, из-за чего Уилл едва не истек кровью и был очень близок к смерти.

Впервые они встретились в детском доме Атланты, который по замыслу и целям представлял собой сиротский приют. Штат пытался пристроить детей в приемные семьи, но зачастую они возвращались обратно с новыми синяками и новыми историями. Детским домом управляла мисс Флэннери, и у нее были три помощницы, присматривавшие примерно за сотней детей, которые обычно проживали здесь. В отличие от сразу же приходящих на ум диккенсовских представлений о таких заведениях, персонал самоотверженно выполнял свои обязанности, насколько это было возможно, учитывая недоукомплектованность штата и мизерные зарплаты. Энджи не слышала ни об одном случае жестокого обращения там, и ее самые приятные воспоминания о детстве по большей части были связаны со временем, которое она провела под опекой мисс Флэннери. Не то чтобы эта женщина обладала какой-то особенной материнской добротой и заботой, но она всегда следила, чтобы постельное белье было чистым, а дети накормлены и одеты. Для большинства воспитанников детского дома Атланты это был

единственный вид стабильности, с каким они сталкивались в жизни до сих пор.

Энджи всегда говорила, что ее родители умерли, когда она была еще ребенком, но на самом деле она понятия не имела, кто ее отец, а ее мать, Деидре Поласки, в настоящее время вела образ жизни овоща в одном из домов престарелых. Из наркотиков Деидре предпочитала так называемый «спид», и его передозировка в конце концов повергла ее в необратимую кому. Энджи было одиннадцать, когда она нашла Деидре в ванной комнате, сползшей с унитаза, все еще с иголкой, торчащей из руки. Она оставалась с мамой около двух суток, ничего не ела, почти не спала. На второй день около полуночи пришел один из маминых поставщиков. Перед тем как вызвать «скорую», которая увезла мать, он изнасиловал Энджи...

Она залезла под душ, подставившись под сильные струи, чтобы смыть осевшую за день грязь.

Расти.

Его звали Расти.

— Расскажешь кому-нибудь — убью, — предупредил он, закрыв ей ладонью рот так плотно, что она едва могла дышать. Штаны у него уже были спущены до колен, и она вспомнила, как смотрела тогда на его вялый член и темные волосы в низу живота. — Найду тебя и убью.

Но он был не первым. К тому времени Энджи уже имела сексуальный опыт благодаря нескончаемой веренице маминых дружков. Некоторые из них были славными, другие представляли собой страшных и жестоких скотов, которые накачивали наркотиками мать только для того, чтобы добраться до дочки. Так что, честно говоря, облегчение она смогла испытать, только попав в детский дом к мисс Флэннери.

История Уилла была не точно такой же, но довольно похожей. Его тело могло быть картой перенесенной им боли и страдания, будь то длинные и узкие рубцы на спине от ударов кнутом или большая заплатка с неровными краями на бедре, где была сделана пересадка кожи, чтобы скрыть ожоги электрическим током. Его правая рука была дважды раздроблена, а левая нога сломана в трех местах. Его били кулаком в лицо так сильно и так часто, что верхняя губа разошлась, как кожура на банане. Каждый раз, когда Энджи целовала его, она

чувствовала губами этот шрам, который напоминал ей, через что Уиллу довелось пройти.

Старших детей в сиротском приюте объединяла одна общая черта: у всех были похожие истории. Они все были нежеланными. Они все натерпелись физических страданий. Маленькие обычно надолго здесь не задерживались, но, начиная с шести-семи лет, у детей практически уже не было надежды стать частью какой-то семьи. Для многих из них это было хорошо. Они уже видели, что собой представляют семьи, и предпочитали альтернативный вариант. Большинство из них, по крайней мере.

Впрочем, Уилл никогда не сдавался. В день открытых дверей он подолгу стоял перед зеркалом, тщательно расчесывал волосы, приглаживая упрямый вихор и пытаясь выглядеть похожим на ребенка, которого хочется увести к себе домой. Энджи хотелось врезать ему по зубам, встряхнуть хорошенько и объяснить, что его уже никогда не усыновят, что он никому не нужен. Один раз она даже начала делать это, но что-то в выражении его лица остановило ее — какая-то безнадежность, ожидание неудачи. И вместо того чтобы ударить Уилла, она подвела его к зеркалу и помогла причесать волосы.

Энджи выключила душ и завернулась в полотенце. Она улыбнулась, вспомнив первый раз, когда она увидела Уилла в общем зале. Это был восьмилетний мальчик с кудрявыми белокурыми волосами и маленьким ртом, выгнутым в форме лука купидона. Он постоянно ходил, уткнувшись носом в книгу. Сначала Энджи решила, что он просто недоумок, но потом выяснила, что он всего лишь смотрит на слова, стараясь понять, какой смысл они несут. Ирония ситуации заключалась в том, что он любил слова, обожал книги, разные истории и вообще все, что могло увести от окружающей действительности. В редкие моменты откровения Уилл как-то сказал, что когда он бывает в библиотеке, то для него это все равно, что сидеть за столом, уставленным любимыми кушаньями, но при этом не иметь возможность попробовать их. И он ненавидел себя за это.

Даже сейчас он не признавал, что его дислексия может быть чем-то еще, кроме как его личной проблемой. Энджи много раз принуждала и даже умоляла его — он все равно отказывался принять помощь. Ко времени, когда они познакомились, Уилл уже научился всевозможным трюкам, чтобы скрывать свой недостаток, и она не

сомневалась, что учителя считают его просто заторможенным. В его нынешней работе все было так же. Он использовал разноцветные папки, чтобы можно было найти нужное дело по цвету, а также бумагу разного типа, которую можно было различить по текстуре.

В школе именно Энджи писала за него под диктовку семестровые письменные работы по предметам, в которых не имела ни малейшего желания разбираться. Именно ей приходилось слушать, как он ночь за ночью прокручивает на своем магнитофоне записи книг, запоминая их целыми кусками, чтобы на следующий день можно было отвечать на уроке. К окончанию школы он работал в десять раз больше остальных, тем не менее еле-еле сдал выпускные экзамены. А затем он поступил в колледж.

Энджи никогда не понимала, почему все это было для него так важно. С его ростом и приятной внешностью Уилл должен был вырасти в такого себе сердцееда, похожего на тех, с кем вечно сбегала сама Энджи. Но вместо этого он стал тихим и застенчивым — такие мужчины по уши влюбляются в первую же девушку, которая согласится с ними переспать. Не то чтобы Уилл влюбился в Энджи. Да, конечно, он любил ее, но влюбленность и любовь — это совсем разные вещи. Он хотел ее, потому что хорошо ее знал. Точно так же он хотел посещать знакомые рестораны и покупать одни и те же продукты. Она была знакомым объектом, выигрышной и надежной ставкой. Их связь напоминала, скорее, отношения между сверхвнимательным братом и сестрой, которые — так уж получилось — занимались сексом.

Да и секс между ними был делом далеко не простым. Видит бог, с аппаратом у Уилла было все в порядке, — ко времени, когда Энджи перешла на таблетки, противозачаточный резиновый колпачок, которым она пользовалась, чтобы предохраняться, у нее был раздолбан размером с тарелку; но одно дело — держать молоток, и совсем другое — знать, как каждый раз попадать им по шляпке гвоздя. Через много лет они снова и снова повторяли свой первый неуклюжий опыт в кладовке уборщицы детского дома, так что, когда у них был секс, они больше напоминали пару неловких подростков, прячущихся за спинами родителей, чем двух взрослых людей, занимающихся любовью. Они всегда выключали свет и не снимали большую часть одежды, как будто секс был каким-то постыдным секретом. Костюм-тройка, который был на Уилле сегодня днем, не слишком ее удивил.

Чем больше одежды надевал Уилл, чтобы закрыть свое тело, тем счастливее себя чувствовал.

Это была своего рода грандиозная шутка, потому что под одеждой — Энджи это точно знала — у него было великолепное тело. Она чувствовала крепкие мышцы его спины, когда он напрягался, ее руки обнимали тугой изгиб его ягодиц, а ноги, обхватывавшие его в постели, ощущали под собой сильные, твердые икры, когда она подавалась навстречу ему.

Да, Уилл стыдился своего тела, как будто эти шрамы говорили что-то плохое о нем, а не о тех людях, которые их нанесли.

Она не видела его полностью обнаженным по меньшей мере лет двенадцать. Из-за этого и приключилась их последняя ссора. Они были в кухне, совсем как сегодня вечером. Уилл прислонился к кухонной стойке, и Энджи сидела за столом и кричала на него.

— Ты что, не понимаешь, — бушевала она, — что я понятия не имею, как ты выглядишь?

Он старался сделать вид, что сбит с толку.

— Ты видишь меня каждый день.

Энджи так стукнула кулаком по столу, что он даже подскочил. Уилл ненавидел громкие звуки, они служили сигналом, что ему могут причинить боль, несмотря на то, что на самом деле он был не просто в состоянии постоять за себя, а гораздо более того.

В последовавшей после этого тягостной тишине раздавалось только громкое тиканье часов в гостиной. Наконец он кивнул и сказал:

— О'кей, — и принялся расстегивать рубашку.

На нем, конечно, была еще и нижняя рубашка, и, когда он начал стаскивать ее, Энджи подошла и положила ладони ему на руки.

В этом была вся она. Она не могла смотреть на него, не могла выносить вида следов того, через что он прошел. Его шрамы не были его собственностью, они были сувенирами из их общего детства, символами мужчин, которые надругались над ней, и ее матери, которая предпочла иглу собственной дочери. Энджи могла быть совершенно голой на заднем сиденье машины с посторонним человеком, но при этом не могла заставить себя посмотреть на тело любимого мужчины.

— Нет, — сказала тогда она. — Я больше не могу.

— Кто этот парень? — спросил он. Между ними всегда появлялся какой-то парень.

На следующий день она позвонила своей начальнице, Аманде Вагнер, и посоветовала ей проверить, не использует ли Уилл диктофон, который постоянно носит в кармане, чтобы записывать их разговоры.

— А я-то думала, что ты его друг, — сказала тогда Аманда.

Энджи пробормотала в ответ какую-то глупость, но в душе она знала, что поступает правильно, что так будет лучше для Уилла. Единственный для него шанс зажить настоящей жизнью и испытать в ней хоть какое-то счастье появится, когда он будет жить самостоятельно. И все же, положив трубку, она залилась слезами. Может, ему и было хорошо в том далеком горном анклаве, но Энджи жутко по нему скучала. По правде говоря, она мучительно тосковала, как глупая школьница.

А затем эта стерва снова перевела его в Атланту. Он чересчур ценный кадр, чтобы прозябать где-то в горах, сказала Аманда. К тому же Уилл ей слишком нравился, чтобы держать его так далеко. Со своей стороны, Энджи в жизни Уилла была человеком, который больше всех напоминал ему мать. Они делали вид, что ненавидят друг друга, как два кота, оценивающих противника перед дракой, но Энджи знала, что они были командой, хотя и в своей, дисфункциональной манере. Признаки этого были для нее очевидны.

Нужно отдать должное Аманде: она сделала звонок вежливости и предупредила Энджи об этом переводе.

— Твой бойфренд возвращается.

И Энджи закончила свою песню, свое умничанье на автопилоте:

— О-ля-ля, О-ля-ля!

И хотя Энджи уже несколько недель знала, что новый кабинет Уилла будет в этом здании, и готовилась к встрече с ним, она оказалась застигнутой врасплох, когда Уилл сегодня утром появился из лифта. Увидев его с этим придурком, Майклом Ормевудом, она почувствовала, будто ей врезали кулаком в живот. После этого почти весь остаток дня Энджи пыталась придумать повод встретиться с ним. И поняла, что после работы поедет прямо к Уиллу домой.

Он ни с кем не встречался, и, насколько Энджи знала, кроме одной маленькой потаскухи еще в детском доме, которая поработала с его членом руками, никогда не был с другой женщиной.

К концу дня она почти заболела от непреодолимого желания увидеть его. После ареста трех клиентов на улице, имевших несчастье выбрать Робин из всех работающих перед винным магазином девочек, Энджи стащила стопку розовой бумаги для заметок у одного фрукта, работавшего за столом напротив, понимая, что яркий фон может помочь Уиллу разобрать написанные там слова. Аккуратными печатными буквами она написала имя Джона Шелли, после чего решительно поехала прямо к дому Уилла, не дав себе времени остановиться и подумать, что это уже слишком. Его лицо было для нее открытой книгой, и по его выражению она точно знала, что он думал в тот момент, когда она протягивала ему эту бумажку для заметок: значит, вот кто этот парень, с которым ты опять уходишь от меня!

Вытерев испарину с зеркала в ванной, Энджи посмотрела на свое отражение, и ей не понравилось то, что она там увидела. Джон сказал, что она красивая, но это был лишь поверхностный взгляд. Внутри она была ведьмой, старой отталкивающей каргой, которая приносит несчастье всем, кому встречается на пути.

Уилл переживал по поводу ее и этого Джона Шелли, но больше ошибиться в этом смысле он не мог, даже если бы захотел. Когда Уилл выяснит для себя всю правду, было лишь вопросом времени. Он не мог читать книги, но достаточно хорошо разбирался в окружающих знаках. Самое большое сожаление в жизни Энджи было связано не с ее одиннадцатью мужчинами, не с коматозной матерью и даже не с тем адом, через который она заставляла проходить Уилла. Больше всего в жизни она жалела о том, что переспала с этой сволочью Майклом Ормевудом.

Глава 23

Уилл посмотрел на сотовый, чтобы узнать, который час. Он всегда считал невежливым, когда кто-то опаздывал на встречу. Это говорит о том, что время другого человека более ценное, чем твое. Аманда Вагнер прекрасно это знала. И никогда в жизни не приходила на встречу вовремя.

— Сделать вам что-нибудь? — спросила Каролин.

Секретарь Аманды была красивой молодой женщиной, сверхэффективной и, похоже, невосприимчивой к острому языку своего босса. Насколько было известно Уиллу, Каролин была единственной из тех женщин, которые когда-либо работали с Амандой больше одного часа.

— Нет, спасибо, — сказал он, — все в порядке, хотя... — Каролин подождала, пока Уилл вытащит из кармана розовый листок для заметок. — Вы не могли бы посмотреть для меня дело этого человека? И, если можно, не афишируя это.

Она сразу поняла, что он имеет в виду не распространяться об этом Аманде. При такой перспективе глаза Каролин вспыхнули.

— Когда вам это нужно?

— Как можно скорее.

Она кивнула и вышла. Уилл посмотрел в пустой проем двери. Ему уже хотелось перезвонить Каролин и сказать, чтобы она забыла о его просьбе. Энджи была права насчет шестого чувства, а тут один вид имени этого человека уже вызывал у Уилла тревогу, несмотря на то, что самого Джона Шелли он никогда не видел. Может быть, Уилл всего лишь ревновал. Может быть, просто устал. Энджи снова была права — на этот раз насчет опасности перекормить собаку сыром. Уилл на собственном опыте выяснил, как трудно заснуть на одной подушке с чихуахуа, страдающей от газов в кишечнике.

Уилл сел на один из стульев напротив стола Аманды. Здесь все было очень лаконично, ничего лишнего. Стопки документов аккуратно разложены в лотки для входящих и исходящих бумаг. Листки с

телефонными сообщениями приклеены в книгу учета ровными рядами.

На стенах кабинета в рамках висели свидетельства достижений Аманды. Мэр Атланты вручает ей медаль. Билл Клинтон пожимает ей руку. Фотография шефа полиции из южной Джорджии, которого она спасла во время операции по освобождению заложников. Несколько почетных дипломов за образцовую службу и целая полка, посвященная трофеям в соревнованиях по стрельбе.

После двадцати лет работы в БРД, где она занималась ведением тактических переговоров, Аманде Вагнер хотелось перемен. Начальство предоставило ей право выбрать новое назначение. Ясное дело, она вбила себе в голову, что хочет утрясти все текущие дела, а через год возглавить созданный ею самой отдел, команду по задержанию преступников. Специальная команда по задержанию преступников^[17]. Трудно найти более подходящее сокращение для группы, которую она создаст.

В основном все десять человек, которых Аманда выбрала для работы под своим началом, были похожи на Уилла: молодые агенты, успевшие поработать и продемонстрировать, что выделяются на общем фоне. Начальство характеризовало их как трудных сотрудников, но никто из них не совершил ничего такого, что заслуживало бы чего-то более серьезного, чем формальное замечание, если не считать стрельбы. Впрочем, все они были хорошими копами, мужчинами, которые во взрослом возрасте пытались исправить ошибки, которые не могли контролировать в детстве. У Аманды был безошибочный нюх на надломленных людей, у которых в прошлом было что-то такое, что делало их легкой добычей ее псевдоматеринских инстинктов. Уилл легко мог вообразить, как Аманда представляла свой тщательно отсортированный список кандидатов Сьюзан Ричардсон, своему высшему начальству. Сьюзан, должно быть, брезгливо взглянула на него, как смотрят на кошку, притащившую домой дохлую птичку. «Да, спасибо, но только меня тошнит от этого, извини».

Уилл поерзал на стуле и снова посмотрел на свой сотовый. Он носил наручные часы, но в основном в качестве способа, помогавшего различать правую и левую сторону. Когда он подрос, то научился множеству разных фокусов, чтобы скрывать свою проблему. Энджи постоянно огорчала его, когда говорила, что он не должен этого

стыдиться. Уилл и не стыдился. Он просто не хотел, чтобы существовало еще что-то, что отличает его от всех остальных. Ему чертовски не хотелось давать в руки Аманде Вагнер дополнительные козыри. Сколько он ее знал, она всегда пыталась влезть к нему в голову, а предоставление ей конкретно этой информации было равносильно тому, что подставить открытое горло голодному волку.

Он посмотрел в окно на парящих по ветру птиц. Когда Уилла забросили в горы к метамфетаминowym наркоманам, Аманда уже не работала в здании офисного центра «Мариетта». Чуть более года назад она переехала в Сити-Холл-Ист, и из ее углового кабинета открывался великолепный вид на центральную часть Атланты. Офис этот находился рядом с лифтом, что позволяло ей держать руку на пульсе любых дел, происходивших в здании. Приемная Каролины находилась перед кабинетом, но Аманда никогда не закрывала дверь. Он слышал, как секретарша печатает на компьютере. Если бы у нее была хоть капля самоуважения, она работала бы над собственным резюме для поиска другой работы.

— Привет, Уилл.

Аманда незаметно подошла, пока он смотрел в окно. Проходя мимо, она сжала рукой его плечо.

— Доктор Вагнер...

Она села за свой стол и произнесла:

— Простите, я опоздала, — таким же механическим и бессмысленным тоном, как говорят «простите», столкнувшись с кем-то на улице.

Он наблюдал, как она просматривает телефонные сообщения, наклонив голову и демонстрируя ему макушку с тщательно уложенными сидящими волосами. Аманда была миниатюрной женщиной, на вид хорошо за пятьдесят; в лучшем случае — пятьдесят три. Когда она вошла, высокомерно, словно тореадор, то, казалось, заполнила собой всю комнату. На безымянном пальце у нее было колечко с бриллиантом, хотя Уилл знал, что в настоящее время она не замужем. Детей у нее не было, а может, она съела их, пока они были маленькими. Аманда была скрытной во всем, что касалось ее личной жизни, — роскошь, которую она другим не позволяла. Уилл думал о ее свободном времени после работы, как когда-то думал о школьных учителях, считая, что по вечерам они заползают в свои пещеры под

зданием школы и убаюкивают себя мечтами о том, как на следующий день будут мучить учеников. Уилл представлял, как Аманда готовится по утрам к выходу на работу: бреет грудь, подвязывает хвост, прячет раздвоенные копыта в изящные туфли-лодочки шестого размера.

— Видимо, и мне нужно теперь обращаться к вам «доктор Трент», — сказала она, не отрываясь от своих сообщений.

Уилл старался загрузить себя во время ссылки в горы, будучи уверенным, что рано или поздно Аманда выдернет его из отделения в Эпуорте и снова вернет под свой контроль. Занятия в заочной школе во Флориде позволяли ему работать в удобном для себя темпе, а государство признавало ученую степень по криминалистике независимо от того, каким бы сомнительным ни было ее происхождение.

— Я стараюсь сделать свою надбавку за степень неподъемной для вашего бюджета. — Он сказал ей чистую правду.

— И не говорите, — сказала она и, взяв ручку с золотым пером, сделала пометку на одном из сообщений.

Уилл посмотрел на шрам у себя на руке в том месте, где Аманда прострелила ее пневматическим пистолетом для забивания гвоздей.

— Хорошая ручка, — сказал он.

Она приподняла бровь и откинулась на спинку кресла. Прошла почти минута, прежде чем она наконец спросила:

— А где это, собственно, находится — Ту Эгг^[18], штат Флорида?

Уилл подавил улыбку. Он выбрал эту заочную школу в основном именно из-за странного названия населенного пункта.

— Думаю, это возле живописной речки Уитлакучи, мэ.м.

Она явно не поверила ни одному его слову.

— Конечно, понятное дело.

Уилл молчал, как лобстер, которого оценивают в аквариуме.

Она закрыла ручку колпачком и положила ее перпендикулярно рабочему журналу.

— Вы сегодня ничего не записываете на диктофон?

— Сегодня нет, мэ.м.

Уиллу было трудно читать даже напечатанные документы, а его собственный почерк представлял собой такие написанные задом наперед каракули, какие не найдешь даже на стенах детского сада. Аманда имела обыкновение давать ему длинный перечень разных

заданий. Единственным способом для Уилла сохранить информацию была запись на диктофон, чтобы потом перенести ее слова в компьютер. Два года назад она застучала его на этом во время встречи. Аманда не любила, когда ее записывают без разрешения, и, разумеется, предположила, что он делает это в каких-то бесчестных целях. Он скорее провалился бы сквозь землю, чем рассказал ей о своих проблемах с чтением, а если бы и имел такое намерение, Аманда все равно сослала бы его на этот Северный полюс еще до того, как он успел надеть снегоступы.

— Хорошо, — сказала она. — Расскажите мне о деле.

Уилл вкратце сообщил ей то небольшое, что у них было. Он прошелся по делам трех девушек, которые нашел, и сказал, что считает два из них связанными между собой. Он также сказал, что прочел об Алише Монро, убитой проститутке, в ежедневном отчете БРД, где приводились краткие сведения обо всех преступлениях в штате. В соответствии с протоколом он попросил лейтенанта Теда Грира допустить его к этому делу и был направлен в команду к Майклу Ормевуду, ведущему детективу. Когда он перешел к рассказу о мертвой соседке Ормевуда, Аманда его остановила.

— Язык был откушен?

— Я не уверен насчет того, каким образом он был отнят, — сказал Уилл. — Возможно, если бы я знал, что сегодня утром вы появитесь позднее, то смог бы обсудить это с коронером и был бы лучше информирован к нашей встрече.

— Перестаньте нить, доктор Трент. Вам это не идет. — Тон Аманды был мягким, примирительным, и по ее улыбке он понял, что заработал очко на свой счет. То, что он в принципе участвовал в этой игре, уже означало, что она в ней победила.

Аманда вновь вернулась к этому делу.

— В предыдущих случаях языки не были унесены с места преступления?

— Нет, мэм, — ответил Уилл. — Язык у первой девушки не был полностью отделен. Вторая держала его в руке, когда была обнаружена, но было уже слишком поздно что-либо предпринять по этому поводу. Язык Монро был брошен на лестнице. Вероятнее всего, он был выплюнут. Язык Синтии Барретт не был найден на месте преступления вообще.

— Вы обыскали дом этой Барретт?

— Это сделало полицейское управление округа Де-Кальб, — сказал Уилл. — Насколько я понял, они не обнаружили там ничего необычного.

— Насколько вы поняли? — переспросила она.

— Я не хотел путаться у них под ногами.

— Видимо, разумно, — признала Аманда.

Округ Де-Кальб по-прежнему жестко контролировался группой людей, которые не любили, когда штат — а в данном случае, кто-то из штата — вмешивался в их дела. Шесть лет назад вновь избранный шериф округа Де-Кальб был убит на дорожке перед своим домом, когда вытаскивал из машины пакеты с покупками к Рождеству. Через три дня он должен был принять присягу, а Сидней Дорси, предыдущий шериф, тяжело воспринял свое поражение на выборах.

Аманда вынула из верхнего ящика стола папку и открыла ее на первой странице.

— Что вы думаете об этом Майкле Тимоти Ормевуде?

— Я пока не сформировал о нем какого-то определенного мнения, — ответил он, подумав, что если она вытащила досье Ормевуда, то знает о нем больше, чем Уилл.

Она начала читать вслух, двигая пальцем по строчкам.

— Военный. Шестнадцать лет службы в управлении полиции Атланты. Прошел путь от простого постового до получения золотого жетона полицейского. В девяносто восьмом против него было выдвинуто обвинение в применении чрезмерной силы. — Она сделала движение рукой, словно отменяя это обстоятельство. — Он продвигался вверх довольно быстро. Отдел по борьбе с наркотиками — недолго, видимо, быстро надоело, — полиция нравов и вот теперь убойный отдел. В колледже он не учился. — Она взглянула на Уилла. — Постарайтесь не подавлять его своим экстравагантным двуязычным образованием, доктор Трент.

— Хорошо, мэм.

Она перевернула страницу.

— Благодарность за спасение штатского. Даже у вас этого нет. Они вручают такие штуки, как сладкую конфетку — Она закрыла папку. — В общем, ничего примечательного. Скучно одевается в бежевое и ведет себя тихо. — Это была стандартная фраза, которую

она использовала в отношении копов, которые просто выполняют свою работу и ожидают пенсии. Это было далеко не комплимент.

— Что-нибудь еще? — спросил Уилл, точно зная, что у нее есть что сказать.

Она улыбнулась.

— Я позвонила одному своему другу в погонах... — У Аманды всегда были какие-то друзья. Учитывая ее личность, Уилл сомневался насчет природы этой дружбы — возможно, под друзьями она имела в виду тех, кого ей удалось схватить за одно место. — Когда Ормевуд был в Кувейте, он служил в снабжении. И не продвинулся дальше звания рядового.

Уилл был несколько удивлен.

— Неужели?

— Он был с почетом уволен в запас, и это было все, что хотели знать в полиции Атланты и что их заботило. Но мой источник сообщил, что он был ранен на вторую неделю пребывания за рубежом, причем никто так и не узнал, кто в него стрелял.

— Он сам себя ранил?

Она пожала плечами.

— А вы бы не прострелили себе ногу, чтобы выбраться из этой преисподней?

Уилл точно готов был прострелить себе ногу, лишь бы выбраться из ее кабинета.

— Итак, — Аманда сложила ладони вместе и откинулась на спинку кресла, — план действий?

— Мне необходимо поговорить с Ормевудом. То, что случилось у него на заднем дворе, не может быть простым совпадением.

— Вы думаете, он мог подобраться слишком близко к исполнителю по делу Монро?

— Когда мы приехали туда, труп Синтии Барретт был совсем свежим, прошло не более часа с момента смерти. Все утро я был вместе с Ормевудом и не заметил, чтобы мы предприняли какие-то серьезные шаги в направлении раскрытия дела, не говоря уже о том, что зацепили кого-то настолько, что он прыгнул в машину, поехал к Ормевуду домой и изуродовал его соседку.

Аманда кивнула, приглашая его продолжать.

— Мы поговорили с сутенером Монро. Он не похож на человека, который станет уничтожать источник хорошего дохода. Но я еще вернусь к нему сегодня.

— И?

— И еще, как уже сказал, я поговорю об этом с Ормевудом, спрошу, не видел ли и не делал ли он чего-то необычного в ночь убийства Монро.

— Он сегодня работает или взял отгул по семейным обстоятельствам?

— Понятия не имею, — ответил Уилл. — Как бы там ни было, я его найду

Она взяла одну из бумажек с текстом телефонного сообщения.

— Лео Доннелли пытался получить ваше персональное досье.

— Меня это не удивляет.

— Я засекретила его, — сказала она. — Незачем кому-то копать в вашем грязном белье.

— Кому-то, но не вам, — уточнил Уилл. Он взглянул на часы и встал. — Если это все, доктор Вагнер...

Она широким жестом развела руками.

— Конечно, доктор Трент. Вперед, к покорению вершин!

Глава 24

8:56 утра

Джон решил избавиться от своих туфель. Он не был уверен, что не оставил следов на месте преступления, и не собирался полагаться на случайность. Когда он вернулся в ночлежку, то кухонным ножом срезал часть подошв, изменив на них рельефный рисунок. Не особенно веря в свое везение, он затем сел в автобус, заплатив за билет наличными, а не абонементной карточкой, по которой его можно было отследить, и проехал по Кобб-Паркуэй до самой Мариетты. Здесь он походил еще примерно час, волоча ноги по горячему асфальту и еще сильнее стирая подошвы.

В супермаркете «Таргет» он купил пару новых кроссовок — в другом случае он вряд ли мог позволить себе это за двадцать шесть долларов! — и выбросил свои туфли в контейнер для мусора позади китайского рестораника подозрительного вида. Когда он почувствовал запахи из кухни, в животе заурчало. Двадцать шесть долларов! Он мог бы купить себе прекрасную еду, и ее принесла бы официантка; она подливала бы ему в стакан чай со льдом и болтала с ним об этой несносной погоде.

Но весь чай в мире не стоил того, чтобы из-за него снова сесть в тюрьму.

Господи, он опять попал в грязную переделку! При воспоминании об ощущениях, когда он сжал язык девушки большим и указательным пальцем, его передернуло. Даже через латексную перчатку он чувствовал его шершавость, его теплоту... Джон зажал рукой рот, сдерживая тошноту. Она ни в чем не была виновата. Просто девочка, чересчур любопытная, которой так легко управлять.

Единственным, что утешало Джона, была мысль о выражении лица Майкла Ормевуда, когда он, придя в гараж, чтобы взять

порнографию, которую хранит на дне ящика для инструментов, найдет там свой верный нож рядом с языком юной жертвы.

— Шелли! — заорал Арт.

Джон, который, присев возле седана, стирал с переднего бампера следы от разбившихся насекомых, вскочил.

— Сэр?

— К тебе посетитель. — Арт кивнул головой в сторону задней части здания. — И не забудь отбить время на карточке.

Джон застыл на месте. Посетитель? Никто его никогда не посещал. Он здесь никого не знал.

— Йо-йо, — пробормотал Рей-Рей.

После инцидента с уличной проституткой между ними установился хрупкий мир.

— Что?

— Это девушка. — Имелось в виду, что это не коп.

Девушка, подумал Джон, и мысли его лихорадочно завертелись в голове. Единственной девушкой, которую он знал, была Робин.

Он сказал Рею-Рею:

— Спасибо, приятель, — и, заправляя на ходу рубашку, направился в заднюю часть автомойки.

Прокомпостировав карточку учета времени, он поймал в зеркале над часами свое отражение. Несмотря на прохладу, его потные волосы прилипли к голове. Господи, и пахли они, видимо, тоже соответственно.

Открывая заднюю дверь, Джон пригладил волосы рукой. Первое, что он подумал, увидев стоявшую на улице девушку, — что это не Робин, затем — что это вообще-то и не девушка. Это женщина. Это была Джойс.

Он нервничал еще больше, чем это было бы, если бы к нему на самом деле пришла проститутка, и очень стеснялся одежды, которая была на нем. Джойс была одета в хороший жакет и брюки, подобранные в тон, которые — это можно было сказать с полной уверенностью — она купила далеко не в магазине уцененных товаров. Солнце подсвечивало рыжевато-коричневые кончики ее волос, и Джон засомневался, были ли они подкрашены или же у нее всегда было такое с прической. Он помнил, как перекашивалось лицо Джойс, когда она злилась на него, улыбку на ее губах, когда она делала ему

«крапиву», ее презрительное фырканье, когда она шлепала его за то, что он дергал ее за косу. Однако он никак не мог припомнить цвет ее волос, когда они были детьми.

Вместо приветствия она сразу спросила:

— Во что ты вляпался, Джон?

— Когда ты снова начала курить?

Она сделала долгую затяжку и швырнула сигарету на землю. Он смотрел, как она наступила на окурок и принялась растирать его на асфальте, возможно, жалея, что не может сделать то же самое с его головой.

— Отвечай на мой вопрос!

Он взглянул через плечо, хотя и знал, что они здесь одни.

— Тебе не следует сюда приходить, Джойс.

— Почему ты не отвечаешь?

— Потому что не хочу вмешивать тебя в это.

— Не хочешь вмешивать? — раздраженно переспросила она. — Во всем этом и так уже замешана *моя жизнь*, Джон. Хочу я этого или нет, но ты мой брат.

Он чувствовал злость, исходившую от нее, как жар от печки. Одна его половина даже хотела, чтобы она набросилась на него и била, била до кровавой пены на губах, пока окончательно не разобьет кулаки и не даст выход своей ярости.

— Каким образом у тебя могли быть кредитные карты, когда ты сидел в тюрьме?

— Не знаю.

— Это разрешено?

— Я... — Он об этом даже не думал, хотя это был хороший вопрос. — Могу предположить. Наличных там иметь нельзя. Но...

Он пытался сообразить. За наличные в тюрьме можно было получить предупреждение или даже угодить в карцер. Все, что ты покупаешь в столовой, списывается с твоего счета, и тебе не разрешается ничего заказывать по почте.

— Я не знаю.

— Ты понимаешь, что если Пол Финни узнает об этом, то засудит тебя в гражданском суде за каждый грош, который у тебя есть?

— У меня нечего взять, — сказал Джон.

Именно по этой причине его мать завещала все Джойс. По закону о компенсации жертвам преступлений, если у Джона когда-нибудь появятся хоть какие-то деньги, родственники Мэри Элис могут их забрать. А мистер Финни напоминал акулу, плавающую вокруг Джона в ожидании, когда в воду капнет хоть капля его крови.

— Тебе принадлежит дом в Теннесси, — сказала Джойс.

Он ошарашенно уставился на нее.

Она вынула из кармана пальто сложенный лист бумаги.

— Элтон-роуд, 29, Дактаун, штат Теннесси.

Он взял у нее бумагу. Это была ксерокопия оригинала. Сверху было написано «Официальное свидетельство на право собственности». Над адресом объекта недвижимости в качестве владельца было указано его имя.

— Я не понимаю...

— Этот дом твой, он не обременен никакими обязательствами, — сказала она. — Ты выкупил его за пять лет.

Джону никогда в жизни ничего не принадлежало, кроме велосипеда, да и тот Ричард забрал после его первого ареста.

— Сколько он стоил?

— Тридцать две тысячи долларов.

От этой цифры у Джона перехватило дыхание.

— Где я мог взять такие деньги?

— А мне откуда знать, черт побери?! — Она выкрикнула это так громко, что он автоматически сделал шаг назад.

— Джойс...

Она ткнула его пальцем в грудь и с жаром сказала:

— Я спрашиваю об этом первый и последний раз и, клянусь Богом, клянусь могилой матери, если ты совершь, я вычеркну тебя из своей жизни так быстро, что ты и заметить не успеешь!

— Ты говоришь совсем как папа.

— Так и есть. — Она развернулась, чтобы уйти.

— Подожди, — сказал он, и она остановилась, но не обернулась. — Кто-то украл мои персональные данные.

Плечи Джойс опустились. Она снова посмотрела на Джона, и он увидел, что все те ужасные вещи, которые произошли в его жизни, пролегли морщинами на ее лице. Ярость ее прошла.

— Зачем кому-то воровать твои персональные данные?

— Чтобы прикрыть себя. Замести следы.

— С какой целью? И почему именно ты?

— Потому что он не думал, что я когда-нибудь выйду оттуда. Он думал, что я просижу в тюрьме до конца жизни, что он может пользоваться моими данными, чтобы его никогда не поймали.

— Кто так думал? Кто делает это с тобой?

Джон почувствовал, как имя это застряло у него в горле, словно кусок стекла.

— Тот, кто убил Мэри Элис.

При звуке имени девушки Джойс заметно вздрогнула. Оба молчали, и воцарившуюся тишину нарушало только журчание воды на мойке и жужжание пылесосов.

— Человек, который засадил меня в тюрьму за убийство Мэри Элис, пытается сделать это снова.

В глазах у нее стояли слезы.

— Я не делал этого, Джойс. Я пальцем ее не тронул.

Подбородок ее задрожал, она с большим трудом сдерживалась.

— Это был не я.

Она судорожно сглотнула.

— О'кей, — сказала она. — О'кей. — Она шмыгнула носом и вздохнула. — Мне нужно возвращаться на работу.

— Джойс...

— Береги себя, Джон.

— Джойс, прошу тебя...

— До свидания.

Глава 25

9:30 утра

Уилл следил за руками судмедэксперта Пита Хэнсона, который ловко зашивал грудной отдел и брюшную полость Синтии Барретт, стягивая Y-образный разрез, сделанный в начале аутопсии. Во время процедуры Уилл в основном концентрировался не на всем теле, а на его частях, но теперь ему было трудно абстрагироваться от того факта, что Синтия Барретт была человеческим существом и не совсем уж ребенком. В ее хрупком телосложении и изящных чертах лица было что-то от сказочного эльфа. У него в голове не укладывалось, как кто-то мог причинить вред этой девушке.

— Как это все печально! — сказал Пит, словно прочтя его мысли.

— Да, — ответил Уилл сквозь зубы.

За время службы в правоохранительных органах ему доводилось видеть разные виды повреждений, какие только можно нанести человеку, но вид жертвы-ребенка по-прежнему его шокировал. Он сразу вспоминал об Энджи, обо всех тех ужасных вещах, которые делали с ней, когда она была совсем маленькая, и от этого живот сводило болью.

Открылась дверь, и вошел Майкл Ормевуд. Под глазами у него были черные круги, а на подбородке, в том месте, где он, очевидно, порезался при бритье, был прилеплен кусочек салфетки.

— Простите, что опоздал, — извинился Майкл.

Уилл посмотрел на часы. Движение было чисто машинальным, но, подняв глаза, он заметил, что Майкл раздражен этим.

— Все нормально, — сказал Уилл, слишком поздно сообразив, что говорит не то, и попытался как-то исправить положение: — Доктор Хансон как раз заканчивает. Вы ничего не пропустили.

Майкл промолчал, и Пит поторопился снять возникшее напряжение, сказав:

— Я очень сочувствую вашей потере, детектив.

Прошло несколько секунд, прежде чем Майкл кивнул. Он провел рукой по лицу, стер кусочек салфетки на подбородке, с удивлением

посмотрел на окровавленную бумажку и выбросил ее в корзину для мусора.

— Дома было довольно тяжело.

— Могу себе представить. — Пит похлопал его по плечу — Мои соболезнования.

— Да, — подхватил Уилл, не зная, что еще сказать.

— Она была мне всего лишь соседкой, но все-таки... — Улыбка на лице Майкла была натянутой, словно у него возникли проблемы с тем, чтобы сдерживать свои эмоции. — Когда что-то плохое происходит с невинным ребенком, как она, это съедает тебя изнутри.

Уилл обратил внимание на взгляд, который Майкл бросил на тело, и заметил отчаяние в его глазах. Майкл протянул руку, как будто хотел поправить белокурые волосы девушки, но тут же отдернул ее. Уилл вспомнил, что он точно так же вел себя накануне, когда они впервые увидели труп. Казалось, что Синтия была его дочерью, а не просто соседкой.

— Бедное дитя, — прошептал Майкл.

— Да, — согласился Пит.

— Простите, ребята, — извинился Майкл. Он откашлялся, словно пытаясь собраться. — Что вы обнаружили, Пит?

— Я как раз собирался составить с агентом Трентом общее заключение. — Пит начал приподнимать простыню, закрывавшую тела.

Майкл вздрогнул.

— Просто расскажите мне в двух словах, о'кей?

Но Пит продолжал снимать простыню.

— Я считаю, что она споткнулась и ударилась головой. Удар при падении расколол ее череп над левой височной долей. При этом шея вывернулась, оборвав спинной мозг на позвонке С-2. Смерть наступила мгновенно. Просто несчастный случай, если бы не отсутствующий язык.

— Его еще не нашли? — спросил Майкл.

— Нет, — ответил Уилл и обратился к Питу: — Вы не могли бы пройтись по различиям между этими двумя убийствами?

— Конечно, — ответил Пит. — В отличие от вашей проститутки, язык этой девушки был не откушен, а отрезан. Вероятнее всего, для

этого использовался нож с зазубренным лезвием. Кое-кто мог бы этого и не заметить, но я уверен, что тут все по-другому

— Откуда вы знаете? — спросил Майкл.

— Срез не гладкий, как при укусе. — Для иллюстрации доктор сжал зубы, щелкнув при этом так звонко, что по комнате разнеслось эхо. — Кроме того, при укусе я ожидал бы увидеть выгнутый дугой край, потому что зубы во рту расположены не на прямой линии, а полумесяцем. Если же вы посмотрите... — Он сделал движение, как будто хотел открыть рот девушки, но потом, похоже, передумал. — Есть следы нескольких попыток, указывающих на то, что у того, кто отрезал язык, определенно были сложности. Язык выскальзывал, и нужно было зацепить его лезвием. Однако наш парень был настойчив. С третьего или четвертого раза он справился с этой задачей.

— Язык был скользким? — спросил Уилл. — От крови? От слюны?

— Там должно было быть мало крови, поскольку к тому моменту, когда происходило отсечение, она была уже мертва. Думаю, ему было трудно ухватить язык, потому что он был таким маленьким. Помимо того, взрослому мужчине было трудно засунуть руку ей в рот — он слишком узкий.

Майкл кивал, но было похоже, что он не слушает Пита. Глаза его были прикованы к девушке, а по щеке скользила одинокая слеза. Он лишь на секунду отвел взгляд и тыльной стороной ладони смахнул слезу, сделав вид, что потирает нос.

— И, разумеется, отсутствие языка является интересным фактом, — профессионально отметил Пит. — В других случаях язык оставался рядом с жертвой. Возможно, ваш злоумышленник начал оставлять себе сувениры.

— Для серийных убийц это обычное явление, — сказал Уилл, стараясь отвлечь Майкла.

Вероятно, тот слишком рано вернулся на работу. Энджи говорила, что он любит детей. Возможно, он, как и Уилл, переносит случившееся тяжелее из-за возраста девочки. К тому же Синтия была его соседкой и, возможно, росла на глазах у Майкла. Такие вещи трудно воспринимаются, и для этого не обязательно даже ехать в морг, чтобы увидеть труп во время вскрытия.

Майкл снова откашлялся и наконец спросил:

— Она была изнасилована?

Пит до этого говорил очень уклончиво, и Уилл ждал, что тот ответит теперь и как этот ответ повлияет на Майкла.

— У нее есть определенные следы силового проникновения, но трудно сказать, совершался акт по согласию или нет. — Пит пожал плечами. — Конечно, если изнасилование происходило после смерти, то и не должно быть следов вагинальных травм, потому что рефлекс сопротивления уже отсутствовал.

На лице Майкла появилась натянутая улыбка, которая могла говорить о чем угодно, только не о том, что он доволен.

— Вы говорили, — напомнил Уилл, — что у нее уже был сексуальный опыт. Возможно, нам следует выяснить, был ли в ее жизни бойфренд.

— Я спрашивал Джину об этом вчера вечером, — сказал Майкл, затем спохватился и пояснил: — Джина — моя жена. — Уилл кивнул, и Майкл продолжил: — Синтия ни с кем не встречалась. Она была по-настоящему хорошим ребенком. У Филя не было с ней никаких проблем.

Уилл уже знал, что отец девочки коммивояжер и был на другом конце страны, когда ее убили.

— Когда он возвращается?

— Самое позднее — сегодня во второй половине дня, — ответил Майкл. — Я бы хотел уйти пораньше, чтобы проведать его. — Он обернулся к Уиллу. — Я дам вам знать, если у него окажется какая-то полезная информация.

Уилл кивнул, поняв, что тот имеет в виду: Майкл сам поговорит с отцом. В глубине души он был даже рад уклониться от выполнения этой печальной обязанности.

— У вас есть образцы ДНК? — спросил Майкл у Пита.

— Есть немного.

— Тогда я отнесу их наверх в лабораторию.

— Спасибо, — сказал Пит.

Он направился к стойке возле двери и взял запечатанный бумажный пакет со стандартным набором анализов Синтии Барретт, которые берутся при изнасиловании.

— Как вы думаете, — спросил Уилл у Майкла, — есть какая-то связь между этими двумя делами и теми, которые я показывал вам

вчера?

Взгляд Майкла снова вернулся к лицу Синтии.

— Вне всяких сомнений, — ответил он. — Он, очевидно, пошел по нарастающей.

— А был кто-нибудь, — спросил Уилл, — с кем вы пересекались после убийства Монро и кто мог бы пойти на такое?

Детектив покачал головой.

— Именно об этом я и думал всю прошлую ночь. У меня нет никаких идей насчет того, кто мог это сделать. — Он немного помолчал и сказал: — Я думаю, этот человек видел место убийства Монро, когда там появился я. После этого я поехал прямо домой. Возможно, он последовал за мной. Господи! — Он схватился за голову. — Он мог добраться до Тима. Моя жена... — Руки его бессильно упали. — Я увез семью из дома. Пока этот маньяк на свободе, они не могут чувствовать себя в безопасности.

— Видимо, это самый лучший выход, — сказал Пит. Потом положил руку на плечо Майкла. — Мне очень жаль, детектив. Мне ужасно жаль, что все это случилось с вами.

Майкл кивнул, и Уилл заметил, что в глазах его снова появились слезы.

— Она была хорошей девочкой, — выдавил из себя Майкл. — Никто не заслуживает такой участи, но Синтия... — Он покачал головой. — Мы обязаны поймать этого человека. Я не успокоюсь, пока тюремный палач не воткнет в руку этому подонку шприц со смертельной инъекцией. — Он взглянул Уиллу в глаза и повторил: — Я не успокоюсь!

Уилл стоял, прислонившись к машине Майкла Ормевуда, и ждал, пока детектив выйдет к нему. Открыв свой сотовый, он уставился на экран, намереваясь позвонить Энджи. Было что-то, о чем она промолчала. Может, нужно просто позвонить и спросить, не вспомнила ли она еще чего-нибудь о Майкле Ормевуде? Энджи ведь работала с ним. Ей известно о его неслужебной деятельности. Она, похоже, знает больше, чем хочет показать.

— Проклятье! — прошептал Уилл, захлопывая телефон.

Какой же он идиот! Она, вероятно, спала с этим мужчиной.

Это был как раз ее тип: женатый, недоступный придурок, который неминуемо должен был использовать ее, а затем смыться.

Уилл набрал побольше воздуха и сделал глубокий долгий выдох, чувствуя, как собственная тупость переполняет его. Он переживал по поводу Джона Шелли, тогда как последним любовником в ее жизни был Майкл Ормевуд. Интересно, может, она до сих пор видится с ним? Когда он встретил их вчера в коридоре, они стояли довольно близко. Хотя, с другой стороны, вчера же вечером, когда Уилл спросил Энджи об Ормевуде, она высказалась о нем очень жестко. Если бы она спала с ним, то сказала бы об этом, — Уилл был в этом уверен. А может, и не сказала бы. Все-таки два года прошло. Это был самый долгий период времени, когда они не разговаривали друг с другом. Все могло измениться.

Нет, ничего никогда не меняется.

— Проклятье! — повторил Уилл.

Он положил ладони на крышу автомобиля и прижался к ним лбом. Что он мог сделать? Наехать на нее? Потребовать, чтобы она рассказала, что делала в последние два года?

Уилл опустил руки и обернулся, когда входная дверь со стуком распахнулась. Через парковку шел Майкл Ормевуд: одна рука в кармане, на лице легкая улыбка. От его недавней усталости не осталось и следа. Он выглядел даже довольным. Возможно, по пути в лабораторию он заскочил на рабочее место

Энджи. И даже перепихнулся с ней по-быстрому в какой-нибудь кладовке — насколько Уилл знал, и это тоже было возможно.

— Простите, что так долго, — сказал Майкл, открывая дверцу машины. — Я должен был зайти к одному парню насчет собаки.

— Ничего, — пробормотал Уилл, опускаясь на пассажирское сиденье.

Он смотрел в окно, ожидая, пока Майкл сядет и они наконец поедут, и сжимал челюсти с такой силой, что еще чуть-чуть — и зубы просто треснут от напряжения.

Выезжая со стоянки задним ходом, Майкл повернулся назад и положил руку на спинку сиденья Уилла. Он выехал на дорожку и направился к выезду из гаража, взмахом руки поприветствовав охранника, мимо которого они проезжали.

— Что за дерьмовый день! — сказал он, надевая темные очки. — У вас есть дети?

— Нет, — ответил Уилл, подумав, что Майкл Ормевуд задает ему этот вопрос уже второй раз.

Неужели Энджи рассказала ему, что Уилл не может иметь детей? Он мысленно представил себе картину: они лежат в постели, и блаженное состояние после занятия любовью постепенно перерастает в игру по рассказыванию секретов. Могла Энджи сделать такое? Могла так предать Уилла?

— Мне даже представить трудно, о чем сейчас думает Фил, — сказал Майкл. — Если бы что-то случилось с Тимом, ощущения, думаю, были бы такие, как будто сердце вырвали из груди. Он — часть меня самого, понимаете?

— Я могу это понять.

— А что насчет жены? Вы женаты?

Уилл повернулся и посмотрел на Майкла, пытаясь сообразить, к чему он клонит своими вопросами.

— Нет, — ответил он.

— Встречаетесь с кем-нибудь?

Уилл оцетинился, но попытался взять себя в руки.

— Нет.

— Джина... — рассеянно сказал Майкл. — Она работает на скорой помощи в Пьемонте. Знаете, что они всегда говорят о копах? Что те женятся либо на медсестрах, либо на шлюхах.

Учитывая, что последнее место работы Майкл оставил в обстановке, окутанной мраком неопределенности, с его стороны довольно опасно отпускать шуточки насчет проституток, подумал Уилл.

— А эта Поласки... — начал Уилл, пытаясь сообразить, что бы такого мог сказать о женщине какой-нибудь придурок. Но все, до чего ему удалось додуматься, было банальное: — Она довольно привлекательная.

Майкл заметно удивился, как будто до этого ему и в голову не приходило, что Уилл тоже мужчина.

— Да, — сказал он. — Но скажу вам честно: я бы на вашем месте держался от нее подальше.

— Это почему?

— Она с норовом. Понимаете, о чем я? Снаружи действительно выглядит милой, но внутри — по-настоящему крутая баба.

Уилл облокотился о ручку дверцы и посмотрел в боковое окно.

Значит, он с ней спал.

Майкл решил сменить тему.

— Простите, что я вчера потерял контроль над собой, когда увидел Синтию. Я в убойном отделе работаю уже достаточно давно, но никогда не ожидаешь, что такое может случиться с человеком, которого ты знал.

Уилл считал телеграфные столбы, смотрел на расплывающиеся пятна букв на рекламных щитах и дорожных указателях, которые на такой скорости невозможно прочесть.

— Да.

— Должен сказать, я больше никогда не смогу делать это так, как раньше. Извещать людей о случившемся, я имею в виду. Все предстает в совершенно другом свете, когда знаешь человека, знаешь жертву, знаешь родственников и все такое.

— Могу себе представить.

— У вас была возможность заглянуть в досье Монро?

— Я просмотрел его мельком, — солгал Уилл, полагаясь на информацию, которую сообщила о проститутке Энджи. — Вы арестовывали ее несколько раз, когда работали в полиции нравов.

Майкл почувствовал повисшую в воздухе напряженность и искоса взглянул на Уилла.

— Да, — признался он. — Поласки сказала мне об этом вчера. А я и забыл совсем. Ох уж эти облавы и рейды! Вы когда-нибудь работали в полиции нравов? — Уилл заставил себя покачать головой. — За неделю перед глазами может пройти сотня таких. Но все это похоже на погоню за собственным хвостом, простите за такое сравнение. Ты запираешь их в камеру, а через час они снова на улице.

— А с ее сутенером вы раньше дела не имели? С Бэби Джи?

Майкл пожал плечами.

— Не припоминаю. Эти ребята растут так быстро. Казалось бы, еще вчера он был сопливым школьником, пропускавшим уроки, а сегодня уже носит девятимиллиметровую пушку и контролирует все на свете, от уличных девок до метамфетамина. — Он снова пожал плечами. Возможно, именно от него Энджи и переняла этот жест. — Бэби Джи мог знать меня по прежним временам, но, если и так, он

этого не показывал. Вы думаете, он может иметь какое-то отношение к этим убийствам? Я не проверял его алиби на воскресный вечер.

— Когда убили Синтию, он был с нами, — напомнил Уилл.

— Я уверен, у Бэби Джи масса приспешников, готовых делать за него всю грязную работу.

Уилл кивнул.

— Я должен просмотреть свои файлы из полиции нравов. Возьму их сегодня вечером домой.

Уилл почувствовал необходимость предложить свою помощь.

— Если хотите, могу помочь.

— Нет. — Ответ прозвучал резко, но он смягчил его, пояснив: — Вы же знаете, как это бывает. В рапортах записываешь только половину информации. Остальное держишь в голове, чтобы нельзя было захватить тебя врасплох, если придется давать показания в суде: мол, пишешь одно, а имеешь в виду другое.

— Все правильно.

Уилл снова украдкой взглянул на Майкла Ормевуда. Он был не таким высоким, как Уилл, но обладал мрачной привлекательностью и крепким телосложением, которые всегда так тянули к себе Энджи. Очевидно, что занимался спортом он не так много, как Уилл, но при этом и не опустился. Возможно, в школе он играл в американский футбол. Уилл футбол любил, но стеснялся заниматься командными видами спорта, потому что пришлось бы переодеваться в раздевалке. А Ормевуд, вероятно, был своего рода местной звездой, капитаном команды, парнем, на которого остальные смотрят снизу вверх.

Уилл сделал еще один глубокий вдох и медленно выдохнул.

Ничего себе! Одна лишь мысль насчет того, что Энджи спит с Ормевудом, и он снова переживает свои несбывшиеся спортивные мечты! Уилл знал, что Энджи ни одному мужчине не расскажет слишком много. Встречи с очередными покорителями ее сердца было для Энджи игрой, в которую она постоянно играла и в которой постоянно открывала себя по-новому. Если бы она рассказывала им о своем прошлом, это испортило бы все удовольствие. Если бы она хотела серьезных отношений с человеком, который знает о ней все, то осталась бы с Уиллом.

Майкл барабанил пальцами по рулю.

— Грир сказал, что я могу взять несколько отгулов. Не знаю. Сидеть без дела — в этом я не слишком силен. Никогда себе не прощу, если пропущу что-то и этот гад заберет еще чью-то жизнь. Может, он прямо сейчас ходит по улицам и выискивает новую жертву.

— Да, — согласился Уилл, понимая, что в своем стремлении не выпячиваться он как-то не заметил, что Майкл разговаривает с ним как с равным, а не как с противником.

Они ехали через Хоумс, мимо тех же подростков на велосипедах, которых Уилл заметил накануне.

— Нам следовало бы прогнать их, — сказал Майкл. — Сейчас они должны быть в школе.

— А почему Синтия не была в школе? — спросил Уилл.

— Не знаю. Может, неважно себя чувствовала.

— Как у нее с посещаемостью?

— Это имеет какое-то отношение к делу?

— Ее отца большую часть времени нет в городе. Она живет одна, без родительской опеки.

— Мы с Джиной старались присматривать за ней. — Майкл воспринял слова Уилла как упрек.

— А ваша теща часто видела ее днем дома?

— Об этом нужно спросить Барбару, — сказал Майкл, припарковываясь перед домом номер девять.

— Не возражаете, если я задам ей такой вопрос?

— У нас с Барбарой довольно близкие отношения, и она никогда не говорила, что видела Синтию днем дома. Я сам ее спрошу, о'кей? Но, думаю, это тупиковое направление. Синтия была нормальным ребенком. Получала в школе хорошие оценки, с ней никогда не было никаких проблем. Фил всегда говорил, что она просто ангел.

— Похоже, вы немало о ней знаете.

Майкл посмотрел на свои руки, лежавшие на руле. Когда он снова заговорил, голос его звучал доверительно:

— Мы старались приглядывать за ней. Фила вечно не было дома. Его жена сбежала с каким-то неудачником лет шесть назад и больше здесь не показывалась. Он старался, как мог, но я не знаю... — Он обернулся к Уиллу. — Того, что ты можешь, недостаточно, когда у тебя ребенок, — от тебя требуется больше. Ты меняешь свои приоритеты, не пересаживаешься на новый автомобиль каждые два года, не носишь

дорогих костюмов, редко ходишь в кино и рестораны. Приходится всем этим жертвовать.

— А Фил этого не делал?

— Думаю, я уже достаточно сказал, — отрезал Майкл, вынимая ключ из замка зажигания. — Он и так получил немало ударов от жизни, не хватало еще друзей, которые шептались бы у него за спиной. А BMW нет, — сказал он, имея в виду, что Бэби Джи, похоже, нет дома.

Уилл прошел вслед за ним в квартиру бабушки сутенера, которая находилась на нижнем этаже. Они несколько раз постучали, но, хотя из-за двери слышались звуки работающего телевизора и старушечий смех, им так никто и не открыл.

— Квартира Монро на верхнем этаже? — спросил Уилл.

— Да, — ответил Майкл. — Но я бы не стал садиться в лифт.

Уилл пошел за ним по лестнице. За исключением шума из квартиры бабушки, в доме было тихо. Жильцы либо были на работе, либо отсыпались после прошлой ночи, и единственными звуками, нарушавшими тишину, было шарканье их ног по ступенькам.

Не дойдя до верха, они остановились на лестничной площадке, где был обнаружен труп Алиши Монро. Было заметно, что кто-то пытался отмыть лестницу, но на ней все равно остались кровавые пятна.

— Она умерла вот здесь, — сказал Майкл, переводя дыхание.

Уилл присел, чтобы получше рассмотреть размытый след окровавленной руки. Фотографии с места преступления были довольно страшными, но место, где погибла женщина, производило особенно гнетущее впечатление.

— Я считаю, он не думал, что она умрет, — сказал Майкл.

Уилл поднял на него глаза и подумал, что он произнес это уже по меньшей мере дважды.

— Почему?

— Она перевернулась на спину. — Он показал на нарисованный контур лежащего тела Монро. — Должно быть, во рту собралась кровь, и она задохнулась. — Он подождал секунду, глядя вниз на окровавленные ступеньки. — Печально, конечно, но такое порой случается.

Уилл подумал, что у него никогда в жизни не было дела, где такое имело бы место, тем не менее согласно кивнул, как будто люди случайно гибнут таким образом постоянно.

— И как, вы думаете, все это случилось? — спросил он.

Майкл искоса взглянул вверх по лестнице, словно перед ним раскрывалась вся картина происшедшего.

— Думаю, они были в квартире, когда внезапно между ними вспыхнула ссора. Клиент ушел, а она, видимо, этого не хотела.

Здесь состоялась потасовка, — он показал на ступеньки, — и закончилось все это очень плохо.

— Когда сюда добрался первый коп, дверь была открыта или закрыта?

— Открыта.

Уилл прокрутил ситуацию в голове и подумал, что сценарий Майкла не хуже любого другого.

— У вас есть ключ?

— Да. — Майкл вытащил из кармана пластиковый пакетик. Развернув его, он показал Уиллу ключ с красной биркой. — Это было у нее в сумочке.

— Вы нашли там что-нибудь еще?

— Косметика, несколько долларов и всякие пустяки.

— Пойдемте, — сказал Уилл, продолжив подъем по лестнице.

Чем дальше они шли, тем сильнее он чувствовал, как волосы на затылке становятся дыбом. Уилл не верил в привидения и всяких там гоблинов, но не мог отрицать, что на месте преступления появляется какое-то новое ощущение, какая-то странная энергетика, указывающая, что тут произошла насильственная смерть.

— Вот мы и пришли, — сказал Майкл, разрывая желтую полицейскую ленту краем ключа. Он отпер дверь и пригласил Уилла: — Только после вас.

Алиша Монро жила явно небогато, но по внешнему виду ее квартиры можно было сказать, что она очень заботилась о своих немногочисленных хороших вещах. Помимо маленькой ванной, здесь было всего две комнаты: в одной располагалась спальня, в другой — кухня и гостиная. Уиллу бросилось в глаза, что здесь было на удивление чисто. Никакой грязной посуды в раковине, и вонь из коридора, казалось, не проникала за эти стены.

— Именно так все и выглядело, когда вы зашли сюда? — спросил Уилл.

— Да.

Команда Майкла уже обыскала это помещение два дня назад. Сейчас он остался стоять у входа, прислонившись к дверному косяку, словно говоря, что считает все это пустой тратой времени.

Проигнорировав это красноречивое послание, Уилл осторожно ходил по комнате в поисках чего-то необычного. Кухонный уголок был совсем маленьким, всего один шкафчик, в котором было только два выдвижных ящика. В одном лежало столовое серебро, в другом — обычные предметы домашнего обихода, которые нужно было где-то держать: несколько шариковых ручек, пачка квитанций и связка старых ключей.

Он остановился возле цветочного горшка, стоявшего у окна. Земля в нем была твердая, как камень, а растение засохло. Стеклянный стол у дивана был сияюще чистым, похожий на него журнальный столик — таким же нетронутым. Рядом с пепельницей — явно вымытой — лежала аккуратная стопка журналов. Казалось, нигде нет ни пылинки и, по существу, вообще каких-либо следов того, что здесь проживал наркоман. Уилл бывал в домах многих таких людей и знал, как они живут. Особенно плохо было с героинозависимыми. Они похожи на больных животных, за которыми перестали убирать, и все это обычно находит отражение в их жилище.

Уилл видел следы черной присыпки на косяках дверей и подоконниках, но все же спросил:

— Вы нашли много отпечатков пальцев?

— Примерно шестьдесят тысяч, — сказал Майкл.

— Но только не на стеклянных столах?

Майкл смотрел в сторону коридора, как будто услышал там какой-то шум.

— Она, должно быть, водила своих клиентов сюда. На простынях было столько ДНК, что хватило бы клонировать целую деревню.

Уилл прошел в спальню, отметив про себя, что нужно будет еще раз вернуться к этому вопросу. Он проверил выдвижные ящики и заметил, что одежду в них во время обыска не перебирали. Шкаф был забит одеждой, между коробками с обувью был воткнут старенький пылесос «гувер». Мешок для пыли в нем был пуст — криминалисты

извлекли его содержимое для более тщательного изучения. Видимо, они же забрали с собой и простыни с кровати. Матрас Монро был голым, а посередине его расцвело кровавое пятно.

Майкл стоял в дверях спальни. Он, очевидно, решил, что следует ожидать вопроса Уилла по поводу этого пятна, и пояснил:

— Менструальная кровь, как сказал Пит. Она, должно быть, лежала на какой-то тряпке.

Уилл продолжал молча осматривать спальню, размышляя о чистых стеклянных столах. Ему было слышно, как в соседней комнате нетерпеливо расхаживает Майкл. Уилл прошел по следам черного порошка на поверхностях, где криминалисты обычно ищут отпечатки пальцев: край прикроватной тумбочки, дверные ручки, небольшой сундук, в котором были, в основном, футболки и джинсы. Они обязаны были проверить столы в той комнате. Отсутствие порошка говорило о том, что стекло было вытерто, чтобы стереть отпечатки.

— Вы читали статью в газете сегодня утром? — спросил Майкл.

— Нет, — признался Уилл. По понятным причинам большинство новостей он узнавал по телевизору.

— Материал о Монро на втором месте после какого-то скандала вокруг больницы.

Уилл нагнулся и заглянул под кровать.

— Вы уже сообщили прессе ее имя?

— Мы не можем этого сделать, пока не найдем хоть каких-то ее родственников, — сказал Майкл, а потом добавил: — Информацию насчет языка мы тоже попридержали.

Уилл присел на корточки и еще раз окинул взглядом комнату.

— Во время арестов она не называла своих родственников?

— Только Бэби Джи.

Он выдвинул ящик тумбочки возле кровати. Пусто.

— А записной книжки с адресами не было?

— У нее нет телефона — ни стационарного, ни сотового.

— Странно.

— Все это стоит денег. А они либо есть, либо их нет. — Майкл продолжал внимательно смотреть на Уилла. — Можно узнать, что вы рассчитываете здесь найти?

— Я просто хотел получить ощущение этого места, — ответил Уилл, хотя на самом деле узнал он намного больше. Или Алиша Монро

была самой главной чистюлей из всех шлюх, или же кто-то серьезно поработал над тем, чтобы выдраить ее квартиру.

Он встал и прошел обратно в главную комнату. Майкл снова оказался перед дверью — стоял, скрестив руки на груди. Почему он не заметил, что помещение было вычищено? Даже доморощенный детектив с опытом, почерпнутым исключительно из полицейских телесериалов, и тот бы заметил все эти мелочи.

— Умывальник вычищен до блеска, — сказал Уилл.

Мочалка до сих пор была влажная, и, поднеся ее к носу, он почувствовал сильный запах моющего средства.

— Вы вынюхиваете с какой-то определенной целью? — спросил Майкл.

Он уже не стоял, лениво облокотившись о косяк двери, а внимательно наблюдал за Уиллом.

Уилл бросил мочалку в раковину.

— У нее были припрятаны какие-то деньги? — спросил он, умышленно игнорируя вопрос Майкла.

— Все это указано в рапорте.

У Уилла не было времени на расшифровку рапорта по осмотру места происшествия, поэтому он попросил:

— Расскажите мне вкратце.

Майкл был явно раздражен этой просьбой, но все же ответил:

— У нее было немного наличности в носке, спрятанном за спинкой дивана. Там было около восьми баксов. Весь ее набор находился в металлическом ящике на кухонной стойке. Шприцы, фольга, зажигалка — все как обычно.

— А наркотики?

— Остатки на дне консервной банки, а больше мы ничего не нашли.

— Значит, она должна была работать.

— Да, — сказал Майкл. — Выбора у нее не было.

Уилл вернулся в ванную комнату. Занавеска душа была темно-синей, без рисунка, как и подобранные в тон коврик на полу и чехол на крышке унитаза. Он поднял коврик, отметив, что линолеумный пол под ним был подметен.

Тридцать две минуты до приезда патрульной машины. Убийца явно рассчитывал на продолжительное время реагирования полиции,

воспользовавшись им, чтобы убрать за собой. Никаких следов паники, никакой спешки, чтобы замести следы и спокойно уйти. Парень явно знал, что делает.

— Итак? — спросил Майкл.

Он стоял перед дверью ванной и смотрел на Уилла.

— Она содержала дом в чистоте, — сказал Уилл, открывая шкафчик для медикаментов. Помимо обычного тайленола и зубной пасты, здесь, в основном, было все, как он и ожидал. — Презервативов нет, — заметил он.

— Мне казалось, мы уже установили, что их принес с собой злоумышленник.

— Возможно, — ответил Уилл, подумав, что в этом вопросе он больше доверяет Энджи. Он остановился в дверях, потому что детектив загораживал ему проход. — Что-то не так?

— Нет. — Майкл сделал шаг в сторону. — Складывается впечатление, что вы проверяете мою работу.

— Я уже сказал, что это не так, — ответил Уилл, хотя, честно говоря, уже начал сомневаться в способностях Майкла как детектива. И слепому понятно, что квартира была выдраена снизу доверху.

— Вы уже вызывали уборщиков? — спросил Уилл.

— Что?

— Я видел, что лестница вымыта, — сказал Уилл. — И подумал, что вы вызвали команду уборщиков, чтобы они привели все в порядок.

— Наверное, это сделал кто-то из жильцов, — ответил Майкл, направляясь к двери. — Опечатавающая лента была целой, и я никому не звонил. Могу спросить у Лео.

— Хорошо. Я просто так любопытствовал.

Уилл закрыл за собой дверь и уже поворачивал ключ в замке, когда с лестницы донесся какой-то шум, за которым последовал детский крик.

Уилл проскочил мимо Майкла и, перегнувшись через перила, взглянул вниз. Он услышал новые крики — теперь второй детский голос крикнул: «Помогите!» — и, стремглав бросившись вниз по лестнице, распахнул дверь парадного и выбежал на улицу.

— Помогите! — пробегая через парковку перед домом, орал мальчишка, за которым гналась девочка.

— Вот, блин... — задохнулся Майкл. От быстрого бега он вконец запыхался. — Господи Иисусе! — сдавленно прошептал он, согнувшись пополам.

Мальчишка юркнул на небольшой островок травы перед домом, где стояли почтовые ящики, и принялся кружить вокруг них, но девочка быстро его догнала. Когда Уилл подбежал к ним, она уже сидела у мальчишки на спине.

— Отдай немедленно! — потребовала она, нанеся своему пленнику резкий удар по почкам.

— Нет! — верещал мальчик.

— Тихо, — сказал Уилл, — подожди! — И схватил девочку за руку.

Она дернулась и засопела.

— Это вообще не твое дело, дурак.

— Да ладно, — сказал Уилл и присел, чтобы поговорить с мальчиком. — Ты в порядке?

Тот, задыхаясь, перевернулся на спину. Уилл помог мальчику сесть, зная, что так ему станет легче. Мальчишке было лет девять-десять, но одежда на нем скорее подошла бы взрослому человеку. Даже туфли были слишком велики для него.

— Расскажи, что тут произошло, — попросил Уилл девочку.

— Он забрал... — Она внезапно запнулась, потому что к ним подошел Майкл, и полными страха глазами уставилась на него.

— Все в порядке, — сказал Майкл.

На Уилла девочка не среагировала, но Майкла раскусила безошибочно, как будто у него на шее висела табличка «коп». Вероятно, она с молоком матери усвоила, что нельзя разговаривать с полицейскими.

Девочка попятилась и дернула мальчика за руку.

— Не подходите к нам! Нам нечего вам сказать.

Майкл показал на него.

— Это твой брат? — Он улыбнулся. — Как тебя зовут, приятель? У меня сын примерно такого же возраста.

— Не разговаривай с ним! — предупредила девочка.

— Мы здесь не для того, чтобы забрать вас, — заверил Уилл.

На вид девочке было лет тринадцать-четырнадцать, но по тому, как были сжаты ее кулаки, он понял, что нужно быть начеку, если она

разозлится настолько, чтобы начать драться.

— Мы расследуем плохие вещи, которые случились здесь в воскресенье вечером, — объяснил он.

— Лиша, — сказал мальчик, прежде чем девочка успела заткнуть ему рот ладонью.

Он недовольно вывернулся. Очевидно, он хотел сказать что-то такое, чего его сестра не хотела, чтобы они услышали.

— Как тебя зовут? — спросил Майкл.

— Мы ничего вам не скажем, — повторила девочка. — В воскресенье вечером мы ничего не видели. Мы вообще ничего не видели. Ведь так, Седрик?

— Ты сказала... — снова попытался начать мальчик, но рот его опять был зажат, прежде чем он успел произнести что-то еще.

Понизив голос, Майкл спросил у Уилла:

— Вы кого возьмете?

— На ваше усмотрение, — предложил Уилл.

— Уверены?

Уилл кивнул.

— Хорошо, — сказал Майкл уже громко. — Девочка, я спрашиваю в последний раз. Как тебя зовут?

Она вызывающе нахмурилась, но все же ответила:

— Жасмин.

— Прекрасное имя, — попробовал поговорить иначе Майкл. Когда это ее не смягчило, его голос снова стал властным. — Идем со мной!

— Да пошел ты знаешь куда?

Майкл и Уилл переглянулись.

— Что за выражение для маленькой девочки?!

— Никакая я вам не маленькая девочка!

— Детка, ты действительно хочешь, чтобы все было плохому? — Майкл уперся руками в бока.

Движение это выглядело бы почти женским, если бы при этом полы его пиджака не раздвинулись, открыв висевший в кобуре под мышкой девятимиллиметровый пистолет. Типичный ход копов: пугать как можно раньше и как можно чаще. И это сработало. В глазах девочки промелькнул страх, она опустила глаза в землю, а вся ее воинственность улетучилась.

Майкл многозначительно подмигнул Уиллу: мол, вот как это делается!

— Твоя мать дома? — спросил он.

— Она на работе.

— Кто за вами присматривает?

В ответ она пробормотала что-то неразборчивое.

— Что-что?

Она взглянула на мальчика.

— Я спросила, с Седриком все будет в порядке?

— Он твой брат? — спросил Майкл.

Она заколебалась, потом кивнула.

— С ним будет все в порядке, если мы с тобой сейчас выясним, кто за вами, по идее, должен присматривать и почему вы не в школе. — Он положил руку девочке на плечо и повел ее в сторону дома. — Нельзя бегать и орать, как вы это делали.

Она снова пробормотала что-то такое, чего Уилл не разобрал. Майкл рассмеялся и сказал:

— Насчет этого мы посмотрим.

Уилл проследил за тем, как они зашли в дом, и повернулся к мальчику.

— Седрик, — сказал он. — Тебя ведь так зовут, верно?

Мальчик кивнул.

— Пойдем со мной.

Он протянул руку, но мальчишка угрюмо нахмурился.

— Никуда я не пойду, сволочь!

Уилл вздохнул, прислонился к почтовым ящикам и попытался перевести разговор в более спокойное русло.

— Мне просто нужно задать тебе несколько вопросов.

— Я ничего вам не скажу, — эхом повторил Седрик слова сестры.

Оттопырив нижнюю губу, он с вызовом скрестил на груди свои тонкие, как палки, руки, изображая крутого гангстера. Это было забавно, и Уилл обязательно рассмеялся бы, если бы не тот факт, что этот ребенок, возможно, имел доступ к оружию больший, чем очень многие из полицейских.

— Эй, — начал Уилл, решив попробовать другую тактику, — знаешь, что цифра ноль сказала цифре восемь?

Седрик пожал плечами, но Уилл заметил, что ему стало любопытно.

— Классный у тебя поясок!

Лицо Седрика расплылось в улыбке, но он тут же спохватился:

— Убогая шуточка.

— Я знаю, — согласился Уилл. — Я просто пытаюсь поговорить с тобой.

— Не о чем нам разговаривать.

— Ты знал Алишу?

Мальчик снова пожал худенькими плечами, но он был еще ребенком и не успел освоить искусство скрывать свои эмоции.

— Алиша была твоим другом? — догадался Уилл. — Может быть, это она присматривала за вами?

Его плечи снова пришли в движение.

— Знаешь, я тут порасспрашивал о ней. Задавал вопросы ее друзьям. Мне кажется, она была по-настоящему хорошей.

Седрик ковырял бетон носком ботинка.

— Может быть.

— Так это она приглядывала за вами?

— Бабушка велела мне держаться от нее подальше из-за того, чем она занимается.

— Понятно, — сказал Уилл. — Думаю, работа у Алиши действительно была не слишком хорошая. Но она была добра к тебе, разве не так?

На этот раз он кивнул.

— Тяжело терять друзей.

— Мой кузен Эй Эйч тоже умер в прошлом году. Его застрелили прямо в постели.

Уилл присел перед мальчиком на корточки.

— Ты видел что-нибудь в тот вечер, Седрик?

Глаза его стали красными от слез, и он уже с трудом сдерживал их.

— Ты можешь сказать мне об этом. Я не причиню тебе вреда. И у тебя не будет из-за меня никаких неприятностей в полиции города. Все, что мне нужно, — это найти того, кто убил Алишу. Она заботилась о тебе, и теперь пришло время тебе позаботиться о ней.

— Я не могу вам ничего сказать.

Уилл попробовал уточнить.

— Не можешь или не хочешь? — Ему в голову пришла одна мысль. — Может, тебе кто-то угрожал? Бэби Джи?

Седрик покачал головой.

— Я просто пытаюсь выяснить, кто сделал это с твоим другом, — предпринял новую попытку Уилл. — Ты можешь мне доверять.

Взгляд ребенка стал жестким, на лицо вернулось гангстерское выражение.

— Я не знаю такого слова — «доверять».

Уилл вырос не в Хоумс, но ребенком он доверял множеству разных взрослых, которые не собирались — или не могли — ему помочь. Трудно сказать, кто из них был хорошим, а кто плохим. Блестящий полицейский жетон не обязательно указывает на правильный выбор.

— Видишь? — спросил Уилл, прикоснувшись пальцем к шраму, который уходил по его лицу вниз на шею. — Это я получил за то, что однажды поговорил не с тем человеком. Мне тогда было немногим больше, чем тебе сейчас.

Седрик внимательно смотрел на шрам, наклонив голову.

— Было больно?

— Только сначала, — сознался Уилл. — Но потом я уже не чувствовал его, а когда проснулся, оказалось, что я в больнице.

— Вы заболели?

— Потерял много крови.

— Вы могли умереть?

Тогда Уиллу этого хотелось, но он рассказал свою историю Седрику, чтобы вызвать его на разговор, а не чтобы поделиться с ним своими мрачными секретами.

— Врачи позаботились обо мне.

Мальчик еще мгновение разглядывал шрам, а затем одобрительно кивнул. То, что человек побывал на волосок от смерти, на улице является предметом особой гордости, особенно если произошло это в какой-то опасной ситуации.

Уилл полез в карман и вытащил свою визитную карточку.

— Здесь номер моего сотового. Если вспомнишь что-нибудь или просто нужно будет поговорить, позвони мне, ладно? И даже не обязательно, чтобы речь шла об Алише.

Седрик снова посмотрел на шрам Уилла и быстренько зажал карточку в руке, словно боялся, что кто-то увидит.

— Я могу идти?

— Да, — сказал Уилл. — Но ты все равно позвони мне, о'кей? В любое время дня или ночи.

— Хорошо. — Он сорвался с места и помчался в сторону улицы, по пути проведя рукой по ряду почтовых ящиков.

Обернувшись, Уилл увидел, что через парковку к нему идет Майкл, но уже без Жасмин. Когда он подошел поближе, Уилл заметил, что лицо его расцарапано и по шее стекает тонкая струйка крови.

Он взглянул на дом, потом снова на Майкла.

— Вы в порядке?

— Она ударила меня. Поверить не могу! Сколько ей — двенадцать? — Он покачал головой, скорее ошеломленно, чем со злостью. — Я шел за ней по лестнице, но она вдруг сорвалась с места, прежде чем я успел сообразить. Я бросился за ней, схватил за ногу, а эта маленькая штучка развернулась и врезала меня кулаком по лицу — Он показал, как она это сделала. — Хорошо, что она ударила меня по девчачьи.

Уилл никогда не понимал смысла этого выражения. За всю жизнь его била кулаком всего одна женщина, и Энджи всегда вкладывала в удар всю силу.

Майкл постоял, глядя на дом. В одном из окон дрогнула занавеска.

— Вон ее квартира. Третий этаж.

— Ее мать дома?

— Блин, — сказал Майкл таким тоном, будто удивлялся: неужели можно быть настолько тупым? Он прикоснулся к царапине на щеке и посмотрел на окровавленные пальцы. — Думаю, она зацепила меня ногтем или чем-то там еще. Ужасно выглядит?

— Не очень, — соврал Уилл. Он вынул носовой платок и предложил его Майклу. — Вы хотели забрать ее с собой?

— Что? Нацепить на нее наручники и попасть в вечерние новости за то, что грубо обошелся с ребенком? Нет уж, большое спасибо. К тому же в таком состоянии она все равно не стала бы с нами разговаривать. — Он застонал и присел на бордюр.

Уилл не придумал ничего лучшего, как присоединиться к нему.

Майкл снова засмеялся.

— Господи, она меня сделала! — Он взглянул на пятна крови на носовом платке. — Нужно было оставить ее вам. Возможно, она лучше отреагировала бы на более мягкое обращение. — Он спохватился, сообразив, что сказал лишнее. — Послушайте, только без обид...

— Насчет этого не переживайте.

— И все-таки, — сказал Майкл, складывая платок вдвое и снова прижимая его к щеке. — Я и не знал, что люди по-прежнему носят с собой такие вещи, — сказал он.

— Старая привычка, — признался Уилл. Мисс Флэннери заставляла всех мальчиков в детском доме носить в карманах носовые платки. Уилл никогда не задавал вопросов по этому поводу — он считал, что это совершенно нормально.

— А вам удалось что-то узнать от ее брата? — спросил Майкл.

— Седрик так и не заговорил.

— Думаете, он знает что-то?

Уилл действительно так считал, но почему-то решил соврать.

— Да нет. Ничего он не знает.

— Вы уверены?

— Определенно, — сказал Уилл. — У него длинный язык. Знал бы что-то — уже бы выболтал.

— Вам повезло, что он не врезал вам по яйцам или еще что-нибудь в том же роде. — Майкл еще раз сложил платок и протянул его Уилл, но потом опомнился. — Извините, — сказал он, отдергивая руку. — Отдам жене, чтобы выстирала.

— Все нормально. — Уилл забрал платок, испытывая неловкость при мысли, что жена Майкла Ормевуда будет стирать его вещи.

— Знаете, — сказал Майкл, поставив локти на колени и положив на них голову, — эта девочка очень напоминает мне Синтию. Такой же огонь в глазах. Понимаете, о чем я?

— Вот как? — переспросил Уилл, подумав, что сейчас Майкл рисует совсем другой образ своей соседки по сравнению с тем, что говорил раньше.

— Синтия была хорошим ребенком, тут я точно не ошибаюсь. Но был в ней какой-то мятежный дух. Ваши родители разведены?

Этот вопрос застал Уилла врасплох. И, похоже, это было заметно по его лицу.

— Не мое дело, хотите сказать? — Майкл потер затылок и снова посмотрел на дом. — Мой отец умер, когда мне было примерно столько же, сколько ей. Может, поэтому я вроде как переживаю за нее.

Уилл не понял, какую из девочек он сейчас имеет в виду.

— Я вот подумал, что во всех подростках в этом возрасте присутствует бунтарский дух. И если в это время родители разводятся, то становится еще хуже. Ты начинаешь дергаться, понимаете? Пробираешь определить границы, чтобы понять, как далеко можешь зайти, прежде чем тебя вернут обратно. Мама всегда держала меня на коротком поводке, следила за мной, и рука у нее была тяжелая. Сейчас родители по отношению к детям себя так не ведут. Не хотят быть плохими парнями в их глазах.

— Значит, Синтия была более раскованной, чем полагал Фил? — догадался Уилл.

— Может быть, немного более раскованной, чем знал я, — признался Майкл. — Или хотел знать.

— Это звучит как признание ошибки.

Майкл улыбнулся.

— В средней школе я знал одну девочку. Господи, она была потрясающая! Я думал о ней днем и ночью. Мой кузен подцепил ее. Он был обычным дохляком, у него даже волосы не росли нигде, кроме как на голове. — Майкл взглянул на Уилла. — Вы понимаете, о каком типе людей я говорю?

Уилл кивнул, потому что именно это от него и ожидалось.

— Ну полный олух! — продолжал Майкл. — И вот он встречается с этой прекрасной девушкой. Не в том смысле, но она позволила ему прикоснуться к себе, допустила его к себе. — На этот раз смех его звучал уже по-другому. — Но ведь всегда побеждал я, понимаете? Не он. — Он повернулся к Уиллу. — Думаю, мне не нужно было за ней гнаться.

Уилл был сбит с толку.

— За Жасмин?

Майкл снова отвернулся и посмотрел на дом.

— Нужно было просто отпустить ее, но наступило такое мгновение, когда... Знаете, бывает такое, что человек думает сразу о миллионе разных вещей. Я думал о том, как Синтия бежала, как споткнулась об этот забор... Я должен был починить его еще в

прошлом году. Я должен был починить это проклятый забор! — Он закрыл лицо руками. — О боже!

Уилл не знал, что делать. Еще час назад он хотел избить этого человека за то, что он спал с Энджи. А теперь ему было его жалко.

Майкл продолжал:

— Вот о чем я думал, когда Жасмин побежала, — о том, как Синтия бежит через двор. И даже не подумав, я схватил ее за ногу, чтобы остановить. Понимаете, чтобы она не ударилась, как это произошло с Синтией! — Он посмотрел на Уилла. — Думаю, стоит взять отгулы, о которых говорил Грир. Это задело меня гораздо сильнее, чем я думал. Вы не возражаете?

Уилл был удивлен этим вопросом, но с готовностью согласился.

— Все в порядке.

— Мне неловко бросать вас одного. Все это очень напоминает женские капризы. Черт, я веду себя именно так! Весь этот безумный разговор... Вы, должно быть, подумали, что я псих или что-то в этом роде. — Он снова покачал головой. — Думаю, мне нужна пара дней. Просто немного времени, чтобы осознать случившееся и смириться с тем, что произошло.

— Хорошо, — сказал Уилл. Он был даже рад, что Майкл пришел к такому решению самостоятельно. Было понятно, что детектив все утро пытался держать себя в руках. — Делайте то, что нужно.

— Но я должен быть в курсе дела. Мне необходимо знать, что происходит. Вы ничего не имеете против? Я не хочу путаться у вас под ногами, но и не могу сидеть дома, отключившись от всего на свете. Я понимаю, что вы будете ловить этого мерзавца, но все равно должен знать, как идут дела.

Уилла это не обрадовало, тем не менее он сказал:

— Звоните мне в любое время.

— Спасибо, — произнес Майкл, и Уилл услышал нотки облегчения в его голосе и заметил благодарность в его глазах. — Спасибо.

Глава 26

7:22 вечера

Джон был так измучен, что едва не проехал свою остановку. Он сорвался с места и крикнул водителю автобуса «Подождите!», когда тот уже начал закрывать двери.

Он практически вывалился на тротуар, чувствуя себя так, словно по нему прошли отбойным молотком. Арт искал добровольца остаться после рабочего дня, и Джон охотно поднял руку, решив, что будет лучше, если он займется чем-то, вместо того чтобы постоянно думать о Джойс и о ловушке, в которую угодил. Он даже не мог закрыть глаза, потому что тут же видел белокурую девушку во дворе Майкла. Прошлой ночью его так трясло, что он постоянно просыпался от собственной дрожи, обливался потом и судорожно ворочался, пока снова не проваливался в беспокойный, прерывистый сон.

Сверхурочные Арт платил за собачью работу, какой и врагу не пожелаешь: вычищать мусор из главного резервуара вакуумной системы. Сам бак, закопанный в землю, вмещал, казалось, миллион галлонов ворса с ковриков, хлопьев от сухих завтраков и чего-то такого, что пахло, как испортившиеся сладости, — в общем, всю ту дрянь, что вычищается пылесосом из машины, прежде чем загнать ее на мойку. Джон едва протиснулся через люк, а когда оказался внутри, то понял, что емкость эта была размером метра три на два с половиной и больше походила на гроб (о чем ему совсем не хотелось думать).

Арт выдал ему фонарик и пару резиновых перчаток. Заряда аккумулятора хватило минут на тридцать. Перчатки слиплись еще до того, как он расчистил впускное отверстие. Джон засунул руку в грязную трубу и вытащил оттуда комок чего-то, напоминавшего человеческие волосы. Он подумал о всяких гадостях, которые нормальное человеческое тело выделяет каждый день, и выbleвал свой бутерброд с бананом, прежде чем успел выбраться на свежий воздух.

— Ты прямо железный мужик, — сказал Арт.

Он взглянул на бледное лицо Джона, заметил остатки рвоты у него на рубашке и сунул ему в руку пятьдесят баксов. Полсотни

меньше чем за два часа работы! Если бы Арт предложил удвоить сумму, Джон готов был бы прыгнуть даже в собственную блевотину.

Возвращаясь в свою комнату в ночлежке, он наслаждался свежим воздухом. На улице всегда стоял какой-то запах, независимо от погоды и времени года. У Джона этот запах ассоциировался с бедностью. Видимо, легкие впитывали его, осаждая канцерогены на внутренних стенках, как волосы остаются на стенках бака в пылесосе.

— Эй, ковбой!

Подняв голову, Джон увидел Марту Лэм, сидевшую на крыльце его дома. Она с головы до ног была одета в черную кожу, а на лице было больше макияжа, чем обычно. Он хотел спросить у своего надзирающего офицера что-то легкомысленное, типа «Неужели он не пришел на свидание?», но вместо этого просто сказал:

— Здравствуйте, мисс Лэм.

Она встала и, повернувшись к нему в пол-оборота, пояснила:

— Я специально оделась так для внезапной выборочной инспекции.

Он не знал, что ответить. «Выглядите здорово!» — казалось фривольным, это можно было истолковать как панибратство.

Джон остановился на нейтральном «Да, мэм» и, открыв дверь, отступил в сторону, пропуская мисс Лэм вперед.

— Мистера Джорджа сегодня утром забрали назад в Бостикс, — сообщила она.

— Кого?

— Твоего приятеля сверху.

Джон не знал, о ком она говорит. Но потом понял.

— Он мне не приятель, — сказал он, и мисс Лэм бросила на него долгий взгляд, говоривший, что ему следует следить за своим тоном.

— Простите, — извинился он. — У меня был тяжелый день. И я не ожидал увидеть вас здесь.

— Поэтому я и называю такие проверки внезапными.

Чтобы подняться к нему на этаж, нужно было пройти тринадцать ступенек, и Джон буквально через силу втаскивал себя на каждую из них. Он почти не спал с тех пор, как два дня назад поехал за Майклом в Грейди Хоумс и выяснил, чем занимается его кузен. Исполненные ужаса крики чернокожей женщины до сих пор звучали у него в ушах.

Джон вспомнил собственные вопли, когда в первую ночь в тюрьме Зебра добрался до него. Они были практически такими же.

Джон открыл ключом замок и распахнул дверь. Первое, что он заметил, было приоткрытое сантиметров на пятнадцать окно и оторванный внизу лист картона, закрывавший комнату от солнца. Второе, на что он обратил внимание, был запах. У него ушло несколько секунд на то, чтобы сообразить, что запах этот исходит от его собственного тела. Это был запах страха.

— А ты кое-что поменял. — Мисс Лэм повесила сумочку на ручку двери, чтобы освободить руки. — Что это ты тут делал?

Она начала просматривать его вещи, а Джон не мог оторвать глаз от кровати, которая теперь стояла под углом, вместо того чтобы быть плотно придвинутой к стене.

Тот, кто вломился сюда, хотел, чтобы Джон знал о том, что он был здесь.

Мисс Лэм приподняла ящик для продуктов, заглянула внутрь.

— Пришли результаты анализа мочи, все в норме, — сказала она.

Джон не мог ей ответить. Фотография его матери тоже изменилась. Кто-то разорвал ее посередине, убрав со снимка Джона.

— Джон?

Он вздрогнул и оглянулся на мисс Лэм.

— Все чисто, — сказала она и показала на постель. — Поднимешь это для меня?

Он наклонился, чтобы поднять матрас. Его пальцы наткнулись на что-то твердое и холодное.

Джон замер, держась за матрас одной рукой сверху, второй — снизу

— Джон? — окликнула его мисс Лэм. — Продолжай, мой сладкий. Я не могу торчать здесь целый вечер.

Рот Джона наполнился слюной, грудь сдавил спазм. Его начало трясти.

— Джон? — Мисс Лэм стояла рядом, положив руку ему на плечо. — Перестань, ковбой. Что случилось?

— Мне пло-о-хо... — запинаясь, пробормотал он, не в силах унять дрожь.

Казалось, внутри у него все оборвалось.

— А ну-ка давай для начала присядем, — сказала она, усаживая Джона на кровать и прикладывая ладонь к его лбу. — Да тебя пот прошиб! Это на меня такая реакция, а, малыш?

— Я... — Джон не мог договорить. — Я... — Он уставился в приоткрытое окно.

— Может, водички?

Он закивал, дергая головой вверх и вниз.

— У меня в сумке есть бутылка с минералкой.

Мисс Лэм повернулась к нему спиной, чтобы снять свою сумочку с двери, и в этот момент он одним отчаянным движением выхватил из-под матраса нож и швырнул его в эту щель шириной в пятнадцать сантиметров.

Мисс Лэм поворачивалась к нему, словно в замедленном кино. Он затаил дыхание, периферийным зрением следя за тем, как складной нож, блеснув на солнце, летит в сторону окна.

Он громко закашлялся, надеясь заглушить шум, когда нож ударился об оконную раму и упал назад в комнату.

— Ну вот, — сказала мисс Лэм, отвинчивая пробку на бутылке. — Сделай пару глотков.

Джон послушно выполнил то, что ему сказали, а затем, сделав вид, что вытирает пот, украдкой взглянул вниз, пробежав глазами по коврику под окном. Пусто. Там ничего не было.

— Ну вот, теперь уже лучше, — сказала мисс Лэм, похлопав его по спине. — Это просто какой-то приступ, верно?

Не в состоянии ответить, он только кивнул.

— А теперь давай заглянем под матрас. — Он протянул мисс Лэм бутылку с водой, но она покачала головой. — Оставь себе. У меня в машине еще много.

Джон поднялся, колени его по-прежнему тряслись. Он снова посмотрел на окно и на пустой коврик перед ним. Нож все-таки каким-то образом вылетел на улицу Другого объяснения быть не могло.

Когда Джон прислонил матрас к стене, мисс Лэм потребовала:

— И пружинный блок тоже.

На этот раз тараканов под кроватью не было, но на коврике по-прежнему лежал слой грязи. Джон так нервничал из-за этого ножа, что едва держался на ногах.

— Ладно, клади все на место. — Мисс Лэм принялась перелистывать книги на столике возле кровати. Если она и заметила разорванную фотографию его матери, то виду не подала. — Ты дочитал ту книгу? «Тэсс из рода д'Эрбервиллей»?

— Ух! — выдохнул Джон, удивленный ее вопросом. — Да, мэм.

— А скажи-ка мне, Джон, кто крестил ребенка Тэсс?

Он смотрел в ее мастерски подведенные глаза. Она мигнула.

— Джон?

Это был каверзный вопрос. Она пыталась подловить его.

— Это была сама Тэсс, — наконец сказал он. И хотя знал, что прав, все равно дрожал от ужаса, что ошибся. — Священник отказался, так что она сделала это сама.

— Правильно. — Мисс Лэм улыбнулась и оглядела комнату. — Не удалось найти другое жилье?

Она уже спрашивала об этом раньше.

— А мне следует его искать?

Мисс Лэм уперлась руками в бока.

— Я не знаю, Джон. Похоже, что ты уже перерос это место.

— Ну, я...

— Есть один дом на Дагдейл. Управляющим там мистер Эплбаум. Если хочешь, могу позвонить ему сегодня вечером насчет тебя.

— Конечно, — сказал он. Мисс Лэм никогда до этого не предлагала свою помощь, и то, что она делает это сейчас, встревожило Джона. И все же он сказал: — Спасибо. Это было бы здорово.

— Ты ведь можешь переехать быстро, верно? Скажем, завтра.

Он не понял, почему такая спешка, но ответил:

— О'кей.

Она взяла сумку и принялась копаться в ней в поисках ключей от машины.

— И еще одно, Джон.

— Да, мэм?

— Что это ты выбросил в окно, когда я отвернулась? — Она подняла на него глаза, сверкнув хитрой кошачьей улыбкой. — Позаботься о том, чтобы это не последовало за тобой на новую квартиру

Он открыл было рот, но мисс Лэм покачала головой, останавливая его.

— Я не люблю, когда кто-то пытается подставить одного из моих подопечных, — сказала она. — И если ты вернешься обратно за решетку, — а шестьдесят процентов твоих подельников по досрочному освобождению сказали мне, что ты обязательно туда вернешься, — то произойдет это потому, что ты сам где-то прокололся, а не потому, что какой-то коп из Атланты, клоун типа Барни Файфа^[19], имеет на тебя зуб.

Сердце стучало у него прямо в горле. Майкл позвонил ей! Он нашел то, что Джон оставил на дне ящика для инструментов, и решил кое-что предпринять. Единственная причина, почему Джон до сих пор не в тюрьме, заключалась в том, что мисс Лэм играет по собственным правилам.

— Следи за собой, Джон. — Она ткнула ключами от машины в его сторону. — И помни, дорогой, что я тоже буду следить за тобой.

Глава 27

8:48 вечера

Коготки Бетти мерно стучали по дорожке, когда Уилл вывел ее на вечернюю прогулку. В их первый совместный день он попытался взять ее с собой на пробежку, но закончилось это тем, что ему пришлось большую часть пути нести ее на руках. Его совершенно обезоруживало то, как она приспосабливается к мерным потряхиваниям на бегу — язык высунут наружу, задние лапки аккуратно уткнулись в ладонь Уилла, тельце плотно прижато к его груди. Так он и бежал, стараясь не замечать странных взглядов, которые бросали на него встречные.

Понси-Хайлендс считался умеренным районом со своим специфическим контингентом из смеси непризнанных художников, геев и изредка встречающихся бездомных. С заднего крыльца Уиллу был виден Картер-центр, где находилась библиотека президента Картера, а неподалеку от дома располагался Пьемонт-парк, куда можно было легко добраться во время утренней пробежки. По выходным по улице Понсе-де-Леон он попадал прямо в Стоун-Маунтин-парк, где катался на велосипеде, гулял по тропинкам или просто сидел и любовался восходом солнца, переваливающего через самый большой гранитный утес в Северной Америке.

Как бы ни были красивы горы северной Джорджии, Уилл скучал по привычной обстановке родного города — здесь он понимал, что где находится, где безопасно, какие рестораны, выглядевшие подозрительно снаружи, на самом деле предоставляют лучшую еду и обслуживание в городе. Ему нравилось местное разнообразие — например, то, что в конце улицы напротив пестревшей всеми цветами радуги коммуны хиппи располагалась протестантская церковь меннонитов. Или то, что бомжи, копающиеся в мусоре, еще и покрикивают на тебя, если в твоем пакете не оказывается чего-то

стоящего. Атланта всегда была его городом, и если бы Аманда Вагнер знала, как он радовался своему возвращению, то забросила бы его обратно в горы быстрее, чем он успел сказать хотя бы слово.

— Привет! — игриво крикнул ему мужчина, пробежавший мимо, и в вечернем лунном свете глубокий вырез на его груди влажно блеснул.

Прожив всю жизнь в городе, где было полно геев, Уилл научился воспринимать подобные выходки не как вызов собственному мужскому достоинству, а как нечто лестное для себя. Хотя, конечно, прогулка с трехкилограммовой собачкой на ярко-розовом поводке (он оказался единственным нужной длины, какой Уиллу удалось найти) привлекала бы к себе внимание независимо от того, где ты живешь.

Уилл улыбнулся, подумав, как забавно он должен выглядеть со стороны, но улыбка эта длилась недолго, поскольку мысли его вернулись к теме, занимавшей его большую часть дня.

Он застопорился в этом деле, и чем дольше Уилл раздумывал над ним, тем больше усиливались его первоначальные дурные предчувствия в отношении Майкла Ормевуда. Сначала он показался ему нормальным, хорошим парнем, но ближайшее рассмотрение выявило кое-какие изъяны, главный из которых заключался в том, что Майкл использовал свое служебное положение, чтобы заставлять женщин заниматься с ним сексом. Мимо этой детали Уилл пройти не мог. Проститутки работают на улице не ради классного секса или поддержания разговора. Они берут за это деньги, и, хотя Уилл полагал, что такие действия можно толковать как связь по согласию, денег в обмен на это Майкл им точно не предлагал. Чтобы управлять этими женщинами, он пользовался властью, которую давал полицейский жетон. И, с точки зрения Уилла, это было изнасилование.

И все же Уилл переживал, думая о парне, с которым провел большую часть последних двух дней, как о насильнике. Отец, муж, казалось бы уважаемый коп — да. Но насильник? У этого человека явно было две личины, и чем больше Уилл думал об этом, тем меньше был уверен насчет того, где из них какая.

Работая в БРД, Уилл в основном занимался преследованием особо опасных преступников, но ссылка в горы научила его одной важной вещи: люди очень редко бывают по-настоящему только плохими или только хорошими. В Блу Ридж, где нищета, закрытие местной фабрики и забастовки практически подорвали жизнь маленькой горной

коммуны, граница между правильным и неправильным была очень условна и расплывчата. Уилл узнал там много нового не только о человеческой природе, но и о себе самом.

Регион восемь в Бюро расследований штата Джорджия был самым большим участком в штате, обслуживавшим четырнадцать округов и протянувшимся до самой границы со штатами Теннесси и Северная Каролина. Люди, с которыми Уилл встретился в периферийном отделении северо-западной Джорджии, относились к местным жителям довольно черство, словно считали себя выше тех, кому, по идее, должны были служить. Начальника Уилла, по причинам, которые Уилл так никогда и не понял, звали Йип^[20] Гомес, и человек этот при первой же их встрече в шутку посоветовал ему не обольщаться насчет местных талантов.

— Я уже переимел здесь всех дам, у которых еще остались свои зубы, — со смехом сообщил он. — Так себе занятие, мой мальчик. Так себе.

Видимо, выражение лица Уилла выдало все его мысли — Энджи всегда говорила, что у него больше стероидных гормонов, чем нужно, — потому что после этого случая Йип поручал Уиллу самые дерьмовые задания, какие только можно было найти в их районе. Он был полностью отстранен от операции с внедрением агентов в преступную среду, которая привела к самому грандиозному полицейскому задержанию в истории Бюро. Работая с местными, Йип помог раскрыть предприятие по организации петушиных боев, действовавшее в трех разных штатах и двенадцати округах. Это дело затронуло мэра соседнего городка, у которого был выкуплен первый ряд кресел вокруг ринга, чтобы не пропустить малейших деталей представления. Хотя наводка исходила от группы разозленных жен, которые были в ярости от того, что их мужья проигрывают на боях свою зарплату, это все равно не затмило славу операции с внедрением агентов. Йип с ребятами праздновал это событие в «Голубой Гаване» на хайвее 515, в то время как Уилл торчал в своей машине, обследуя заброшенную птицеферму, переоборудованную, по поступившим сведениям, под лабораторию метамфетамина. Не то чтобы ему хотелось выпить с этими людьми — просто было обидно, что его даже не пригласили.

Хотя Уилл никогда не принимал участия в самых ярких полицейских облавах, он любил думать, что то, чем он занимается в этих горах, является делом важным. Метамфетамин был мерзким наркотиком. Он превращал людей в недоумков, делал их неполноценными, заставлял бросать своих детей на произвол судьбы и раздвигать ноги перед любым, кто мог предложить дозу. Прежде чем попасть в Блу Ридж, Уилл видел сотни жизней, разрушенных метамфетамином. Ему не нужен был дополнительный стимул, чтобы гореть желанием уничтожить все лаборатории, находящиеся в его юрисдикции. Работа эта была опасная. Так называемые химики, которые делали это вещество, играли с собственной жизнью. Единственная искра могла сжечь все здание, а производственная пыль — залепить легкие, как пластилин. Необходимо было вызывать команду по работе с опасными веществами, прежде чем Уилл мог войти туда, чтобы собрать улики. Уничтожение таких лабораторий разоряло местную полицию, так что управление шерифа и власти штата не спешили подавать в этом руку помощи.

Уиллу иногда казалось, что для определенного типа жителей этого горного района метамфетамин был чем-то вроде самогона — продуктом, который они вырабатывали сами, чтобы кормить и одевать своих детей. Ему было трудно связывать наркоманов, которых он видел на улицах Атланты, с обычными людьми, готовящими метамфетамин где-то в горах. Уилл не говорил, что они ангелы. Некоторые из них были просто ужасны — отбросы общества, делающие все, что угодно, ради финансирования своей пагубной привычки. Других не просто было разделить на черных и белых, хороших и плохих. Уилл встречал их в гастрономе, местной пиццерии, выходящими из церкви с детьми по воскресеньям. Они обычно сами не употребляли этот продукт. Это было для них работой, способом — а для некоторых единственным способом — зарабатывать деньги. Люди гибли, чьи-то жизни рушились, но их это не касалось.

Уиллу было непонятно, как они могут так аккуратно отделять одно от другого, но у Майкла Ормевуда он видел ту же тенденцию. Детектив выполнял свою работу — и, по отзывам, хорошо, — но была у него и вторая половина, которая заставляла его причинять боль тем, кому он был призван помогать.

Бетти справила нужду под кустом, и Уилл наклонился, чтобы собрать то, что она сделала, в мешочек. По дороге к дому он выбросил этот пакет в урну для мусора. Уилл поймал себя на том, что, проходя мимо дома соседки, он заглядывает ей в окна, думая о том, когда старушка вернется. Словно прочитав его мысли, Бетти натянула поводок и потащила Уилла в сторону его дома.

— Ну хорошо, — успокоил он ее и открыл ключом переднюю дверь. Присев, он отстегнул поводок, и Бетти тут же рванулась через комнату, запрыгнула на диван и удобно устроилась на подушках. Каждое утро перед уходом на работу он ставил подушки, прислоняя их к спинке дивана, и каждый раз Бетти умудрялась стаскивать их вниз, устраивая для себя постель. Он мог бы назвать это сооружение даже треном, но странно было взрослому мужчине думать такое о маленькой собачке.

Уилл прошел в свою комнату и снял пиджак. Он расстегивал пуговицы на жилете, когда зазвонил телефон.

Сначала он не узнал этот пронзительно высокий голос в трубке.

— Стоп, помедленнее, — сказал Уилл. — Кто это?

— Это Седрик! — крикнул мальчик. — Жасмин пропала!

Седрик, должно быть, ждал Уилла, потому что как только тот остановил машину на стоянке, дверь парадного в доме номер девять распахнулась и оттуда выскочил мальчик.

— Вы должны что-то сделать! — требовал мальчик.

Лицо его опухло от слез. Надменный гангстер, каким он был сегодня утром, пропал. Остался только перепуганный ребенок, который переживает за сестру.

— Все будет хорошо, — сказал Уилл, понимая, что эти слова ничего не значат, но чувствуя, что должен их произнести.

— Пойдемте! — Седрик схватил его за руку и потянул к дому.

Уилл прошел за ним три пролета лестницы. На лестничной площадке он уже хотел остановиться и спросить, что произошло, но тут увидел стоящую в дверях растрепанную пожилую женщину.

Она была в выцветшем фиолетовом домашнем платье и таких же носках, сползших с ее толстых лодыжек. Одной рукой она опиралась на палочку, в другой держала радиотелефон. На ней были очки в черной пластмассовой оправе. Она нахмурилась, отчего лицо ее как-то скомкалось.

— Седрик, — сказала она, и ее низкий голос гулко отозвался в длинном коридоре. — Что ты делаешь здесь с этим человеком?

— Он есть коп, бабушка. Он нам поможет.

— Нужно говорить «он коп», — поправила его старуха тоном школьной учительницы. — Хотя я в этом сильно сомневаюсь.

Продолжая держать одной рукой Седрика, Уилл второй рукой нащупал в кармане свой жетон и, сделав шаг вперед, показал его женщине.

— Седрик сказал, что ваша внучка пропала.

Она внимательно изучала жетон и идентификационный номер внизу.

— Не очень-то вы похожи на копа.

— Не очень, — согласился Уилл, засовывая жетон обратно в карман. — Но я стараюсь расценивать такие замечания как комплимент.

— Седрик! — резко сказала женщина. — Пойди убери у себя в комнате.

— Но бабуш...

Она строгим взглядом остановила его на полуслове, и он убежал.

Старуха открыла дверь пошире, и Уилл увидел, что их жилище было точной копией квартиры Алиши Монро.

Диван, видимо, служил кроватью; на одном конце его были аккуратно сложены подушка, простыни и одеяло. По бокам дивана стояли два кресла с высокими спинками, которые были накрыты накидками, очевидно, скрывающими какие-то дефекты. Кухня была чистая, но беспорядочная. На подставке для тарелок сохла вымытая посуда. На заткнутой в угол сушилке для одежды висело какое-то нижнее белье. Дверь в ванную комнату была открыта, а в спальню закрыта; снаружи на ней висел большой плакат с изображением Губки Боба Квадратные Штаны.

— Меня зовут Элеонора Эллисон, — сообщила старуха, нетвердой походкой направляясь к креслу у окна. — Думаю, вы не откажетесь присесть.

Уилл чуть не открыл рот от удивления. Здесь повсюду были книги — некоторые из них были упакованы в непрочные с виду коробки, готовые развалиться, другие уложены в аккуратные стопки на полу.

— Вы удивлены тем, что черная женщина умеет читать?

— Нет, я просто...

— Вы сами любите читать?

— Да, — ответил Уилл, подумав, что лжет он лишь частично. На каждые три аудиокниги, которые он прослушивал, он заставлял себя по меньшей мере одну книгу прочесть. Это было неблагодарное занятие, на которое уходили недели, но он делал это, чтобы доказать себе, что способен на такое.

Элеонора молча смотрела на него, и Уилл решил как-то разрядить обстановку.

— Вы, наверное, были учительницей? — попробовал угадать он.

— Учительницей истории, — сказала она.

Старуха положила ногу на небольшой табурет перед креслом, а палочку поставила рядом. Уилл увидел, что лодыжки у нее забинтованы.

— Артрит, — пояснила она. — Заработала его, когда мне было восемнадцать.

— Мне жаль.

— Но вы же в этом не виноваты. — Она указала Уиллу на кресло напротив, но он садиться не стал. — Объясните мне кое-что, мистер Трент. С каких это пор специальные агенты Бюро расследований штата Джорджия занимаются такими пустяками, как исчезновение чернокожей девочки?

Ее поведение начинало его раздражать.

— Белые девочки сегодня не пропадали, так что мы тянули жребий.

Элеонора Эллисон строго взглянула на него.

— Это вовсе не смешно, молодой человек.

— Но и я не расистская свинья.

Она какое-то мгновение пристально смотрела на Уилла, потом кивнула, как будто приняла в отношении его определенное решение.

— Да сядьте вы, ради бога!

Послушавшись, Уилл сел в старое кресло и опустился так низко, что колени оказались практически на уровне ушей.

Он попытался перейти ближе к делу.

— Мне позвонил Седрик.

— А откуда вы знаете Седрика?

— Мы познакомились с ним сегодня утром. Я был здесь с детективом из полицейского департамента Атланты, расследующим дело о гибели молодой женщины, которая жила в этом доме наверху.

— Молодой женщины? — эхом переспросила она. — Ей было сорок, никак не меньше.

Уилл помнил, что примерно то же самое говорил и Пит Хансон во время вскрытия, но из уст пожилой женщины это почему-то произвело на него большее впечатление. Алиша Монро была, по крайней мере, лет на двадцать пять старше всех остальных пострадавших. Что заставило убийцу отклониться от обычного типа своих жертв?

— А почему БРД занимается смертью наркозависимой проститутки? — спросила Элеонора.

— Я работаю в подразделении, которое направляет своих сотрудников на места, если там требуется помощь.

— Это очень неплохое объяснение, молодой человек, но только вы не ответили на мой вопрос.

— Вы правы, — согласился он. — Расскажите мне, когда вы поняли, что Жасмин пропала.

Она изучала его — взгляд стальной, губы плотно сжаты. Он заставил себя не отводить глаза в сторону, подумав: интересно, к какому типу учителей она относится? К тем, кто просто усаживает отстающих учеников на задние парты, или же она вытащила бы его за ухо перед всем классом, да еще и обругала бы за то, что он не знает ответа на вопрос, написанный на доске?

— Ну хорошо, — решила Элеонора. — Я думала, что Жасмин сидит у себя в комнате и делает домашнее задание. Когда я позвала ее к ужину, она не вышла. Я заглянула в комнату и увидела, что ее там нет.

— В котором часу это было?

— Около пяти.

Уилл взглянул на свои часы и тут же понял, что время показывают и цифровые часы на телевизоре.

— Получается, ее нет уже примерно пять часов.

— Не хотите ли вы сказать, что мне нужно было ждать до завтра, чтобы что-то предпринять?

— Я бы не ехал сюда через весь город, чтобы сообщить вам об этом, миссис Эллисон. Я бы позвонил вам по телефону.

— Вы думаете, что она просто очередная черная девочка, сбегавшая с мужчиной, но говорю вам, я хорошо ее знаю.

— Она сегодня не была в школе, — напомнил Уилл.

Элеонора Эллисон опустила глаза. Уилл заметил, что пальцы ее лежавших на коленях рук напоминают когти — артрит выкрутил ее суставы, превратив их в бесполезные шишки.

— Ее отстранили от занятий за дерзость по отношению к учителю.

— И Седрика тоже?

— Ваш тон становится враждебным, — заметила она, но продолжила разговор. — Я уже передвигаюсь с трудом, особенно после того, как у меня забрали виокс^[21]. Их мать сидит уже больше половины того, что прожил Седрик. Она наркоманка, на героине. Как и Алиша Монро. Единственная разница между ними лишь в том, что мою Глорию на этом поймали.

Уилл знал, что перебивать ее сейчас нельзя.

— Я контролировала Глорию. Вставала по ночам, шла за ней, когда она уходила из дома. Я была близка к моей девочке, как кожа. Она ненавидела меня за это — и продолжает ненавидеть, — но я была ее матерью и не собиралась отступать. То же самое и с ними.

Она с трудом подняла руку и указала в сторону закрытой двери в спальню. Уилл увидел тень в просвете под дверью и догадался, что Седрик подслушивает.

Элеонора продолжала:

— Глория давала этой парочке слишком много свободы. Ей было все равно, чем они занимаются, потому что она сама попала в беду и не могла жить без иглы. — Погрузившись в воспоминания, она вздохнула. — Жасмин такая же необузданная, какой была Глория, и я не могу с ней управиться. Сегодня вечером у меня ушло пять минут на то, чтобы добраться до двери и посмотреть, куда побежал Седрик.

Уилл хотел сказать, что сожалеет об этом, но знал, что она снова поправит его, напомнив, что в ее нынешнем состоянии и той жалкой жизни, которую ей приходится вести, чтобы продолжать делать правильные вещи, нет его вины.

— Седрик был еще совсем маленьким, когда Глорию лишили родительских прав, — рассказывала Элеонора. — Он умный мальчик, мистер Трент. Умный мальчик, у которого есть будущее, если мне

удастся удерживать его от всей этой грязи достаточно долго, чтобы он успел вырасти. — Она осуждающе сжала губы. — Он чего-то не говорит мне. Он любит свою сестру, и Жасмин его тоже любит, любит как мать, потому что она и была ему матерью, пока Глория занималась тем, что накачивалась этой дрянью. — Она помолчала. — Думаю, я имею на него большее влияние, но это не отменяет того, что сестра его любит. Она не хочет, чтобы он ввязывался в окружающую нас тут жизнь, с этими убийствами, групповыми изнасилованиями, бандитскими разборками. Она принимает это, но считает, что у младшего брата может быть лучшая участь.

— А раньше Жасмин убегала? — спросил Уилл.

— Дважды, но оба раза после ссоры. Вчера мы не ссорились. Мы не ссорились уже целую неделю — для разнообразия. Жасмин не злилась на меня, или, по крайней мере, злилась не больше, чем любой подросток злится на приглядывающего за ним взрослого.

— У нее есть мальчик, бойфренд?

— Мальчик? Он на пятнадцать лет старше ее.

— Как его имя?

— Лютер Моррисон. Он живет на Бэзил-авеню, примерно в трех милях отсюда, в Мэндерли Арме. Я уже звонила ему. Он сказал, что там ее нет. — Она решила пояснить: — Каждый раз, когда она убегала до этого, я звонила ему. Оба раза он говорил, что она с ним. Лютер делает вид, что верит словам Жасмин, что ей семнадцать, но он знает, что она малолетка, — это так же точно, как то, что я сейчас сижу перед вами, — и сделает все, что я скажу, лишь бы только я не заявила на него копам.

Уилл должен был задать этот вопрос.

— А почему вы все-таки не сообщили в полицию насчет него? Ей тринадцать, а ему почти тридцать. Это называется «половая связь с лицом, не достигшим совершеннолетия».

— Потому что я на примере ее матери поняла, что девушку, которая настроена разрушать себя, не остановить. Если я добьюсь ареста этого, она уйдет к следующему, и он будет еще хуже, чем Моррисон, — если такое вообще возможно.

— Бабушка! — позвал Седрик. Он стоял у себя в спальне и выглядывал из приоткрытых дверей. — Я закончил убирать в комнате.

— Заходи, малыш. — Она протянула руку в его сторону, и мальчик подошел. — Я позвонила в полицию, когда поняла, что Жасмин нет, — сказала она. — Думаю, вы легко догадаетесь, что они мне ответили.

— Если они знают, что она уже убегала раньше, то сказали вам подождать двадцать четыре часа, может быть, сорок восемь.

— Правильно.

Уилл обратился к Седрику:

— Ты был очень расстроен, когда звонил мне. Можешь объяснить почему?

Седрик посмотрел на бабушку, потом на Уилла и пожал плечами.

Элеонора Эллисон с трудом засунула руку в карман платья.

— Проводи мистера Трента и проверь для меня почту, малыш. Мистер Трент, спасибо за беспокойство.

Уилл с большим трудом поднялся из кресла.

— Прошу вас, не беспокойтесь, — сказал он, видя, что старуха пытается встать. — Я сообщу вам, что удалось узнать.

Он хотел пожать ей руку, но в последний момент вспомнил, что из-за артрита это может быть весьма болезненно. Но Элеонора Эллисон сама схватила его за руку, и он был удивлен силой ее рукопожатия.

— Прошу вас! — воскликнула она. — Пожалуйста, найдите ее, мистер Трент!

— Да, мэм, — сказал он, понимая, что ей пришлось наступить на свою гордость, чтобы попросить его о помощи.

Он спустился вслед за Седриком по лестнице и вышел на парковку перед домом. Фонари заливали все вокруг странным светом, и Уилл вдруг понял, что примерно в это же время, только на несколько часов раньше, в воскресенье вечером была убита Алиша Монро. Седрик направился на газон возле почтовых ящиков, где сегодня утром его догнала Жасмин.

Уилл следил за тем, как мальчик вставил ключ в замок, и, дождавшись, пока тот вытащит почту, сказал:

— Дело серьезное, Седрик.

— Я знаю.

— Ты должен рассказать мне все, что знаешь о Жасмин. Почему она велела тебе не разговаривать с копами?

— Она сказала, что вы все плохие.

Это было заявление, под которым подписалось бы подавляющее большинство людей в радиусе пяти миль.

— Расскажи, что тут произошло в воскресенье.

— Ничего.

— На этот раз так просто отделаться не выйдет, Седрик. Жасмин пропала, и ты слышал, что твоя бабушка в курсе. Я знаю, что ты подслушивал. Я видел твою тень под дверью.

Седрик просматривал почту, нервно облизывая губы.

Уилл присел и положил руки ему на плечи.

— Расскажи мне.

— Там был мужчина. — Речь Седрика звучала грамотнее, когда его никто не поправлял. — Он дал Жасс денег, чтобы она сделала один звонок. Вот и все.

— Что это был за звонок?

— В полицию. Сказать, что Лишу ударили.

Уилл оглянулся на телефонный автомат. В будке было темно, лампочка там перегорела.

— Он сказал ей позвонить из автомата?

Седрик кивнул.

— А иначе не имело смысла. Она не могла звонить со своего сотового. Все знают, что сотовый вы можете отследить.

— И он заплатил ей? — спросил Уилл.

— Двадцать баксов, — сознался Седрик. — А еще он дал ей десять центов на автомат.

— А сколько стоил звонок на самом деле, центов пятьдесят?

— Да, — ответил Седрик. — Жасс сказала ему, что за десять центов и дерьма собачьего не купишь, тогда он занервничал и дал ей два четвертака.

Уилл задумался, какова вероятность того, что они найдут в автомате два четвертака с отпечатками пальцев убийцы. А потом он засомневался, был ли это убийца Алиши. Зачем киллеру платить кому-то, чтобы сообщить о своем собственном преступлении?

— Ты знаешь этого человека? — спросил Уилл.

Мальчик снова начал перебирать почту.

— Как думаешь, ты узнаешь его, если увидишь на фотографии?

— Он был белым, — сказал Седрик. — Я видел его не очень хорошо. Я был здесь.

Уилл снова обернулся к телефонной будке. Фонари рядом с парковкой и почтовыми ящиками были достаточно сильными, чтобы ослепить человека, но автомат ни один из них не освещал.

— Как ты думаешь, что тут произошло? — спросил он у Седрика.

Он ответил не сразу, снова начав пересматривать почту.

— Она раньше меня всегда предупреждала, — сказал он. — Когда она уходила с Лютером, то всегда предупреждала меня, чтобы я не волновался.

— После того как Жасмин позвонила, в какую сторону ушел тот мужчина?

Седрик показал в конец улицы.

— Он был не на машине?

— Не знаю, — сознался мальчик. — Мы шли к Фредди, а он нас окликнул. Жасс сказала, чтобы я шел дальше один, но я все равно остался. Хотел убедиться, что с ней все о'кей.

Уилл удивился, что девочка вот так просто пошла в темноту к незнакомому мужчине. Возможно, она катится по наклонной даже быстрее, чем предполагает ее бабушка.

— А где живет Фредди? — спросил он.

Седрик показал на следующий дом через улицу.

— Жасмин пошла с тобой, после того как позвонила?

— Потом да.

— А мужчина ушел по улице в сторону главной дороги?

Седрик кивнул и закусил губу, как будто хотел сказать что-то еще.

Уилл не торопил его, и в конце концов мальчик добавил:

— Жасс говорит, что слышала крики на лестнице. Это кричала Лиша.

— И что она кричала?

— Жасс не знает. Она просто кричала, как будто ей больно, но она и раньше так делала, понимаете? Лиша иногда водит к себе мужчин, и они бывают злыми, но она говорит, что не имеет ничего против.

— Седрик, — сказал Уилл, снова кладя руки на плечи мальчика, — нужно, чтобы ты был со мной откровенен. Жасмин видела того, кто напал на Алишу? Кто-нибудь разговаривал с ней, говорил ей что-нибудь?

Седрик покачал головой.

— Она сказала мне, что ничего не видела, ничего не слышала.

— А как она это говорила? Можно было подумать, что на самом деле она что-то знает, но не собирается никому об этом говорить?

— Нет, — настаивал Седрик. — Она бы мне сказала.

Уилл не знал, насколько это соответствовало действительности. Жасмин хотела защитить брата. Она бы не сказала ему ничего такого, что могло подвергнуть его опасности.

Седрик полез в карман и вытащил оттуда купюру в двадцать долларов.

— Вот что Жасс хотела, — сказал он, протягивая ее Уиллу. — Я взял деньги, которые он дал за телефонный звонок. Поэтому она и гналась за мной.

— Придержи это у себя, — сказал Уилл, понимая, что ничего не может сделать с этой купюрой. — Жасмин ушла не потому, что ты взял эти деньги. Ты же и сам это понимаешь, верно?

Мальчик пожал плечами. Почта выскользнула у него из рук, и Уилл нагнулся, чтобы помочь собрать ее. По цвету бумаги он догадался, что это, в основном, счета, среди которых было с десятков листов всякой рассылочной макулатуры. Вероятно, дома его ждали такие же рекламные предложения с ограниченным сроком действия.

Он посмотрел на почтовые ящики.

— Седрик?

— Что?

— А ящик Алиши тоже здесь?

— Да, — ответил Седрик, указав на один из почтовых ящиков наверху.

Уилл посмотрел на номер и сказал:

— Давай-ка я отведу тебя обратно, о'кей?

— Со мной все в порядке.

— Мне нужно проверить кое-что у Алиши в квартире. Позволь тебя проводить.

Седрик поднимался по лестнице очень медленно. Он открыл бабушкину квартиру своим ключом, но не зашел и стоял у двери, глядя, как Уилл поднимается наверх, к Алише.

Уилл чувствовал, как полный осуждения взгляд мальчика жжет ему спину. Куда ты идешь? Ты же обещал помочь!

Ключ остался у него в кармане со времени прошлого визита сюда. Он вставил его в замочную скважину и, повернув, услышал, как щелкнул засов. Он взялся за ручку, но дверь не открывалась. Уилл был не первым человеком, который признавался — самому себе, по крайней мере, — в том, что путает направо и налево, и, видит Бог, в усталом состоянии с этим было еще хуже, но даже он открыл за свою жизнь достаточно замков, чтобы понимать, куда поворачивать ключ, чтобы дверь открылась. Он снова вставил ключ в замок и попробовал в другую сторону — засов щелкнул опять. На этот раз дверь открылась.

Внутри снова возникло то же самое ощущение места, где произошло что-то нехорошее. Он остановился в дверях — единственным освещением здесь был свет из коридора. На полу Уилл заметил каплю крови и присел рядом с ней. Его пальцы автоматически прикоснулись к пятну, чтобы проверить, свежая ли кровь.

Пальцы не испачкались, но Уилл не видел этой капли, когда в первый раз входил в квартиру. Он щелкнул выключателем и подумал о замке. Сегодня утром, когда Уилл запирает дверь, Жасмин с Седриком устроили потасовку. Майкл и Уилл рванули тогда по лестнице. Возможно, Уилл закрыл дверь не до конца. Он определенно торопился.

Но он помнил, что все-таки запер ее и слышал, как щелкнул замок.

Он осмотрел квартиру, чтобы убедиться, что ничего не пропало. Из-за проблем с чтением Уилл сомневался, что обладает фотографической памятью, но он прекрасно запоминал обстановку.

Он помнил, где что лежит, а также замечал, когда что-то оказывалось не на своем месте.

И все же тут чего-то не хватало. Ощущение от этой комнаты было другим.

Ящик с хламом выглядел так же, под стопку квитанций в углу заткнута связка ключей. Уилл просмотрел их и нашел там маленький ключик, наподобие того, какой был у Седрика. Каждый коп, который идет в этот дом, должен пройти мимо почтовых ящиков. Как, собственно, и сам Уилл. Но он не поинтересовался, получала ли Монро какую-то почту. Но, опять-таки, он не был здесь главным, не он вел это расследование. В отсутствие Майкла это был неподражаемый Лео Доннелли.

Уилл убедился, что запер дверь, дважды проверив это, прежде чем спускаться по лестнице. Как и все поверхности в Хоумс, почтовые ящики были разрисованы граффити, и Уилл определил ящик Алиши по соответствующему непристойному рисунку. Он вставил ключ и повернул его в замке, который поддался с трудом. Причина этого стала понятна, когда дверца распахнулась. Ящик был забит почтой. Уилл вытаскивал конверты, разглядывая их цвета и яркие логотипы. Вместе с остальными лежал простой белый конверт. В нижнем углу было какое-то утолщение, и, ощупав его, Уилл догадался, что внутри находится что-то металлическое. Он подумал, что по форме это мог быть крест. Адрес на конверте был написан от руки замысловатым почерком, который Уилл не мог начать расшифровывать прямо сейчас.

Он посмотрел на часы, посмотрел по-настоящему, чего никогда не делал, и наконец разобрал время, которое они показывали. Была уже почти полночь. Наверное, Энджи скоро будет возвращаться с работы домой.

Уилл ждал на крыльце дома Энджи, и от долгого сидения на твердом бетоне зад у него просто занемел. Он понятия не имел, где она сейчас, а аккумулятор его сотового сел окончательно, так что он даже не знал, который час.

Прежде чем телефон разрядился, Уилл успел воспользоваться им, позвонив в полицию Атланты, чтобы убедиться, что рапорт о Жасмин Эллисон не затерялся, как это происходило с тысячами сообщений о пропаже людей, которые поступали в течение года. По Жасмин был передан СВП — сигнал всем постам, — и в дверь Лютера Моррисона уже успел постучать крайне раздраженный коп. Патрульный обыскал дом и обнаружил там несовершеннолетнюю девочку, но это была не та несовершеннолетняя девочка, которую они искали.

Относительно исчезновения Жасмин у Уилла было плохое предчувствие. По словам Седрика, Жасмин что-то видела, разговаривала с кем-то, кто связан с убийством. Это делало ее ценным либо опасным свидетелем — в зависимости от того, с какой стороны посмотреть. А что касается полиции Атланты, то, по мнению Уилла, не было гарантий, что будут проведены облавы по всему городу.

Эти мысли подтолкнули его к тому, чтобы позвонить Майклу Ормевуду и выяснить, не сказала ли девочка еще чего-то, прежде чем убежала от него по лестнице. Майкл мог быть последним, кто видел

ее. К сожалению, детектива не было дома или он просто не снимал трубку.

На подъездной дорожке появился черный «Шевроле Монте-Карло СС» Энджи. Мотор работал так, будто перемалывал гравий, и Уилл невольно содрогнулся от стука, который продолжался и после того, как она выключила зажигание. Уилл делал эту машину для Энджи целый год. По ночам, в выходные, весь отпуск. Он считал своим долгом порадовать ее, хотел доказать, что может построить что-то своими руками, без помощи дурацкого руководства, где расписано, на какой болт какая гайка накручивается. Свежие пятна масла на дорожке были для него словно удар в спину.

Энджи рывком распахнула дверцу и требовательным тоном спросила:

— Какого хрена ты здесь делаешь?

Он не мог не заметить, что она одета, как для работы. То, как она сидела в машине, открывало для него — и любого другого на этой стороне улицы — прекрасный вид на то, что было под ее короткой юбкой.

— Что ты сделала с машиной? — спросил Уилл.

— Я ее водила. — Энджи вылезла и так хлопнула дверцей, что бедный автомобиль содрогнулся.

— Масло по всей дорожке.

— И не говори.

— Ты хоть раз ее отправляла на обслуживание?

— А где я должна была это сделать?

— В округе несметное множество гаражей. Камень бросить некуда — обязательно в один из них попадешь.

— Если бы я бросала камень, то целилась бы тебе в голову, тупой козел! — Она оттолкнула его от парадной двери, чтобы открыть ее. — Я устала, мне все осточертело, и я хочу в постель. — Она взглянула на Уилла через плечо, словно ожидая, что он скажет что-то насчет того, чтобы присоединиться к ней.

— Мне нужно с тобой поговорить.

— Уилл, ну почему ты не воспользовался ключом? — Ей не приходилось задирать голову, чтобы посмотреть на него, и он понял, что она до сих пор на высоких каблуках. — У тебя ведь есть ключ. Чего ты сидишь здесь, на холоде?

Он почувствовал в ее дыхании запах алкоголя.

— Ты выпивала?

Она вздохнула, снова обдав его запахом спиртного, видимо, виски.

— Пойдем, — сказала она, засовывая ключ в замок. — Мои соседи уже предостаточно насмотрелись, как я сверкаю трусами всякий раз, когда вылажу из этого долбаного автомобиля.

Уилл прошел за ней в дом и закрыл дверь.

Возле дивана она сбросила свои шпильки и обулась в мягкие розовые домашние тапочки. Энджи ненавидела ходить босиком.

— Тебе не нужно было приходить сюда. — Она включила свет в холле и, продолжая разговаривать, начала раздеваться еще по дороге в ванную. — У меня был самый хреновый день в жизни. Все девочки с ума сходят из-за Алиши, и они продолжали весь этот плач вокруг нее весь вечер, словно день у меня был еще недостаточно испорчен. — Перед тем как Энджи захлопнула за собой дверь ванной, он успел увидеть ее обнаженную спину и изящный изгиб позвоночника, прятанный в розовых трусиках. — В три часа позвонил лейтенант Кантон, — продолжала она через дверь приглушенным голосом. — Он заставил меня прийти пораньше и полдня работать с этим придурком Ормевудом в поисках файлов по его прошлой работе в полиции нравов.

Уилл помнил, что Майкл обещал просмотреть эти файлы, но был удивлен, что он уже сделал это, учитывая состояние, в котором пребывал, когда они виделись в последний раз.

— Мне пришлось два часа сидеть в этой проклятой юбке, — Уилл услышал глухой удар в стену и догадался, что он достался как раз юбке, — вместе с этим козлом, сопевшим мне в затылок и постоянно отпускавшим шуточки, как будто он, блин, мой лучший приятель.

Уилл воспользовался своим ключом час назад, чтобы положить почту Алиши Монро на журнальный столик. Сейчас он сел на диван и принялся просматривать ее, раскладывая письма в аккуратные стопки.

— Клянусь Богом... — начала Энджи, выходя в коридор. — Иногда я смотрю на этих девушек и думаю, что сутенеры обращаются с ними лучше, чем относятся ко мне эти ублюдки, с которыми я работаю.

Она, шлепая тапочками, прошла в кухню. Он слышал, как открылась дверца холодильника, как посыпался в стакан лед. Энджи

открыла бутылку и чего-то налила себе, потом захлопнула холодильник. Еще через мгновение она уже сбросила тапочки и, сделав хороший глоток, уселась с ногами на диван.

Уилл ничего не мог с собой поделать. Спина его напряженно выпрямилась, как у слушательницы церковной школы.

— Ты собираешься пить прямо у меня на глазах?

Энджи толкнула его голой пяткой в ногу и сказала:

— Только до тех пор, пока ты не начнешь казаться мне красивчиком.

— Не делай этого.

— Не делай чего? — передразнила она, снова толкнув его ногой.

Он развернулся, чтобы взглянуть на нее. Именно этого Энджи и ожидала. Она лежала, откинувшись на спину и по-прежнему упираясь ступней ему в ногу. На ней был только короткий черный халатик. Пояс на талии затянут не был, и в приоткрывшихся складках виднелись волоски внизу живота.

Уилл почувствовал, как у него сдавило горло. Рот внезапно заполнился слюной, и ему пришлось плотно сжать губы.

— Думаю, ты выяснил, что тот мой парень — педофил, — сказала она.

Уилл вскочил так стремительно, что закружилась голова.

— Что?

— Шелли, — отсутствующим голосом сказала она. — Думаю, ты поднял его досье?

Уилл прикрыл глаза ладонью, словно отсутствие возможности видеть ее могло изменить то, что он только что услышал.

— Так он педофил?

Она странно улыбнулась.

— Ты не замечаешь, что сейчас орешь?

Уилл постарался взять себя в руки.

— Так ты просила пробить по компьютеру педофила? — Он подошел к камину, кулак просто чесался от желания что есть мочи врезать по кирпичной кладке. — О чем ты вообще думала, черт побери? Это с ним ты сейчас встречаешься? Боже, я переживал по поводу этого Ормевуда, а ты...

— Что он сказал?

Ее тон изменился, и в комнате как будто похолодало.

— Что сказал кто?

Она села, забросила ногу на ногу и запахнула халат.

— Ты сам прекрасно знаешь, о ком я говорю.

— Нет, — возразил он, — не знаю.

Она поставила стакан на столик рядом с почтой.

— Что это?

— Я знаю, что ты с ним спала.

— Настоящий джентльмен этот Майкл Ормевуд. Он все тебе рассказал, во всех подробностях? — Она сухо хохотнула и принялась просматривать письма. — Как, должно быть, интересно вам было сравнивать свои впечатления. Не удивительно, что у этого козла сегодня была такая счастливая рожа.

— Ничего он мне не рассказывал, — отрезал Уилл. — Я сам до всего додумался.

— Выдайте этому детективу золотую звезду!

Энджи в шутовском тосте подняла стакан и припала к нему. Уилл смотрел, как подрагивает ее горло, а она все глотала и глотала, пока стакан не опустел.

Уилл отвернулся и взглянул на картину, стоявшую на каминной полке. Это был триптих, три полотна, соединенные вместе, которые в разложенном виде образовывали одно изображение, а в сложенном — другое. Ему всегда казалось, что Энджи нравится двуличность этой вещи. Она напоминала ее саму: внутри — одно, снаружи — другое. Совсем как Майкл Ормевуд, неожиданно пришло ему в голову. Прекрасная парочка.

— Почта Алиши, — наконец поняла Энджи. — Ты только что это обнаружил?

Он кивнул.

— А почему команда Майкла не проверила ее раньше?

Уилл пожал плечами.

— Откуда я знаю!

— Реклама, реклама, счет, счет. — Он слышал, как шуршали конверты, которые Энджи отбрасывала один за другим. — А это что?

Уилл не ответил. Да она, собственно, и не у него спрашивала.

Он слышал, как Энджи вскрыла конверт и вынула из него письмо.

— Хороший крестик, — сказала она. — Помню, я иногда видела его на Алише.

Он смотрел на картину и жалел, что это не зеркало, которое показало бы ему, что у Энджи внутри. А может, она и так показывала. Два абстрактных изображения, оба не имеющие никакого смысла.

Уилл почувствовал, как рука Энджи скользнула к нему в карман и вытащила оттуда цифровой диктофон.

— О, новый! — Она стояла так близко, что он ощущал тепло ее тела.

Он услышал, что она возится с устройством, и обернулся.

— Оранжевая кнопка.

Она протянула диктофон, и Уилл увидел, что ее палец уже лежит на кнопке. Он аккуратно придавил своим большим пальцем ее указательный, и диктофон включился.

— Спасибо.

Уилл не мог на нее смотреть. Он снова отвернулся и прислонился к каминной полке. Она вернулась к дивану и села. Звякнул лед в стакане. Вероятно, она забыла, что там пусто.

— «Дорогая мама, — наконец начала читать Энджи. — Я знаю, ты думаешь, я пишу, чтобы попросить денег, но я просто хочу сказать, что больше ничего от тебя не хочу. Ты всегда упрекала меня, когда я уходила, но именно ты бросила нас. Это ты сделала из меня парию. Библия учит нас, что грехи родителей падают на их детей. Я отверженная, неприкасаемая, которая может жить только с таким же Парией, и все из-за твоих грехов». Слушай, — сказала Энджи, — когда она подписывается, то пишет свое имя иначе: А-Л-И-С-И-Я вместо А-Л-И-Ш-А.

Уилл недовольно что-то проворчал. Она должна знать, что с таким же успехом могла бы говорить с ним о написании слов и на китайском.

— Когда она подписывается, то пишет свое имя правильно — в таком виде оно употребляется чаще. Она, видимо, изменила имя, когда попала на улицу. — Энджи продолжала говорить, а он не мог перестать ее слушать. — Судя по почтовому штемпелю, письмо отправлено две недели назад. Есть еще один штамп, указывающий, что оно вернулось, потому что она недостаточно за него заплатила. Может быть, из-за крестика вес письма превысил разрешенный, или же его заметил один из сортировальных автоматов. — Она помолчала. — Ты поговоришь с ее матерью? Судя по коду, это недалеко отсюда, миль десять, наверное. Интересно, она знает, что дочь умерла?

Уилл обернулся. Энджи, держа конверт в руке, перевернула его, чтобы посмотреть, не пропустила ли чего-нибудь на обратной стороне. Она подняла глаза и, увидев, что он пристально смотрит на нее, сказала:

— Уилл?

— Если бы можно было щелкнуть пальцами и сделать так, чтобы я тебе никогда не встречал, я бы сделал это, — сказал он.

Она положила конверт.

— Я бы тоже этого хотела.

— Что ты делаешь с таким парнем?

— Он может быть обаятельным, если хочет.

Она имела в виду Майкла.

— Это произошло до того, как ты узнала, что он использует девушек, или уже после?

— Какой ты глупый! Конечно до.

Он взглянул на нее.

— Не думаю, что ты имеешь право злиться на меня.

Она согласилась.

— Да, ты прав.

— Значит, Шелли — педофил?

Она улыбнулась, словно он сказал что-то забавное.

— И убийца.

— Ты думаешь, это смешно?

Энджи уперлась локтями в колени и подарила ему улыбку, говорившую, что сейчас она открыта для всего.

— Не злись на меня, детка.

— Не вмешивай в это дело секс.

— Это единственный известный мне способ общения с людьми, — пошутила она, повторив слова, которые когда-то сказала ей психиатр. Уилл не был уверен, спала ли Энджи с этой женщиной, но замечание было прямо в яблочко.

— Энджи, прошу тебя!

— Я же говорила, что это неудачная ночь для твоего прихода. — Она встала и сунула конверт ему в руку. — Давай, Уилли, — сказала она, подталкивая его к двери. — Тебе пора домой.

Глава 28

8 февраля 2006 года, 9:24 утра

Энджи помнила Джину Ормевуд по вечеринке по поводу выхода Кена на пенсию. Это была тихая, как мышка, женщина, которая, похоже, не обращала внимания на тот факт, что толстый слой косметики провоцирует угри на лице, а прическа у парикмахера, берущего за свою работу меньше десятки, никому не делает чести. Если бы Энджи не трахалась с ее мужем в тот же вечер, она, вероятно, вообще бы ее не запомнила. Помимо этого, она еще знала, что та работает в пьемонтской больнице, которая, можно сказать, находилась по пути к месту работы Энджи — если, конечно, можно назвать местом работы полоску тротуара перед винным магазином на Чешир-Бридж-роуд.

Она позвонила в больницу, чтобы удостовериться, что Джина Ормевуд будет на работе. Ее смена начиналась через двадцать минут, и Энджи только и оставалось, что ждать. Когда она добралась до больницы, то порадовалась, что приехала заранее. Машины стояли даже на улице, а на парковке, похоже, не было места. Поискав немного, Энджи сдалась. Она показала свой жетон копу, стоявшему перед подъездом для скорой помощи, и припарковалась на огороженном месте.

Перед входом в приемный пункт больницы стояло с десятков человек, и у всех изо рта торчали сигареты. Проходя через облако дыма, Энджи задержала дыхание. Она ненавидела сигареты, потому что они напоминали ей об ожогах на теле Уилла. Кто-то долгими часами выжигал тело вокруг его лопаток, рисуя непристойные картинки вдоль ребер.

При этой мысли ее передернуло.

Мужчина за стойкой в приемной даже не поднял голову, когда Энджи остановилась перед ним.

— Записывайтесь, садитесь, ждите.

Она сунула жетон ему под нос, но он все равно не удостоил ее взглядом.

— Если вам нужны медицинские карты, обратитесь к администратору.

Она посмотрела на бейдж, висевший у него на груди.

— Никаких медицинских карт, Тэнк. Я здесь из-за Джини Ормевуд.

Он наконец-то посмотрел на нее.

— А зачем вам Джина?

— Это насчет ее мужа.

— Надеюсь, этот ублюдок сдох.

— Поосторожнее на поворотах. — Эти слова вырвались у Энджи автоматически, но она не могла не отметить того факта, что этот человек явно ненавидит Майкла.

Тэнк встал и оглядел ее с ног до головы. Энджи была в рабочей одежде, то есть выглядела как шлюха. И все же она оставалась копом, а этот парень идиотом не был.

— Как вы думает, когда придет Джина? — спросила она.

— Вам следует оставить ее в покое.

Это не был ответ на вопрос.

— Я должна поговорить с ней, — объяснила Энджи.

Тэнк продолжал смотреть ей в глаза, словно пытаясь по взгляду определить, стоит ли ожидать от Энджи неприятностей. У человека, работающего в таком месте, должна быть развита интуиция.

— Еще минут десять, — наконец сказал он. — Она всегда приходит пораньше.

— Благодарю вас. — Энджи сунула жетон в сумочку и села на единственное свободное место в переполненной приемной.

Напротив сидела пожилая пара, которой, когда они пришли сюда, видимо, было столько же лет, сколько сейчас Энджи. Женщина бросила на нее взгляд, полный отвращения. Мужчина посмотрел с интересом. Господи, этому парню лет восемьдесят, а он, похоже, прикидывает, сколько денег у него в бумажнике! Его жена высморкалась в уже много раз использованную салфетку. Казалось, она сейчас свалится со стула. Энджи расставила ноги пошире, и

мужчина побледнел. Его жена выглядела так, будто у нее сейчас случится инфаркт.

Прежде чем они успели перейти в другое место, Энджи встала и подошла к стойке с журналами. Боже, все здесь было просто угнетающим. Эта комната ожидания казалась средоточием бактерий и болезней. Всем, кто считает, что в Америке нет социальной медицины, нужно провести пару часов в приемном покое местного отделения неотложной помощи. Кто-то платит за то, чтобы все бедствующие и не имеющие страховки могли посетить врача, но это — сто процентов! — были никак не бедствующие и не люди без страховки. Черт, в наши дни лучше уж не иметь вообще никакой страховки. Получите то же самое дерьмовое обслуживание, но при этом хоть заплатите меньше.

В ожидании Джини Ормевуд она полистала журнал про охоту и рыбалку «Филд энд Стрим», потом номер «Ледис Хоум Джорнел» за позапрошое Рождество. Вчера Майкл зашел слишком далеко. Пока она искала его записи за время работы в полиции нравов, он скалился, как мартышка, и теперь она понимала почему. Одно дело Энджи — черт, она, видимо, заслуживала этого; но то, что он разозлил Уилла, — это было непростительно. Майкл, должно быть, сказал что-то, сболтнул лишнее, и это навело Уилла на мысль, что он трахал Энджи. Она работала с мужчинами, даже арестовывала чрезмерно озабоченных, и потому знала, как устроен их скудный умишко. Секунды не проходит, чтобы они не думали или не говорили о сексе, а тот факт, что Майкл поймел Энджи, был прекрасной темой. Он, наверное, даже этому подонку Лео Доннелли сообщил об этом. А теперь и вся команда уже должна быть в курсе. Неудивительно, что Уилл чувствовал себя униженным.

Господи, нужно прекращать слушать девочек в таких количествах! Никто не ненавидит мужчин так, как проститутки. Они часами обсуждают, какими ничтожествами являются мужики, и при этом должны идти с первым же придурком, который помашет у них перед носом зелененькой купюрой. У Энджи было достаточно проблем с мужчинами, но она так и не начала думать о них как шлюха.

Открылась входная дверь, и она, мельком взглянув в ту сторону, увидела, как входят два парня. Она тут же вернулась к своему журналу, но никак не могла сосредоточиться на рецепте фруктового пирога. В голове крутились мысли об Ормевуде, перед глазами стояло

разочарованное лицо Уилла и то, как он смотрел на нее, когда она сегодня вечером выталкивала его за двери. В нем, наверное, все кипело, когда Майкл начал хвастаться и описывать интимные детали своей победы.

Энджи перевернула страницу и перешла к следующему рецепту. Если Майкл решил поиздеваться над единственным человеком, который был Энджи небезразличен, она оплатит ему той же монетой. Ничто так не сбивает с толку мужчину, как проблемы дома.

— Робин?

Энджи открыла следующую страницу. Свитера для мамы и дочки. Офигительно мило!

— Робин? Это ты?

Блин! Она подняла глаза. Перед ней стоял Джон Шелли. Рядом с ним топтался чернокожий парень, рука которого была замотана окровавленным бинтом.

— Записывайтесь, пожалуйста! — окликнул их Тэнк.

— Я сейчас вернусь, — сказал Джон и повел черного парня к стойке.

Очевидно, обильное кровотечение дает право на обслуживание без очереди, потому что Тэнк тут же увел раненого.

Джон уставился на нее.

— Что ты здесь делаешь?

— Профилактическое обслуживание, — сказала она, показывая на нижнюю часть своего тела. — А что с этим парнем?

— Это Рей-Рей, — сказал Джон. А-а, тот самый парень, который хотел в долг! — Он порезал руку о кусок металла, торчавший из машины, и Арт попросил меня отвести его сюда.

— С ним все будет в порядке?

— Если Арт сам его не прикончит, — ответил Джон. Он, казалось, не знал, что еще сказать, и вдруг выпалил: — Классно выглядишь!

Она выглядела как шлюха, но комплимент есть комплимент.

— Думаю, тебе стоит держаться от меня подальше.

— Ох!

Лицо у Джона вытянулось, и на какой-то миг он напомнил ей Уилла — то, как он никогда не мог скрыть от нее свои эмоции, а порой не мог спрятать стыд и разочарование.

— Иди сюда, — сказала она, уводя Джона за руку в коридор. Они стояли прямо перед входной дверью, и Энджи видела курильщиков по другую ее сторону

— У тебя все нормально? — спросила она.

Теперь он уже улыбался почти с надеждой.

— Да. Как ты?

— Нет, постой! — возразила она. — Когда мы виделись последний раз, у тебя были какие-то проблемы.

Он кивнул и уставился в пол. Ну почему она всегда заканчивает тем, что разговаривает с мужчинами, которые рассматривают свои туфли?

— Я рад тебя видеть, — сказал он. — Помню, я сказал тебе, что буду держаться подальше, но мне на самом деле очень приятно тебя видеть.

— Ты меня почти не знаешь.

Он снова улыбнулся. Боже, какая у него славная улыбка!

— Я знаю про Стиви.

Он умеет врать, подумала она. Первый из очень многих, если она не ошибается.

— Ты правда хорошо выглядишь.

— Ты уже говорил.

Джон рассмеялся.

— Я пытаюсь придумать, что бы еще сказать.

Он снова засмеялся, уже не так смущенно, как будто действительно получал удовольствие от ее компании. Он снова посмотрел на свои туфли, и тут она заметила, что у него самые красивые ресницы, какие она когда-либо видела у мужчин. Такие мягкие, нежного коричневого цвета. Джон был высоким парнем, почти таким же, как Уилл, но у него была более широкая грудь и намного больше уверенности в себе. Несмотря на холодную погоду, лицо его было загорелым, а в волосах были заметны выцветшие золотистые пряди от постоянной работы на открытом воздухе.

— Ты тоже хорошо выглядишь, — сказала она.

Он улыбнулся, и у нее снова возникло ощущение, что он больше ничего и не хочет, кроме как стоять вот так и болтать с ней весь день.

Что бы ему такого соврать? Еще совсем недавно она просто затащила бы его в какую-нибудь кладовку или туалет и соблазнила, а

потом ненавидела бы за то, что он трахнул ее. Еще совсем недавно она бы испортила жизнь и ему.

— За что ты сидел? — спросила она.

Улыбка исчезла с его лица, плечи поникли.

Энджи уже прочла лист его досрочного освобождения, но там был указан лишь приговор и ничего не говорилось о подробностях самого преступления.

— Расскажи мне, что ты натворил.

— Тебе не нужно этого знать.

— Прошлой ночью у меня был торговец алюминиевой облицовкой, который хотел, чтобы я сосала ему пальцы на ногах и называла его «папочка», — сказала она. — Ты считаешь, что можешь рассказать что-то такое, что меня шокирует?

— Я совершил несколько ошибок.

— Мы все совершали ошибки.

Он покачал головой.

— Не хочу об этом говорить.

— Ты сидел долго, — заметила она. — Ты убил кого-то?

Он нервно облизал губы. Он был сейчас так похож на Уилла, что их можно было бы принять за братьев. Черт, может, они и были братьями, если учесть, что мать Уилла была потаскухой.

— Я должен вернуться вместе с Реем-Реем, проследить, чтобы он снова не попал в беду, — сказал Джон.

Энджи посмотрела через стеклянную дверь на улицу. В толпе курящих стояла Джина Ормевуд, и ее голубая медицинская униформа являла грубый контраст с сигаретой, торчавшей изо рта.

— Было очень приятно повидать тебя, — сказал Джон.

— Береги себя.

Он развернулся, чтобы уйти, но потом остановился.

— Когда это закончится... — сказал он, вытягивая руки вперед, словно между ними была какая-то материальная преграда. — Когда закончится все, что сейчас происходит, — довольно бестолково уточнил он, — может, мы пойдём пообедать или еще куда-нибудь? Сходим в кино?

— Джон, — начала она, — ты действительно думаешь, что это может произойти?

Он покачал головой, но все же сказал:

— Но я все равно буду надеяться, Робин. Это будет поддерживать меня, чтобы я продолжал идти вперед. Я буду думать о том, как пойду с тобой в кино, как куплю тебе попкорн, как во время страшных эпизодов, возможно, буду держать тебя за руку.

— Будет дешевле, если ты просто дашь мне денег, и я подержу тебя где угодно, чтобы тебе не было страшно.

Он взял ее за руку. Она окаменела, когда он поднес ее ладонь к губам и нежно поцеловал.

— Подумай, какой фильм ты хотела бы посмотреть, — сказал он. — Что-нибудь по-настоящему страшное.

И он ушел.

Энджи бессильно прислонилась к стене. Вот еще один исключительно славный человек, которому она ломает жизнь. О'кей, он исключительно славный педофил и убийца, но что там говорится в поговорке насчет того, кто живет в стеклянном доме?

Двери раздвинулись, и вошла Джина Ормевуд. Заметив Энджи, она замедлила шаг, но все равно продолжила идти по направлению к отделению неотложной помощи.

— Эй, — окликнула ее Энджи, — подождите!

Джина остановилась, но не обернулась.

— Я хочу, чтобы меня оставили в покое, — сказала она.

Энджи зашла спереди и все увидела. Губа Джины была разбита. Под левым глазом красовался синяк, на который больно было смотреть. Неудивительно, что парень за стойкой ненавидит Майкла.

— Что, черт побери, с вами стряслось? — спросила Энджи.

— Я упала, — ответила Джина и попыталась пройти, но Энджи загородила ей дорогу.

— Он избил вас?

— А вы как думаете?

— Господи...

Джина прищурилась и наконец узнала Энджи.

— Вы трахались с моим мужем.

— В общем, да. — Энджи понимала, что лучше не врать. — Если вас это утешит, у меня были мужики намного лучше его.

Джина засмеялась, но тут же вздрогнула, потому что разбитая губа лопнула и из нее снова начала сочиться кровь. Она прижала ладонь ко рту и взглянула на испачканные кровью пальцы.

— Боже! — простонала она. — Давайте уйдем отсюда.

Она распахнула дверь в женскую комнату отдыха, и Энджи последовала за ней. Джина была женщиной миниатюрной — ростом где-то метр пятьдесят пять при весе меньше пятидесяти килограммов. Майкл был минимум на тридцать пять килограммов тяжелее. С его стороны это было все равно что ударить беззащитного щенка.

— Я познакомилась с ним, когда мне было пятнадцать, — сказала Джина. Она стояла, опершись на умывальник, и рассматривала разбитую губу в зеркале. — Он интересовался моей кухней. Она была на год младше меня. Я тогда думала, что защищаю ее.

Энджи знала, что нужно дать ей выговориться.

— Он казался таким милым, — сказала Джина. — Когда он был на войне в Заливе, я получала от него письма. Он писал, что любит меня и хочет заботиться обо мне. — Она в зеркале посмотрела Энджи в глаза. — Вот так он теперь и заботится.

Энджи принялась рыться в своей сумочке.

— Все они сначала милые.

— Вы это на себе испытали?

— У меня даже есть залитая кровью футболка.

Джина вынула из контейнера бумажную салфетку и намочила ее под краном.

— После рождения Тима, — начала она, — все изменилось. Он начал злиться по любому поводу. Он больше не хотел прикасаться ко мне. По ночам уходил из дома, и его не было по нескольку часов. — Она промокнула кровоточащую губу. — Иногда он уезжал на весь уик-энд. Я проверяла по спидометру: он наезжал на машине по пять, а иногда и по шесть сотен миль.

Энджи наконец нашла в сумочке то, что искала.

— И куда он ездил?

— Получишь несколько раз по физиономии и перестаешь задавать вопросы.

— Повернитесь, — сказала Энджи. Она нанесла немного какого-то крема на губку и аккуратно постучала ею вокруг подбитого глаза Джины. — Это «Клиник», — сказала она. — Если будет немного светлее, чем ваши обычные тени, размажьте их немного, это поможет замаскировать синяк.

— Он и вас тоже бил?

— Нет, — ответила Энджи, сосредоточившись на том, чтобы скрыть синяк.

На самом деле она была слишком пьяна и точно не помнила, что делал Майкл. Наверняка она знала только то, что на следующее утро проснулась на заднем сиденье своего автомобиля со следом глубокого укуса на груди и острой болью между ног, которая прошла только через пару недель.

Нельзя сказать, что это было впервые, чтобы с ней происходило что-то плохое в таком роде, но это было в первый раз с мужчиной с ее работы.

— Он говорил мне, что был с Кеном.

— С Возняком? — спросила Энджи. Напарник Майкла в их убойном отделе. — И что же он делал вместе с Кеном?

— Он сказал, что они ловили рыбу в горах.

Энджи сжала губы, чтобы удержаться от комментариев. Она просто не могла представить Кена с удочкой в руках, к тому же Кен и Майкл были совершенно разными людьми.

Голос Джини упал почти до шепота:

— Он был груб с вами?

Энджи кивнула. Потом взяла Джину за подбородок и повернула ее к свету, чтобы оценить свою работу.

— Он негодяй, — сказала Джина по-прежнему шепотом. — Я просто хотела уйти.

Энджи добавила еще немного тонального крема.

— Вы бросили его?

— Два дня назад.

— И где вы теперь живете?

— У своей матери, — ответила она. — Он сказал, что доберется до меня.

Энджи взглянула на свою работу еще раз. Отлично!

— Вы написали заявление?

Она рассмеялась.

— Вы же коп. И знаете, насколько это бессмысленно.

— Чушь! — уверенно сказала Энджи. — Едете в округ Де-Кальб и пишете заявление. Если он коп, никуда они не денутся. Они только взглянут на вас разок и возьмут его в оборот.

— А что потом? Что будет, когда он оттуда выйдет?

— Запросите запретительный судебный приказ.

— Посмотрите на мое лицо, — сказала Джина. — Вы думаете, судебный запрет его остановит?

Она права. Энджи сама была простым патрульным и очень живо помнила, как однажды вынимала окровавленный запретительный судебный приказ из руки женщины, забитой до смерти собственным мужем. Он воспользовался для этого молотком. На глазах у детей.

Джина вымыла руки.

— Почему вы здесь?

— Я хотела передать Майклу сообщение.

Она закрутила кран и взяла полотенце.

— Вы думаете, он меня послушает?

— Нет, — призналась Энджи и вынула из сумочки визитку. — Хочу оставить вам свой телефон. Позвоните, если он что-то вам сделает.

Джина карточку не взяла.

— Он все равно сделает то, что захочет. И телефон меня не спасет. — Она еще раз посмотрела на себя в зеркало и пригладила волосы. — Спасибо за косметику. «Клиник», говорите? — Энджи кивнула. — Куплю сегодня в обеденный перерыв. Если Майкл узнает, что я разговаривала с вами, она мне, похоже, понадобится.

— Я ему не скажу.

Джина открыла дверь и на секунду прислонилась к косяку.

— Он все равно узнает, — сказала она. — Он всегда обо всем узнаёт.

Энджи на несколько минут задержалась в дамской комнате, стараясь рассуждать хладнокровно. Она собиралась поговорить с Уиллом, но что она могла ему сказать? Я поехала в больницу, чтобы пригрозить жене Майкла? Он постоянно колотит ее, и — ах да, кстати, чуть не забыла! — в ту единственную ночь, которую мы провели вместе, он был так груб, что мне еще месяц больно было писать? Уилл научился контролировать свой тяжелый характер — как и прочие эмоции в своей жизни. Но Энджи знала, что он никуда не делся, он здесь, только и ждет возможности вырваться наружу. Если Энджи когда-нибудь расскажет ему, что на самом деле произошло у них с Майклом Ормевудом, Уилл просто убьет его.

В туалет зашла молоденькая девушка, но, увидев Энджи, тут же выскочила. Что ж, поднятию духа такая реакция точно способствовать не могла. Энджи посмотрела на свое отражение в зеркале — вызывающий макияж, белая, едва прикрывающая трусы, виниловая юбка, ярко-розовый топ на бретельках, из которого выпирает грудь. Неудивительно, что люди от нее шарахаются.

Выйдя в холл, она бросила взгляд в сторону кабинета неотложной помощи. Там стояли Тэнк и Джина. Он что-то говорил, держа ее за руки. Что именно он говорил, Энджи не слышала, но могла догадаться. Внезапно Джина расплакалась, и он обнял ее. Энджи смотрела на них, испытывая неловкость, но не в силах отвести взгляд.

Психотерапевт как-то сказала, что Энджи ищет мужчин, которые будут обижать ее, потому что ничего другого она в жизни не видела. Та же психотерапевт предположила, что Энджи продолжает причинять боль Уиллу, потому что подсознательно хочет разозлить его, довести до состояния, когда он сорвется и ударит ее, и вот тогда Энджи окончательно откроется ему. Тогда она сможет по-настоящему его полюбить.

Конечно же, Энджи лгала ей насчет своих отношений, насчет Уилла. Она не собиралась рассказывать постороннему человеку всю правду. Черт, она столько лгала в своей жизни, что и сама не узнала бы эту самую правду, даже если бы та дала ей пинка под зад!

Глава 29

11:31 утра

Уилл сидел за письменным столом и слушал на диктофоне, как Энджи читает письмо Монро к матери. Он прослушал запись уже столько раз, что выучил наизусть, но ему хотелось слушать ее голос, улавливать нюансы интонации. Иногда он заглядывал в письмо и старался, слушая слова, следить за ними глазами. Энджи ненавидела читать вслух, и по ее тону это было заметно. Уилл подумал, что если бы он мог так же хорошо читать вслух, то делал бы это постоянно.

Он вынул наушники и вернулся к диаграмме, которую вырисовывал в уме. Уилл видел события в изображениях, словно раскадровку кинофильма. Перед глазами возникло лицо Жасмин Эллисон. Она по-прежнему не объявилась. Ее ищет управление полиции Атланты, но Уилл не был уверен, что они отнеслись к этому настолько серьезно, как ему хотелось бы. Но даже если и так, где они будут искать? Существует миллион мест, где можно спрятать девочку, — и еще один миллион, если при этом ей уже нет необходимости дышать.

Матери Алиши Монро дома не было. Он несколько раз звонил ей сегодня утром, пока наконец трубку взяла горничная и сообщила, что миссис Монро не ожидается раньше полудня. Уилл сделал еще один звонок в Де-Кальб и выяснил, что по делу Синтии Барретт никаких новостей нет. Он даже направил бригаду криминалистов в Хоумс, чтобы они обследовали теле-фон-автомат. В монетоприемнике оказалось всего семь четвертаков, и ни на одном из них не было приемлемых отпечатков пальцев.

Никаких улик, никаких ниточек, за которые можно было бы ухватиться. У него только и было, что это письмо и призрачная надежда на то, то Мириам Монро может что-то знать.

В дверь кабинета постучали, и показался Лео Доннелли.

— Привет!

Уилл сунул диктофон и наушники в ящик стола.

— Что случилось?

— Найдется минутка?

— Конечно.

Лео закрыл дверь и сел на стул перед столом Уилла. Он огляделся по сторонам, явно нервничая.

— А вы хорошо устроились.

Уилл окинул взглядом свою комнату, пытаясь понять, не присутствует ли в замечании детектива сарказм. Кабинет был таким маленьким, что пришлось придвинуть стол вплотную к стене.

Лео нервно тер ладони о свои дешевые брюки и смотрел в окно. Похоже, он был в состоянии шока.

— Что случилось? — повторил Уилл.

— Я только что говорил с Гриром. Обожаю этого парня.

— Да. — Уилл познакомился с лейтенантом в понедельник, когда просил его разрешения участвовать в расследовании дела Монро.

Вид у Лео по-прежнему был ошарашенный.

— Ему позвонили из полицейского департамента Де-Кальба и предупредили, что Джина выписала против Майкла запретительный судебный ордер.

— Джина Ормевуд? — Уилл откинулся на спинку стула. — Что она указала в качестве причины?

— Свое разбитое лицо. — Лео уперся локтем в стол и уткнулся в него подбородком. — Грир не видел снимков или чего-то такого, но коп, который принимал заявление, сказал, что избита она порядочно.

Он был потрясен. Уилл догадывался, что, кроме Майкла, друзей у Лео в команде было немного. Но это все равно не объясняло, почему он пришел именно к Уиллу.

Лео потер подбородок большим пальцем.

— Мой старик тоже отрывался на моей матери. И я это видел, когда был маленьким.

— Печально слышать такое.

— Мне казалось, я знаю этого парня, — сказал Лео, имея в виду Ормевуда. — Но это в голове не укладывается, понимаете? Сначала я подумал, что эта сука все выдумала, но потом позвонил Майклу и... — Он помолчал. — Он попытался превратить все в шутку, сказал, что это недоразумение, что его жена отзовет ордер, что она сделала это, чтобы отомстить ему за то, что он так много пропадает на работе.

Лео скривился — похоже, это объяснение и ему показалось неубедительным. Этот человек проработал копом намного дольше, чем Уилл, и, вероятно, предостаточно наслушался подобных оправданий от мужей, избивающих жен.

Он продолжал:

— Я стал расспрашивать его, что случилось. Джина — нормальная девушка, понимаете? Умная до чертиков. Не думаю, что она стала бы зажимать ему яйца в тиски за всякие там хиханьки-хаханьки. — Лео взглянул на Уилла и снова перевел взгляд на окно. — Он сказал, что это не мое собачье дело.

Лео, очевидно, расценил это как признание вины. А Уилл принял это как доказательство того, что Майкл отвечает на звонки только тогда, когда на телефоне высвечивается номер человека, с которым он хочет разговаривать.

— Ну ладно. — Лео, громко стукнувшись коленями о стол, развернулся к Уиллу, выругался и сказал: — Я решил зайти к вам, чтобы поговорить по поводу дела Монро.

— Есть новости?

— В ее сутенера стреляли сегодня утром.

— Бэби Джи?

— Два выстрела в живот, один — в голову. Доктор говорит, что он не выживет, это только вопрос времени. Мозговая активность на нуле.

— Задержали того, кто это сделал?

— Это его кузены, обоим по пятнадцать лет. Бабушка Джи видела все из окна. — Лео пожал плечами. — Не похоже, что она врет. Впрочем, они сознались, так что ее показания нам особо и не нужны. Тем не менее она могла бы быть более расстроена тем, что ее внук умер.

Уилл подумал о Седрике.

— Больше никто не пострадал?

— Нет, это чистые разборки внутри банды. Они сказали, что Джи оскорбил их накануне, высказал неуважение. — Лео снова почесал подбородок. — Блин, с каких это пор шпана начала требовать к себе уважения, ничего не сделав, чтобы его заработать?

— Вы уверены, что это никак не связано с делом Монро?

— Не похоже на то, — сказал Лео. — У них на двоих один адвокат, какой-то бесплатно работающий придурок из района Бакхэд,

который получает удовольствие, помогая бедным. Оба они выйдут через десять лет максимум.

— Возможно, — сказал Уилл, подумав, что Лео, скорее всего, прав. — Вы получили ориентировку, которую я разослал по поводу Жасмин Эллисон?

— А-а, пропавшая черная девочка? — уточнил он. — Нацепить на нее блондинистый парик, и она, глядишь, в газеты попадет.

Уилл не разделял его сарказма. Он подумал еще кое о чем.

— Вы не могли бы сделать для меня распечатку списка осужденных за сексуальные преступления, недавно вышедших на свободу?

— За какое время?

Четыре месяца назад была жестоко изнасилована четырнадцатилетняя Джулия Купер, язык ее был откушен наполовину. В деле ничего не говорилось о том, сколько времени напавший на нее находится в поле зрения полиции.

— Давайте возьмем последние месяцев восемь, — сказал Уилл.

— Только Атланта или вместе с пригородами?

— С пригородами, — ответил он, понимая, что этим примерно утраивает работу.

— Этот список не обновляется постоянно, — предупредил Лео. — Мне нужно будет провести перекрестную проверку, вычеркнуть тех, кто сразу сел обратно, переехал и всякое такое.

— Буду вам очень благодарен, — сказал Уилл и счел необходимым добавить: — Я понимаю, что это поиск иголки в стоге сена, но у нас не так много вариантов того, что можно сделать.

— Я свяжусь с вами, приятель. — Лео встал. — На то, чтобы собрать все сведения, уйдет день, где-то так. Хотите, чтобы я оставил их у вас на столе?

— Это было бы здорово.

— Я возьму первую половину списка, — предложил Лео. — Мы ведь будем работать над этим вместе, верно?

— Верно, — эхом отозвался Уилл, хотя на самом деле не рассматривал Доннелли как своего союзника.

Когда Лео закрыл за собой дверь, Уилл вынул сотовый, набрал номер Энджи и стал ждать ответа, вслушиваясь в мерные гудки в трубке.

Она, по-видимому, узнала его номер, высветившийся на экране.

— Что случилось?

— С чего бы жене Майкла выписывать на него запретительный приказ?

Она медленно выдохнула, выигрывая время для обдумывания ответа.

— Потому что он избивает ее.

Уилл чувствовал себя так, будто избили его самого.

— Ты еще здесь? — спросила она.

Ему казалось, что он не сможет этого произнести, но все-таки спросил:

— Тебя он тоже бил, Энджи?

— Сейчас следовало спросить, сколько лет они женаты.

— Он тебя когда-нибудь бил?

— Нет, Уилл. Он меня никогда не бил.

— А ты мне не врешь?

Она рассмеялась странным, враждебным смехом, которым пользовалась, когда хотела от чего-то дистанцироваться.

— Зачем мне врать тебе, детка?

— В сутенера Алиши сегодня утром стреляли.

— Это была не я.

— Ты можешь хоть минуту побыть серьезной?

— А чего ты ожидал от меня услышать, Уилл?

— Пропала девочка, — сказал он. — Ее зовут Жасмин Эллисон.

Она живет в доме Алиши, на три этажа ниже. В воскресенье вечером некто заплатил ей двадцать баксов, чтобы она позвонила в полицию и сообщила, что на Алишу напали. Теперь она пропала.

Тон Энджи изменился.

— Когда ее видели последний раз?

— Вчера во второй половине дня.

— У тебя есть какие-то зацепки?

— Ни одной.

— Сколько ей лет?

— Четырнадцать.

Энджи тихо вздохнула.

— Кто-нибудь в городском управлении отнесся к этому серьезно?

— Да они просто из кожи лезут, чтобы помочь БРД!

Она попробовала заступиться за коллег.

— У них там у самих работы невпроворот.

— А я не говорю, что они простаивают.

— Она уже убежала раньше?

— Дважды.

— Я бы тоже не поставила ее в первых рядах своего списка, если бы занималась пропавшими людьми. Девочки-подростки сбегают постоянно. Мы с тобой знаем это. Вероятно, у них сейчас есть дела поважнее.

— Обстановка у нее дома не такая уж плохая.

— Люди убегают из дома по разным причинам.

Кому это знать, как не Энджи? Она сама убежала столько раз, что Уилл сбился со счета.

Он взглянул на ксерокопию письма Алиши к матери. Она писала карандашом по линованной бумаге, поэтому копия вышла неважного качества. Он пытался разобрать отдельные слова, но глаза никак не могли сфокусироваться. Алиша, видимо, тоже сбежала из дому.

— Я позвоню кое-кому из своих знакомых в центральном управлении, — предложила Энджи, — и посмотрю, не удастся ли развести костер у них под задницами. Возможно, они воспримут меня лучше, чем какого-то непонятного кадра из БРД.

— Спасибо.

Уилл закрыл телефон и взглянул на дисплей. Пришла пора нанести визит матери Алиши Монро.

Уилл редко ездил на работу на своей машине, да и то только тогда, когда точно знал, что весь день придется работать одному. Обычно он брал мотоцикл, и тому, с кем он работал, приходилось сидеть за рулем самому. Если только Уилл не ехал в одно из часто посещаемых мест — гастроном, местный кубинский ресторанчик, кинотеатр, — управление автомобилем было для него вызовом с риском потеряться. В конце концов, он смог различать уличные знаки, но исключительно за счет автомобилей позади него. Карты, с их крошечными надписями, разбросанными по всей странице, с таким же успехом могли быть написаны на суахили, а когда Уилл нервничал, что случилось, когда окружающие начинали сигналить, он еще и забывал, где право, а где лево.

Поездка на машине к дому Мириам Монро стала для него упражнением на терпение. Уилл медленно ехал по Де-Кальб, не обращая внимания на сердитые взгляды и обидные выкрики. Семья Монро жила в Декатуре неподалеку от колледжа Агнесс Скотт в небольшом дорогом районе с архитектурой в старом викторианском стиле и домами, о которых большинство людей могли только мечтать. К счастью, сам район был не очень большим, и теплилась надежда, что методом проб и ошибок он найдет нужный дом еще до захода солнца.

Проезжая развилку через железнодорожные пути и дальше на Колледж-авеню, Уилл постоянно жал на тормоз и попытался не принять на свой счет, когда тощая старуха на зеленовато-голубом «кадиллаке» пролетела мимо него, потрясая в воздухе кулаком.

По адресу Пейсли-авеню, 32 находился величественный старый дом с выгнутым круговым крыльцом и массивной плакучей ивой, свесившей ветви над передним двором. Внизу здание было выложено из отпескоструенного кирпича, а сверху отделано галечником, покрашенным темной краской. Черепичная крыша была усыпана сосновой хвоей, и Уилл подумал, что с таким количеством деревьев во дворе семейству Монро придется постоянно бороться за то, чтобы поддерживать сточные канавы в чистоте.

Он припарковал автомобиль на улице и дважды проверил адрес на почтовом ящике, с трудом разобрал имя «МОНРО», написанное большими черными буквами. А потом еще проверил и номер дома, сверившись по конверту.

Дверной звонок был старомодным и представлял собой колокольчик, установленный в центре тяжелой парадной двери. Уилл повернул его ручку в форме галстука-бабочки и услышал, как в глубине дома эхом разнесся звон.

Послышался звук шагов по плитке — женских и собачьих.

— Здравствуйте.

Уилл догадывался, что сейчас его подозрительно рассматривают через дверной глазок. Район этот считался благополучным, но все-таки находился достаточно близко к Атланте, чтобы местные жители были осмотрительными и не открывали дверь незнакомым людям.

— Я агент Уилл Трент из Бюро расследований Джорджии, — сказал Уилл, показывая в глазок свое удостоверение. — Я разыскиваю Мириам Монро.

Последовала заминка, тихий вздох, после чего щелкнул замок и дверь открылась.

Мириам Монро выглядела так же, как и ее дочь. Вернее, ее дочь выглядела бы так, если бы вела другой образ жизни. В тех местах, где Алиша была очень худой, почти как скелет, ее мама была достаточно крепкой; у нее были длинные вьющиеся волосы, и веяло от нее какой-то открытостью, которая, казалось, сама по себе располагала к ней людей. На щеках Мириам Монро был румянец, в глазах — живая искра, и хотя губы ее были сжаты, а выражение лица оставалось настороженным в ожидании того, что скажет Уилл, она явно относилась к тому типу женщин, которые ищут в жизни позитив.

Он взглянул на черного пуделя у ее ног и снова поднял глаза.

— Я приехал поговорить насчет вашей дочери.

Она прижала руку к сердцу и, пошатнувшись, схватилась за косяк двери, чтобы сохранить равновесие.

— Эшли...

— Нет, — сказал Уилл, протягивая руку, чтобы поддержать ее. Ему и в голову не приходило, что у нее может быть не одна дочь. — Алиша, — объяснил он. — Я приехал поговорить об Алише.

Она растерялась и несколько раз смущенно моргнула.

— Что?

Теперь уже смутился Уилл. Может, он неправильно прочитал фамилию на почтовом ящике? Или попал не на ту улицу?

— Вы ведь Мириам Монро?

Она кивнула. Предчувствуя беду, собака залаяла.

— Простите, — сказал Уилл. — Мне сказали, что у вас есть дочь по имени Алиша.

— У меня действительно была дочь, — согласилась она. Голос Мириам стал далеким, как будто она потеряла своего ребенка много лет назад, а ее следующие слова показали, что именно так она и считала. — Алиша ушла от нас еще подростком, офицер. И мы не видели ее почти двадцать лет.

Уилл толком не знал, что сказать.

— Можно мне войти?

Она улыбнулась и, аккуратно отодвинув собаку ногой, отступила в сторону.

— Я совсем забыла о хороших манерах.

— Ничего, — успокоил ее Уилл, подумав, что, несмотря на то, сколько раз ему приходилось это делать, он никогда не мог предугадать, как родители отреагируют на известие о гибели своего ребенка.

— Может быть, пройдем в гостиную? — предложила она.

Уилл старался не таращиться по сторонам в громадном холле, самом большом из тех, какие ему приходилось видеть в частном доме. Широкая лестница спиралью уходила на второй этаж, а над головой висела грандиозная люстра, как в оперном театре.

— Мы купили ее в Болонье, — пояснила Мириам, проводя его в соседнюю комнату. — Мой муж Тобиас — коллекционер-любитель.

— А-а... — многозначительно протянул Уилл, как будто это имело какое-то значение.

Он подумал о домах, которые ему пришлось посещать за последние несколько дней, — две захудалые комнатки Алиши, тесная квартирка, где воспитывала своих внуков Элеонора Эллисон. Это же был настоящий особняк — все просто и понятно. От толстых ковров на полах до колоритных африканских изделий на стенах это было место, где живут люди, для которых деньги — не проблема.

Мириам уселась в удобное на вид кресло, собака устроилась у ее ног.

— Может быть, хотите лимонада?

— Нет, благодарю вас, — сказал Уилл, усаживаясь на диван.

Подушки были жесткие, и он решил, что этой комнатой пользуются редко. Интересно, а рояль перед эркерным окном тоже исключительно для показухи? А еще он думал о том, какого черта делает. Уже очень давно Уилл уяснил для себя, что сообщать родителям о смерти их детей нужно быстро. От затягивания этого процесса становится только тяжелее, когда дело доходит собственно до информации. Уилл не был ближайшим другом Мириам Монро, его задачей было просто сказать ей правду, а потом уйти.

Так почему бы так и не сделать?

Возможно, это было связано с тем, что в голосе этой женщины, в ее присутствии было что-то успокаивающее. Ее лицо могло бы послужить иллюстрацией к словарной статье «мать». Когда Уилл был маленьким, он думал, что черных детей любят больше, чем белых, по той простой причине, что на более чем сотню воспитанников детского

дома Атланты приходилось всего двое афроамериканцев. Забавно, как прочно в голове откладываются стереотипы, когда ты маленький.

— Чем я могу быть вам полезна? — подсказала Мириам.

Голос ее звучал очень вежливо, и она умудрилась посмотреть на свои наручные часы, не демонстрируя нетерпения.

— Простите, что напугал вас. Я думал, что женщина, с которой я разговаривал по телефону, предупредит вас.

— Она сказала, что кто-то звонил, но я никак не ожидала увидеть на пороге своего дома полицейского.

— Простите, — повторил Уилл, вытаскивая записную книжку и ручку.

Он делал это только для того, чтобы люди видели, что он уделяет им внимание. Вынимая ручку из бокового кармана пиджака, он включил диктофон.

— Похоже, вас не очень удивило то, что я здесь по поводу Алиши, — сказал он.

— Думаю, нет, не удивило. Алиша выбрала для себя жизненный путь, с которым я и ее отец не согласились. Я уверена, вас не удивит, что вы далеко не первый офицер полиции, который постучался в наши двери. — Она улыбнулась, но в ее манере чувствовалась скорее настороженность. — Если вы думаете, что мы можем привести вас к ней, то мне очень жаль, но это не так.

Несмотря, а может быть, именно благодаря самообладанию этой женщины, Уилл понял, что ему будет нелегко.

— Где сейчас находится ваш муж?

— Он выступает с лекцией в Нью-Йорке, — ответила она. — Он специализируется на проблемах женского здоровья.

Уилл что-то черкнул в своем блокноте.

— Понятно.

— Вам может показаться полным иронии тот факт, что человек, посвятивший свою жизнь помощи женщинам, имеет дочь проститутку и наркоманку.

— Да, — признался Уилл. — Так оно и есть.

Мириам Монро откинулась в кресле, явно испытывая облегчение от того, что с этим уже все понятно.

— Мы делали все от нас зависящее, пытаюсь помочь дочери.

— Я в этом не сомневаюсь.

— Действительно не сомневаетесь? — спросила она, словно надеясь застать его врасплох. — Мы потратили тысячи долларов на лечение, на семейного доктора, на индивидуального доктора. Мы сделали все, что, с нашей точки зрения, могло ей помочь. — Она сцепила руки на коленях. — Но все упиралось в простой факт: Алиша не хотела помощи. Она начала убегать из дома, когда ей не было еще и тринадцати.

— Нельзя помочь человеку, если он не хочет, чтобы ему помогли, — повторил Уилл слова Энджи, сказанные о другой девушке.

— Это правда, — согласилась Мириам. — У вас есть дети?

— Нет, мэм. Детей у меня нет.

— Способность произвести на свет ребенка — это самое прекрасное, чем благословляет нас Господь. — Она подняла руки, делая вид, что качает воображаемого младенца. — Вы в первый раз берете его на руки, и он для вас дороже золота. И каждое ваше дыхание после этого делается только ради ребенка. Вы понимаете, о чем я говорю?

Уилл кивнул, чувствуя в груди такую же пустоту, как у нее в руках. Он догадывался, что если его собственная мать и держала его на руках, то очень скоро безо всяких проблем всучила кому-то другому.

Мириам продолжала:

— Алиша связалась с тем мальчиком... — Он заметил, что в глазах ее блеснули слезы. — Я выросла в бедной семье, как и доктор Монро. Мы с ним знали цену хорошему образованию и много трудились, чтобы воспользоваться теми преимуществами, за которые боролись и даже умирали другие народы.

Он решил на комплимент:

— И вы в этом, безусловно, преуспели.

Мириам Монро бросила на него взгляд, который говорил, что они оба понимают: материальные блага вряд ли можно считать мерилom успеха в жизни.

— Мы думали, что, воспитывая наших детей в этом районе, защитим их. Декатур всегда считался маленьким оазисом.

— Наркотики находят способ проникать в любое общество.

— Видимо, да, — согласилась она. — Мы столько хотели сделать для нее. Ты проживаешь жизнь через своих детей. Ты переживаешь за

них, берешь на себя их боль, дышишь за них, где это возможно, — сказала она. — Она сбежала с мужчиной, с которым познакомилась в лечебном учреждении. Через несколько недель ее арестовали с дозой наркотиков. Алиша отправилась в тюрьму, а тот мужчина исчез, вероятно, найдя себе другую глупую девчонку.

Когда Уилл только начинал работать в БРД, он был поражен, какое количество женщин находится за решеткой за то, что бойфренды посылают их торговать наркотиками, убеждая, что копы более снисходительны к прекрасному полу. В тюрьмах полно молоденьких девушек, которые думали, что их любили.

Мириам прервала его размышления.

— Мы с доктором Монро постепенно поняли, что наркозависимость — это смертельное заболевание. Это рак, которые живо съедает семьи. — Она встала и прошла через комнату к роялю. — Наступает момент, когда оглядываешься по сторонам и спрашиваешь себя: «Что это делает с остальными моими близкими? Какой вред я наношу другим своим детям тем, что концентрирую всю свою энергию на единственном ребенке, которого уже нельзя спасти?» — На рояле стояли фотографии в рамках, и она по очереди коснулась каждой из них. — Алиша была нашей второй и последней девочкой. — Она перешла к следующему снимку, к следующему своему ребенку. — Эшли самая старшая. Она гинеколог, как и ее отец. — Мириам указала еще на одно фото. — Клинтон — ортопед. Джеральд — психиатр. Харли — пианист. Мейсон... — Она взяла в руки маленькую рамочку в форме собачки и рассмеялась. — Он ухаживает за собаками, храни его Господь. — Она с особой нежностью поставила фотографию на место, и Уилл подумал, что Мейсон был ее любимчиком.

Шестеро детей. Уютный дом. Масса одежды и еды, родители, которые о тебе заботятся. Каково это, вырасти в такой семье? И почему Алиша повернулась ко всему этому спиной?

Конечно, Уилл работал в органах правопорядка слишком долго, чтобы принимать все на веру. По своему опыту он знал, что наркоманами обычно становятся не самые счастливые люди. Они приходят к наркотикам по определенной причине — желая либо приноровиться к окружающему миру, либо отрешиться от него. Вечно отсутствующий отец мог быть садистом. Братья могли выбрать местом своих первых сексуальных подвигов прихожую их дома. Старшая

сестра могла быть такой сверхпреуспевающей, что в ее тени невозможно было вырасти.

Но Уилл был здесь не для того, чтобы разбираться со скелетами в семейном шкафу Монро. Он был здесь для того, чтобы сообщить этой женщине, что ее дочь, которую она потеряла так давно, потеряна для нее навсегда.

— И вы не видели свою дочь двадцать лет? — спросил он.

— По меньшей мере.

— Никаких телефонных звонков? Никаких открыток или писем?

— Несколько лет назад, — припомнила Мириам, — был один звонок. Она была в тюрьме. Ей нужны были деньги.

Майкл говорил, что, когда Алишу арестовывали, она указывала в качестве контактных лиц только Бэби Джи, но дежурный офицер должен был делать пометку о том, кому она звонила во время задержания и кто ее навещал, если она оставалась под арестом больше одного дня.

— Вы сами тогда разговаривали с ней? — спросил он.

— Да, — ответила она. — Наш разговор продолжался не более минуты. Я сказала дочери, что не собираюсь давать ей никаких денег, и она швырнула трубку. Это был последний раз, — пояснила Мириам, — когда мы вообще что-то о ней слышали. Я даже не знаю, где она теперь живет.

— Вы, случайно, не знаете, с кем она имела дело? Кто были ее друзья?

Она покачала головой.

— Мне очень жаль, офицер. Я предупреждала, что вряд ли смогу помочь вам ее найти. — Она посмотрела на свою руку, которая по-прежнему лежала на рояле. — Вы можете сказать мне, что она сделала? Она не... — Она быстро взглянула на Уилла и снова отвела глаза. — Она никому не причинила вреда?

Уилл почувствовал комок в горле.

— А ваши остальные дети живут далеко?

— Недостаточно близко, — сказала Мириам, и на ее губах снова заиграла улыбка. — Хотя Мейсон — прямо на нашей улице. Но достаточно близко и не бывает, когда ты бабушка и у тебя есть трое внуков, которых нужно портить и баловать.

— Возможно, вам следует позвонить ему.

Улыбка ее растаяла.

— Зачем мне это делать?

— Миссис Монро, мне бы хотелось, чтобы вы позвонили своему сыну или, возможно, кому-то еще, кто мог бы прийти и посидеть с вами.

Она схватилась за рояль, как перед тем схватилась за дверной косяк. Уилл встал, и собака глухо зарычала.

Мириам судорожно сглотнула.

— Думаю, вы хотите мне сообщить, что она в конце концов приняла слишком много.

— Нет, мэм. — Он указал на диван. — Вы не могли бы присесть? Пожалуйста.

— Я не собираюсь падать в обморок, — заявила она, хотя шоколадный цвет ее лица стал заметно светлее. — Расскажите, что случилось с моей дочерью.

Он должен был просто сказать все и тут же уйти, оставив ее наедине с горем, но не мог. К своему удивлению, Уилл заметил, что, когда заговорил, голос его звучал так, будто он извиняется.

— Миссис Монро, прошу вас, сядьте.

Она позволила ему довести себя до дивана и сесть рядом. Ему нужно было взять женщину за руку, сделать что-то, чтобы успокоить ее, но Уилл не чувствовал себя готовым утешать. Хотя знал, что оттягивание неминуемого — один из самых эгоистичных поступков, которые он совершал в жизни.

Он сказал:

— Алиша была убита в воскресенье вечером на лестничной клетке перед своей квартирой.

Рот Мириам приоткрылся, как будто ей не хватало воздуха.

— Убита?

— Ее кто-то убил, — повторил Уилл. — Я думаю, что она знала нападавшего. Я думаю, что она вышла за ним на лестницу, и там он нанес ей... — Он запнулся. — Он нанес ей травму, которая привела к смерти.

— Травму? — эхом повторила Мириам. — Что это означает? Она страдала?

Он собирался соврать — не будет никакого вреда, если сказать родителям, что их ребенок умер быстро, — но не смог.

— Не думаю, что мы когда-нибудь узнаем, понимала ли она, что происходит. Я надеюсь, что не понимала... — Он помолчал. — Я надеюсь, что в ее крови было достаточно наркотиков, чтобы она не отдавала себе отчета в происходящем.

Мириам ахнула.

— Я видела это в газете! Женщина была убита в Грейди Хоумс. Там не было указано ее имя, но... я никогда не могла подумать, я просто догадывалась...

— Мне очень жаль, — сказал Уилл и подумал, что за последние дни произнес эту фразу большее количество раз, чем за всю предыдущую жизнь. Он вынул ксерокопию письма Алиши. — Мы обнаружили это в ее почтовом ящике. Письмо вернулось, потому что за него было недостаточно заплачено.

Мириам Монро схватилась за письмо, как за спасительную соломинку. Она смотрела на него, и по ее щекам текли слезы. Она прочла его не менее десятка раз, прежде чем пробормотать:

— Пария...

— Вы можете объяснить, о чем речь?

Мириам положила письмо на колени, руки ее дрожали.

— Этот дом был на другой стороне улицы — на расстоянии трех домов и на расстоянии целой вселенной от нас. — Она посмотрела в окно, словно видела его там. — Тогда мы были единственной чернокожей семьей во всей округе. Мы с Тобиасом смеялись, когда люди возмущались: «Куда катится наш район!», в то время как дьявол жил у них буквально на заднем дворе.

— Эта семья по-прежнему живет там?

Она покачала головой.

— В этом доме жило уже больше десятка семей, после того как Карсоны съехали оттуда. Дом был достроен, превратился в своего рода дворец, а в то время это был просто маленький домик, где творились отвратительные вещи. Такой есть в каждом районе, верно? Один плохой дом с одним плохим ребенком.

— Да, мэм.

Она снова посмотрела в окно.

— Вечеринки каждый уик-энд. Машины, которые носятся по улице взад-вперед. Тот мальчик отравлял каждого, кто вступал с ним в контакт. Мы называли его Парией с Пейсли-стрит.

Уилл подумал о письме, в котором Алиша называла себя парией.

Она продолжала:

— Его матери никогда не было дома. Она была адвокатом, как это ни парадоксально звучит. — Она снова повернулась к Уиллу. — Думаю, я могла бы до посинения обвинять во всем этом ее, но на самом деле она была так же не способна управлять своим сыном, как и все мы.

— Алиша сбежала с этим мальчиком?

— Нет, — ответила Мириам. — Она сбежала с тридцатидевятилетним мужчиной по имени Маркус Кейт. Он был одним из консультантов в программе ее лечения. Позже мы выяснили, что он уже сидел за растление несовершеннолетних. — Она грустно усмехнулась. — Это все равно, что установить во всех тюрьмах Америки вращающиеся двери со свободным входом-выходом.

Уилл осторожно спросил:

— В своем письме она, похоже, в чем-то упрекает вас.

Мириам с трудом улыбнулась.

— Когда Алише было одиннадцать, я оставила семью. Из-за другого мужчины. Но наши отношения скорее напоминали отношения матери и ребенка... — Она подняла письмо. — Грехи родителей, как выразилась моя дочь.

— Потом вы вернулись.

— Мы с Тобиасом помирились, но отношения еще долго оставались натянутыми. Нам было не до Алиши, она отошла на второй план и в этот момент связалась с тем мальчиком с нашей улицы. — Она подняла руку и нащупала висевший на шее маленький крестик на золотой цепочке.

Уилл полез в карман и вынул крестик, обнаруженный в письме.

— Еще мы нашли вот это.

Мириам посмотрела на крест, но не взяла его.

— У всех моих детей такие.

Уилл решил не говорить ей, что Алиша отослала его назад. Письмо и так было достаточно тяжелым. И все же он должен был спросить:

— Этот крестик имеет какое-то особое значение?

— Тобиас купил крестики, когда я вернулась домой. Мы собрались за столом, и он раздал их всем. Крестик символизирует

наше единство, нашу веру в то, что мы снова можем быть семьей.

Уилл вложил крестик в руку Мириам и сжал ее пальцы.

— Я уверен, она хотела бы, чтобы это было у вас.

Он снова шел через холл — мимо предметов искусства, мимо фотографий, мимо всего того, что Мириам и Тобиас собирали много лет, чтобы создать в этом особняке настоящий семейный очаг. У входной двери стоял высокий стол, и Уилл остановился, чтобы положить на него свою визитную карточку, когда услышал из соседней комнаты голос, приглушенный расстоянием и горем. Очевидно, Мириам Монро говорила по телефону.

— Это мама, — сказала она одному из своих многочисленных детей. — Ты мне нужен.

Глава 30

9:16 вечера

К окончанию смены Энджи смертельно устала. В результате ее напряженного труда за решеткой оказались пара разъезжающих торговцев сжиженным газом, водитель грузовика и безработный отец троих детей. Все они в настоящий момент ломали голову над тем, как будут объяснять женам, что были задержаны за приставание к проституткам на улице.

Энджи понимала: при существующем порядке вещей то, что она делает, — занятие бессмысленное. Клиенты постоянно возвращались, девушки постоянно выходили на улицу. Никто не был заинтересован в том, чтобы добраться до корня проблемы. Последние шесть лет она занималась тем, что пыталась понять этих женщин. У всех в прошлом были примерно одинаковые истории сексуального надругательства и пренебрежительного отношения, все они от чего-то убегали. Не нужно быть выпускником экономфака Гарвардского университета, чтобы понять, что намного дешевле потратить деньги на помощь в защите их прав, пока они дети, чем садить их в тюрьму, когда они вырастут. Впрочем, таков пресловутый Американский путь. Потратить миллион долларов на то, чтобы помочь ребенку, упавшему в канализационный колодец, но только, боже упаси, не сотню баксов на то, чтобы закрыть этот колодец надежной крышкой, чтобы ни один ребенок в принципе не мог туда провалиться.

Жасмин Эллисон, вероятно, была одной из тех потерянных детей, которые никогда не будут найдены. Закончит она где-нибудь на улице, где у нее будет новое имя, новый статус и новые пагубные привычки, которые сутенер может использовать, чтобы контролировать ее. По тому, как Уилл говорил по телефону об этой девочке, Энджи понимала, что он обеспокоен. И у него были на то веские причины, учитывая, что

Жасмин заплатили за телефонный звонок в полицию ночью, когда была убита Алиша. Энджи знала, что мог быть и миллион других мелочей, которые в итоге выгнали девочку из дому, но все же позвонила паре знакомых парней из городского управления и попросила присмотреть за этим делом.

Энджи посмотрела в свои записи, нацарапанные на листке, который она вырвала из телефонной книги. Кен Возняк жил в доме престарелых на Лоуренсвилль-хайвей. Дежурная нянечка, диктовавшая ей адрес, с энтузиазмом восприняла новость, что к этому человеку едет посетитель. Энджи до этого видела Кена всего несколько раз. Она вообще не была уверена, что он ее узнает.

Время посещения заканчивалось в десять. Судя по пустой парковке, Кен был не единственным здесь, к кому мало кто приезжал. В фойе с неизменно присутствующими в таких местах белой кафельной плиткой и люминесцентными лампами было пустынно, но чисто. На столике в небольшой комнате ожидания стояли искусственные цветы. Когда Энджи направилась к стойке приемной, громко булькнул аппарат с питьевой водой.

За стойкой, откинувшись на спинку стула, сидел мужчина. Он окинул Энджи с ног до головы понимающим взглядом, и его ухмылка говорила, что он точно знает, кто она такая и сколько может стоять. Он сцепил пальцы на затылке, рубашка на нем распахнулась, и стало видно жирное волосатое брюхо.

Похотливо облизнув губы, он спросил:

— Сколько?

Энджи сунула руку в сумочку и вытащила свой полицейский жетон.

Мужчина в буквальном смысле свалился со стула. С трудом поднявшись, он промямлил:

— Да я просто...

— Я приехала увидеться с Кеном Возняком.

— О господи... — Он пытался поставить свой стул прямо, голос его дрожал. — Мне очень нужна эта работа.

Энджи подумала, что, может быть, она нужна ему для того, чтобы потихоньку трахать старушек, пока они спят в своих постелях.

— Прими таблетку успокоительного, Клетус, я здесь не для того, чтобы выкинуть тебя за двери.

— Я просто...

— Возняк, — повторила она. — Где он?

Дрожащими пальцами мужчина набрал что-то на клавиатуре.

— По коридору налево. Палата три-десять. Господи, леди, простите меня, пожалуйста! Я никогда раньше такого не делал.

— Ну да, конечно. Я тоже.

Энджи шла по коридору, звонко стуча каблуками. Перед глазами все еще был взгляд этого болвана из приемной, который похотливо смотрел на нее. Такое знакомое выражение: словно она всего лишь дырка, в которую он собирается потыкать.

— Алло? — позвала она, постучав в дверь, и сквозь рев телевизора расслышала довольное ворчание, которое расценила как приглашение войти.

— Эхн, — сказал Кен, увидев ее, и рот его скривился на одну сторону, когда он попытался улыбнуться.

Оказавшись в инвалидной коляске, он уже потерял около тридцати килограммов веса, и она подумала о том, как он умудряется просыпаться каждое утро, зная, что впереди его ожидает только такая жизнь.

— Помнишь меня? — спросила Энджи.

Он издал низкий смешок, словно говорил: «Ну как я мог тебя забыть?»

Энджи придвинула стул и села напротив. Кен завозился с пультом у себя на коленях, стараясь прикрутить звук. Она ненавидела дома престарелых почти так же, как ненавидела больницы, а тут попала в оба одновременно. Химическая вонь дезинфицирующих средств, белые простыни и дрожащий свет ламп напоминали Энджи о том, как она увидела мать после передозировки. Деидре лежала на койке, тело ее было абсолютно неподвижным, рот открыт, словно она была удивлена тем, что оказалась здесь. Необратимая кома. Энджи была тогда ребенком, но по мыльным операм «Центральная больница» и «Дни нашей жизни» уже четко понимала, что это значит для нее: детка, ты пропала!

— Дэх, — сказал Кен.

Ему наконец удалось выключить звук.

Энджи пыталась заговорить бодрым тоном.

— Как ты?

Одно его плечо поехало вверх. Что говорить, бывало и получше.

— Дурацкий вопрос, да?

Кен позволил себе улыбнуться той половиной лица, которая слушалась его.

— Ты плохо разговариваешь?

— П-п... — признался он.

— Я насчет Майкла Ормевуда.

Он пару минут смотрел на беззвучно работающий телевизор. Наконец шумно выдохнул.

Энджи перешла к делу.

— Я знаю, что он козел, так что можешь не утруждать себя рассказами об этом.

Кен кивнул.

— Ты знал, что он бьет свою жену?

В глазах его читался ужас.

— Догадываюсь, что нет, — сказала Энджи. — Я видела ее сегодня утром. Выглядит так, будто он охаживал ее бейсбольной битой.

Кен стиснул зубы, и его действующая рука на колене сжалась в кулак. Коп есть коп, несмотря на то, что он, по-видимому, не может сходить в туалет без посторонней помощи и не обойдется без того, чтобы кто-то вытер ему задницу.

Энджи, уперев локти в колени, наклонилась вперед.

— Я знаю, что ты его не любил. Почему? Что в нем было такого, что тебе не нравилось?

В ответ он шумно выдохнул.

Энджи покачала головой.

— Я не понимаю.

Он снова сильно подул.

— А, — сказала она, наконец догадавшись. — Горячий воздух. В нем полно горячего пара.

Кен радостно кивнул, и у Энджи возникло болезненное ощущение, что они играют в шарады. Но она уже не могла остановиться.

— Когда Майкл работал в полиции нравов, — доверительно сказала она, — он употреблял власть, чтобы пользоваться девочками.

Кен пожал плечами.

— Ты хочешь сказать этим «А что ты от него ждала?» или «Меня это не удивляет»?

Он посмотрел на лежащую на коленях руку и медленно поднял указательный и средний палец, показывая, что имеет в виду второй вариант: «Меня это не удивляет».

— Я сказала ему, чтобы он уходил, или я напишу на него рапорт, и он ушел.

— Йа плул йео... — Рот Кена закрылся. Она чувствовала, что он ненавидит эти попытки говорить. — Йа плул йео.

— Понятно, — сказала она. Майкл был назначен в напарники Кену. — И тогда его получил ты.

Они сидели напротив друг друга, губы Кена шевелились, но не издавали ни звука. Энджи старалась сохранять отсутствующее выражение на лице, старалась не показывать, как ей тяжело видеть его таким.

Наконец он произнес «ты» достаточно четко, чтобы это можно было разобрать.

— Ты — что?

Он только пялился на нее, и Энджи вдруг поняла, что он смотрит ей прямо под юбку. Она выпрямилась и расхохоталась.

— Господи, Возняк! Ах ты старый похотливый пес!

— Неа. — Он отмахнулся от нее. — Неа йаа.

Кен огляделся по сторонам, словно искал что-то для помощи. В конце концов он снова посмотрел на свои руки. Она видела, как он с большим усилием выпрямил указательный палец правой руки, а большой и указательный левой сомкнул в кольцо. Потом он начал двигать это кольцо вверх-вниз по указательному пальцу.

Энджи скрестила руки на груди.

— Какого черта с тобой происходит?

— Неа, — настаивал он.

— Ясно, — бросила она, повторив его жест, обозначающий совокупление. — Я поняла тебя, Кен. Я понимаю, о чем ты, и, должна сказать, на меня произвело впечатление, что ты еще не забыл о таких вещах, но у нас с тобой это не может произойти ни при каких обстоятельствах.

— Ты! — проревел он в ответ, со злостью ткнув пальцем в ее сторону. — Ма-а-йл. — Он снова повторил тот же жест.

— Ох!. — Она наконец поняла, о чем он. *Ты и Майкл!*

— Так ты знал об этом? — спросила она.

Кен выразительно поднял брови. *Кто же этого не знал?!*

— Ну да, — призналась она. — Я спала с ним.

— Он... гриил... мне.

— Не сомневаюсь.

Боже, все знали об этом!

— Э, — сказал Кен. *Эй!*

Она подняла глаза. Он вопросительно пожал одним плечом, спрашивая, что еще.

— Одна из моих девушек была убита.

Он показал на телевизор.

— Хоум. — Он, очевидно, видел этот сюжет в новостях.

— Да, она жила в Грейди Хоумс, — сказала Энджи. — У нее был откушен язык. Она задохнулась, захлебнувшись собственной кровью.

— Ма-а-йл?

Сначала Энджи решила, что он спрашивает, не Майкл ли убил ее. Но потом поняла.

— Не думаю, что Алиша была одной из девушек, которые шли с ним, чтобы выбраться из облавы, — сказала она. — Я перестала работать в Грейди Хоумс примерно в то же время, как он стал твоим напарником. Мое прикрытие там было провалено.

— Кто?

Энджи улыбнулась. Она никогда даже не задавала себе этот вопрос. Нельзя постоянно уходить с клиентами и не возвращаться с ними обратно, без того чтобы в конце концов окружающие не поняли, что ты коп.

— Думаю, Майкл вполне мог сдать меня, — допустила она. — Возможно, он рассчитывал, что у меня из-за этого будут неприятности, но меня просто перевели на другую улицу. К новым девочкам. Новым клиентам. — Об одном из них она вспоминала не раз. — Несколько месяцев назад Майкл пришел на мою новую улицу, — сказала она Кену. — Я думала, что он специально ведет себя как сволочь, но он сказал, чтобы мы были осторожны в отношении одного парня, которого только что выпустили досрочно. Сказал, что он грязный ублюдок.

Кен фыркнул. Очевидно, он и сам имел удовольствие выслушивать запугивания от Майкла.

— Да, я тоже не приняла все это всерьез, — согласилась она. — А потом я натолкнулась на человека, о котором он предупреждал. Его зовут Джон Шелли.

Кен пожал плечами. *Никогда о нем не слышал.*

— Как бы там ни было, — сказала Энджи, чувствуя, что ходит кругами вокруг да около, — через день после того, как погибла Алиша Монро, ближайшую соседку Майкла нашли мертвой на заднем дворе ее дома.

— Хм?

— Да, — согласилась Энджи и рассказала ему подробности, которые Кен не мог услышать в новостях. Она бы и сама не знала о таких деталях, если бы не Уилл. — Язык его соседки был отрезан. У Монро язык был откушен, но все-таки...

Энджи почувствовала себя неловко. Все-таки Кен находится здесь. Старому бабнику достаточно уже и без того, чтобы она изливала ему душу.

— Не стоило грузить тебя всем этим.

— Бо. — Кен сделал круговое движение рукой. Он хотел услышать больше.

— Соседке Майкла было всего пятнадцать.

Энджи внезапно запнулась. Джина Ормевуд сказала, что познакомилась с Майклом, когда ей тоже было пятнадцать.

— Когда была война в Заливе? — спросила она. — В девяностом? Девяносто первом?

Кен поднял один палец.

— Сколько лет ему было тогда, как думаешь? Ему сейчас сорок, так? В прошлом году у них была там типа вечеринка. Помню, везде болтались черные надувные шары.

Кен кивнул.

С математикой у Энджи было туго. Уилл давно бы вычислил все в уме, а ей нужно было на чем-то писать. Она нашла в сумочке клочок бумаги и нацарапала в столбик цифры, бормоча себе под нос:

— Майкл родился в шестьдесят шестом. Минус две тысячи шестой... — Она еще раз проверила цифры, убедившись, что все сделала правильно. Потом подняла голову и посмотрела на Кена. —

Джине было пятнадцать, когда она встретила его. Она сказала, что сначала он заинтересовался ее кузиной, которая была на год моложе.

Она поднесла бумажку к Кену, чтобы он мог ее видеть.

— Ему было двадцать пять. Что делать двадцатипятилетнему мужику с пятнадцатилетней девочкой?

Кен издал выразительный звук, означавший, что тут и ему понятно.

— Скажи мне еще одну вещь, — начала она. — Ты когда-нибудь ездил с Майклом на рыбалку в горы?

Выражение его лица было таким красноречивым, будто он все произнес словами. *Ясное дело, нет.*

Энджи проехала мимо своего дома, пытаясь упорядочить в голове все, что удалось извлечь из разговора с Кеном. Тот факт, что он преследовал, а потом женился на практически подростке почти пятнадцать лет назад, еще не доказывал того, что он может быть замешан в чем-то подобном сейчас, но совпадение было налицо, а Энджи слишком долго служила в полиции, чтобы верить в такие совпадения.

В конце улицы она развернулась и, снова проехав свой дом, направилась в сторону Пьемонта. Проигрывая в уме различные варианты, она повернула на светофоре налево, а затем снова налево по улице Понсе-де-Леон. Майкл по-прежнему использовал девочек, причем делал это на халяву, пользуясь своим служебным положением. Бэби Джи узнал об этом. Возможно, Алиша Монро была одной из тех девушек, которых брал Майкл, и Джи не понравился удар по его доходам. Он убил Монро, а потом убил соседку Майкла — в назидание.

Но зачем Бэби Джи убивать Синтию Барретт? Даже если Майкл имел слабость к девочкам подросткового возраста, это еще не значит, что он трахал свою соседку. К тому же, похоже, что такого рода распутство не редкость среди сорокалетних мужчин. Стоит заглянуть в журнал мод или пойти в местный кинотеатр, чтобы натолкнуться на едва одетых девочек, вешающихся на мужчин, по возрасту годящихся им в отцы. Черт, да в любом торговом центре натолкнешься на толпу двенадцатилетних, которые носят футболки задранными до уровня сосков, а джинсы — спущенными до лобка. Причем их матери обычно одеты так же.

Энджи проехала «Сити-Холл-Ист» и свернула направо на Понси-Хайлендс. Она притормозила, чтобы убедиться, что мотоцикл Уилла стоит на месте, после чего припарковалась на улице.

Энджи выскочила из машины, не оставляя себе времени на то, чтобы передумать. Она постучала в его дверь кулаком, а потом для верности еще несколько раз нажала на кнопку звонка.

Уилл не торопился открывать дверь. Она увидела, как он опустил закатанные рукава, но не застегнул пуговицы на манжетах. На нем по-прежнему был жилет, а на левой ладони, словно пакет с леденцами, лежала эта маленькая глупая собачка.

— Почему ты всегда так долго открываешь эту долбаную дверь? — с возмущением спросила она.

— Что случилось?

Энджи бросила сумочку возле входа и прошла в дом. На стереосистеме была включена аудиокнига, на столе лежали разобранные карманные часы. Она посмотрела на крошечные пружинки и шестеренки, которые он воткнул в кусок пробки, на инструменты, которыми пользовался для ремонта. Энджи всегда шокировало то, что Уилл мог за десять секунд сообразить, как работает часовой механизм, но при этом у него уходило полчаса, чтобы прочесть страницу.

Уилл опустил собаку на пол, и она тут же убежала в кухню.

— Что случилось? — повторил он, убавляя звук проигрывателя.

— Тебе необходимо поговорить с сутенером Алиши.

— С Бэби Джи? — спросил Уилл. — Он мертв.

— Что?

— Умер сегодня после обеда, — сказал Уилл. — Его кузенам надоело, что он их гоняет.

— Так, помедленнее, — сказала Энджи, хотя как раз у нее бешено колотилось сердце. — Расскажи, что там случилось.

Он подозрительно прищурился, но все же сказал:

— В тот день, когда мы с Майклом разговаривали с Бэби Джи, на капоте его BMW сидели два подростка. Джи сказал, что это его кузены.

Энджи присела на диван.

— Так.

— Он еще прогнал их с помощью биты. Полагаю, им это не понравилось. Они подстерегли Бэби Джи и трижды в него выстрелили.

— Сядь, — сказала Энджи. Она ненавидела, когда Уилл возвышался над ней. — Ты уверен, что все было именно так? Что его застрелили кузены?

— Насколько вообще можно быть в чем-то уверенным, когда имеешь дело с такими головорезами. — Уилл уселся рядом с ней. — Сегодня утром я разговаривал с офицером, который их арестовывал. Вероятно, судить этих ребят будут как взрослых. Один из них уже начал перекладывать все на другого. На него в полиции есть дело — арест за наркотики, нападение. Это его третье задержание. И он пытается выгородить себя, чтобы не сесть пожизненно.

— Ты уверен, что они не имеют отношения к нашему делу?

— Никто из них даже не был знаком с Алишей.

Энджи кивнула, давая понять, что слушает его. Она была слишком шокирована, чтобы говорить самой. Что бы Бэби Джи ни знал о Майкле Ормевуде, это уйдет вместе с ним в могилу.

— Хреново выглядишь, — сказал Уилл.

— Спасибо.

— Нет, я серьезно, — сказал он. — Что с тобой происходит?

— Просто был очень тяжелый день, — сказала она, вдруг почувствовав, как в голове все начинает выстраиваться. — Я должна ехать в больницу.

Он взял ее за руку.

— Ты плохо себя чувствуешь?

— Это не из-за меня. — Она соврала, потому что это было проще, чем иметь дело с его злостью, если бы он узнал, что сегодня утром она ездил в Пьемонт, чтобы нагнать страху на жену Ормевуда. — Я отвозила туда одну из наших девочек. Ничего страшного. Женские дела.

Уилл кивнул, и она поняла, что давить он не станет.

Боже, какая путаница в голове! У нее было что ему рассказать, но она не знала, с чего начать. Что она могла ему сообщить? Что в ночь после вечеринки Кена Майкл обошелся с ней грубо? Что Майкл относится к людям, с которыми потом нельзя передумать? Что, один раз начав с ним, уже нет возможности остановиться?

Энджи до сих пор помнила, как было больно на следующий день, помнила синяки на бедрах и ощущение, что внутри что-то порвано. Блин, она, конечно, была пьяна до беспамятства, но следы на теле достаточно красноречиво говорили сами за себя.

— Ты в порядке?

Уилл заправил прядь ее волос за ухо. Такой нежный жест — это было что-то новое. Он никогда раньше так не прикасался к ней. А может, она ему этого просто не позволяла.

— Там было очень тяжело, — сказала она, не уточняя, где это «там». — Я все время думала о маме.

Уилл погладил ее по волосам, и Энджи захотелось закрыть глаза и положить голову ему на плечо. Она пару раз брала его с собой, когда навещала мать. Для нее было бы легче ездить на ее могилу, чем видеть лежащую на больничной койке Деидре и думать, что, может быть, она безмолвно кричит, взывая о помощи. Почему Энджи так любила эту женщину, которую должна была бы ненавидеть больше всех на свете?

— Иди сюда, — сказал Уилл, притягивая ее к себе и обнимая. Он откинулся на спинку дивана. — Просто немного посиди вот так.

Энджи хотелось плакать, но она не могла позволить себе сломаться перед Уиллом. Она уткнулась лицом в его плечо, пахнувшее стиральным порошком, которым он пользовался, и соевым соусом, которым он капнул на галстук. Если бы она могла остаться вот так, могла разрешить ему просто обнимать себя, тогда, возможно, все стало бы лучше. Может быть, они смогли бы уберечь друг друга.

Она повернулась к Уиллу и поцеловала его в шею. Он сглотнул, а она поцеловала его в адамово яблоко.

— Мы не должны...

Она обхватила его руками и прижалась губами к его губам. Уилл вел себя сдержанно, но она продолжала дразнить его, добираясь до прятанной в нем страсти, пока он наконец не начал целовать ее по-настоящему и, нежно приподняв, не уложил на диван. Опершись на левый локоть, он гладил ее лицо и целовал в шею.

Манжета на его рубашки завернулась, и она увидела жуткий розовый шрам на запястье. В ту ночь она сама отвезла Уилла в больницу и оставалась у его постели, дожидаясь, пока он очнется и поймет, что все обошлось и он по-прежнему жив.

Очень нежно она прикоснулась к его запястью и провела пальцем по следу от лезвия бритвы.

Уилл отшатнулся.

— Прости, — извинилась она.

Он попытался сесть, но она схватила его обеими руками и потянула назад.

— Я же извинилась.

— Энджи...

Он попробовал отодвинуться, но она не отпустила. Уилл сопротивлялся, но он никогда бы не применил против нее силу. Ей удалось одолеть его и крепко прижаться к его рту губами. Она выгнулась под Уиллом дугой, и он в конце концов уступил. Энджи целовала его глубже и откровеннее, чем обычно, и, к ее удивлению, он отвечал тем же.

Она чувствовала, что дыхание ее учащается, а сознание затуманивается. Тяжести лежавшего на ней тела было достаточно, чтобы вызвать слезы на глазах, и она просунула руку под пояс его брюк, желая сделать это побыстрее, пока не потеряла контроль над собой.

— Боже... — бормотала она, расстегивая его жилет, вытаскивая рубашку из брюк, а потом еще майку.

Он поднял ее рубашку и губами нашел обнаженную грудь. Одной рукой откровенно лаская Уилла, Энджи второй стянула трусики и направила его в себя, прежде чем он успел ее остановить.

Она резко подалась навстречу ему, прижимаясь все сильнее и сильнее.

— Нет... — прошептал Уиллу, умоляя ее не спешить.

Глаза его были закрыты, тело била дрожь. Она лизала его ухо, кусала за мочку, словом, делала все, что могла, чтобы он расслабился. И, сдавшись, он громко застонал, содрогаясь в оргазме.

— О боже! — выдохнул он. — Энджи...

Она позволила ему еще немного поцеловать себя, но когда его губы двинулись вниз, сказала:

— Нет. Мне нужно идти.

Тяжело дыша и обливаясь потом, он целовал ее грудь.

— Дай мне попробовать тебя на вкус.

Глухие рычащие нотки в голосе Уилла заставляли Энджи трепетать. Его рот нежно, едва касаясь, ласкал ее живот, и она закусилла нижнюю губу, стараясь не думать о том, каким приятным будет его прикосновение еще ниже.

— Нет, — сумела выдать она из себя. — Мне нужно идти.

— Останься со мной.

Из-за этой умоляющей интонации ей почему-то стало проще уйти от него.

— Мне завтра на работу.

— Мне тоже.

Она оттолкнула его, на этот раз тверже.

— Уилл!

Он скатился с нее и, откинувшись на спину, снова застонал, но теперь уже не от удовольствия.

Энджи встала и начала одеваться.

Он удержал ее за ногу.

— Почему ты это делаешь?

Она отступила, чтобы он не мог достать ее, и взяла сумочку со стола возле двери.

— А почему ты мне это позволяешь?

Глава 31

9 февраля 2006 года, 9:58 утра

Марта Лэм, по-видимому, сделала даже не один звонок, а несколько. Джон получил назад аванс, внесенный за жилье в ночлежке, да и комната у мистера Эплбаума стоила почти на тридцать долларов дешевле. Учитывая пятьдесят баксов, полученных за чистку резервуара пылесоса, этих денег могло хватить на питание на целый месяц.

— Проклятье, — заявил Рей-Рей, глядя на женщину, которая только что заехала к ним на «Тойоте Кэмри», полной визжащей детворы, — если она ничего не может поделаться со своей уродливостью, то сидела бы лучше дома!

Джон искоса взглянул на него.

— Когда это ты научился говорить законченными фразами?

— Я твой друг гораздо больше, чем тебе кажется, — ответил Рей-Рей.

Он оставил Джона в сушилке и пошел вытирать одну из машин. Отношения между ними переросли в некое подобие дружбы, после того как Джон отвел его в больницу. Джон не знал, что именно привело к такого рода трансформации, но возражать не стал. Сейчас он уже был связан с достаточным количеством людей. И то, что хотя бы проблема с Реем-Реем свалилась с плеч, его очень устраивало.

Для самого Джона этот поход в больницу тоже оказался удачным. При воспоминании о встрече с Робин в комнате ожидания у него до сих пор сердце замирало. Она была в своей вызывающей рабочей одежде, но он видел только ее нежную кожу и пухлые губы. Ему нравилась ее манера стоять, опершись на одну ногу и выставив бедро. Каково было бы провести рукой по этому бедру и прижать ее к себе? Эти мысли заставляли его просыпаться по ночам.

Но не из-за Робин Джон пришел сегодня на работу рано, даже раньше Арта. Переезд был для него делом несложным. Джон засунул свою одежду в ящик для продуктов, используя его как чемодан, и отправился за шесть кварталов в дом мистера Эплбаума. Устроившись на новом месте, он вернулся на Эшби-стрит и забрал нож, который раньше закопал под деревом для сохранности. Всю дорогу он потел от страха, что его могут поймать с оружием. На мойке он бросил его в контейнер пылесоса и сидел под магнолией, пока Арт, запирая дверцу своего «кадиллака», не спросил его:

— Что с тобой, Шелли? Набиваешься на повышение?

Джон старался рассуждать логически, думая, что делать дальше, но, сколько он ни пытался сосредоточиться, единственным, что он чувствовал, была жгучая злость. Майкл спрятал нож под его матрасом в ночлежке, как много лет назад подбросил кухонный нож, так называемое «орудие убийства», в шкаф у Джона дома. Какого черта этот парень имеет против него? Что Джон сделал такого, чтобы навлечь на свою голову все это? Причем не только на свою, но и всей семьи.

Оно дело было подставить Джона много лет назад, но снова взяться за свое, использовать его личные данные, пока он сидит в тюрьме... Это превращалось уже в какую-то нездоровую, навязчивую идею. Майкл ненавидел его. Так вцепиться в человека мог только тот, кто по-настоящему ненавидит! И эта сволочь, воспользовавшись своим положением в полиции, добралась уже до мисс Лэм, пытаясь заставить ее снова бросить Джона в «Коустел» к насильникам и педофилам. Но Майклу было недостаточно упрятать его за решетку. Он хотел, чтобы Джон страдал.

За долгие годы Джон смирился с потерей свободы, позволив себе поверить, что относится к людям, подобным Бену Карверу. Он был плохим ребенком, плохим сыном. Ричард Шелли мог подтвердить это. Но даже без этих свидетельств, по суду собственной совести Джон не считал себя полностью невиновным в смерти Мэри Элис. Он пригласил ее на ту вечеринку. Он был под кайфом. Он дал ей алкоголь. Он пошел к ней домой и проник в ее спальню. Он нюхал «спидбол», который полностью его вырубил. Он позволил всему этому произойти.

При мысли о том, что это Майкл, его кузен Вуди, жестоко убил Мэри Элис, у Джона от злости начинала кружиться голова. О себе он

не думал, но из-за девушки был вне себя от ярости. Майкл не просто изнасиловал ее, не просто убил — он растерзал Мэри Элис, словно бешеный зверь.

Фотографии с места преступления, которые демонстрировались в зале суда, были шокирующими, но Джон сам был там, видел тело своими глазами. Следы укусов на ее маленькой груди. Темные кровоподтеки и глубокие рваные раны на бедрах. Он видел ее широко распахнутые глаза, словно Мэри Элис ждала, что вот-вот войдет мама, чтобы позвать ее в церковь. Рот ее был заполнен кровью, а окровавленные волосы прилипли к подушке.

Мерзкий ублюдок! Проклятый, свихнувшийся ублюдок!

На Мэри Элис ничего не закончилось. Майкл по-прежнему действовал, по-прежнему делал все, что только взбредет в его больную голову. И он был копом. Копом! Он мог схватить Джона в любой момент. Возможно, он прямо сейчас следит за ним, обдумывая способ, как засадить Джона в тюрьму за собственные безумные преступления. При воспоминании о прошлом вечере, о том, как кончики его пальцев коснулись складного ножа, о том, как он едва не был пойман с оружием, Джона бросало в пот. Майкл мог сделать все, что угодно. Он мог прямо сейчас арестовать Джона, и тот ничего не мог с этим поделаться.

Наверно, Джон заслуживал этого. Возможно, после всего, что он сделал с соседкой Майкла, он заслуживал того, чтобы его снова бросили за решетку, к другим сумасшедшим ублюдкам. Он изуродовал ребенка. Он своими руками осквернил тело девочки. Ему самому казалось неправильным, что после случившегося он может выйти сухим из воды.

Но по тому, как все складывается, ему это, похоже, и не светит.

Сушка выключилась, и Джон начал складывать полотенца в бак на колесиках, который можно во время работы возить вокруг машины. Ему нужно еще раз поговорить с Беном. Джон очень долго находился в тюрьме, но думал он как заключенный, а не как преступник. Ему был необходим кто-то, кто сказал бы, что делать.

— Вы Джон?

Перед ним стояла стройная женщина ростом примерно метр семьдесят или метр семьдесят пять. Черные волосы подстрижены «под

эльфа», одета в узкую короткую куртку и плотно облегающие синие джинсы.

— Чем могу помочь? — спросил он, пытаясь разглядеть под курткой выпирающий пистолет.

Она не показалась ему похожей на копа, да и куртка была слишком дорогая, но Джон никогда не славился умением распознавать плохих ребят.

— Вы Джон Шелли? — спросила она.

Он оглянулся. Рей-Рей сосредоточенно сосал леденец на палочке, но Джон по глазам видел, что он внимательно следит за этой сценой.

— Разве мы знакомы? — спросил Джон.

— Вы переехали, — сказала она. — Я думала, что вы живете на Эшби-стрит.

Джон постарался улыбнуться, хотя больше всего ему сейчас хотелось бросить все эти полотенца и убежать.

— А что случилось?

Она уперлась руками в бока, напомнив ему мисс Лэм. Не удержавшись, Джон взглянул на металлическую крышку пылесоса.

— Меня зовут Кати Кинан, — сказала она. — Я подруга вашей сестры.

Полотенца выпали из его рук.

— Джойс...

— С ней все в порядке, — успокоила она его. — Я прошу вас поговорить с ней.

— Я...

Он взглянул на стопку полотенец и снова перевел глаза на женщину. Он не знал, кто она такая и зачем здесь, но она просто ненормальная, если считает, что он может заставить Джойс сделать что-то, чего она делать не хочет.

Он присел, чтобы собрать полотенца.

— Она не хочет со мной разговаривать.

— Я знаю об этом, — сказала Кати. — Но ей это необходимо.

— Кто вы такая?

— Я уже сказала. Я ее подруга.

— Вы плохо знаете Джойс, если думает, что это сработает.

— Джон, я сплю с ней в одной постели последние двенадцать лет.

И думаю, что знаю ее лучше, чем кто-либо другой на всем белом свете.

Итак, Джойс — лесбиянка. Интересно, что об этом думает отец? Один его ребенок осужден за изнасилование и убийство, другой — со странностями по полной программе. Представив себе масштабы разочарования Ричарда, Джон не смог сдержать улыбку.

— Вас волнует, что ваша сестра лесбиянка? — спросила Кати.

— Не думаю, что я имею какое-то право голоса, — признался Джон.

Господи, отец, наверное, был вне себя, когда узнал! Как же — его идеальная Джойс играет за команду противника.

Кати ездил за рулем черного «порше». Такие автомобили Джон видел только стоя на четвереньках, когда выгребал мусор с ковриков. Она повезла его прямо по Пьемонт-роуд, затем свернула направо на Сидни Маркус и припарковалась перед небольшим зданием чуть выше федеральной автострады. На вывеске причудливыми золотыми буквами было написано «Кинер, Роуз и Шелли». На стоянке, зарезервированной для Джойс Шелли, стоял графитово-серый BMW.

Оказывается, Джойс работает меньше чем в двух милях от «Гориллы». И, возможно, каждый день по дороге сюда проезжает мимо него.

— Она сейчас завершает сделку, — сказала Кати. — Это не займет много времени.

Когда Джон выбирался из очень низкого автомобиля, колени его громко хрустнули, в очередной раз напоминая, что ему уже почти сорок. А он почему-то чувствовал себя пятнадцатилетним, как будто тюрьма случилась в жизни какого-то другого Джона, словно его сознание находилось за решеткой, в то время как тело пребывало снаружи и не старело, ожидая, пока хозяин выйдет.

— Мы подождем в ее кабинете, — предложила Кати, проводя его в здание.

Секретарь на входе проводила Джона глазами, когда он проходил мимо стойки, и он подумал, что она явно не привыкла к тому, чтобы по этим девственно чистым коридорам ходил народ вроде него, кроме разве что швейцара.

— Нам сюда. — Кати взяла какие-то бумаги из ячейки открытой полки с ее именем и на ходу принялась просматривать их.

Кабинет у Джойс был очень хороший, именно такой, каким представил его Джон, когда думал о сестре и о том, как она живет без

него. На полу лежал персидский ковер в синих и бордовых тонах, сквозь занавески из тонкого полотна проникали солнечные лучи. Стены были шоколадно-бежевого оттенка. Все цвета были мужскими, но чувствовалось что-то очень женское в том, как Джойс использовала их. А может, оформлением кабинета занимался специальный дизайнер, какая-нибудь дорогая штучка, которой платят как раз за то, чтобы она тратила деньги богатых людей. Там было несколько картин в восточном стиле, которые Джону не понравились, но зато от фотографий на низком длинном шкафу под окнами у него защемило сердце.

Совсем юные Джойс и Джон сплавляются на бревне в парке аттракционов «Сикс Флэгс». Маленький Джон сидит на коленях у Ричарда, который держит бутылочку с молоком. Десятилетняя Джойс на пляже в отдельном купальнике, в каждой руке фруктовое мороженое на палочке. Там были и более поздние снимки. Кати и Джойс в зоопарке. Кати на лошади на фоне гор. Два лабрадора катаются в траве.

Глаза его задержались на фотографии матери. На голове у Эмили повязан платок, глаза глубоко запали, щеки втянулись. Но она улыбается. У мамы всегда была очень красивая улыбка. Долгими бессонными ночами Джон думал об этой улыбке, о том, как легко она дарила ее, о доброте, которая таилась в ней. При виде матери на глаза у него навернулись слезы, и он почувствовал острую боль, в очередной раз осознав, что больше никогда не увидит ее.

— Эмили была прекрасным человеком, — сказала Кати.

Джон заставил себя поставить фотографию на место и вытер слезы.

— Вы знали ее?

— Да, — ответила Кати. — Они с Джойс были очень близки. Когда она заболела, это было ударом для всех нас.

— Я не... — Джон не знал, как это сказать. — Я не помню, чтобы видел вас на похоронах.

— Я была там, — заверила она, и в ее глазах он заметил напряжение. — Ваш отец не слишком хорошо воспринимал наши отношения с Джойс.

— Конечно, — сказал Джон. — И не должен был.

Ричард был твердо убежден, что знает разницу между правильным и неправильным, хорошим и плохим. Тех, кто переступал эту черту, он легко отсекал от своей жизни, словно раковые опухоли, которые удалял в операционной своей клиники.

— Мне очень жаль, что так вышло, — счел необходимым заметить Джон. — Он всегда любил Джойс.

Кати внимательно посмотрела на него.

— Вы пытаетесь защитить отца?

— Мне кажется, если я попытаюсь понять его точку зрения, разобраться, почему он думает именно так, это мне поможет.

Кати прошла через комнату и открыла дверь. Джон думал, что она ведет в туалет, но это оказалась гардеробная или кладовка, вдоль стен которой стояли три шкафа с картотекой. Наверху каждого аккуратными стопками лежали блокноты, штук пятьдесят.

— Это копии документов предварительного слушания вашего дела в суде, до отказа в изменении места слушания, до последней апелляции. — Она указала на несколько выдвигаемых ящиков. — Здесь все ваши медицинские освидетельствования. — Она положила руку на верхний ящик ближайшего к Джону шкафа. — Ваша первая передозировка в неотложке, ваше признание, когда они арестовали вас, и... — Она остановилась, но взгляд не отвела. — Информация из лазарета «Коустел».

Джон судорожно сглотнул. Зебра. Они знали про Зебру.

— Здесь доклады совета по досрочному освобождению, — продолжала Кати, открыв ящик, в котором лежало шесть или семь толстых папок. — Джойс получила копию последнего из них приблизительно месяц назад.

— Но зачем? — спросил Джон, думая об этих томах документов, которые хранила Джойс. — Зачем ей все это нужно?

— Они принадлежали вашей матери, — сказала Кати. — Эти блокноты... — Она наугад взяла один. — Это ее записи. Она знала ваше дело вдоль и поперек.

Джон открыл блокнот и начал читать. Во времена, когда Эмили училась, каллиграфия имела большое значение. Почерк у нее был великолепный, строчки струились по странице, словно вязь из цветов.

Смысл слов, впрочем, таким красивым не был.

«Спидбол = героин + кокаин +??? Почему брадикардия? Почему асфиксия?» Джон перевернул страницу. «Следы укусов соответствуют отпечаткам зубов?» И еще: «Сперма не обнаружена. Где презерватив???»

— В самом конце, — сказала Кати, — она пыталась получить в округе физические улики.

— Зачем?

— Она хотела провести анализ ДНК на ноже, чтобы доказать, что это ее кровь, но образец был таким маленьким, что они смогли сделать только митохондриальный анализ. — Когда он непонимающе покачал головой, она объяснила: — Митохондриальная ДНК передается от матери, так что нельзя было исключать, что эта кровь также могла принадлежать и вам. Или Джойс, так что это все равно не помогло бы делу.

— «Следы укусов»? — прочитал он.

— Она думала, что они смогут доказать, что ваши зубы не соответствуют следам этих укусов, но был один прецедент, одно дело, рассматривавшееся в Верховном суде, где доказательство в виде несовпадения следов укусов было признано неприемлемым. — Она помолчала, а потом добавила: — Но она думала, что это может помочь в смысле... отсечения.

— Что?

— Стоматолог штата в суд не вызывался. Примерно за три года до смерти Эмили подала ходатайство о предоставлении ей всех доказательств по вашему делу, всех папок. Она была намерена просмотреть их еще раз, проверить, ничего ли не пропустила. Она нашла один рапорт, где эксперт штата по стоматологии высказывал предположение, что язык... что он был откушен, а не отрезан.

— Откушен? — эхом отозвался Джон. В памяти возникла Синтия Барретт, ее неприятно скользкий язык, когда он держал его большим и указательным пальцем. Отрезать его было довольно сложно, но откусить?.. Каким нужно быть чудовищем, чтобы откусить девушке язык?

— Джон?

Он откашлялся и заставил себя заговорить.

— Нож был их главной уликой. У них был эксперт, который заявил, что именно он был использован, чтобы отрезать ей язык. И это

доказывало преднамеренность.

— Правильно. Эмили собиралась подать иск на недобросовестность суда. Они утверждали, что вручили заключение доктора об откушенном языке Лидии, но Эмили не могла найти его следов. Оно могло бы стать основанием для апелляции.

Он пролистал блокнот, обращая внимание на даты.

— Мама работала над этим, когда была уже больна.

— Она не могла остановиться, — сказал Кати. — Она хотела вытащить вас оттуда.

Джон никак не мог прийти в себя при вида ее записей. Сотни страниц, заполненных жуткими подробностями, о которых его матери не следовало бы даже слышать. Во второй раз за день он расплакался на глазах у любовницы сестры.

— Но зачем? — спросил он. — Зачем она это делала? Сроки всех апелляций давно прошли.

— Все еще оставался один призрачный шанс, — ответила Кати. — И она не хотела его упустить.

— Она была тяжело больна, — сказал он, захлопывая блокнот, успев заметить, что последняя запись в нем сделана за неделю до того, как мама последний раз попала в больницу. — Ей не следовало этого делать. Ей нужно было сконцентрироваться на том, чтобы набираться сил, чтобы лечиться.

— Эмили знала, что лучше ей уже не будет, — ответила Кати. — Последние дни своей жизни она провела, занимаясь тем, что ей хотелось делать.

Джон уже рыдал по-настоящему — крупные слезы ручьем катились по его щекам, когда он представлял, как мама каждый вечер изучала всю эту информацию, пытаясь найти что-то, хоть что-нибудь, что могло бы вытащить его оттуда.

— Она мне ничего не говорила. Не рассказывала, что занимается этим.

— Она не хотела заронить в тебя напрасную надежду, — сказала Джойс.

Джон обернулся, подумав, что неизвестно, сколько времени сестра уже стоит у него за спиной.

Джойс не выглядела раздраженной, когда спросила:

— Кати, что ты делаешь?

— Вмешиваюсь не в свое дело, — с улыбкой ответила та. Так улыбаются, когда делают что-то не так, но знают, что будут прощены. — Оставлю вас вдвоем. — Проходя мимо Джойс, она сжала ее руку и закрыла за собой дверь.

Джон все еще держал в руке блокнот — труд всей жизни Эмили.

— У тебя славный кабинет, — сказал он. — И Кати...

— Ну конечно, — ответила Джойс, криво улыбнувшись. — Настоящая лесбиянка в клане Шелли.

— Бьюсь об заклад, отец был в восторге.

Она прыснула от смеха.

— Точно. Причем настолько, что даже переписал завещание.

Джон промолчал. Он понятия не имел, что тут можно сказать.

— Мама взяла с меня слово, что я не выброшу это, — сказала Джойс, махнув рукой в сторону кладовки. — А я хотела. Я хотела вышвырнуть все это во двор и сжечь. И почти уже решилась. — Она грустно усмехнулась, как будто до сих пор удивлялась, что не сделала этого. — Я должна была. Должна была, по крайней мере, спрятать это куда-то или закопать. — Она тяжело вздохнула. — Но ничего не сделала.

— Почему?

— Из-за нее. Все эти папки, все эти глупые записи... Ты знаешь, что она никуда не выходила без такого блокнота? Конечно, не знаешь, — с горькой усмешкой добавила Джойс. — Она не брала их с собой, когда навещала тебя, но работала над ними всю дорогу туда и всю дорогу обратно. Иногда она звонила мне среди ночи и просила заглянуть в какой-нибудь невразумительный закон, который разыскала, посмотреть что-то такое, что, как она думала, могло привести к новому судебному процессу. — Джойс посмотрела на шкафы картотеки, на стопки блокнотов. — Это словно маленькие кусочки ее сердца, ее души, и если я выброшу их, то с ними выброшу и ее саму.

Джон погладил рукой обложку блокнота. Мама отдала ему свою жизнь, посвятив каждое ее мгновение тому, чтобы вытащить его из «Коустел».

И все из-за Майкла Ормевуда!

Убив Мэри Элис, Майкл убил этим и Эмили. И он же проник в душу Джойс, выдавил из нее жизнь. Господи, как же Джон хотел уничтожить его! Ему хотелось избить Майкла до полусмерти, а потом

схватить за горло и смотреть ему в глаза в то мгновение, когда он поймет, что сейчас умрет. Но он ослабил бы руки, потом снова довел его до края и опять отпустил, чтобы только увидеть этот страх, абсолютный, всепоглощающий ужас, когда Майкл осознает свою полную беспомощность. А потом Джон просто бросит его, оставит умирать в одиночестве...

— Джон! — окликнула Джойс.

Интуиция у нее была развита хорошо, и она всегда чувствовала, когда брата что-то беспокоило.

Он снова открыл блокнот и пробежал глазами мамины записи.

— Что это? — спросил он. — Брадикардия. Что это означает?

Джойс подошла к шкафу и выдвинула один из ящичков с папками.

— Когда они арестовали тебя, — сказала она, — ты был слишком слаб, чтобы самостоятельно стоять на ногах.

— Да.

Он тогда был в ужасе!

— Они отвезли тебя в больницу. Мама продолжала настаивать на том, что с тобой что-то не так. — Джойс принялась перебирать папки. — Она заставила их сделать электрокимограмму, электроэнцефалограмму, анализ крови, магнитно-резонансную томографию.

Джон что-то смутно припоминал.

— Зачем?

— Потому что она знала, что что-то не так. — Джойс наконец нашла то, что искала. — Вот.

Он взял медицинскую справку и стал внимательно вчитываться в нее. Джойс терпеливо ждала. Цифры в результатах анализов ничего ему не говорили, но Джон работал в тюремном лазарете и знал, куда нужно смотреть. В графе под названием «выводы» он прочел вслух:

— «Частота пульса в спокойном состоянии менее шестидесяти, атактическое дыхание и общее физическое состояние указывают на наркотическую интоксикацию». — Он вопросительно взглянул на Джойс. — Я принимал наркотики, Джойс. И никогда не отрицал этого.

— Нет. — Она отрицательно покачала головой. — Читай дальше.

На этот раз Джон читал про себя. Доктор отмечал, что симптомы Джона не соответствовали передозировке кокаина и героина. Он предполагал, что сюда был включен еще какой-то наркотик.

Дальнейший анализ крови его не выявил, но было рекомендовано исследовать порошкообразное вещество, найденное на месте преступления.

Порошкообразное вещество... Майкл дал ему пакетик. Джон никогда до этого не пробовал героин. Он думал, что старина Вуди делает ему одолжение, а на самом деле тот пытался отправить его в отключку. И не просто в отключку. Наверное, в том пакетике было еще что-то помимо героина и кокаина. Из разговоров в тюрьме Джон знал, что в лаборатории могут найти только то, что конкретно ищут. А Майкл мог зарядить спин-бол чем-то более сильным, что точно завершит дело на случай, если гремучая смесь не сработает.

— Что? — спросила Джойс.

Видимо, удивление Джона отразилось на его лице. Он сфокусировал все внимание на Мэри Элис, но, возможно, Майкл хотел убить и его тоже? Может, он собирался упростить то, что решил сделать с Мэри Элис, а потом свалить всю вину на мертвого Джона?

Через два дня после того, как было обнаружено тело Мэри Элис, к нему пришли Майкл и его мать. Джон лежал у себя в комнате, чувствуя себя ужасно и прячась за рассказанную матери историю о том, что сильно простудился, хотя на самом деле просто задыхался, когда думал о мертвой Мэри Элис, лежащей рядом с ним.

Майкл был таким же, как всегда, — по крайней мере, насколько помнил Джон. Кузен остался с ним один в комнате и о чем-то говорил, но Джон уже не мог вспомнить, о чем именно. Какие-то глупости, он был уверен в этом. Потом Джон заснул. Может, тогда Майкл и подбросил нож ему в шкаф? Может, он и придумал этот план? Или его с самого начала составил кто-то другой, а потом послал Майкла наверх, велел ему сунуть нож в шкаф Джона, чтобы было нечто конкретное, что связало бы его со спальней Мэри Элис?

— Джонни? — сказала Джойс. Она не называла его так с детства. — Что с тобой?

Он закрыл папку.

— Ты помнишь тетю Лидию?

— Она была твоим адвокатом. — Она помолчала, потом добавила: — После того, что случилось с тобой, она оставила уголовные дела и стала специализироваться на корпоративном праве. Она говорила, что

потеряла на этом деле свое здоровье. Никак не могла простить себе, что оказалась не в состоянии тебе помочь.

— Не сомневаюсь.

Джойс, видимо, была обескуражена ненавистью, прозвучавшей в его голосе.

— Я серьезно, Джон. Она приходила к маме в больницу.

— Когда это было?

— Думаю, это было за день до того, как мама умерла. Ей уже ввели трубку в горло, чтобы она могла дышать. — Джойс помолчала, пытаясь взять себя в руки. — Ей было очень больно. Они давали ей морфин через капельницу. Я даже не уверена, понимала ли она, что мы с Кати в палате, не говоря уже о тете Лидии.

— Что ей сказала тетя Лидия?

— Понятия не имею. Мы оставили их наедине. Она выглядела очень плохо, — добавила Джойс. — Тетя Лидия, я имею в виду. Она несколько лет не видела маму и все время плакала. Я не думала, что они были так близки, но, может быть, в ходе судебного процесса... Не знаю. Я была тогда так расстроена, что вообще ни на кого не обращала внимания.

— Так ты ничего не слышала?

— Нет, — сказала Джойс. — Ну, только в самом конце. Думаю, я вошла слишком рано. Тетя Лидия держала маму за руку. Мы сказали ей, что доктор предупредил нас, что маме осталось недолго, максимум еще день. — Джойс снова замолчала, видимо, восстанавливая в памяти эту сцену. — Мамины глаза были закрыты. Не думаю, что она знала о присутствии тети Лидии. — Она опустила голову. — Тетя Лидия рыдала. По-настоящему рыдала, Джон, как будто у нее сердце разбито! Она вся тряслась и без остановки повторяла: «Прости меня, Эмили. Прости меня». Она не могла себя простить. Все переживала, что проиграла твое дело.

Правильно, подумал Джон. Зато теперь, вероятно, тетя Лидия больше не переживает. После того как исповедовалась человеку, зная, что тот умрет и никому не сможет об этом рассказать.

— А как мама, после того как она ушла?

— Все так же, — ответила Джойс. — Она все время спала. Ей было тяжело открывать глаза.

— Она что-нибудь говорила?

— Она не могла, Джон. У нее была трубка в горле.

Джон кивнул. Теперь все становилось понятно. Первое, что сделала тетя Лидия в качестве адвоката Джона, это усадила его рядом с собой и заставила рассказать все о той ночи, все, что там случилось. Джон был напуган. Он рассказал ей абсолютную правду, а кодекс чести адвоката — да черт с ним, когда речь идет о наших детях! Он рассказал ей, что Майкл всучил ему пакетик, где, как думал Джон, был кокаин; рассказал, как проводил Мэри Элис домой, как залез через окно в ее спальню. Рассказал о поцелуе, о том, как взорвался его мозг, словно в голову угодила ракета. Он рассказал ей, как наутро проснулся в луже крови Мэри Элис.

Когда Джон закончил, в глазах тети Лидии стояли слезы. Она взяла его за руку, фактически схватила, причем так крепко, что ему стало больно.

— Не беспокойся, Джон, — сказала она тогда. — Я обо всем позабочусь.

Так она и сделала. Эта сволочь действительно обо всем позаботилась!

Джойс выжидательно смотрела на него. Он видел, что она устала, возможно, даже измождена. Косметика не могла скрыть черные круги под ее глазами. Ее плечи поникли, словно она потерпела поражение. И все же Джон не мог не отметить про себя, что сестра стоит здесь, в своем офисе и почти тридцать минут нормально говорит с ним, ни разу не наорав и не обвинив его в чем-нибудь.

— А они вообще проверяли тот наркотик? — спросил он. — Тот белый порошок?

— Конечно. Лидия посылала его в частную лабораторию. Мама неделю была как на иголках. Но ничего необычного в том анализе не обнаружили. Это был кокаин и героин.

Джон снова сжал зубы. Сжал до боли.

— Джонни, — сказала Джойс усталым голосом. Очень усталым. — Расскажи мне все.

Он закрыл мамин блокнот. Последний блокнот, в котором она делала записи по его делу, последнюю вещь, связывавшую ее с сыном, которую она держала в руках.

— Позови сюда Кати, — сказал Джон. — Думаю, ей тоже нужно это услышать.

Глава 32

9:22 вечера

Уилл сидел в своем кабинете, стараясь взять себя в руки. Он нанес визит Лютеру Моррисону, приходившемуся Жасмин Эллисон... Кем, интересно? Как назвать тридцатилетнего мужика, занимающегося сексом с четырнадцатилетней девочкой? Для себя Уилл решил, что это больной на всю голову проклятый ублюдок, и ему стоило громадных усилий сдержаться, чтобы не врезать этому животному по физиономии.

После этого «приятного» визита Уилл вернулся в «Сити-Холл-Ист» и столкнулся там с Амандой Вагнер. Она не рассказала ему ничего нового по этому делу, но и не стала упрекать за то, что сообщить ему было особо нечего. Аманда умела быть требовательной к подчиненным, но понимала, когда дело было по-настоящему трудным.

Единственное, что она ему сказала: чтобы он не заикливался на пропавшей девочке. Задачей Уилла было убийство Алиши Монро и связь этого преступления с другими случаями, а не беглянка по имени Жасмин Эллисон. Все, что у него было, — это рассказ десятилетнего мальчика и дурные предчувствия, и хотя Аманда уважала его интуицию, она не намерена была тратить время и ресурсы на основании только этого. Она обобщила все это со свойственным ей прагматизмом. Девочка уже убежала и раньше. Она встречается с мужчиной, который вдвое старше ее. Ее мать в тюрьме, отец вообще непонятно где, а бабушка не может встать с кресла без посторонней помощи.

Единственный вариант, когда все это может быть интересно, — если девочка *не сама убежала* из дому.

Копы из Де-Кальба не продвинулись в деле Синтии Барретт ни на сантиметр и не горели желанием поделиться своими наработками с Уиллом. Образец ДНК, взятый Питом из вагины жертвы, оказался слишком загрязненным для анализа. Результаты по токсикологии еще не поступили, но Уилл не ждал от них каких-то расчудесных открытий.

Что касается Алиши Монро, то криминалисты не сообщили о ее квартире чего-то сногшибательного, помимо того, что Уилл видел и сам: все это место было поразительно чистым. Он даже послал экспертов, чтобы они проверили пятно, которое он обнаружил у дверей Монро в тот вечер, когда ему сообщили о пропаже Жасмин. Однако образец был маленьким, и его оказалось достаточно только для того, чтобы сказать, что это человеческая кровь.

Все, что Уиллу оставалось делать, — это разбираться с кипой бумаг, оставленных на его столе Лео Доннелли. Уилл пересчитал страницы, чтобы отдавать себе отчет в том, что его ожидает. Примерно шестьдесят карточек по изнасилованиям, по две-три страницы в каждой, с описанием зловещих преступлений, совершенных недавно выпущенными сексуальными преступниками на территории города с пригородом.

Никогда он еще не испытывал такого чувства безысходности.

Уилл открыл розовую папку на своем столе и нашел там DVD-диск в черном конверте. Он вставил его в дисковод компьютера и кликнул на кнопку воспроизведения.

На мониторе появились две женщины и один мужчина, сидевшие за столом с девочкой-подростком. Первым заговорил мужчина, представившийся детективом Дейвом Сандерсом из полицейского управления Такера. Потом он назвал имена женщин и добавил: «Это показания Джулии Рани Купер. Дело номер шестнадцать-сорок-три-семь. Сегодня девятое декабря две тысячи пятого года».

Джулия Купер наклонилась к микрофону. Угол съемки был широким, и Уилл видел, как ноги девочки качаются над полом.

— Я пошла в кино... — начала девочка. Слова ее разобрать было трудно. Уилл знал, что в момент, когда производилась запись, отнятый язык только недавно был пришит. — На аллее был мужчина.

Уилл смотрел эти показания столько раз, что буквально мог пересказать весь рассказ вместе с девочкой. Он знал, когда она сделает

паузу, чтобы заплакать, опустив голову на стол, а когда так расстроится, что видеосъемку придется прекратить.

Похититель затащил ее на аллею. Джулия была слишком напугана, чтобы кричать. На нем была черная маска с дырками для рта и глаз. Когда он прижался к ней ртом, она почувствовала вкус крови, а потом он просунул язык ей в рот. Когда же она попыталась отвернуться, он ударил ее кулаком в лицо. «Поцелуй меня, — все время повторял он. — Поцелуй меня».

Зазвонил телефон, и от неожиданности Уилл подскочил на месте. Он поднял трубку и сказал:

— Уилл Трент.

На другом конце явно кто-то был, но молчал.

— Алло? — сказал Уилл, прикручивая громкость колонок компьютера.

— Да, приятель, — сказал Майкл Ормевуд. — Не думал застать вас здесь так поздно.

Уилл откинулся на спинку стула, размышляя, зачем Майкл звонит, если думает, что его здесь нет.

— Почему же вы не позвонили мне на сотовый?

— Никак не мог найти номер, — пояснил Майкл.

Уилл так и не понял, как это может быть. Он указывал номера своих телефонов, включая и домашний, на всех сообщениях, которые оставлял для Майкла, начиная с понедельника. Сначала Уилл просто хотел поговорить с ним о Жасмин; теперь он хотел знать, почему Майкл избегает его звонков.

— У вас все в порядке? — спросил Уилл.

— Да. Спасибо, что поинтересовались. — Уилл услышал, как щелкнула зажигалка. Майкл затянулся и сказал: — Пытался быть полезным на месте. Сделал кое-какие домашние дела, из-за которых давно скандалила Джина.

— Это хорошо. — Уилл умолк, зная, что Майкл сам заполнит паузу.

— Я поговорил с Барбарой, как вы меня просили, — сказал детектив. — С моей тещей. Она сказала, что не замечала, чтобы Синтия пропускала уроки. Может быть, она просто плохо себя чувствовала в тот день?

— Такое бывает, — допустил Уилл.

Он привык разговаривать с такими людьми, как Майкл, только допрашивая их, и сейчас старался не показывать ему свою ненависть. Именно это он и испытывал — ненависть. Человек бил жену. Насиловал проституток, насколько было известно Уиллу. И одному Господу Богу известно, что делал с Энджи.

— Как ваша семья? — спросил Уилл.

Майкл растерялся.

— Что?

— Вы накануне сказали, что беспокоитесь за их безопасность. Я просто спросил, все ли с ними в порядке.

— Да, — ответил Майкл. — Я отвез их к теще, как и говорил. — Он усмехнулся. — Знаете, она балует Тима. Когда он вернется домой, ему придется опять перестраиваться.

Уилл подумал о Мириам Монро, о разнице между тем, как она с любовью говорила о своих детях, и тем, как говорил о Тиме Майкл. Майкл просто говорил то, что, с его точки зрения, должен говорить хороший отец. Этот человек бил жену. Может, он поднимал руку и на своего умственно отсталого сына?

— Вы еще здесь, приятель? — спросил Майкл.

— Да.

— Парни из участка в Де-Кальбе не допускают меня к себе. — Он сделал паузу, видимо, рассчитывая, что Уилл что-то скажет. Когда тот промолчал, Майкл спросил: — Вы ничего от них не узнали?

Он забрасывал удочку насчет запретительного ордера. Уилл на это не клюнул.

— Они никогда не отличались тем, что выкладывают все свои карты на стол.

— Верно, верно, — согласился Майкл. Он выпустил струю дыма. — Фил на этом просто свихнулся. Я пытался выяснить, может, он что-то знает, но человек просто закрылся и все.

— Спасибо за вашу попытку. — Уилл решил рискнуть. — Детектив Поласки сказала мне, что помогала вам просматривать некоторые файлы времен вашей работы в полиции нравов.

Прежде чем ответить, Майкл молчал слишком долго.

— Все правильно, помогала. Классная штучка. Вы запали на нее?

— Вы нашли в этих файлах что-нибудь интересное?

Майкл снова сделал паузу, выпуская дым.

— Ничего. Я действительно несколько раз задерживал ее, как и говорила Поласки.

— Алишу?

— Да. Дважды, может быть, трижды. Я выписал даты. Хотите, чтобы я показал их? Она попадала под облавы, которые мы проводили, я уже говорил вам. По двадцать-тридцать девушек за один раз. Меня не удивляет, что я ее не запомнил.

— А как насчет Бэби Джи?

— По нему вообще ничего. Он в Хоумс человек новый. Я мог пересекаться с ним раньше, но в моих файлах об этом ничего не написано, а сам я не помню, хоть убей. Может, мы снова к нему съездим? Привезем его в управление и посмотрим, что ему известно?

Интересно, он знает о том, что сутенер мертв?

— Ладно, — продолжал Майкл. — Как вообще дела? Есть что-нибудь новое по Алише?

— Ничего существенного, — ответил Уилл. — Расскажите мне о Жасмин.

— Это одна из девушек?

— Это девочка, которая поцарапала вам лицо.

— А-а, эта. — Усмешка Майкла прозвучала натужно. — Да уж. Маленькая чертовка.

— Она что-нибудь вам сказала, прежде чем убежать по лестнице?

— Ничего такого, что я мог бы повторить при своей жене.

— Ваша жена сейчас с вами?

Он снова усмехнулся.

— А где ей еще быть?

Наступило долгое молчание. Меньше минуты назад Майкл сказал, что его семья сейчас у тещи. Почему он лжет?

— Так вот, — сказал Майкл. — Та девчонка... Как ее там? Она мне ничего не сказала. Вы думаете, она могла видеть что-то в ту ночь, когда убили Алишу?

— Не знаю.

Может, он запутался? И поэтому лжет?

— Если хотите ее допросить, я могу привезти ее в управление. Я не хочу указывать, как вам выполнять свою работу и все такое, но зачем вам нужно, чтобы какой-то черный непослушный ребенок

выдвигал против вас обвинения? Мне еще повезло, что я отделался просто ударом по физиономии.

— Я буду иметь это в виду. — Уилл подумал, знает ли Майкл о том, что Жасмин пропала. Если он соврал в одном, то без проблем может соврать и в другом. — Я вот все время думаю, Майкл: как странно, что Алиша намного старше остальных жертв.

— То есть?

— Она же взрослая женщина. Остальные девочки были подростками. И еще язык. У вашей соседки он был отрезан, а у остальных девочек — откушен.

— Да, — задумчиво сказал Майкл. — Надо будет над этим подумать, на самом деле странно.

Уилл смотрел, как на мониторе компьютера дает показания Джулия Купер. Сейчас она должна попросить детективов ненадолго выключить камеру, чтобы она могла собраться. Как совсем юная девушка смогла такое пережить? Как ей удастся ходить в школу, делать домашнее задание, как остальные сверстники, зная при этом, что все, что она вынесла, теперь навсегда останется в памяти?

— Может быть, — предположил Майкл, — в перерывах между преследованием этих девочек он ходил к шлюхам, чтобы спустить пар? — Он помолчал. — Помню, когда я служил в полиции нравов, девушки из-за своих разговоров с клиентами часто попадали в неприятности. Иногда они посреди дела вдруг начинали говорить о цене. Иногда они договаривались насчет определенных актов, позиций и всего такого, просто чтобы вынудить парня пойти к ним на квартиру, а там уже меняли правила, говорили, что они этого делать не станут или требовали больше денег.

Уилл такой вариант не рассматривал, но это было интересное направление. Впрочем, это никак не объясняло случай с Синтией Барретт.

— Вы уверены, что не довели кого-то до ручки? Может, вы достали кого-то настолько, что он устроил подобного рода подражание с Синтией, а потом подкинул тело вам на задний двор?

Майкл засмеялся.

— Вы что, серьезно?

— Ответьте.

— Это конченное безумие!

— Почему?

— Этому кому-то нужно было знать массу деталей этого дела, — заметил Майкл. — Мы не давали информацию о языке Монро в прессу. Об этом знали только копы. — Майкл прикрыл трубку ладонью, но Уилл слышал, как он сказал: — Да, детка, я сейчас. — А потом: — Послушайте, Джине нужна моя помощь с Тимом. Могу я перезвонить вам минут через десять?

— Не стоит, — сказал Уилл. — Я уже все спросил.

— Звоните, если что-то понадобится.

Уилл повесил трубку и, откинувшись на спинку стула, посмотрел в окно. На улице было темно, и уличные фонари отбрасывали какой-то неестественный свет на заброшенную сортировочную станцию неподалеку от их здания. Уилл уже привык к этому угнетающему пейзажу.

Компьютер загудел, как паровоз, и Уилл, выключив программу DVD, открыл ящик своей электронной почты. Казенный компьютер оказался довольно простеньким — словарь был крайне ограниченным, а проверка орфографии не знала половины слов, которые блюститители закона средней руки употребляют ежедневно. Но Уилл знал, что даже если бы попросил, ему бы все равно не дали поставить на жесткий диск какое-то другое программное обеспечение, поэтому приспособился к тому, что есть. Зато здесь, как и во многих компьютерах, имелась опция воспроизведения голоса.

Он прокрутил в списке прибывшей почты несколько сообщений со спамом, пока не нашел последнее письмо от Пита Хансона. Он выделил текст, щелкнул меню и выбрал кнопку «читать вслух». Неестественный голос прочел ему сообщение Пита. Получено токсикологическое заключение по Синтии Барретт. Ее последний прием пищи состоял из яиц и тоста. В системе имелся высокий уровень никотина. В крови обнаружены также следы алкоголя и кокаина.

Еще один тупик.

Уилл взял ксерокопию, которую сделал с письма Алиши к матери, и развернул ее на столе, разгладил края. Ее петляющий почерк был для него настоящим кошмаром, но Уилл уже успел запомнить письмо, так что теперь читать было легче, чем если бы это было что-то незнакомое. Он проходил строчку за строчкой, сверяя каждое

предложение со своей памятью. За исключением манеры Монро писать слова с большой буквы там, где заблагорассудится, Уилл не обнаружил для себя ничего нового.

Он снова сложил письмо и сунул его в карман. Потом посмотрел на карточки условного освобождения, которые отобрал для него Лео. В углу каждого формуляра была степлером прикреплена фотография, на которой заключенный смотрел в камеру, держа перед собой черную табличку со своими данными: имя, правонарушение, дата осуждения, дата досрочного освобождения.

Уилл неохотно открыл верхний ящик стола, нашел там устройство для разгибания скоб и снял фотографию с формуляра первого заключенного. Дверь его кабинета была закрыта, свет в коридоре выключен. И все же он говорил шепотом, когда произнес первое имя.

Даже через час работы было почти незаметно, чтобы пачка бумаг уменьшилась. В голове Уилла стучало, и он, не запивая, проглотил несколько таблеток аспирина, решив, что лучше умереть от отравления, чем от головной боли, которая пульсировала где-то позади глаз. Половину пачки взял Лео Доннелли и, наверное, закончил читать материалы меньше чем за час.

Уилл встал и надел пиджак, подумав, что занятие это, видимо, бесполезное. Если бы в базе данных был преступник с привычкой откусывать языки, Уилл вытащил бы его на свет, когда впервые прочел о деле Монро и задал в компьютере поиск по ключевым словам. Принесенные Лео дела осужденных были из разных районов, а иногда и из разных штатов, так что в описании преступлений не было единообразия. Некоторые из офицеров полиции указывали лишь немногим больше, чем просто вид правонарушения и возраст жертвы, другие углублялись в зловещие подробности, тщательно описывая преступные действия злоумышленника. Задача Уилла фактически напоминала поиск иголки в стогу сена — разве что на каком-нибудь фото будет стоять парень с отрезанным языком в руке.

И все же, направляясь к лифту, чтобы спуститься в гараж, он прихватил эти файлы с собой. Пока он ехал домой, папки лежали на пассажирском сиденье, и Уилл периодически ловил себя на том, что украдкой поглядывает на них, словно не понимая, что они там делают. Он припарковался на дорожке перед домом позади своего мотоцикла, и Бетти лаем приветствовала хозяина еще до того, как он поднялся на

крыльцо. Как только он открыл дверь, собака рванулась на улицу. Уилл схватил поводок, приготовившись выгуливать ее, но Бетти сделала все, что было нужно, прямо на лужайке и юркнула обратно в дом еще до того, как он спустился со ступенек. Обернувшись, он увидел ее растянувшейся на диванных подушках.

— И тебе добрый вечер, — сказал он, закрывая за собой дверь.

Но потом придержал ее и вернулся к машине, чтобы забрать файлы. Он швырнул их на письменный стол и взглянул на автоответчик. Сигнальная лампочка горела, не мигая, сообщений не было, но он все равно поднял трубку, чтобы убедиться, что телефон работает.

В трубке раздался нормальный гудок.

Ужин Уилла был таким же, как и завтрак, — он стоя съел миску хлопьев с молоком. Больше всего ему хотелось лечь на диване и подремать перед работающим телевизором. Но его удерживали эти файлы. Человек, умеющий читать, покончил бы с ними уже давно. Хороший коп просмотрел бы их за ленчем, понимая, что, похоже, напрасно теряет время, но в то же время помня, что работа полицейского заключается в том, чтобы отслеживать каждую ниточку, которая попадает ему в руки.

Уилл не мог бросить работу на полпути.

Он снял пиджак и повесил его на спинку кресла на колесиках. Это не должно занять слишком много времени, максимум часа три. Уилл не собирался бросать это занятие только потому, что ему тяжело, и уж точно не хотел идти завтра на работу, зная, что оставил что-то недоделанным. Ему нужно было заняться папками. Были определенные вещи, которые он не мог делать на работе, не выдав себя.

Он прихватил с собой разгибатель скобок и теперь положил его на стол рядом со стопкой дел, вынул из ящика стола две линейки и развернул настольную лампу так, чтобы она отбрасывала на стол немного света.

— Хорош красавчик! — пробормотал Уилл, глядя на фотографию, прикрепленную к делу. У парня на весь рот осталось примерно три зуба, а волосы были такими редкими и засаленными, какие можно отыскать только у обитателей самой захудалой трейлерной стоянки для бедных.

Он снял фотографию и отложил в сторону. Потом положил на верхнюю часть страницы две линейки и отделил первую строчку текста. Кончиками указательных пальцев он выделял отдельные слова, чтобы можно было изучать их одно за другим. Такое выделение слов пальцами удерживало его глаза от перескакивания туда, куда не следовало. Как ни странно, длинные слова давались ему легче. Слова вроде «никогда» могли превратиться у него, например, в «вода» или «беда», и тогда предложение теряло абсолютно всякий смысл к моменту, когда он доходил до его конца.

Он выделил три слова вверху страницы и прочел имя вслух, чтобы лучше его усвоить.

— Картер, Исая Генри.

Все равно ему было непросто. Сначала у него получилось «Карта», потом почему-то «Ворон». Исая было уже полегче. А Генри — это вообще другое дело.

Господи, до чего же он глуп!

Уилл взглянул на темный монитор и несколько раз моргнул, чтобы сфокусировать взгляд. Он включил компьютер, просто чтобы выиграть немного времени, пока внутренний голос будет отпускать в его адрес свои обычные язвительные замечания вроде того, что он умственно отсталый, что у него с мозгами что-то не так, просто никто до сих пор не удосужился с этим разобраться. Видит Бог, его столько раз били по голове, что вполне могли там что-то и отбить. Но ни одна из возможных причин его проблемы не имела значения и не могла изменить того факта, что некоторые третьеклассники читали лучше, чем Уилл. А он еще рассуждает о тупицах, которые сидят на задних партах!

Компьютер загрузился, и вентилятор в нем начал раскручиваться, как пропеллер у самолета. Уилл открыл программу электронной почты и пару минут изучал письмо в папке «входящие», прежде чем удалил предложение продлить гарантию на прибор, которого у него даже не было. Больше его уже ничто не отвлекало.

Он вернулся к стопке дел, пытаясь превратить все это в игру. На фотографии был мужчина за пятьдесят. Светлые волосы расчесаны на аккуратный пробор, глубокие синие глаза делают его заурядное лицо даже интересным. Добавь шляпу — и он вполне сошел бы за

коммивояжера. Дай ему в руки Библию — и это был бы вылитый священнослужитель из местной церкви.

Уилл медленно опускал линейки по странице, читая строчку за строчкой. Мужчина, продавец фуражных кормов по профессии, был насильником, которому нравилось мучить свои жертвы. Он был осужден на двенадцать лет, но вышел через семь, освобожденный за хорошее поведение. Что означает «хорошее поведение» для человека, который вырывал ногти у двадцатидвухлетней студентки колледжа, Уиллу было непонятно.

Снято следующее фото, линейки легли на следующий лист бумаги... Уилл вчитывался в чудовищные подробности преступлений этих сексуальных хищников, которые были выпущены на свободу за хорошее поведение. Никто из них не отсидел по полной, и почти все они, за исключением нескольких, относились к типу людей, которым хочется улыбнуться при встрече на улице. Время неумолимо шло, но Уилл не поднимал головы, пока на столе не осталось только три дела об изнасиловании.

Наконец он разогнулся и откинулся на жесткую спинку кресла. Колени ударились о стол, и компьютер мигнул.

Было уже за полночь. Можно сделать перерыв и проверить почту, прежде чем переходить к расшифровке последних трех дел.

В ящике оказалось новое письмо от Аманды, но у Уилла не было ни малейшего желания его читать. Было еще два запроса от Каролин, секретаря Аманды, она спрашивала об уликах по делу. Уилл включил программу дешифровки голоса и с помощью микрофона надиктовал ответ, затем провел проверку орфографии и заставил компьютер прочесть это еще раз. Удовлетворенный тем, что текст получился связным, он выделил его, скопировал в тело письма и еще раз проверил орфографию, прежде чем отослать сообщение.

Пока он занимался этим, пришло сообщение о каких-то горячих акциях, и Уилл отправил его в корзину. Затем вошел в папку «удаленные» и убрал весь тот мусор, который туда сбросил.

Уилл подумал, что если бы выдавалась олимпийская медаль за бессмысленное убивание времени, со своей квалификацией он, по меньшей мере, был бы среди претендентов на нее. Впрочем, в настоящее время он точно не мог больше ничего сделать. Он открыл папку «спам», выделил весь список и перетянул его курсором, чтобы

удалить. Вскочило какое-то окошко, и, судя по его форме, Уилл решил, что там спрашивается, уверен ли он, что действительно хочет это сделать. Он щелкнул по голубой кнопке, означавшей «о'кей», и стал смотреть, как из списка исчезают старые сообщения.

Потом вернулся к непрочитанным письмам, подумав, что, возможно, пришло время выяснить, что хотела Аманда. Там же оказалось новое послание от Каролин. Она, по-видимому, просто подшучивала над тем, что они оба работают так поздно, но на этом этапе Уилл был готов открыть даже рекламное предложение по виагре, лишь бы отложить чтение дел насильников еще хотя бы на секунду.

К письму Каролин был прикреплен jpeg-файл, и Уилл щелкнул по нему, чтобы изображение начало грузиться, пока он будет выделять текст письма и копировать его для переноса в программу воспроизведения голоса. Бетти беспокойно заворочалась на диване, глухо гавкнула, и Уилл обернулся, чтобы посмотреть, все ли с ней в порядке. Собака лежала на спине, дрыгая во сне тонкими лапками. Интересно, что может сниться маленьким собачкам? Сыр?

Уилл повернулся, и улыбку с его лица как ветром сдуло, когда он увидел то, что появилось на экране. Фотография закончила загружаться. Там был изображен юноша лет шестнадцати, волосы до плеч, рот растянут в улыбке, которая появляется автоматически, если ты постоянно смотришь в камеру на все праздники или в любой выезд семьи из дома. Перед узкой грудью он держал табличку; кожа на пальцах в тех местах, где ногти были обкусаны до мяса, торчала ключьями. Уилл не пытался разобрать надпись на табличке — он и так знал, что там было имя, дата признания виновным, срок. Мальчика выдавали его глаза. Многие могли измениться с пятнадцати лет до тридцати пяти, но глаза оставались неизменными: миндалевидный разрез, игра цвета на радужной оболочке, длинные ресницы, почти как у девочки.

Фото из дела насильника, которое Уилл собирался читать, лежало на столе. Он увеличил громкость на колонках, кликнул по окошку меню и прокрутил его вниз до кнопки «речь». Слова были медленными и металлическими, а их содержание вызвало у Уилла ощущение, будто его ударили под дых.

Программа завершила работу. Второй раз прослушивать это не было нужды.

Уилл схватил ключи от автомобиля.

Лейтенант, начальник Энджи, сказал Уиллу, что она должна быть возле винного магазина на Чешир-Бридж-роуд. Уилл нашел это место довольно легко, но среди проституток, которые стояли, прислонившись к стене, Энджи не было.

— Я тут кое-кого ищу, — сказал он.

— Я тоже, красавчик.

Уилл знал, что Энджи работала здесь не под своим настоящим именем, а вымышленного имени она ему никогда не называла.

— Ростом она примерно метр семьдесят. Каштановые волосы, карие глаза. Оливковая кожа.

— Твое описание — точно я, мой сладкий, — сказала невысокая платиновая блондинка с заметной щелью между передними зубами, из-за чего при разговоре она слегка присвистывала.

— Так ты ищешь Робин, малыш? — спросила другая.

— Не знаю, — ответил он, поворачиваясь к женщине постарше.

Один глаз у нее был подбит, и синяк стал еще заметнее из-за толстого слоя косметики, который она нанесла сверху.

— Я Лола. — Она оттолкнулась и отошла от стены. — Ты ее брат?

— Да, — кивнул Уилл, не вдаваясь в объяснения. — Мне нужно с ней поговорить.

— Подожди минутку, дорогой, — успокоила его Лола. — Она ушла с клиентом минут десять назад. Уже должна заканчивать.

— Спасибо.

Уилл вдруг почувствовал, что замерз, и спрятал руки в карманы. Он в такой спешке уезжал из дому, что даже забыл прихватить пальто.

Позади него хлопнула дверца машины. Оттуда вышла женщина, не смущаясь, сунула руку себе между ног, вытерлась и покачала головой. Увидев Уилла, она вопросительно посмотрела на девушек.

— Это брат Робин, — сообщила ей Лола.

Женщина прошла мимо вихляющей походкой шлюхи, на ходу оценивающе оглядев его с ног до головы.

— Будь у меня такой братишка, я бы вообще не выходила из дому.

Уилл взглянул на часы и начал прохаживаться, чтобы как-то снять напряжение, превращающее мышцы в тугой клубок, но каждое мгновение, пока Энджи не было, только усугубляло ситуацию.

Она всегда так поступала. Она всегда влезала в неприятности и плевать хотела на то, что от последствий этого страдает Уилл. Сколько он помнил, Энджи всегда давила на окружающих. Это была игра, которая однажды ее убьет, и тогда уже Уилл будет сидеть на диване, а какой-нибудь коп, которому не повезло, будет держать его за руку и рассказывать, что ее нашли задушенной, избитой, изнасилованной, зарезанной...

Девушки болтали всякую чепуху, но вдруг затихли. Уилл услышал шорох в посадке, и оттуда с фонариком в руке вышла Энджи.

Она посмотрела на Уилла, потом на девушек, потом опять на Уилла. Губы ее были плотно сжаты, в глазах ее пылало бешенство. Она развернулась и снова направилась в посадку. Уилл пошел за ней.

— Стой! — окликнул он, стараясь говорить бодрым голосом. — Ты можешь остановиться?

Она не слушала, и ему оставалось только следовать за светом ее фонарика.

Зайдя в посадку метров на десять, Энджи обернулась.

— Какого хрена ты здесь делаешь? — Тон ее был резким, как удар ножа.

— Я твой брат и решил навестить тебя.

Энджи смотрела ему через плечо, и Уилл проследил за ее взглядом. Им было хорошо видно девушек, стоявших перед винным магазином. Они даже не старались скрыть свое любопытство.

Она заговорила хриплым шепотом:

— Черт возьми, Уилл, это совершенно не то место! Лола уже начала о чем-то догадываться.

Он сунул ей дело Джона Шелли. Она внимательно посмотрела на фотографию, и Уилл мог поклясться, что взгляд ее смягчился.

— Прочти это, — скомандовал он. — Прочти это мне, чтобы я убедился, что все понял правильно.

Энджи посветила фонариком на первую страницу. Он видел, как двигаются ее глаза, читая слова. Она подняла голову и сказала «Уилл» таким тоном, будто он вел себя просто глупо.

— Читай.

Она держала фонарик, направляя луч на страницу, потом перешла на вторую, на третью.

Наконец она подняла на него глаза.

— Ну и что?

Уиллу захотелось хорошенько ее встряхнуть.

— Ты прочла то, что там написано?

Она не спеша вернулась на первую страницу и со скучающим видом начала читать:

— «Джонатан Уинстон Шелли, 1 метр 85 сантиметров, 88 килограммов, волосы коричневые, глаза коричневые. Предыдущие приводы: мелкая кража. Поступил 10 мая 1986 года, тюрьма штата «Коустел», максимальная степень охраны, крыло для особо опасных преступников, возраст — шестнадцать лет. Досрочно освобожден 22 июля 2005 года в возрасте тридцати пяти лет. Зарегистрирован как сексуальный преступник, педофил». — Энджи снова посмотрела на него и повторила: — Ну и что?

— Прочти последнюю страницу, — сказал Уилл, имея в виду ту часть, которую он распечатал из сообщения Каролин.

Досье Шелли было коротким, там была перечислена только классификация его преступлений, но записи, найденные Каролин, заполняли все пробелы в информации ужасающими подробностями.

— Читай, — потребовал он.

Энджи не хотела этого делать. Уилл понял это по взгляду, которым она на него смотрела.

— Хочешь, чтобы я тебе прочел?

— У меня всего час для перерыва на ужин.

Он вырвал листы у нее из рук и попытался найти нужное место. Он был так зол, что слова прыгали перед глазами, меняя свою форму и превращаясь одно в другое. И все же он попробовал.

— Ко... — Уилл почувствовал, как висок пронзила острая, словно нож, боль. Черт, он знал по крайней мере два слова отсюда! — Джонатан Шелли. — Он попытался разобрать еще одно. — Ушел. Нет. Он... умер. Нет. Он убил...

Энджи положила ладонь ему на руку и попробовала забрать бумаги, но он не отдавал.

— Отпусти, — сказала она, осторожно вытаскивая страницы из его пальцев.

Уилл уставился в землю, сжав кулаки. Боже! Неудивительно, что она не может остаться с ним.

— Прости, — мягко сказала она.

Ему хотелось провалиться сквозь землю и волшебным образом очутиться в каком-нибудь другом месте.

— Прости.

— Я прочел его!

— Я знаю, что ты прочел, — сказала она, снова беря его за руку. — Посмотри на меня, Уилл. Прости меня.

Он не мог поднять на нее глаза.

— Ты хочешь, чтобы я прочла это вслух?

— Мне все равно, что ты будешь делать.

— Уилл!

Он понимал, что слова его звучат обидно, но остановиться уже не мог.

— Мне и правда все равно.

Фонарик упал на землю, и Энджи нагнулась, чтобы поднять его, продолжая держаться за Уилла. Потом посветила на страницу и начала читать:

— 15 июня 1985 года Шелли совершил сексуальное нападение на Мэри Элис Финни, белую девушку пятнадцати лет, затем отрезал ей язык зазубренным кухонным ножом, что привело к смерти. Помимо этого Шелли оставил несколько глубоких укусов на теле жертвы и помочился на труп. На месте преступления и на теле были обнаружены отпечатки окровавленных пальцев Шелли. Орудие убийства было найдено в шкафу в спальне Шелли. Известные наркотики, которые он принимал: героин, кокаин.

— Энджи... — Это было все, что Уилл смог произнести.

Она молчала, пережидая, пока проедет несколько машин, а потом сказала:

— Помнишь, я рассказывала тебе, что однажды сюда приезжал Майкл Ормевуд?

Уилла уже тошнило от всех этих разговоров об Ормевуде. Если он больше никогда в жизни не услышит этого имени, то умрет счастливым человеком.

— Он сказал, чтобы мы остерегались недавно выпущенного на свободу насильника по имени Джон Шелли. Он сказал, что это по-настоящему плохой парень и чтобы мы держались от него подальше. — Она взглянула на досье. — Майкл учился в средней школе в Декатуре. Должно быть, он вырос в этом районе.

— Ты успела расспросить про его детские годы, пока укладывалась под него?

— Ты хочешь, чтобы я и под тебя улеглась, Уилл? Ты это хотел сказать?

Он оттолкнул ее руку.

— Прекрати!

— Я читала его персональное дело, — сказала она.

— Ты по каким-то причинам интересуешься Майклом. Чем он отличается от других? Что делает его таким особенным?

— Ты не слушаешь, что я говорю. — Энджи разговаривала с ним, как с ребенком, и Уиллу это не нравилось. — Майкл ходил в среднюю школу в Декатуре и, похоже, жил в этом районе. Он был на несколько лет старше Джона, но должен был слышать об этом преступлении. Он должен был знать подробности насчет языка. Почему он об этом не упомянул? Почему не сказал тебе: «Эй, это напоминает мне один случай, который произошел лет двадцать назад на улице, где я жил»?

Уилл был слишком расстроен, чтобы задаваться этим вопросом.

— Джон говорил мне, — сказала она, — что его кто-то шантажирует.

Уилл рассмеялся.

— Ты думаешь, Майкл Ормевуд знает, что есть парень, который насилует и убивает женщин, отрезает им языки, и, вместо того чтобы арестовать негодяя, шантажирует его? Чего ради? Что у Джона Шелли может быть такого, что нужно Майклу Ормевуду?

— А как тогда объяснить то, что Майкл посоветовал мне держаться подальше от Джона Шелли? Как объяснить то, что он не рассказал, что такой же случай произошел с девушкой, жившей по соседству, в месте, где он вырос?

Уилл попытался ей возразить:

— А как тогда объяснить всех других девушек?

— Каких других?

— В прошлом году две девушки подверглись сексуальному нападению мужчины в черной лыжной маске. У обеих был откушен язык.

Рот Энджи удивленно приоткрылся.

— Джон Шелли вышел семь месяцев назад, — сообщил ей Уилл. — Обе девушки живут в тридцати-сорока минутах езды

отсюда. — Она молчала, и он добавил. — Джулии Купер пятнадцать. Второй девочке было только четырнадцать. Что общего у всех этих преступлений? Что их связывает?

— Ты же знаешь, — сказала Энджи, — что для преступников характерна своя манера, свой почерк. Почему он отклонился от него? Почему у одних жертв он язык отрезает, а у других — откусывает? И почему он перешел от девочек к взрослой женщине?

Уилл помнил, что на это ответил Майкл, но решил не делиться с Энджи его версией.

— Почему ты мне раньше не рассказал о других случаях? — спросила она.

— Когда, Энджи? За обедом? Или, может быть, когда мы, держась за руки, совершали долгую прогулку по парку?

— Все равно ты мог бы мне сказать.

— Зачем? — спросил он. — Кто знал, что ты закончишь тем, что начнешь крутить с осужденным педофилом?

Она вздернула подбородок.

— Я с ним не спала!

— Пока.

Энджи тяжело вздохнула.

— Есть неоспоримый факт: Шелли изнасиловал и убил пятнадцатилетнюю девочку. Он отрезал ей язык.

— Он не... — Она снова посмотрела на фотографию Шелли. — Что бы он ни делал раньше, он уже совсем другой.

— Джулии Купер было пятнадцать, — сообщил ей Уилл. — Он изнасиловал ее на аллее за кинотеатром. И откусил ей язык.

Энджи только покачала головой.

— Анне Линдер было четырнадцать. Ее нашли в Стоун-Маунтин-парк на следующий день. Она держала язык в руке, словно гарантию своей безопасности. Им пришлось вырывать его из ее пальцев.

Энджи по-прежнему не отвечала.

— А Синтия Барретт, Энджи! Синтии Барретт было пятнадцать.

— Она соседка Майкла.

Уилл пожал плечами.

— Ну и что?

— Объясни мне такую вещь: каким образом они связаны между собой? Как Майкл узнал, что нужно предупредить меня о нем? — Она

раздраженно указала в сторону винного магазина. — Тебя здесь не было, когда он делал это. Между ними что-то произошло. И Майкл ненавидит этого парня.

— Что еще я пропустил? — спросил Уилл. — Мне кажется, ты так злишься на Майкла Ормевуда, что не можешь быть объективной. Почему это происходит, Энджи? Почему ты не можешь просто вычеркнуть его из своей жизни?

Он увидел бешенство в ее глазах и понял, что она помнит, как он уже миллион раз просил ее об этом.

Когда Энджи заговорила, голос ее был неестественно спокойным.

— А ты не спрашивал у Майкла, сколько лет было его жене, когда они познакомились? — Ответить она ему не дала. — Ей было пятнадцать, Уилл. А ему — двадцать пять.

— Он изнасиловал Джину и откусил ей язык? — поинтересовался Уилл. — Потому что, если он этого не делал, то я не понимаю, как ты не видишь разницы.

— Говорю тебе, Джон этого не делал!

— Вот я задержу его и задам этот вопрос.

— Нет! — Она схватила Уилла за руку, словно пытаюсь удержать. — Лучше я сама его спрошу.

Он уставился на Энджи.

— Ты меня, наверное, разыгрываешь.

— Как только ты наденешь на Джона наручники, его тут же упекут в тюрьму.

— Это еще неизвестно.

— Он же досрочно освобожденный. Конечно, они посадят его. И ему останется только ждать, пока появится его адвокат. А потом этот же адвокат заявит, чтобы вы катились к чертовой матери.

— И что?

— Подумай, что ты ему предъявишь? Переход улицы в неположенном месте? — Она вопросительно подняла брови, словно ожидала услышать какой-то вразумительный ответ. — Ты можешь задержать его для допроса, но что у тебя есть? Ты можешь обыскать комнату, где он живет, но что ты скажешь судье, когда будешь просить санкцию на обыск? «Двадцать лет назад, Ваша честь, он сделал это, так что теперь, не исключено, мог сделать это снова»? — Энджи вызывающе скрестила руки на груди. — Насколько я знаю, — если

только ты не президент Соединенных Штатов, — тебе понадобятся какие-то доказательства, чтобы бросить человека в тюрьму.

Уилл ничего не ответил, потому что понимал, что она абсолютно права.

— У тебя есть где-то отпечатки пальцев Джона? Есть свидетели? Есть хоть кто-нибудь, кто что-то видел?

Жасмин, подумал Уилл. Может быть, она что-то видела. Но если это так, то сейчас она, наверное, уже на дне канала.

Энджи подытожила:

— Нет улик по линии криминалистики, нет свидетелей и нет дела. Ты прав, Уилл. Давай пойдем и арестуем его прямо сейчас, почему бы и нет?

— Он в данный момент может выслеживать следующую жертву, — сказал Уилл, не уточняя, что следующей женщиной, на которую Джон положил глаз, вполне может быть Энджи.

— Если ты арестуешь его, то сможешь засадить максимум на двадцать четыре часа, и если это делает на самом деле Шелли, то он поймет, что ты у него на хвосте, и заляжет на дно так глубоко, что ты его уже никогда не найдешь.

— Что ты предлагаешь? Ждать, пока изнасилуют еще одну девушку? А может, и убьют? — спросил Уилл. — Возможно, он уже наметил свою следующую жертву, Энджи. Что, если Жасмин у него? Я должен сидеть сложа руки, в то время как девочка считает, сколько минут ей осталось прожить?

— Он поговорит со мной. Он не знает, что я коп.

— Да что такое с этим парнем, Энджи? Почему ты не хочешь видеть его таким, какой он есть?

— Может быть, это как раз и хорошо, что я не сужу о людях по тому, что они сделали в прошлом.

— Это упрек в мою сторону?

— Дай мне с ним поговорить, — попросила она. — Проследи за его домом, чтобы быть уверенным, что он оттуда не выходил. Если девочка у него, он все равно не прикоснется к ней так, чтобы ты об этом не узнал. Завтра утром я поеду на автомойку, посажу его перед собой и поговорю с ним.

— Ты считаешь, что он доверится тебе?

— Если он невиновен... — Она кивнула. — Да. Я сумею заставить его говорить.

— А если виновен?

— Тогда ты будешь неподалеку. — Она снова попыталась подколоть его. — Ты ведь защитишь меня, верно, Уилли?

— Это не предмет для шуток.

— Я в курсе. — Она снова посмотрела через его плечо на девушек. — Мне нужно возвращаться на работу.

— Не нравится мне все это, — сказал Уилл, — совсем не нравится. И мне не хочется этого делать.

— Но ведь в этом нет ничего нового для нас обоих, верно? — Она положила ладонь ему на щеку и слегка прикоснулась губами к его губам. — Уходи, Уилл.

— Я не хочу оставлять тебя.

— У тебя нет выбора.

Глава 33

10 февраля 2006 года, 7:22 утра

Джон сидел в закусочной «Эмпайр Дайнер». Входя сюда, он был голоден как волк, но почему-то, когда принесли еду, смог заставить себя съесть только кусочек. Нервный стресс держал его желудок мертвой хваткой, и теперь он ждал, когда же снова вернется к жизни.

Большую часть ночи он провел с Кати и Джойс, пытаясь выработать план действий. Кати хотела пойти в полицию, но если у брата и сестры Шелли была хоть одна тема, вокруг которой не было разногласий, то это как раз то, что полиции доверять нельзя. Майкл никогда не заговорит. Он слишком умен, чтобы выдать себя. По кредитной справке могли возникнуть кое-какие вопросы, но ответы на них с таким же успехом могли обернуться против самого Джона. В конце концов они договорились до того, что Джойс воспользуется своими связями в отделе регистрации округа, чтобы выяснить, где сейчас живет тетя Лидия. Дядя Барри был женат на ней всего два года, и им не удалось ничего найти по его фамилии — Карсон. Но где-то должен был остаться какой-то след. И когда они отыщут Лидию, то напрямую спросят о ее роли в том, что Джон был упрятан за решетку. Она, очевидно, раньше уже созналась в своих грехах. И они не дадут ей ни секунды покоя, пока она не сознается в этом снова — на этот раз уже под запись. Что же касается самого Джона, то он рассказал сестре и ее любовнице не все, что тогда произошло. Он был максимально честен с ними до определенной точки. Он не рассказал им о соседке Майкла. При мысли о том, что он сделал и насколько глубоко пал, его начинало тошнить. Все это время Джон считал, что Майкл — животное, но, когда представился случай, повел себя так же по-садистски, так же мстительно, как и его кузен. За это ли боролась Эмили? Неужели она проводила долгие часы, изучая свои записи в блокнотах, чтобы ее Джонни вышел из тюрьмы и изувечил пятнадцатилетнюю девочку? Впервые в жизни Джон был рад, что мать умерла, что он никогда не сможет взглянуть в ее любящие глаза, сознавая, что она смотрит на человека, способного на такие злодеяния.

— Поел? — спросила официантка, наливая ему кофе.

— Спасибо, — пробормотал Джон.

Дверь закуской распахнулась, и, взглянув в зеркало за стойкой, он увидел Робин, которая стояла у входа, уперев руки в бока и высматривая свободный столик. Народу в ресторане было довольно много, так что она не заметила, что он наблюдает за ней.

Джон боролся с желанием обернуться. Ему хотелось окликнуть Робин, показать на свободный табурет возле себя и услышать ее голос. Хотя сейчас слишком много на него навалилось. На его руках была кровь, в сердце — чувство вины. Он опустил глаза и уставился на темную жидкость в чашке, словно пытаясь разглядеть свою судьбу. Будет ли когда-нибудь в его жизни женщина? Встретит ли он кого-нибудь, кто, зная, что произошло и что он сделал, с ужасом не отвернется от него?

— Привет.

Робин села на табурет рядом с ним. Она была одета иначе. Волосы собраны в хвост, вместо наряда уличной шлюхи — джинсы и футболка.

— Привет, — откликнулся он. — Отработала?

— Да, — сказала она и помахала официантке.

В ней изменилось что-то еще, но Джону никак не удавалось уловить, что именно. Это не имело отношения к ее одежде или отсутствию килограммов макияжа на лице. Если бы он знал ее лучше, он понял бы, что она нервничает.

— Ты никогда не думал, что ненавидишь свою работу? — спросила она. — Что, может, тебе нужно просто сбежать и никогда не оглядываться назад?

Он улыбнулся. Он рассматривал идею бегства из дома все время, пока находился в «Коустел».

— Ты в порядке?

Она кивнула и насмешливо улыбнулась.

— Ты что, преследуешь меня? Сначала больница, теперь здесь.

Джон огляделся по сторонам.

— А ты что, выкупила это место?

— Я всегда здесь завтракаю.

— Тогда извини, — сказал он. — Мне просто показалось, что это неплохое местечко, чтобы посидеть немного. — В кои-то веки у него в

кармане появились деньги, и ему хотелось побаловать себя.

— Я солгала тебе, — сказала она.

— Насчет чего?

— Насчет первого поцелуя, — ответила она. — Это было не с лучшим другом моего младшего брата.

Джон постарался перевести услышанное в шутку, хотя чувства его были задеты.

— Только не говори, что это был сам твой младший брат.

Она улыбнулась и налила в свой кофе немного сливок.

— Мои родители были наркоманами на таблетках, — сказала она. — По крайней мере моя мать и тот кадр, с которым она трахалась. — Робин взяла ложечку. — Государство забрало меня от них, когда я была совсем ребенком.

Джон не знал, что сказать.

— Мне очень жаль слышать это, — наконец произнес он.

— Да уж, — сказала она. — И некоторое время меня носило по приемным семьям. Я встречала кучу приемных отцов, которые были очень рады тому, что под их крышей живет маленькая девочка.

Джон молча смотрел, как она размешивает кофе. У нее были очень маленькие руки. И почему женские руки намного более привлекательны, чем мужские?

— А как насчет тебя? — спросила она. — Ты тоже из неблагополучной семьи?

Она произнесла эти слова с некоторым сарказмом. Джон встречал немало опасных преступников, которые утверждали, что оказались жертвами обстоятельств, что именно неполноценные семьи толкнули их на путь преступлений. Послушать их, так у них просто не было выбора.

— Нет, — сказал он. — Я из идеальной семьи. Прекрасная мать — красивая, чудесно готовит, воспитатель отряда скаутов. Несколько сдержанный отец, но каждый вечер он был дома и интересовался тем, что я делаю.

Джон подумал о сестре. Она, вероятно, сейчас висит на телефоне и пытается сотворить чудо. Он не знал, поступит ли тетя Лидия честно, но понимал, что может прожить остаток жизни с миром в душе, зная, что впервые за двадцать лет Джойс ему поверила.

Робин дважды ударила ложечкой по краю своей чашки, потом положила ее на стойку.

— Итак, что же произошло с тобой, Джон? Как ты попал в тюрьму?

Он пожал плечами.

— Плохая компания.

Она рассмеялась, хотя явно не считала это забавным.

— Полагаю, ты был невиновен?

Она уже спрашивала его об этом два дня назад в больнице, и он дал ей стандартный ответ:

— В тюрьме все виновны.

Робин молчала, глядя в зеркало позади стойки.

— Ладно, — сказал он, желая поменять тему. — Так с кем же был твой первый поцелуй?

— Мой первый настоящий поцелуй? — переспросила она. — Первый парень, с которым я целовалась, потому что действительно хотела его поцеловать? — Она, похоже, задумалась. — Я познакомилась с ним в детском доме, — наконец сказала она. — Мы были вместе двадцать пять лет.

Джон подул на свой кофе и отхлебнул.

— Долго.

— Да, весьма. — Она снова взяла ложечку. — Я много изменяла ему.

Джон поперхнулся.

Она улыбнулась, но скорее не ему, а самой себе.

— Мы расстались два года назад.

— Почему?

— Потому что, когда так долго кого-то знаешь, когда растешь вместе с кем-то, ты слишком... — Она запнулась, подбирая нужное слово. — Оголен, — наконец решила она. — Слишком уязвим. Я знаю все о нем, а он знает все обо мне. Так нельзя любить человека по-настоящему. Я хотела сказать, любить его, конечно, можно — он как будто часть меня, часть моего сердца, — но с ним нельзя быть такой, какой тебе хочется. Нельзя любить его как любимого. — Она пожалала плечами. — Если бы я действительно заботилась о нем, я бы бросила его, чтобы он мог жить своей жизнью.

Джон не знал точно, что на это сказать.

— Он был бы сумасшедшим, если бы отпустил тебя.

— Ну, в этой истории учитывается не только моя точка зрения, — призналась она. — Могу сказать, что я настоящая стерва, если ты сам этого еще не заметил. А что насчет тебя?

— Меня? — вздрогнув от неожиданности, переспросил Джон.

— Есть у тебя подружка?

Он засмеялся.

— Ты шутишь? Я сел, когда мне было шестнадцать. Единственная женщина, которую я видел, была моя мать.

— А как же насчет... — Она умолкла. — Ты ведь был мальчишкой, верно? Когда попал в тюрьму?

Джон почувствовал, как у него сами собой сжимаются челюсти. Он кивнул, не глядя на нее и стараясь прогнать из головы воспоминания о Зебре, об этих черно-белых зубах, о его руках, давящих на его затылок.

Если она что-то и заметила, то виду не подала. Вместо этого она подула на свой кофе и наконец сделала первый глоток.

— Черт, он остыл.

Джон подал знак официантке.

— Как вам у нас? — спросила та.

— Хорошо, спасибо, — ответил Джон, позволив подлить в свою чашку еще кофе.

Он не привык к такому количеству кофеина по утрам, и руки у него вспотели. Или, возможно, он просто нервничал из-за того, что здесь была Робин. Она разговаривала с ним так, будто они хорошо знали друг друга. Джон не мог вспомнить, было ли в его жизни такое время, когда он вел с кем-то такой разговор.

— Дайте мне знать, если что-нибудь понадобится, — сказала официантка.

Робин подождала, пока она отошла, и спросила:

— Итак, Джон, чем же ты занимался, после того как вышел на волю?

— Воссоединялся со своей семьей, — ответил он, а потом не удержался и добавил: — Я искал своего кузена. Есть кое-что, о чем нам с ним нужно потолковать.

Робин взглянула через плечо на мужчину, сидевшего в одиночестве в угловой кабинке. Джон посмотрел на его отражение в

зеркале, подумав, что это, может быть, один из ее клиентов. На нем был костюм-тройка. Он, наверное, адвокат или доктор, которого дома ждет семья.

— Джон?

Он посмотрел на Робин.

Она удивила его, спросив:

— В какую беду ты попал?

— Ни в какую.

— Ты говорил мне, что кто-то шантажирует тебя.

Он кивнул.

— Говорил.

— И кто это?

Джон взял чашку в две руки. Ему хотелось ответить ей, рассказать обо всем, что с ним произошло, но у Робин хватало своих проблем, чтобы взваливать на себя дополнительное бремя. К тому же он не разделял оптимизма Джойс насчет того, что тетя Лидия все сделает правильно. Майкл по-прежнему оставался ее сыном, даже если при этом был садистом и убийцей. Неизвестно, на что он еще способен. Джон не сможет жить, если с Робин по его вине случится что-то плохое.

— Я не могу впутывать тебя в это, — сказал он.

Ее рука коснулась его бедра.

— А что, если я хочу быть впутанной? — Рука ее двинулась выше, и у Джона перехватило дыхание. — Я знаю, что ты хороший парень.

Чтобы не задохнуться, ему пришлось приоткрыть рот.

— Тебе, наверное, не стоит...

— Я знаю, что тебе не с кем поговорить, — сказала она, крепко сжав его ногу. — Я просто хочу, чтобы ты знал, что можешь поговорить со мной.

Он покачал головой и прошептал:

— Робин...

Она принялась двигать рукой вверх и вниз.

— Давно уже такого не было, да?

Никогда, подумал Джон. Такого с ним не было никогда.

— Хочешь пойти куда-нибудь и поговорить?

— У меня не... — Мысли путались, он плохо соображал. — У меня нет денег, чтобы...

Она придвинулась ближе.

— Я же сказала. Я не на работе.

Он сжал ее руку.

— Я не могу.

— Ты не хочешь меня?

— Нет на свете такого мужчины, который тебя не хочет, — сказал он, подумав, что более правдивые слова им еще не произносились. — Я забочусь о тебе, Робин. Я знаю, что это глупо. Понимаю, что почти не знаю тебя. Но я не могу впутывать тебя в свои проблемы, ясно? Уже пострадало слишком много людей. Если что-то случится с тобой, если еще пострадаешь и ты... — Он покачал головой. — Когда все закончится, — сказал он, — когда все закончится, я найду тебя.

Робин убрала руку. Она поднесла чашку к губам и повторила вопрос:

— Кто шантажирует тебя, Джон?

Тон ее изменился. Он не мог сказать точно, в чем именно, но он стал напоминать тон надзирателей в тюрьме, когда они задают тебе вопрос, зная, что ты должен ответить, иначе они бросят тебя в карцер.

— Все скоро утрясется, — сказал он.

— Как это?

— Я уже занимаюсь этим вопросом, — сказал он. — Но прямо сейчас больше ничего сказать не могу.

— Ты мне действительно ничего не скажешь?

— Нет, — ответил он.

— Ты уверен, Джон?

Она говорила очень серьезно. Он вопросительно улыбнулся ей и сказал:

— Давай поговорим о чем-нибудь другом

— Мне необходимо, чтобы ты поговорил со мной, — сказала она. — Мне необходимо знать, что происходит.

— А о чем, собственно, речь?

— О твоей жизни, Джон. Неужели ты не можешь быть со мной откровенным?

Волосы у него на затылке зашевелились.

— Мне не нравится то, куда уходит наш разговор.

Робин поставила кружку. Она встала, и выражение ее лица стало жестким.

— Я пыталась тебе помочь. Помни об этом.

— Перестань, — сказал он, не понимая, что сделал не так. — Робин...

Он почувствовал чью-то руку на своем плече и, подняв глаза, увидел, что у него за спиной стоит мужчина в костюме-тройке.

— В чем дело? — спросил Джон.

Мужчина взглянул на Робин, и Джон тоже посмотрел на нее.

— Мне очень жаль, Джон, — сказала она, и по ее виду это было очень похоже на правду, только Джон не знал почему.

Она полезла в сумочку и вытащила кошелек. Как это ни глупо, но он подумал, что она собирается заплатить по счету. Он уже открыл рот, собираясь сказать, чтобы она не беспокоилась, и заметил, как что-то блеснуло, когда она раскрыла свой полицейский жетон.

— Я коп, — сказала она, как будто он и сам этого не видел.

— Робин...

— Собственно говоря, это Энджи. — Мужчина в костюме крепче сжал его плечо. — Давай-ка выйдем отсюда.

— Нет... — Джон почувствовал, как тело его начинает трястись, а мышцы становятся ватными.

— На улицу! — скомандовала Робин и, подхватив его под руку, заставила встать.

Он шел, опершись на нее, как инвалид, в то время как мужчина открыл им дверь. Точно так же вели себя копы из Декатура, когда вытаскивали его из спальни. Они спустили его по лестнице, вывели во двор и на глазах у соседей надели на него наручники. Раздался чей-то крик, и когда он оглянулся, то понял, что это мама. Эмили упала на колени, а Ричард даже не попытался поднять ее, когда она зарыдала.

Солнце на парковке перед закусочной палило нещадно, и Джон часто заморгал. Он понял, что задыхается. Тюрьма. Они забирают его в тюрьму! Они заберут его одежду, обыщут его, снимут отпечатки пальцев и бросят в камеру, в компанию к заключенным, которые только и ждут его возвращения, ждут возможности показать ему, что они на самом деле думают об осужденном за изнасилование ребенка, который не смог жить на воле.

— Уилл! — Она обращалась к мужчине за спиной у Джона. — Не нужно.

Джон увидел серебристые наручники, которые тот держал в руке.

— Прошу вас... — выдавил из себя Джон.

Он не мог дышать. Колени его подгибались. Последнее, что он запомнил, была Робин, подхватившая его, чтобы он не упал.

Глава 34

8:55 утра

Энджи чувствовала себя грязной. Даже после обжигающе горячего душа ей все равно продолжало казаться, что она уже никогда не отделается от этого внутреннего ощущения.

Выражение лица Джона, стоявшее у нее перед глазами, — страх, понимание, что его предали, — рвало сердце, как кусок зазубренного металла. Уилл отвел Джона в машину и усадил на заднее сиденье, словно ребенка, приготовившегося к поездке в магазин. Энджи стояла и думала: «Вот двое мужчин, чьи жизни я поломала».

Она ушла, прежде чем Уилл успел остановить ее.

Что в Джоне Шелли было такого, отчего ей хотелось спасти его? Возможно, это было вызвано тем, что он был один на всем белом свете. Возможно, из-за того, что он носил свое одиночество, словно защитные латы, которые были видны только Энджи. Он был похож на Уилла. В точности как Уилл.

Несмотря на то что Энджи капитально убрала свой дом снизу доверху всего несколько дней назад, она надела резиновые перчатки и взялась за работу. Она извела полгаллона моющего средства в ванной комнате, отдраивая белоснежные швы между плиткой зубной щеткой. Плитку укладывал Уилл, причем клал он ее по диагонали, инстинктивно понимая, что от этого комната будет казаться больше. Он покрасил стены в кремово-желтый цвет, используя для отделки желтовато-белую масляную краску, а Энджи еще ворчала насчет его художественных способностей.

Она должна позвонить ему. Уилл просто выполняет свою работу. Он хороший коп, но он также еще и хороший человек, и с ее стороны неправильно наказывать его за то, что Джон Шелли оказался замешанным во что-то скверное. Когда она закончит уборку в доме, то позвонит Уиллу на мобильный, чтобы он знал, что она ненавидит не его, а сложившуюся ситуацию.

Энджи взялась за кухню, вытащила кастрюли и сковородки и вымыла шкафы. Она продолжала прокручивать в голове все, что

произошло сегодня утром, пытаюсь сообразить, был ли какой-то способ решить все проще.

— Зараза! — выругалась Энджи.

Ей необходима пленка для полок. Глупо мыть шкаф, когда под пленкой, вероятно, скопился всякий мусор. Она потянула уголок липкой виниловой пленки на дне отделения под раковиной и разорвала ее пополам. Внизу было чисто, но пленку она все равно уже порвала. Энджи хотела взять новую, но, еще не дойдя до кладовки, поняла, что там этого нет.

— Зараза! — снова выругалась она, стаскивая резиновые перчатки.

Она швырнула их в раковину и, пока искала ключи, еще несколько раз с чувством ругнулась.

Через десять минут она уже сидела в машине, но ехала не в универмаг, а прямо по Понсе-де-Леон по направлению к Стоун-Маунтин. Она знала, где живет Майкл. После того как они потрахались, — точнее было бы сказать, после того как Майкл трахнул ее, — Энджи стала одолевать некая навязчивая идея. Она несколько раз проезжала мимо его дома, видела на лужайке перед ним жену Майкла с ребенком и его самого, моющего машину. Длилось все это недолго, — где-то с неделю, — пока она не поняла, что ведет себя как душевнобольной человек. На самом деле она злилась не на Майкла, а на себя, понимая, что попала в еще одну дурацкую ситуацию.

Ормевуды жили в доме в стиле американских ранчо, который удачно вписывался в ряд домов по соседству. Энджи припарковалась на пустой подъездной дорожке. Никто из соседей с криками на улицу не выбежал, даже если и обратил внимание на ее черный «Шевроле Монте-Карло СС», стоявший, где ему не положено. Когда она выходила из машины, каждый сантиметр ее кожи покалывало от волнения.

Одета она была в свое обычное облачение для уборки: шорты, сделанные из обрезанных джинсов, одна из старых рубашек Уилла и розовые шлепанцы, в которые она вскочила, выходя из дому. Она направилась к гаражу, и подошвы звонко били по ее пяткам. Было ветрено, и Энджи обхватила себя руками за плечи, пытаюсь укрыться от холода. Потом поднялась на цыпочки и заглянула в окошко гаража.

Окна были покрашены краской.

Мимо проехал автомобиль. Энджи проводила его глазами, убедилась, что он не притормаживает, и пошла к передней двери. Она нажала кнопку звонка и стала ждать, предвкушая удивление Майкла, когда он откроет дверь и увидит ее на пороге. Она собиралась сказать ему, что Джон арестован, а потом спросить, откуда он знает Джона Шелли и почему посоветовал им остерегаться этого недавно вышедшего на свободу убийцу.

Энджи постучала, потом опять позвонила.

Тишина.

Она подергала дверь, но та была заперта. Делая над собой усилие, чтобы не оглядываться и не делать ничего такого, отчего ее можно было бы принять за воришку, она пошла вдоль дома в сторону заднего двора, двигаясь неторопливо и по пути заглядывая в окна, словно друг семьи, неожиданно нагрянувший в гости. Ей очень хотелось бы для поддержки иметь под рукой свой сотовый, но она оставила его дома на зарядке.

В задней двери было прорезано отверстие для собаки. Похоже, этим собачьим входом давно не пользовались, и Энджи решила, что он остался от прежних хозяев. Майкл ненавидел собак. У одной из девушек была дворняжка, которая лаяла не переставая, и Майкл выхватил пистолет, когда та прыгнула в его сторону. Проститутка засмеялась, Энджи — тоже. Кстати, это была та самая проститутка, которая рассказала Энджи, что Майкл пользуется услугами девушек на халяву.

Энджи встала на четвереньки и сжалась в комочек, чтобы можно было пролезть в собачью дыру. Ее впечатляющие бедра — спасибо мамочке! — едва не застряли, но ей все же удалось протиснуться. Она заползла внутрь и поднялась на ноги, прислушиваясь, нет ли кого-то дома. Впервые с того момента, как выскочила из собственного дома, она задумалась. Какого черта она здесь делает? Зачем нужно было вламываться в дом к Майклу? Что она рассчитывает здесь найти?

Наверное, Уилл все-таки прав. Майкл действительно был ничтожеством, он бил жену, он, похоже, изнасиловал Энджи в ту ночь, когда она так напилась, что ничего не помнила, но это еще не означает, что он замешан в чем-то. Тогда почему она здесь?

— Ч-ч-черт! — прошипела она, присаживаясь, чтобы выбраться из дома тем же самым путем.

Внезапно она услышала какой-то шум и замерла. Кто-то скулил. Или она ошиблась? Может быть, теперь у Майкла все-таки есть собака?

Энджи застыла, продолжая вслушиваться. Звук не повторялся, и на секунду ей показалось, что она сходит с ума. Тот факт, что она влезла в чужой дом, оставлял вопрос о ее вменяемости открытым.

Потом она снова встала. Нужно было закончить начатое. Она разулась у двери. Энджи ненавидела ходить босиком, но не хотела, чтобы шлепающий звук сопровождал ее по всему дому.

По дороге в кухню она остановилась — мимо дома как раз проехала машина — и прислушалась. Открылась и захлопнулась дверь, но это было на другой стороне улицы. Энджи услышала, как кто-то поздоровался, потом начался разговор, и она namного расслабилась. Господи, не хватало только, чтобы Майкл вернулся и застал ее вынюхивающей что-то в его доме!

Гостиная оказалась такой, как она и ожидала: мягкий диван и телевизор с большим экраном. Энджи заглянула в коридор, но в спальню ей идти не хотелось. Она не хотела видеть место, где Майкл трахает свою жену. Бил он Джину, видимо, здесь же.

Бил ли он Энджи? Она этого не знала. На следующий день руки ее были в синяках, а половые органы горели огнем. Она отрубилась в машине, а дальше он делал все, что хотел. Тупой кобель! Неужели по ее виду было непонятно, что она уже ни на что не способна? Похоже, он только и ждал, когда она вырубится.

В задней части гостиной была какая-то дверь. Накладной замок заперт. Она попыталась сориентироваться, сообразив, что за дверью должен находиться гараж. Зачем цеплять на дверь в гараж такой серьезный замок, если кто угодно может влезть в дом через собачью дверь? И почему окна гаража покрашены краской?

Энджи подошла к двери и прижалась ухом к холодному металлу. Шарнир заскрипел, когда она открывала его. Она нажала на ручку и отворила дверь. В комнате было темно, и она начала шарить рукой по стене в поисках выключателя. Люминесцентные лампы замигали, и в этом дрожащем освещении она увидела верстак, газонокосилку и бильярдный стол.

Лампы наконец зажглись. К бильярдному столу была привязана обнаженная девочка. Во рту кляп, лицо окровавлено. При виде Энджи

глаза ее выкатились из орбит. Если не считать быстро поднимающейся груди, она не двигалась.

У Энджи перехватило дыхание. Внезапно она ощутила резкую, жгучую боль в затылке, и перед глазами вспыхнул ослепительный свет. Она еще услышала всхлипывания девочки, мужской смех, а потом все пропало.

Глава 35

10:13 утра

Уилл откинулся на спинку стула и посмотрел на унылый вид, открывавшийся из окна его кабинета. Потом взял свой сотовый, снова набрал Энджи и дождался, пока телефон перешел в режим голосовой почты, прежде чем отключиться. Он звонил ей весь последний час — сначала на домашний телефон, потом на мобильный. Она сказала, что едет прямо домой, и это было на нее не похоже, чтобы она не отвечала на его звонки. Даже если Энджи злилась на Уилла, она все равно снимала трубку, чтобы выругать его и сказать, чтобы он больше ей не звонил.

По крайней мере насчет одной вещи она оказалась совершенно права. С того момента, как Уилл посадил Джона Шелли в машину, тот не произнес ни слова.

В дверь кабинета постучал Лео Доннелли и тут же вошел, не дожидаясь приглашения.

— Здесь его адвокат.

— Спасибо.

— Утверждает, что она подруга его сестры.

Уилл встал и набросил пиджак.

— Вы ей не поверили?

Лео протянул ему ее визитку и сказал:

— Она юрист по вопросам недвижимости. На вид — горячая лесбиянка.

Уилл не знал, какой ответ от него ожидается. Он уставился на карточку, сделав вид, что внимательно читает, а потом сунул ее в карман жилета.

Лео шел по коридору вместе с Уиллом.

— Должен сказать, что она — большая потеря для нашего брата. Понимаете, о чем я?

Уиллу не хотелось поддерживать этот разговор, поэтому он спросил:

— Вы когда-нибудь слышали, чтобы Майкл упоминал имя Джона Шелли?

— Осужденного? — Лео сжал губы трубочкой и задумался. — Нет.

— В полиции нравов работает одна женщина, Энджи Поласки.

Губы Лео растянулись в понимающей ухмылке.

— Да, я ее знаю.

Уилл открыл дверь на лестницу. По лицу Лео было видно, что он не в восторге от того, что они не воспользовались лифтом, чтобы спуститься на два этажа к комнатам для допросов, но ему следовало быть довольным уже тем, что Уилл не врезал ему по физиономии за эту улыбочку.

— Детектив Поласки, — сказал он Лео, — говорила, что несколько месяцев назад Майкл предупреждал ее и некоторых других девушек на улице, чтобы они остерегались отбывшего срок преступника по имени Джон Шелли.

Они дошли до лестничной площадки, и улыбка слетела с лица Лео.

— Выходит, Майкл знал этого парня раньше?

— Похоже на то.

На следующей площадке Лео остановился и повернулся к Уиллу.

— Послушайте, — сказал он, потом заглянул в лестничный пролет и понизил голос: — Эта крошка Поласки... Майкл трахнул ее некоторое время назад. Вы же понимаете, он женатый человек, по-настоящему любит свою жену, но просто не отказывается лишний раз проверить в действии свой инструмент, особенно на таких экземплярах. Понимаете, о чем я?

— Так что там случилось?

— Поласки не поняла существующие правила. Она искала чего-то более постоянного. Майкл пытался потихоньку спустить все на тормозах, но она с тех пор имеет на него зуб.

Уилл едва не рассмеялся при мысли, что кто-то может думать, будто Энджи хочет серьезных отношений. Продолжая спускаться, он

спросил:

— Вы считаете, что она все это выдумала?

— Знаете поговорку «Фурия ничто в сравнении с брошенной женщиной»?

— Да, — согласился Уилл. — Но зачем ей выдумывать что-то такое?

Лео несколько секунд обдумывал его вопрос, потом пожал плечами и сказал:

— Кто знает? Женщина — она и есть женщина.

— Не вы ли накануне рассказывали мне, что Джина выписала против Майкла запретительный судебный приказ за то, что он ее бил?

— Ну... — Лео опять остановился. — Рассказывал. Ну и что?

Уилл продолжал спускаться.

— Вы же не думали тогда, что она все это выдумала?

— Нет, — признался Лео. Он потер большим пальцем подбородок — красноречивый жест, который Уилл расшифровал уже через несколько минут знакомства с детективом. Он надеялся только, что тот никогда не садится играть в покер. — В общем, вышло так, — в конце концов сказал Лео, — что вчера вечером мне позвонил Майкл и спросил, как продвигается дело.

— Он и мне тоже звонил.

— И что вы ему сказали?

Уилл открыл дверь на второй этаж.

— Вероятно, то же, что и вы: нет ничего, что могло бы продвинуть нас вперед.

— Да, но потом я сказал ему, что вы просили меня подготовить список осужденных за сексуальные преступления. Он почему-то разнервничался по этому поводу. Сказал, что это офигительно блестящая мысль. — Лео с виноватой улыбкой взглянул на Уилла. — Не думаю, что обижу вас, если скажу, что копание в этих файлах было последним шансом, если таковой вообще оставался.

Уилл кивнул. Шелли был включен в группу зарегистрированных осужденных, но в его досье досрочного освобожденного не хватало подробностей, которые разыскала Каролин. Если бы Энджи не попросила Уилла посмотреть данные на этого парня, Шелли, похоже, и сейчас был бы на свободе.

И первым, кто рассказал Энджи о Шелли, был Майкл Ормевуд.

Шагал Лео не так широко, как Уилл. Стараясь не отставать, пока они шли по коридору, он продолжил:

— Дело в том, что Майкл работает здесь давно, почти столько же, сколько я. — Уилл замедлил шаг. — И тоже должен понимать, что какая-то посаженная на иглу наркоманка, которая живет в трущобах, не станет содержать свою квартиру в идеальной чистоте.

Уилл остановился, подумав, что, возможно, он недооценил Лео Доннелли.

— Готов побиться об заклад, — вел дальше детектив, — что это место было выдраено перед тем, как мы туда попали.

— Вы говорили об этом Майклу?

— Он спорил со мной, — сознался Лео. — Майкл обычно очень покладистый парень. Но тут он буквально взвился, когда я сказал, что в квартире было убрано. Он даже не включил это в свой рапорт.

— Может, он просто старался быть осторожным в выводах?

— Осторожность — это когда ты опускаешь тот факт, что нашел в записной книжке шлюхи собственное имя, а не когда забываешь указать, что кто-то выдраил место преступления галлоном хлорки.

Уилл сунул руки в карманы.

— А чем вы сейчас занимаетесь?

Лео пожал плечами.

— У меня в работе еще два-три дела. А что?

— Вам нетрудно будет съездить к Майклу?

— Зачем это?

— Навестите его, — сказал Уилл. — Узнайте, как он себя чувствует.

— Должен сказать, — начал Лео, — по тому, как он себя ведет, мне, честно говоря, в высшей степени наплевать, все ли у него в порядке.

— Просто проведайте его, — настаивал Уилл, положив руку на плечо Лео. — Я хочу знать, где он и как он.

Лео несколько секунд молча смотрел на него, потом кивнул.

— Конечно, — сказал он. — О'кей.

Уилл взялся за ручку двери в комнату для допросов, но не вошел. Он закрыл глаза, стараясь сосредоточиться. В этой комнате он не должен думать об Энджи, Майкле, Жасмин или о чем-то еще, что

может выбить его из колеи. Его целью был Джон, и Уилл настраивался только на прямое попадание.

Он постучал и, не дожидаясь ответа, вошел в комнату. Джон Шелли сидел за столом. Адвокат, склонившись, стояла рядом и держала его за руки.

Когда Уилл вошел, они отпрянули друг от друга.

— Простите, что прервал вас, — сказал Уилл.

Женщина выпрямилась. Голос ее был громким и возмущенным. Возможно, она и специализируется на недвижимости, но она все-таки юрист.

— Мой клиент арестован?

— Я специальный агент Уилл Трент, — представился он. — А кто вы?

— Катерина Кинан. Вы можете объяснить, почему мой клиент оказался здесь?

— Я знаю, что вы юрист по вопросам недвижимости, — сказал Уилл. — Вы представляете интересы мистера Шелли в деле о приобретении имущества?

Глаза ее прищурились.

— Так он под арестом или нет?

Уилл отодвинул стул и спросил:

— Не возражаете?

— Детектив, мне абсолютно все равно, будете вы сидеть, стоять или парить в воздухе. Бросьте ваши полицейские штучки и ответьте на мой вопрос.

Джон смотрел в стол, но Уилл заметил, что при этих словах он улыбнулся.

— Хорошо. — Уилл сел напротив них и обратился к адвокату: — Но, если вы не возражаете, я все-таки специальный агент Трент. Детективы работают в местном участке. Я работаю на государство. Бюро расследований Джорджии. Может быть, видели нас в новостях?

Кинан, очевидно, не особо прониклась этим обстоятельством, но Джон, похоже, понял, что означает эта разница. В игру включился штат. Либо местная полиция не может сама справиться с делом, либо преступление подпадает под двойную юрисдикцию.

— Я не буду отвечать ни на какие вопросы! — заявил Джон.

— Ну и ладно, мистер Шелли, — сказал Уилл. — У меня к вам и нет никаких вопросов. Если бы были, я бы спросил у вас что-нибудь вроде «Где вы были вечером третьего декабря прошлого года?» Или, возможно, я спросил бы вас насчет тринадцатого октября. — Если эти даты что-то и говорили Джону, виду он не подал. Уилл продолжал: — Потом я, может быть, поинтересовался бы насчет прошлого воскресенья. — Теперь какая-то реакция появилась. Уилл надавил еще немного. — Вы должны помнить этот день из-за Суперкубка. И следующий день, шестое. Это был понедельник. Может быть, я спросил бы вас, где вы были в прошлый понедельник.

— Он не должен отвечать ни на какие ваши вопросы, — сказала Кинан.

Уилл обратился непосредственно к Джону:

— Вам нужно довериться мне.

Джон смотрел на него словно на пустую стену.

Уилл откинулся на спинку стула и стал перечислять уже для них обоих:

— У меня есть мертвая проститутка, мертвый подросток и две девочки к северу отсюда, которые сейчас пытаются понять, как жить после того, как им откусили язык.

Говоря это, Уилл следил за адвокатом. Она была не такой опытной, как Джон, и к тому же не умела скрывать свои эмоции.

Он продолжал:

— Есть у меня также пропавшая девочка. Ее зовут Жасмин. Ей четырнадцать. Живет в Хоумс с младшим братом Седриком. В прошлое воскресенье белый мужчина с темными волосами заплатил ей двадцать долларов за один телефонный звонок.

Джон сжал руки, лежащие на столе.

— Забавная вещь получается: тот мужчина дал ей десять центов, чтобы она позвонила. — Уилл выдержал паузу. — Думаю, из автомата за десять центов нельзя позвонить уже года с восемьдесят пятого.

Джон сжал и разжал кулаки.

Уилл обратился к адвокату:

— Мисс Кинан, а вот и следующий вопрос. Откуда Джон Шелли знает Майкла Ормевуда?

При этом имени у нее буквально перехватило дыхание.

— Кати! — предупредил ее Джон.

Уилл решил прояснить ситуацию.

— В прошлый понедельник погибла пятнадцатилетняя девочка. Кто-то отрезал ей язык. Не могу отделаться от мысли, мистер Шелли, что двадцать лет назад вы отрезали язык другой девочке.

Кинан не могла больше терпеть.

— Он не был отрезан!

— Кати, — сказал Джон, — подожди за дверью.

— Джон...

— Прошу тебя, — сказал он, — подожди снаружи. И попробуй разыскать Джойс.

Она явно не хотела уходить.

— Прошу тебя! — повторил он.

— Хорошо, — ответила она. — Но я буду сразу за дверью.

— Собственно говоря, — сказал Уилл, вставая, — вам не разрешается ждать в коридоре, мисс Кинан. Государственное учреждение, террористы — сами знаете, как это сейчас. — Он открыл дверь. — Этажом ниже есть специальная комната для адвокатов, справа от торгового автомата. Можете позвонить оттуда. Может быть, перекусите чем-нибудь.

Выходя из комнаты, она гневно взглянула на Уилла. Как бы там ни было, но с ее уходом напряжение не только не ослабло, а даже усилилось.

Уилл не торопясь закрыл дверь и снова сел. Он скрестил руки на груди, ожидая, что скажет Джон Шелли. Пять минут прошли в полном молчании. Уилл подождал еще немного, потом решил уступить.

— Так откуда вы знаете Майкла Ормевуда?

Руки Джона, по-прежнему лежавшие на столе, сжались в кулаки.

— Что он вам сказал?

— Я его не спрашивал. Я спрашиваю вас.

Джон вложил всю свою злость во взгляд, брошенный на Уилла.

— Джойс — ваша сестра? — спросил Уилл.

— Не вмешивайте ее сюда!

— Ей, должно быть, было тяжело все эти годы. Вы — по одну сторону решетки, она — по другую.

— Она знает, что я этого не делал.

— От этого ей должно было быть только тяжелее.

— Бросьте испытывать на мне эти ваши психологические штучки!

— Мне просто любопытно, каково это ей было.

— Каково это было, говорите? — повторил Джон, и его с трудом сдерживаемая злость начала прорываться наружу. — Каково это было — разбить мою семью, свести в могилу раньше времени мою мать? Каково это было, когда собственный отец обращался со мной, как с каким-то изгоем, парией? А как вы сами думаете, приятель? Как вы, блин, это себе представляете?

Слова Джона повисли в воздухе, эхом отдаваясь в ушах Уилла. Действительно, что он себе думал? А он как раз думал о том, что фрагменты мозаики начали наконец-то становиться на свои места.

— Я хочу, чтобы вы кое-что для меня сделали, — сказал Уилл.

Плечи Джона как-то неопределенно приподнялись.

Уилл носил в кармане копию письма Алиши Монро — своего рода талисман, который должен был помочь ему в этом деле. Он развернул сложенный лист и придвинул его по столу к Джону.

— Вы не могли бы прочесть это для меня? Только вслух, пожалуйста.

Джон подозрительно взглянул на него, но любопытство взяло верх. Он склонился над столом и, не касаясь письма, сначала прочел его про себя. Потом смущенно посмотрел на Уилла.

— Вы хотите, чтобы я прочел это вслух?

— Если вам не трудно.

Джон откашлялся. Было очевидно, что он не понимает, что происходит, но когда он все-таки начал читать, Уилл счел это знаком доверия с его стороны.

— «Дорогая мама», — начал Джон, но Уилл остановил его.

— Простите. На три строчки ниже, — сказал он. — Начните, пожалуйста, оттуда.

Джон бросил на Уилла еще один взгляд, который говорил, что ему остается только послушаться.

— «Библия учит нас, что грехи родителей падают на их детей. Я отверженная, неприкасаемая, которая может жить только с таким же Парией, и все из-за твоих грехов».

Джон остановился, уставившись на эти слова, как будто только теперь понял, что пропустил что-то, лежавшее у него под самым носом.

— Кто такая Алисия? — спросил он.

— Алиша Монро, — ответил Уилл, и выражение лица Джона рассказало ему все, что он хотел узнать. — Я разговаривал вчера утром с ее матерью. Я должен был сказать ей, что ее дочь мертва.

Джон судорожно сглотнул.

— Мертва?

— Алиша Монро была изнасилована. Избита. У нее был откушен язык.

— Это был... — прошептал Джон в большей степени для себя.

Он схватил письмо и уставился на слова Алиши, обращенные к ее матери.

— Она дважды написала «пария», — сказал Уилл, понимая, что представился единственный шанс заставить Джона доверять ему. — В первом случае это было с маленькой буквы «п». Во втором она написала это с большой буквы. «С Парией», а не «с париями». Она имела в виду одного человека, а не группу.

Глаза Джона забегали по странице, и Уилл знал строчку, которую тот читал. «.. неприкасаемая, которая может жить только с таким же Парией».

Уилл наклонился над столом и, удостоверившись, что завладел вниманием Джона, спросил:

— Кто этот Пария?

Тот продолжал внимательно смотреть в письмо.

— Я не знаю.

— Это кто-то, кого Алиша знала в прошлом. И кто-то, с кем ей приходилось встречаться сейчас. — В кармане Уилла зазвонил телефон, но он проигнорировал это. — Мне необходимо, чтобы вы сказали мне, кто этот Пария, Джон. Я должен услышать это от вас.

Джон знал ответ на этот вопрос, он уже догадался. Уилл видел это по его глазам.

Но Джон сказал только:

— У вас телефон звонит.

— Об этом не беспокойтесь, — ответил Уилл. — Кто этот Пария?

Джон пожал плечами.

— Расскажите мне, о чем идет речь.

Сотовый продолжал звонить, но Уилл даже не шелохнулся, чтобы выключить его. Он видел, что Джон начинает ускользать от него, что

этот звонок действует на него как предупреждающий сигнал, напоминающий осужденному, чтобы тот держал язык за зубами.

— Джон, — подтолкнул его к ответу Уилл.

Джон вскочил, скомкал письмо и швырнул его в лицо Уиллу с криком:

— Я же сказал, что не знаю!

Уилл откинулся на спинку стула, в душе проклиная Энджи, которая решила позвонить ему именно в этот момент. Он открыл телефон и раздраженно бросил:

— Что?

— Трент, — сказал Лео Доннелли, — я у дома Майкла.

— Побудьте на линии, — сказал Уилл и, опустив телефон, обратился к Джону: — Мне нужно на минутку выйти и ответить на звонок, о'кей?

Джон кивнул.

— Дело ваше.

Уилл вышел в коридор и, как только оказался за дверью, прижал телефон к уху.

— Что там, Лео?

— Я поехал к Майку домой, как вы и сказали.

Уилл чуть не кипел от злости. Джон готов был расколоться! Если бы не этот дурацкий телефонный звонок, он бы сейчас уже выкладывал свою историю.

— Стою, стучу в дверь, зная, что Майкл дома, потому что на улице стоит его машина.

Уилл прислонился к стене, чувствуя, что бессонная ночь начинает догонять его.

— И?

— Никто не отвечает. А тут подъезжает патрульная машина из Де-Кальба, а за ней — Джина. Джина — это его жена. Она вызвала их для защиты, пока она будет забирать из дома кое-какие вещи.

— Так.

— Она задом заезжает на подъездную дорожку, спрятаться мне некуда, так что я подхожу к ней и спрашиваю, как дела. Она смотрит на меня, как на дерьмо. Думаю, она считает меня приятелем Майкла.

Уилл думал о Джоне, который сидит в допросной.

— Ну и к чему все это?

— Вы думаете, я просто так тяну кота за хвост? Да я служу минимум лет на десять больше вашего!

— Да, конечно, — согласился Уилл, прислоняясь к стене и размышляя, сколько все это еще может тянуться. — Продолжайте.

— Так вот, — продолжал Лео, — ребята из Де-Кальба совсем не обрадовались, увидев меня там. Видимо, Майкл дал им от ворот поворот насчет своей соседки. Не стал с ними разговаривать, не позволил заглянуть к себе в дом.

Теперь Лео полностью завладел вниманием Уилла.

— Я так думаю, они ухватились за звонок Джинны, чтобы осмотреться на месте.

— И?

— Когда Джина поняла, что Майкла нет, она их в дом не пустила, — сказал Лео и с уважением добавил: — Она может ненавидеть его до мозга костей, но она все-таки жена копа. Знает, что нельзя никого пускать, пока нет соответствующей бумаги от судьи.

— Я что-то пропустил?

— Дайте мне закончить, — предупредил Лео. — Этот коп, Баркли, он уже буквально кипятком писал, все психовал по этому поводу. И решил отыграться на мне, сказал, чтобы я проваливал с частной собственности. — Уилл слышал, как щелкнула зажигалка, когда Лео прикуривал сигарету. — Чтобы я убирался на улицу. Но это же свободная страна, верно? И этот Баркли тут не хозяин.

Уилл легко представил себе эту сцену. Не следует просить копа уйти, если не хотите, чтобы он до конца своих дней повис у вас на шее.

Тем временем Лео продолжал:

— Я прошвырнулся около машины Майкла, все думал, чего он припарковал ее на улице, а не на дорожке под домом, а тут как раз подъезжает соседка с пакетами из гастронома. Носатая такая сучка, но я все равно спрашиваю ее, мол, так и так, где Майкл, а она мне... — Наступила пауза, пока Лео затягивался. — Она говорит, что Майкл был здесь примерно час назад. Она проверяла почтовый ящик, когда он подъехал. Он еще спросил ее о машине, которая была припаркована на дорожке у него под домом.

Уилл оторвался от стены.

— Какая еще машина?

— Ну, какая-то машина на его дорожке, — ответил Лео. — Майкл хотел у нее узнать, как давно она тут стоит. Она говорит, что минут пять, может, десять. И он уходит, даже спасибо не сказал.

— И что потом?

— Соседка идет к себе в дом, берет список покупок и выходит снова на улицу. — Лео опять затаился. — И видит, что машина на дорожке уже развернута в другую сторону, задом к гаражу. Еще она видит, что там стоит Майкл и запирает дверь гаража.

— Черт!

— Он машет ей рукой, закрывает багажник и уезжает.

«Закрывает багажник...» — эхом отозвалось в голове Уилла.

Майкл что-то положил в багажник!

— Она сказала, что это был за автомобиль? — спросил Уилл.

— Черный. В моделях она не разбирается.

Сердце у него перестало биться.

— Лео, тот коп еще там?

— Да.

— Машина Джинны по-прежнему стоит на дорожке задом к дому?

— Да.

— Мне необходимо, чтобы вы пошли на эту дорожку и заглянули под заднюю часть машины. И скажите мне, есть ли на бетоне свежие капли масла.

— Вы хотите, чтобы мне там яйца отстрелили?

— Вы должны это сделать, — настойчиво повторил Уилл. От усилия, с которым он произнес эти слова, запершило в горле. — Посмотрите, есть ли там свежие пятна масла.

— Господи! — пробормотал Лео. Уилл слышал, как он шумно выпустил дым. — Ладно, не кладите трубку.

Уилл зажмурился и представил, как Лео переходит улицу и идет к подъездной дорожке к дому Майкла. Послышался мужской голос, принадлежавший, видимо, копу по имени Баркли, потом какие-то вздохи — похоже, это Лео приседал. Опять крики местного копа, Лео огрызается в ответ. Наконец он снова заговорил:

— Да, есть свежие следы масла. Это не может быть из машины Джинны, потому что она заезжала на дорожку задом...

Уилл захлопнул телефон, сунул его в карман и ворвался в комнату для допросов.

Увидев его, Джон отшатнулся.

— Что за...

Уилл заломил ему руку за спину и ударил его лицом о стену. Потом прижался ртом к уху Джона, чтобы этот негодяй уж точно не пропустил ни единого его слова:

— Говори, где он!

Джон вскрикнул от боли.

— Говори, где он! — повторил Уилл, продолжая заламывать его руку и чувствуя, что плечо уже готово сломаться.

— Я не...

— Он забрал Энджи, слышишь, сволочь? — Уилл сильнее придавил его руку. — Говори мне, где он!

— Теннесси, — прошептал Джон. — Он купил домик в Теннесси.

Уилл отпустил его, и Джон упал на пол.

— Где именно в Теннесси?

Джон покачал головой и попытался встать.

— Возьмите меня с собой.

— Назови адрес!

Он рывком поднялся на ноги, морщась от боли в плече.

— Возьмите меня с собой.

— Спрашиваю в последний раз!

Не получив ответа, Уилл сделал шаг вперед.

— Хорошо! — закричал Джон, поднимая руку, которой еще мог двигать. — Элтон-роуд, двадцать девять. Дактаун, Теннесси.

Глава 36

В какой-то момент Энджи стошнило, но из-за кляпа большая часть рвоты осталась во рту. Судя по стоявшему в багажнике едкому запаху, она умудрилась еще и описаться. В голове стучало, как кувалдой, а тело болело так, что она не могла двигаться без стона. Ее руки и ноги были стянуты за спиной. Даже если бы она и смогла пошевелиться, деваться ей все равно было некуда и помочь себе она не могла. Она оказалась полностью беспомощной.

Энджи постаралась сконцентрироваться на дыхании, чтобы ее снова не вырвало. Это была далеко не первая ее контузия, и даже не самая тяжелая, но в темноте багажника трудно было удержаться от паники, и каждый раз, когда машина останавливалась на светофоре или перед дорожным знаком, ее охватывал страх, разъедавший душу, словно кислота.

Автомобиль снова замедлил ход, и она напряглась, вслушиваясь в шуршание шин по гравию. Сейчас они съехали с асфальта. Энджи понятия не имела, как долго находится в этом багажнике. Она не видела, кто ударил ее по затылку, но она знала, что это был Майкл. Его смех до сих пор звенел у нее в ушах. Это был тот же смех, который она слышала на вечеринке у Кена, когда он затолкал ее на заднее сиденье машины.

Девочка...

Там была девочка, привязанная к бильярдному столу. Ее тело было испачкано кровью и покрыто кровоподтеками. Жасмин! Это, должно быть, Жасмин.

Машина поехала накатом и плавно остановилась. Энджи считала секунды. На двенадцатой дверца открылась. Машина дернулась — с переднего сиденья поднялся груз. Дверца хлопнула.

Шаркающие шаги по гравию. Открылась пассажирская дверца, затем с силой захлопнулась, как будто ее закрыли ногой.

Двадцать секунд. Пятьдесят. Сто. Когда в замке багажника щелкнул ключ, Энджи уже сдалась и бросила считать.

Солнечный свет ослепил ее. Глазам стало больно, и Энджи зажмурилась. Свежий воздух был настоящим блаженством, и она постаралась раздуть ноздри, отчаянно пытаясь вдохнуть его побольше.

Какая-то тень загородила солнце. Она медленно открыла глаза. Сверху ей улыбался Майкл — неровные царапины, которые три дня назад оставила на его лице Жасмин, напоминали боевую раскраску.

— Нормально вздремнула?

Она напряглась, и веревки натянулись.

— Уймись, — успокоил ее Майкл.

Сквозь кляп Энджи, как смогла, крикнула ему: «Пошел ты!»

Он вынул из ножен охотничий нож и, предупредив: «Не вздумай дергаться!» — перерезал веревку у нее за спиной.

Энджи с облегчением застонала и вытянула ноги. Руки по-прежнему оставались связанными за спиной, но теперь, по крайней мере, она могла двигаться.

— Вылазь из машины.

Энджи попыталась сесть. Майкл сунул нож на место и вынул свое служебное оружие. Он приставил ствол к ее голове, и Энджи замерла.

— Медленно! — скомандовал он. — Можешь не сомневаться, что я выстрелю.

Она уперлась ладонями в дно багажника, и веревка врезалась в запястья. После нескольких безуспешных попыток ей наконец удалось приподняться. Она перебросила ноги через бортик багажника и, застав, с трудом вылезла наружу. Покачнувшись, когда ноги коснулись земли, но устояла.

— Это было весьма впечатляюще, — сказал Майкл. — Я уже и забыл, какая ты ловкая.

Энджи мучительно хотелось выцарапать ему глаза.

Она огляделась по сторонам, пытаясь сориентироваться.

— Правильно, оглядись, — сказал он. Она увидела простой сельский дом на фоне убегающих вдаль холмов и горных вершин, укрытых снежными шапками. — Можешь кричать сколько душе угодно, никто тебя здесь не услышит.

Он выдернул кляп, и она судорожно глотнула воздух. Нос, похоже, был сломан, а когда она сплюнула на землю, там оказалась кровь вперемешку с остатками ее завтрака.

Она пронзительно закричала.

Майкл стоял и смотрел, как она сгибается пополам от напряжения, как хрипят ее легкие. Она кричала, пока хватало воздуха и пока в голове не осталось ничего, кроме собственных воплей.

— Закончила? — спросил он.

Она бросилась на него, и он ударил ее коленом в грудь. Она рухнула на землю, больно ударившись об острый гравий.

Он приставил «глок» к ее голове и наклонился к ее лицу.

— Запомни, Энджи: ты здесь дублирующий вариант.

Жасмин!

— Где она?

Майкл схватил ее за волосы и потащил к дому. Энджи упиралась, ударяясь о каждую ступеньку, и пыталась разорвать веревку.

— Отпусти! — кричала она. — Отпусти меня, грязный ублюдок!

Он открыл дверь и толкнул ее внутрь.

— Давай сюда!

Потом схватил ее за плечо и швырнул в ванную комнату.

Она упала в ванну, ударившись головой о покрытую пластиком стену. В одной руке у Майкла по-прежнему был пистолет, второй он открутил душ. Энджи пыталась встать, но ноги ее не слушались, а в лицо били струи ледяной воды.

— Снимай шорты! — скомандовал Майкл. Пока она пыталась встать, он вылил на нее пакет шампуня. — Сними их!

Даже если бы Энджи и хотела, она все равно не могла ничего сделать со связанными за спиной руками. Похоже, Майкл понял это. Он расстегнул верхнюю пуговицу ее джинсовых шорт, а потом змейку.

— Нижнее белье тоже, — сказал он. — Давай!

Руки Энджи занемели и затекли от нарушения циркуляции крови, но ей все же удалось зацепиться большими пальцами за пояс и стянуть шорты. Ногой она отбросила их в сторону.

— Что ты сделал с девочкой? — спросила она, стягивая трусики. — Что ты сделал с Жасмин?

— Не беспокойся. Она никому не расскажет. — Майкл улыбнулся, явно получая удовольствие от собственной шутки.

Энджи рванулась и ударила его головой в живот. Майкл едва не вывалился в коридор, и выпавший у него пистолет заскользил по мокрому полу. Одним резким движением он схватил Энджи и отшвырнул от себя. Вытянув связанные руки назад, чтобы смягчить падение, она неловко упала на пол. Правая ладонь вывернулась, и Энджи всем своим весом опустилась на запястье. Она услышала хруст и почувствовала, как руку пронзила острая, обжигающая боль.

— Вставай! — скомандовал Майкл.

Выше ладони пульсировала боль, руку кололи невидимые иголки. Всхлипывая, Энджи перевернулась на бок. О господи, она сломала запястье! Что она будет делать? Как собирается выбираться отсюда?

Она услышала шум из соседней комнаты. Майкл ушел. Где девочка? Что он делает с Жасмин?

Энджи прижалась лицом к полу и заставила себя встать сначала на колени, а потом на ноги. Перед глазами все плыло, и она прислонилась к стене. Она перевела дыхание, собралась и оторвалась от стены. Мокрые трусики болтались на лодыжке, и Энджи, отбросив их в сторону, захромала в комнату.

Майкл сидел на диване, забросив ногу на ногу. «Глок» лежал на подушке рядом с ним. Он знал, что Энджи не успеет до него добраться.

— Садись, — сказал он, указывая на кресло-качалку у камина.

Она осторожно присела на самый краешек, чтобы не опрокинуться назад.

— Что ты делала в моем доме?

Энджи оглядела комнату. Это была гостиная, три метра на шесть, с небольшим кухонным уголком в дальней части. Она вспомнила о горах вокруг, об уединенности этого дома. Майкл был прав: тут никто не услышит ее криков.

— Что собираешься делать? — спросила она.

На его лице появилась самодовольная ухмылка — улыбочка, которую она заметила еще на вечеринке у Кена и ошибочно приняла за приглашение к флирту.

— А ты как думаешь?

Энджи почувствовала, что ее нижняя губа начинает дрожать. Рука немела, запястье пульсировало тупой болью. Веревка, намокшая под

душем, от воды стала толще и тяжелее. Было ощущение, что кожа под ней сожжена.

Она посмотрела на пистолет на диване.

— Не делай глупостей!

Энджи откашлялась, чувствуя себя так, словно наглоталась ваты.

— Джон мне все рассказал, — сказала она, раздумывая, как долго сможет сопротивляться, прежде чем Майкл сломает ее. Никто не знает, что она здесь. Уилл, наверное, до сих пор допрашивает Джона Шелли, пытаюсь докопаться до правды. Если тюрьма хоть чему-то научила Джона, он будет держать язык за зубами. Пройдут часы, а может, и дни, прежде чем Уилл решит поискать ее, а когда эта мысль все-таки придет ему в голову, он все равно не сможет узнать об этом крошечном домике в горах.

— И что же тебе рассказал Джон? — спросил Майкл.

— О Мэри Элис, — ответила Энджи, молясь про себя, чтобы не перепутать имя девушки. — Он рассказал мне, что там произошло на самом деле.

Майкл рассмеялся, но совсем не весело.

— Джон и сам не знает, что там произошло на самом деле.

— Он догадался.

— Джон слишком тупой, чтобы о чем-то догадаться.

— Я рассказала об этом всем.

— Не лги мне! — предупредил он. — Сейчас я добрый, но мы с тобой знаем, на что я способен.

— Уилл... Я рассказала Уиллу.

Уилла он испугался. Энджи видела это по его лицу.

— Тренту? — спросил он.

— Он мой бойфренд.

Майкл пристально смотрел на нее, видимо, пытаюсь сообразить, врёт она или нет. Потом покачал головой.

— Уф-ф...

Он ей не поверил!

— Это правда, — настаивала Энджи. — Я знаю его всю жизнь.

Его взгляд скользнул по ее телу. Она была голой ниже пояса и сидела, расставив ноги, чтобы не упасть.

— Тебе не следует забывать, — сказал он, — что есть масса способов, которыми можно умереть.

— Шрам на лице Уилла, — не уступала она. — Он тянется по щеке и уходит на шею.

Майкл пожал плечами.

— Это видно любому.

— А его рука, — сказала она. — В него стрельнули машинкой для забивания гвоздей. Я сама возила его в больницу.

Глаза Майкла сверкнули. Он медленно встал с дивана и подошел к Энджи. Она попыталась отклониться, но он оперся обеими руками о поручни кресла-качалки. Голос его превратился в глухое рычание, когда он спросил:

— Что ты ему рассказала?

Страх сжал ее горло, словно удавка.

— Все! — Она слышала ужас в своем голосе, понимала, что он тоже это слышит, но ее губы все равно двигались, и с них продолжали слетать слова: — Джон рассказал мне... а я рассказала... Я рассказала Уиллу...

Он с такой силой сдвинул подлокотники, что кресло задрожало.

— Он рассказал тебе что?

— Что ты знал Алишу!

— Проклятье! — Майкл так резко оттолкнулся от кресла, что едва не опрокинул его. Энджи взмахнула ногами, чтобы не перевернуться. — Черт побери!

Он уже занес ногу, чтобы с размаху ударить по журнальному столику, но в последний момент остановился. Его нога медленно опустилась на пол, но кулаки оставались сжатыми — его буквально трясло от ярости.

Энджи смотрела ему в спину, затаив дыхание от страха. Она осторожно остановила раскачивающееся кресло и сдвинулась на край сиденья. Половица скрипнула.

Майкл обернулся и ударил ее так, что она рухнула на пол.

Она так и осталась лежать, не в силах сдвинуться с места. В голове гудело.

— Вставай!

Ему больше не нужно было ей угрожать. Энджи попыталась сесть, но не смогла, поэтому прижалась щекой к полу и закрыла глаза, ожидая наказания за неповиновение.

Но ничего не произошло.

— Отец бросил меня, когда мне было десять.

Энджи открыла глаза. Должно быть, она потеряла сознание и что-то пропустила. Майкл стоял у кухонного умывальника. Открыв один из шкафов, он вынул оттуда металлическую банку.

— Знаешь, на что это похоже? — спросил он.

Она молча смотрела, как он открывает банку и заглядывает внутрь.

— Джон думал, что ему досталась крепкая смесь. Он не знал, что такое крепкая по-настоящему.

Майкл помахал пакетиком белого порошка. Он снова стал нормальным парнем, каким представлялся окружающему миру, чтобы этот мир не заметил, каким он на самом деле был чудовищем.

— Хорошая вещь. Хочешь попробовать? — спросил он.

Она попыталась отрицательно покачать головой.

— Тот последний стаканчик ты тоже не хотела. — Он заулыбался, словно это было очень забавно. — Большая вечеринка в честь Кена... Помнишь, Энджи? Я еще принес тебе напиток.

Она этого не помнила, но все равно кивнула.

— Это был «руфи», детка. — Он сел на диван и поставил железную банку на журнальный столик между ними. — Ты тогда проглотила целую горсть «руфи».

Рогипнол^[22]. Он напоил ее наркотиком!

Выражение ее лица рассмешило Майкла. Он вынул из банки лезвие и небольшое зеркальце, насыпал на стекло немного порошка. Энджи следила, как он крошит кокаин.

— У тебя когда-нибудь были дети? — спросил он, не глядя на нее. — Держу пари, что ты делала аборт раз шестьдесят, не меньше. — Он продолжал деловито измельчать кокаин. — У моего сына есть проблемы. Ты это знаешь.

Энджи заставила себя пошевелиться и едва не задохнулась от боли. Но все-таки ей это удалось! По крайней мере, она уже не валялась беспомощно на полу.

— Он умственно отсталый, — сказал Майкл, выкладывая порошок четырьмя дорожками. Он вынул из банки свернутую в трубочку долларовую купюру и вдохнул через нос одну из дорожек. Охнул и сказал Энджи: — Это на самом деле хорошая отравка. Уверена, что не хочешь попробовать?

Она снова покачала головой.

— Не любишь терять над собой контроль? Именно так ты сказала тогда, на вечеринке у Кена, когда я протянул тебе напиток. — Он усмехнулся. — Но потом все равно выпила. Можно было бы постепенно, но ты сразу проглотила все, как рыба наживку. — Он протянул ей зеркальце и снова предложил: — Хочешь?

— Ты сломал мне нос.

— Много теряешь. — Он положил зеркало на столик.

— Просто отпусти меня. — Она так дрожала, что едва могла разговаривать. — Я никому не скажу.

— Ты ведь и сама не веришь, что сможешь выбраться отсюда.

— А где Жасмин?

— Очень скоро ты это узнаешь. — Он откинул голову на спинку дивана и изучающе посмотрел на нее. — А ты не хочешь побольше узнать о Джоне?

— Что именно?

— Задницу Джона перепахала половина тюрьмы. Я просто уверен, что у него СПИД.

Энджи с трудом сделала глубокий вдох и закашлялась от этого усилия. Запястье отдавало болью с каждым ударом сердца. Веревка, высохнув в тепле, еще глубже врезалась в кожу.

— На чем же мы остановились? Тим, верно? — Он коротко вздохнул. — Ему поставили этот диагноз шесть лет назад.

Энджи попробовала потянуть веревку на запястьях.

— Должно быть, это было... тяжело.

— Опять все упирается в деньги, разве не так? — Он показал на зеркальце на столе и дорожки кокаина. — Я делал это вот так. Немного подстегивал девочек, ведь они помогали мне платить за то, чтобы мой сын научился завязывать свои проклятые шнурки. Государственная страховка не покрывала и половины того, что ему было необходимо. Что я должен был делать? Позволить своему ребенку прозябать в каком-то приюте?

Энджи не ответила. Ее мозг обрабатывал его слова, пытался уловить их смысл. Майкл продавал наркотики девочкам, получая взамен их услуги, когда ему этого хотелось? Он проработал в полиции нравов по меньшей мере десять лет. Его сыну не больше восьми. Тим не имеет к этому никакого отношения.

— Потом у меня появились наличные, но некуда было их пристроить. Я не решался положить их на свой счет, потому что дядюшка Сэм мог поинтересоваться, откуда они взялись. Не мог оставить их в доме, потому что Джина могла начать задавать вопросы. — Он ткнул пальцем в сторону Энджи. — И тогда я сообразил: а почему бы не открыть счет на имя моего дорогого кузена Джонни? Номер его социального страхования я взял из этого судебного дерьма, которое повсюду раскладывала моя мать.

Кузен... Энджи так и не поняла, были ли они родственниками или Майкл просто использовал какой-то сленг.

— Понятно, что я не очень-то переживал о том, чтобы он поскорее вышел на волю, — сказал Майкл.

Энджи чувствовала, что глаза ее слипаются, и изо всех сил старалась не уснуть.

— Где же твои вопросы? — Принятый кокаин сделал его возбужденным и разговорчивым. — Давай же, девочка, давай! Спрашивай.

Мысли Энджи путались. В голову пришла только одна фраза:

— Ты знал Алишу Монро.

— Да, мы знакомы очень давно.

Энджи ожидала, что сейчас Майкл сообразит, что до этого она ему лгала, но он был слишком поглощен своим рассказом, чтобы анализировать сказанное ею.

— В первый же день, когда я надел форму, я получил вызов в Хоумс — и застрял в том долбаном лифте. Все старожилы животы понадрывали со смеху, пока вытаскивали меня оттуда. И Лиша была там — стояла и смеялась вместе со всеми. Смеялась, пока не узнала меня. — Он погрозил Энджи пальцем. — Никто не может просто так смеяться над Майклом Ормевудом. Никто не может над ним смеяться, как не может, ясное дело, и отодвигать его в сторону.

Энджи почувствовала солоноватый привкус крови во рту и закашлялась.

— Она была шлюхой еще в школе, — сказал Майкл, — шлюхой осталась и через пятнадцать лет. За ложку этого пойла она была готова отсосать даже у бездомного пса. — Он снова улыбался, и улыбка эта говорила, что он под кайфом. — Они не могут понять, что даже здесь нужно контролировать себя. Принимай его, когда тебе хочется, а не

когда необходимо. — Он имел в виду кокаин. — Не кури это, не колись этим и не будь слишком жадным.

Майкл был глупее, чем она думала, если считал, что он может контролировать свою зависимость от наркотика.

— За что ты убил Алишу? — спросила она.

— Она достала меня. Все пыталась изменить правила игры.

— Ты не хотел ей платить. — Энджи достаточно долго находилась среди проституток, чтобы знать главную причину. — Жасмин тоже достала тебя?

— Жасмин... — Он улыбнулся. — Интересно, что бы сказал твой бойфренд, если бы узнал, что я держал ее в квартире Алиши, пока отвозил его в управление? — Он пристально смотрел на Энджи, видимо, наслаждаясь ее реакцией. — Помнишь, мы с тобой просматривали мои рапорты? На тебе еще была эта ничего не закрывающая юбка в обтяжку, и ты светила сиськами всякий раз, когда наклонялась. Она все это время была у меня в багажнике, Энджи. Все время, пока ты терлась около меня, она лежала в багажнике моей машины, сходя с ума от мыслей о том, что с ней должно произойти.

Энджи сплюнула кровь. Один из зубов ныл пульсирующей болью. Наверное, был сломан.

Майкл замолчал, и она подумала, не заканчивается ли действие кокаина. Она не могла сказать, сколько времени прошло с тех пор, как он принял дозу. А может, он относится к людям, которые обладают противоположной реакцией на стимулятор. Может быть, он настолько контролировал себя, что это вообще не имело значения.

Он молчал слишком долго, и Энджи почувствовала, как глаза ее закрываются, а тело погружается в своего рода сон. Но тут Майкл заговорил снова, и она, вздрогнув, очнулась.

— Они все ведут себя так, будто они такие офигительно хорошие, но всего один укол, одна доза — и они уже на крючке. И они продолжают приходить к тебе, валяются у твоих ног, умоляют. Все они. Особенно Джон.

Энджи снова пришлось откашляться, прежде чем она смогла говорить.

— За это ты и упрятал его за решетку?

— Это была мамина идея, но он получил то, чего заслуживал. Они все получают то, что заслуживают. — Он взглянул на нее. — Совсем

как ты.

Энджи чувствовала, что глаза ее снова норовят закрыться, мышцы расслабляются. Борясь со сном, она до крови прикусила губу, чтобы боль помогла ей остаться живой.

— После того, как один раз попробовал это, — задумчиво продолжал Майкл тихим голосом, — ты больше без этого не можешь. Тебе нужен их страх, то, как они толкаются вокруг тебя, нужна паника в их глазах.

Энджи снова попробовала растянуть веревку Кости в сломанном запястье сместились, и их движение резкой болью отозвалось в голове.

— Я получил на Джонни несколько кредитных карточек, — продолжал Майкл. — Купил вот это. — Он имел в виду домик. — Ты считаешь, что я глуп, но это не так. — Он постучал пальцем по голове. — Думать нужно. Что ты первым делом делаешь, когда пытаешься привязать личность преступника к месту преступления? Проверяешь выписки по кредитным картам: счета за газ, квитанции из гостиниц, все это дерьмо. Подтяни преступника к месту преступления в правильный день и в правильное время — и есть, бинго! Ты поймал его. — Он покачал головой. — Они ничего не найдут на Майкла Ормевуда, это точно. Ни в Алабаме, ни в Теннесси, и уж сто процентов — в Атланте. Я просто семейный человек, ухаживаю за своим несчастным умственно отсталым мальчиком, забочусь о жене, каждый вечер провожу дома перед телевизором.

— Ты продавал наркотики, — сказала Энджи, думая о девушках, которых встречала на улице, наркозависимых, готовых на все, лишь бы утолить свою пагубную страсть. И снабжал их коп. Коп эксплуатировал их потребность и при этом удовлетворял свою. Скольких он изнасиловал? Скольких убил?

— Мне следовало бы рассердиться на тебя, но я этого делать не буду. — Он потер челюсть, не сводя с нее глаз. — Глупые люди позволяют эмоциям вытаскивать лучшее, что в них есть, и в этом их ошибка. Здесь ситуацию контролирую я, Энджи. И я буду решать, как именно ты умрешь.

Майкл встал с дивана, и она сжалась, приготовившись к новой боли. Но он подошел к камину и положил руку на полку. Энджи вспоминала, как три дня назад встречалась с Уиллом. Он стоял у камина в ее доме, а она смотрела на его спину, на сильные плечи и

больше всего на свете хотела его обнять. Такой возможности больше не будет. Он никогда не узнает, что она тогда чувствовала.

— Ты не знаешь, — сказал Майкл, — каково это, когда мечтаешь о прекрасной жизни, о прекрасной семье, а потом случается что-то такое, как Тим, и ты чувствуешь себя полным неудачником, какой-то жалкой ошибкой.

Энджи глубоко вдохнула, пытаясь упорядочить свои мысли.

— Как это все началось?

— Ты же знаешь насчет Мэри Элис.

— А другие?

Должны были быть и другие.

— Как далеко в прошлое ты хочешь перенестись? В восемьдесят пятый? Девяносто пятый? В прошлый год? — На лице Майкла снова появилась улыбка. — Черт, я даже могу вспомнить, из каких они были штатов. Твой дружок пытался составить мой психологический портрет, верно? Думаю, он заметил, что с момента, когда Джонни вышел на свободу, я пошел по восходящей. Я снял перчатки, потому что знал: как только станет по-настоящему горячо, все, что мне потребуется, — это просто указать пальцем в его сторону.

— Они же были детьми!

— Можешь мне поверить, они были гораздо более опытными, чем позволено. Очень зрелые штучки для своего возраста. — Он покачал головой, словно сокрушаясь по поводу парадоксальности ситуации. — Все вы — стадо грязных попрошаек.

Энджи вдруг почувствовала, как внутри начинает подниматься волна стыда. Сколько маминых дружков говорили то же самое об Энджи? Сколько раз она принимала от них игрушки, вкусную еду или красивую одежду, а потом ей говорили, что она должна отработать это?

— Большинство этих девчонок, — сказал Майкл, — трахались столько, что даже ничего не чувствовали, если только им хорошенько не врезать. — Он снова смотрел на нее, на этот раз оценивающе. — Ты совсем как Мэри Элис. Знаешь почему? Ты дразнишь меня, позволяешь поцеловать, прикоснуться к себе, а потом отталкиваешь, как будто я для тебя недостаточно хорош. — Он раздраженно фыркнул. — Разыгрываешь из себя невинность!

Энджи молча смотрела на пистолет на диване.

— Другое дело шлюхи. С ними можно делать все, что угодно. Я имею в виду, за это им и платят. — Он повернулся к ней спиной, положив руки на каминную доску. Энджи не отрывала глаз от «глока», надеясь, что это не плод ее разыгравшегося воображения. — Я всего-то и хотел спустить пар с Алишей. И вдруг она начинает наглеть, выскакивает за мной из квартиры на лестницу. Но я не плачу за это дерьмо. Она не успокаивается, продолжает толкать меня и получает урок. Майкл Ормевуд никогда не платит!

Энджи молчала.

— Да, я позволил ей вывести меня из себя. — Она услышала шаги и почувствовала, что он остановился в нескольких сантиметрах от ее лица. — Но никто не станет особо переживать по поводу смерти какой-то потаскухи, верно? Никто не станет переживать и о тебе тоже.

Она крепко зажмурила глаза. Она позволила ему проникнуть в ее мозг, позволила установить контроль над ней, как он того и хотел.

— Все, что нужно сделать Джону, — это рассказать им, — сказала Энджи и наудачу добавила: — что ты его кузен.

— Ох, дорогая, — протянул Майкл, — неужели ты думаешь, что у Джона появится хотя бы один шанс открыть рот в зале суда? — Он покачал головой и продолжил: — Я все время играл с ним, дергал за ниточки, когда сам хотел. — Он снова ухмыльнулся. — Конечно, я едва не обделался, когда заглянул в ящик для инструмента и увидел, что он туда положил, но это было ничто по сравнению с тем, что придумал для него я. Я собирался проделать одну злую шутку с этой девочкой, а потом вывалить это все под дверь Джонни — точнее, в ту вонючую дыру, где он сейчас проживает.

— Это все равно не сработало бы, — сказала она, зная, что, скорее всего, все вышло бы так, как задумал Майкл.

— «Героический коп ловит серийного убийцу за работой». Моя ДНК по всей комнате — потому что я держал несчастную малышку на руках. Врывается полиция, видит Джонни мертвым, а я вою от горя. Да я бы еще получил повышение за то, что убил этого негодяя! Знаешь, сколько стоит довести человека до камеры смертников? Я бы еще сэкономил городу двадцать миллионов баксов, причем легко.

— Они бы все равно все узнали.

— От кого? От его друзей? От любящей семьи? От его преданной мамы-покойницы?

— Люди запомнили бы тебя.

— Никто меня не запомнит! — резко бросил Майкл, и Энджи заметила, что это больно ранило его. — Джон всегда был на первом плане. Я все время оставался в тени, всегда в тени. Никто меня даже не заметил, это тебе известно? А теперь единственное, что они будут помнить, так это то, что их драгоценный Джонни — убийца.

— Но ведь на самом деле Джон не убийца, верно?

Он не ответил, и она подняла глаза.

Майкл стоял перед закрытой дверью, которая, как думала Энджи, вела в кладовку. Он провел рукой по наличнику и достал ключ.

Она увидела засов, и сердце ее остановилось.

— Что ты собираешься делать?

— Довольно разговоров! — отрезал он, вставляя ключ в замок.

Энджи, преодолевая дрожь в ногах, заставила себя встать и попятилась в сторону дивана.

Майкл разгадал ее намерение и схватил пистолет.

— Шевелись! — Кончиком ствола он подтолкнул ее к кладовке. — Иди!

Еле передвигая ноги, Энджи подошла и заглянула в кладовку. Вот только это была вовсе не кладовка. Ступеньки уходили вниз, туда, где должен был находиться подвал.

— Ты все испортила! — сказал Майкл. — Мы с девочкой прекрасно проводили время.

Если он посадит ее в погреб, она умрет — Энджи знала это.

— Шевелись!

Она остановилась, и он натолкнулся на нее сзади.

— Не делай этого.

Она чувствовала горячее дыхание Майкла прямо у своего уха.

— Я собираюсь трахнуть тебя, Энджи. Я собираюсь трахнуть тебя во все дырки, которые у тебя имеются. — Он продолжал подталкивать ее к подвалу — Сиди там и жди меня. И думай о том, что я собираюсь с тобой сделать.

— Нет!

Она уперлась босыми ногами в пол и откинулась назад. Ее подошвы скользили по деревянным доскам. Она попыталась вывернуться, но Майкл схватил ее за пояс, приподнял и в два шага преодолел расстояние до лестницы.

— Нет! — снова крикнула Эйджи, упершись ногами в дверную раму и сопротивляясь изо всех сил.

— Прекрати! — заорал он, снова поднимая ее в воздух.

Она бешено молотила ногами, но он все равно бросил ее вниз. Падая, Энджи билась о стены, потом приземлилась на бедро и застонала от боли.

Над головой зажегся свет. Одинокая лампочка осветила то, что когда-то было погребом для хранения овощей. В углу, свернувшись в безжизненный клубочек, лежала Жасмин. Энджи хотела подойти к девочке, но что-то помешало ей. Она опустила глаза и увидела осколок стекла, впившийся в плечо. В нижнюю ступеньку были зацементированы и другие осколки, торчавшие, словно зубы акулы.

— Подумай хорошенько! — крикнул Майкл через дверной проем наверху. — Подумай о том, что с тобой должно произойти!

Свет погас. Дверь закрылась. Щелкнул засов.

Ей предстоит умереть.

Глава 37

Уилл вел машину и, прижимая к уху свой мобильный, молился, чтобы Аманда оказалась у себя в кабинете. Он все-таки взял с собой Джона — ему было необходимо услышать его рассказ, ему нужно было знать, с каким зверем придется иметь дело, когда они доберутся до Теннесси. Джон в своем желании помочь буквально рвался в бой.

Наконец трубку взяла Каролин:

— Кабинет Аманды Вагнер.

— Мне нужна Аманда. Это срочно!

Она отключилась, оставив его на линии. Уилл следил за дорогой, мчась по федеральной автостраде Интерстейт 75 на полосе движения, выделенной для машин, в которых едут два и более человека, включая водителя, со скоростью, превышающей ограничение на тридцать миль в час.

— Уилл? — послышался голос Аманды. — Что случилось?

— Я сейчас на пути в Теннесси.

— Не припоминаю, чтобы подписывала вам заявление на отпуск.

— Я думаю, что убийцей является Майкл Ормевуд.

— Хо-ро-шо, — с подчеркнутой медлительностью произнесла Аманда. — Давайте-ка все по порядку, Уилл.

Уилл передал ей рассказ Джона о том, как Майкл пытался давить на надзирающего офицера по досрочному освобождению, как сестра Джона рассказала ему о домике в Теннесси. Закончил он масляными пятнами на дорожке перед домом Майкла и тем, что его соседка сообщила Лео Доннелли.

— Вы проверили дом Поласки?

— Я направил туда патрульную машину. Ее там нет. Машины перед домом тоже нет.

Аманда молчала. Уилл как-то знакомил их с Энджи — не по собственному желанию. Энджи везла его в больницу, после того как Аманда прострелила ему руку гвоздем. Невероятно, но эти женщины поладили друг с другом.

Наконец она заговорила:

— Итак, получается, что на основании нескольких оставшихся без ответа телефонных звонков и пятен на дороге вы берете осужденного за опасное преступление парня и мчитесь через границы нескольких штатов, чтобы поискать с ним детектива управления полиции Атланты, который среди бела дня мог похитить другого детектива? А может, и не похищал его?

— Необходимо обыскать дом Майкла Ормевуда!

— Это дом под юрисдикцией округа Де-Кальб? Как вы предлагаете мне получить ордер на его обыск, доктор Трент? Ваши загадочные масляные пятна, спору нет, просто неотразимый аргумент, но я сильно сомневаюсь, что найдется хотя бы один судья, который подпишет такую бумагу.

— Аманда, — сказал Уилл, стараясь сдерживаться. — Вы несносный и ужасный человек, но когда у вас были трудные дела, вы всегда могли рассчитывать на меня. Не поступайте со мной так.

— Хватит, Уилл! — отрезала она. — А вы — высокофункциональный дислексик, читающий на уровне второклассника, но давайте на этом прекратим швырять друг в друга камнями.

Уилл почувствовал, как во рту у него пересохло. Когда она узнала?

Аманда продолжала:

— У меня не так много друзей в Теннесси, Уилл. Я не могу обратиться к ним на основании только вашего дурного предчувствия, и мы оба знаем, что Йип Гомес скорее съест собственное дерьмо, чем подаст вам руку помощи. — Йип был прежним начальником Уилла в северо-западном региональном офисе. — Именно поэтому я всегда и говорю, что нельзя сжигать за собой мосты, — добавила она, и сказано это было таким тоном, как будто сейчас было самое время для нравоучений.

— Не знаю, что вы ждете, чтобы я ответил, — признался Уилл. — Вы правы. Может, все это глупо. Может, я приеду туда, и это окажется пустой тратой времени, но я просто не могу сидеть сложа руки, Аманда.

— Вы запустили ориентировку на поиск автомобиля Поласки? — Да.

Она помолчала несколько секунд, потом спросила:

— А скажите-ка мне, этот детектив Доннелли... Он был последним, кто покидал дом Майкла Ормевуда?

— Да.

— Эй, вы только посмотрите! — воскликнула Аманда насмешливым тоном, в котором слышалось удивление. — Каролин только что протянула мне сообщение. Это анонимный звонок. Кто-то из сознательных граждан обратил внимание, что задняя дверь дома детектива Ормевуда открыта нараспашку. Думаю, мне следует проверить это лично.

Уилл почувствовал огромное облегчение. Аманда собирается помочь ему! Он буквально слышал ход ее мыслей по телефону.

— Спасибо, — выдохнул он. — Спасибо!

— Я дам вам знать, когда доберусь туда.

Разговор закончился. Продолжая держать телефон в руке, Уилл при повороте на шоссе 575 так резко крутанул руль, что Джон Шелли испуганно схватился за ручку двери, словно боялся, что сейчас они перевернутся. Уилл так торопился, что даже не подумал, как они будут искать этот дом, пока Джон не попросил у него карту. Пятиминутный заезд на заправочную станцию казался вечностью. Если то, что соседка рассказала детективу Доннелли, было правдой, Майкл опережал их примерно на час. С другой стороны, Майкл наверняка не превышал скорость, опасаясь лишний раз засветиться. Уилл не был так осторожен.

— Что она сказала? — спросил Джон.

— Ты мог все это предотвратить, — сказал Уилл. — Ты мог остановить все это еще четыре дня назад.

— Я не знаю, о чем вы говорите.

— Майкл был со мной, когда погибла Синтия Барретт.

Джон смотрел в карту, разложенную на коленях.

— Я слышал, что она бежала через двор и споткнулась. Ударилась головой о камень и умерла.

— А потом отрезала себе язык?

Джон на это ничего не ответил.

— Ты тогда должен был что-то сделать.

— Что? — спросил Джон. — Пойти к вам? Вы, приятель, даже сейчас не особенно верите моей истории. Что еще я должен сделать?

Превратиться в копа? Кто поверит бывшему заключенному, который работает на автомойке?

Уилл вцепился в руль. Это Джон навлек на Энджи беду! Если бы не его глупость и самонадеянность, она была бы сейчас в безопасности.

— Ты дразнил его. Ты точно знал, что делаешь.

Джон еще пытался защищаться:

— Расскажите, что мне делать, и я вернусь на машине времени в прошлое и все так и устрою. Впрочем, зачем мелочиться, чего там — четыре дня назад? Давайте вернемся на двадцать лет. Верните мне мою юность. Отдайте мне мать, дедушек и бабушек, мою семью. Если уж на то пошло, черт побери, подкиньте мне жену и парочку детей!

— Она в том дворе от кого-то убегала.

Джон продолжал разглядывать карту, но, когда он ответил, Уилл услышал нотки страдания в его голосе:

— Думаете, я об этом не знаю?

Уилл снова посмотрел на дорогу. Мимо пролетали размытые дорожные указатели, по бокам выскакивали дорожные столбы с жирными цифрами на табличках. До сих пор это не приходило ему в голову, но сейчас он подумал, что здорово подставляет Джона.

— По условиям досрочного освобождения тебе запрещено пересекать границу штата, — сказал он.

— Я знаю.

— Тебя могут арестовать. В Теннесси я тебе помочь не смогу.

— Вы мне и в Атланте помочь не сможете.

Уилл закусил губу, глядя на шоссе. Последние два года он постоянно курсировал между Атлантой и своими горами, так что знал все ловушки с ограничением скорости на этой дороге. В Эллиджее он сбросил скорость и снова разогнался, только когда проехал Мисиак Крик. Он проехал мимо нового и старого «Уол-марта», мимо нескольких блошиных рынков и парочки винных магазинов. В городке Блу Ридж он свернул налево. Он летел по шоссе Кут-Майсон-хайвей через яблоневый сад, когда зазвонил его телефон.

Он открыл его.

— Аманда?

Голос ее был угрюмым.

— Мы обнаружили кровь в гараже. Много и двух типов.

— А Энджи?

— Ее там нет, Уилл.

Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но слов не было.

— Дальше будем действовать так, — распорядилась Аманда. — Я позвонила Бобу Бургу из Бюро расследований штата Теннесси. Сейчас он формирует бригаду. Они в сорока минутах езды от того дома.

— Я ближе.

— Я догадывалась, что так оно и должно быть, — сказала она. — Дайте мне поговорить с педофилом. Я расскажу ему, как проехать на Элтон-роуд.

Глава 38

Энджи едва не потеряла сознание, когда отдираала руку от осколка стекла, зацементированного в нижнюю ступеньку, — и не столько от боли, сколько от ужасного ощущения рвущейся плоти. Крови было немного, и по сравнению с пульсирующей болью в запястье эта рана была вполне терпимая. Ей повезло. У нее, похоже, было сломано правое запястье, и она каким-то чудом упала на нижнюю ступеньку тоже правым плечом. Как и Уилл, Энджи была левшой.

— Жасмин! — прошептала она, и голос ее эхом отозвался во мраке погребя. — Жасмин!

Ответа не было.

Энджи оперлась здоровым плечом о стену и встала. На мгновение замерев, чтобы перевести дыхание, она осторожно двинулась по земляному полу в сторону девочки.

— Жасмин! — повторила она, коснувшись ее ногой. — Ты как?

Девочка либо была слишком напугана, чтобы ответить, либо мертва. Энджи присела, наклонила голову к тому месту, где, по ее расчетам, должны были находиться рот и нос Жасмин, и замерла, пытаясь разобрать хоть какие-то признаки жизни.

Полная тишина.

Энджи повернулась и вслепую вытянула связанные за спиной руки. Она провела пальцами по ее обнаженному телу, нащупала запекшуюся кровь и наконец различила еле заметное движение грудной клетки. Энджи редко прикасалась к своей матери, но все же несколько раз делала это, когда навещала Деидре в доме престарелых. Именно такие ощущения были у нее сейчас — мертвая плоть, оболочка, которая выглядит как человеческое тело.

— Жасмин? — прошептала Энджи.

Девочка даже не дернулась, когда Энджи дотронулась до ее лица. Но вот она коснулась головы, и Жасмин вздрогнула.

— О боже!

Энджи согнулась пополам, сдерживая тошноту. Коснувшись черепа, она нащупала проломленную кость и мягкое, влажное серое

вещество под ней.

Они должны выбраться отсюда. Им необходима помощь.

Энджи снова поднялась на ноги и прошла по погребу. Три метра шириной и где-то четыре глубиной. Перед тем как лампочка погасла, она успела заметить встроенные в стену полки из неструганых деревянных досок. Со связанными за спиной руками трудно было проверить, что там наверху. Пальцы Энджи встречали только пустоту, когда она, шаря по нижним полкам, пыталась найти что-то, что можно было бы использовать в качестве оружия.

Подвал был пуст. Даже утоптаный земляной пол был чисто подметен.

Может быть, запястье и не полностью сломано. Она по-прежнему могла шевелить пальцами, хотя они были опухшими и очень горячими, как будто в кровь попала инфекция. Энджи уже стала привыкать к боли и почти радовалась ей, поскольку боль отвлекала от шума в голове и выворачивающегося наизнанку желудка. Да и темнота помогала тоже. Глазам не за что было зацепиться, нечему было вывести ее из равновесия.

Майкл был наверху. Она подумала, что он, возможно, как раз ест свой ленч или обед. Неизвестно, какое сейчас время суток и сколько она пробыла в этой чертовой дыре.

Каждый шум, который производил Майкл, — движение стула по полу, скрип половиц, когда он шел через комнату, — только разжигал ее ярость. Энджи просто кипела от ненависти. Он достал ее! Он проник к ней в сознание и заставил почувствовать себя бесполезным куском дерьма. Внутри ее тела побывало столько мужчин, что всех она уже и припомнить не могла, но ни один из них не внедрялся к ней в голову так, как он.

Она убьет его, когда он вернется сюда. Убьет его или заставит убить ее. Тут было всего два варианта.

Энджи скользнула по стене вниз и опустилась на колени. Два шага до лестницы, до битого стекла в ступеньке. Она повернулась, нащупала острые края и осторожно, чтобы не порезать свои и без того израненные пальцы, уложила веревку на самый крупный из осколков. Сжав зубы и стараясь не думать о боли, она начала ее перепиливать. Наручники Майкла были на Жасмин, поэтому Энджи ему пришлось связать.

— Ах ты ублюдок! — тяжело дыша, повторяла она, словно собственную, персональную мантру.

Майкл Ормевуд не делает ошибок. Он всегда выше всех, он всегда держит все под контролем. Все, кроме того факта, что стекло разрежет веревку.

— Ах ты тупой ублюдок!

Кровь заливала руки, пропитывая веревку, державшую ее запястья вместе. Энджи перестала пилить, чтобы перевести дыхание. Она чуть не потеряла сознание, когда только попробовала перерезать веревку, но с каждой новой попыткой оттачивала свою технику, лучше понимая, как он завязал узлы и как веревка обмотана вокруг рук. Она чувствовала, что путы немного сдвинулись и терли уже другой участок кожи. Ее кровь работала как смазка.

— Ох! — выдохнула Энджи, когда руки попали на острые осколки, которые в очередной раз разрезали ей пальцы.

Она затаила дыхание, прислушиваясь к движению наверху. Господи, она еще никогда в жизни не была так истерзана! Она не могла больше выносить это, не могла терпеть ощущение, что мясо буквально срезается с кости. Она наклонилась вперед и, коснувшись лбом земли, заплакала.

— Уилл! — прошептала она. После всего, что Энджи сделала со своей жизнью, она не могла молиться, обращаясь к Богу, поэтому молилась Уиллу. — Все изменится, я откажусь от всего этого, — обещала она. — Я обязательно откажусь от всего этого и...

Она замолчала, но точно знала, что хотела сказать. Она навсегда отпустит Уилла. Она наконец даст ему возможность уйти.

Над головой послышались шаги, и Энджи выпрямилась, нащупывая стекло. Она снова лихорадочно пилила веревку, и страх, как хороший наркоз, защищал ее от боли.

— Энджи! — позвал Майкл с той стороны двери. — Ответь мне. Я знаю, что ты меня слышишь.

Она что есть сил, выворачивая плечи, натянула веревку, отчаянно стараясь освободиться.

— Да пошел ты, грязный ублюдок!

— Отойди от лестницы, Энджи. Я сейчас открою дверь, и пистолет мой будет направлен прямо на тебя.

Она не отвечала, не могла ответить. Быстрее, быстрее! Она судорожно терла веревку о зазубренный край битого стекла.

В замке щелкнул ключ.

— Нет, — прошептала Энджи, заставляя себя поторопиться. — Пока еще нет, еще немножко!

— Отойди от лестницы, — сказал он. — Я не шучу.

— Нет! — вскрикнула она и отскочила от ступеньки, когда дверь открылась.

Вспыхнул яркий свет. Энджи посмотрела на Жасмин и увидела, что лицо девочки повернуто к ней, глаза широко открыты, но взгляд у нее невидящий. Вокруг головы натекла лужа крови.

— Не дергайся! — предупредил Майкл, стоя на лестнице с пистолетом в руке. Он был до пояса раздет, кроме джинсов и кроссовок на нем не было ничего.

— Отвали! — ответила Энджи. Она чувствовала, что веревка поддалась, но еще недостаточно. Кровь лилась, словно из-под крана, но она по-прежнему была в ловушке, по-прежнему беспомощна.

Он заткнул пистолет за пояс джинсов и полез в задний карман.

— Проваливай, — сказала Энджи.

Он вытащил лыжную маску с отверстиями для рта и глаз.

— Уходи! — закричала она, отползая к стене и цепляясь за нее, чтобы встать.

Майкл снова взял пистолет в руку и начал спускаться по лестнице. Медленно, останавливаясь на каждой ступеньке.

Энджи изо всех сил натянула веревку, плечи ее напряглись до предела. Она уже чувствовала, как та поддается. Она чувствовала это!

Майкл продолжал спускаться. Эта лыжная маска сводила Энджи с ума, она пугала ее больше, чем все, что он говорил. Его пистолет был по-прежнему направлен ей в грудь. А еще она заметила нож в чехле, висевший у него на боку.

У Энджи перехватило горло. Она едва смогла прошептать:

— Нет...

Он встал на последнюю ступеньку и замер. Его глаза были темными, почти черными. Энджи разглядела засохшую кровь вокруг отверстия для рта на маске, и ее охватила дрожь.

Майкл взглянул на Жасмин, лежащую в углу, и сделал шаг в сторону Энджи. Теперь они стояли лицом к лицу, и тишину нарушало

только ее хриплое, частое дыхание.

— Я убью тебя! — прошипела Энджи. — Только прикоснись ко мне, и я тебя убью!

— Ложись.

Она попыталась ударить его ногой.

— Больной ублюдок!

Он тихо и вкрадчиво сказал:

— Ложись на пол.

— Да пошел ты!

Он поднял пистолет и ударил ее рукояткой по голове.

Энджи рухнула на землю, а придя в себя, не могла пошевелиться и не сразу сообразила, где находится.

Майкл взял ее за подбородок, продолжая говорить мягким голосом, — так разговаривают с ребенком, который плохо себя ведет.

— Не вздумай отключиться, — прошептал он. — Слышишь меня?

Энджи смотрела на неподвижно лежащую Жасмин. Что Майкл сделал с ней? Что пришлось пережить этой девочке, прежде чем ее тело просто отказало?

— Посмотри на меня, — вкрадчиво сказал Майкл. — Смотри на меня, Энджи. Смотри на Майкла.

Ее голова свесилась набок, перед глазами все плыло.

— Давай же, детка, не отключайся. — Он снова взял Энджи за подбородок и приподнял ее голову. — Ты в порядке?

Она кивнула — в основном для того, чтобы убедиться, что остались еще части тела, которые ее слушаются.

— Это хорошо, — сказал он и положил пистолет на полку у нее над головой — высоко, чтобы она не могла дотянуться. Потом вынул нож из чехла и присел рядом, держа лезвие перед лицом Энджи, чтобы она могла хорошенько его рассмотреть.

— Нет... — умоляющим голосом попросила она.

С помощью ножа он распорол рубашку — рубашку Уилла! — и спустил ее с плеч. Она пыталась следить за ним, пыталась смотреть на его руку, когда он провел пальцами по ее груди, но могла только чувствовать, что он делает.

— Нет, — умоляла она. — Не надо!

— Ляг, — уговаривал он. — Ляг, и я буду ласков с тобой.

Она откинула голову, стараясь заглянуть ему в лицо. Кто был за этой маской? Может быть, Джон? Может быть, она обманывает свое сознание, думая, что это Майкл, тогда как на самом деле это Джон?

— Энджи?

Голос был таким спокойным. Как у Уилла. Он знал, что это лучший способ вывести ее из себя. Она станет беситься от злости, а он будет смотреть в сторону, терпеливо дожидаясь, пока она утихомирится. О господи, Уилл! Как он будет жить с этим? Как он будет жить, зная, что не сумел остановить этого ублюдка?

— Эн-джи, — пропел Майкл, — посмотри на меня.

Она знала этот голос, знала это тело.

— Эн-джи...

Она крепко зажмурилась и представила руку Уилла, страшный шрам на том месте, где в его тело впились бритва.

— О'кей, — сказала она. — О'кей.

Она повалилась на бок, ударившись раненым плечом об утрамбованный земляной пол. Майкл, потянув за рубашку, помог ей лечь на спину. Энджи лежала на собственных руках, и ее тело выгибалось вверх, как будто специально для него.

— Хорошо, — прошептал он, раздвигая ее ноги.

Она видела, как он облизал губы языком, когда кончиком ножа провел по ее животу вниз, словно в смущении остановившись у лобка.

Где пистолет? Куда он положил пистолет?

— Посмотри на меня. — Он склонился над Энджи, прижав нож к ее шее.

На полке. Он положил его на полку!

— Посмотри на меня.

Она посмотрела.

— Поцелуй меня.

Слишком высоко. Полка слишком высоко!

— Поцелуй меня, — повторил он.

Ее тело дрожало, но она подалась вверх, к его рту, одновременно изо всех сил натянув веревку. Он все еще пытался быть нежным, и губы его были мягкими. Энджи чувствовала вкус своей крови, слышала, как гулко стучит в груди сердце, когда он прижался к ней. Когда его язык оказался у нее во рту, она поперхнулась и попыталась

отпрянуть, но Майкл сильнее прижал нож к ее горлу, и Энджи ничего не оставалось, кроме как позволить ему целовать себя.

Он оторвался от нее и сел, удовлетворенно причмокнув губами.

— Если бы ты целовала меня так на заднем сиденье машины, может быть, все пошло бы иначе.

Энджи не отрывала от него глаз. Горящая лампочка создавала вокруг головы Майкла размытый ореол. Она отвернулась и посмотрела на Жасмин. Увидела кровь у нее на лице, увидела смерть в ее глазах.

— Энджи... — прошептал Майкл, проводя пальцами по ее лицу, по ее телу.

Очень давно так прикасался к ней Уилл. Почему он прекратил так ласкать ее? Когда она начала его отталкивать?

Майкл снова склонился над Энджи, придавив ее к земляному полу.

— Пожалуйста... Пожалуйста, не надо...

Он опять поцеловал ее. Она переместила вес на правую руку, а левой изо всех сил потянула веревку. Мышцы живота дрожали от напряжения, дыхание перехватило, а кожа начала слезить с ладони, как перчатка. Она слышала, как сломанные кости правого запястья трутся друг о друга. Боль была настолько невыносимой, что в конце концов Энджи отдалась ей, позволив захлестнуть свое тело мучительной красной волной.

Майкл сидел на корточках и наблюдал за ней.

— Нет... — выдохнула она. — О господи, нет...

Она теряла сознание. И ничего не могла с этим поделать. Веки ее дрожали. Перед глазами все плыло.

Энджи чувствовала, как Майкл, возбужденный ее болью, все сильнее прижимается к ней.

— Сними это, — тяжело дыша, сказала она. — Сними маску.

Он покачал головой.

— Дай мне увидеть тебя.

— Нет.

— Уилл... — прошептала она.

Где сейчас Уилл?

— Что?

Она замотала головой, замигала, не давая себе потерять сознание.

— Уилл...

— Это не Уилл, — сказал он, свободной рукой стянул лыжную маску и отшвырнул ее в сторону. — Это Майкл. Это я делаю с тобой все это.

— Уилл...

Он повернул ее голову, заставив смотреть на себя.

— Кто делает это с тобой, Энджи?

— Уилл...

— Посмотри на меня, — повторил Майкл, и голос его стал жестким. — Посмотри на меня, Энджи!

Он сильнее прижал ее к полу. Сломанные кости сместились, и Энджи застонала.

— Помоги... — прошептала она, голос ее уже не слушался.

— Ну вот, — сказал Майкл. — Вопль о помощи.

— Нет! — корчась под ним, заплакала Энджи. — Прошу тебя, не делай мне больно... Пожалуйста!

Майкл выронил нож и принялся расстегивать джинсы. Его руки были уже в штанах, когда Энджи резко приподнялась и ударила его головой в лицо.

Этот удар ошеломил Майкла, но прежде чем он успел прийти в себя, она схватила нож левой рукой. Теперь уже Энджи сидела на нем верхом. И это она держала нож у его горла.

— Тупой выродок! — пробормотала она, брызгая слюной и кровью ему в лицо. — Стекло на лестнице... Я перерезала веревку стеклом.

Он ничего не сказал, но она все поняла по его глазам. *Нет!*

Энджи трясло от ярости, и она еще сильнее прижала нож к его горлу. Майкл не сопротивлялся — жестокий насильник, бесчеловечный убийца, он сдался сразу.

Сколько мужчин... Сколько мужских лиц запечатлелось в ее мозгу! Их ухмыляющиеся перекошенные рты, когда они долбили ее; их руки, выворачивающие ее запястья с такой силой, что на следующие день там болело намного больше, чем между ног.

Даже если Жасмин удастся выбраться отсюда живой, у нее в памяти навсегда останется лицо этого мерзавца, останется ощущение его рук на теле, и это воспоминание будет всплывать всякий раз, когда к ней прикоснется мужчина. Даже если она будет этого мужчину

любить, даже если будет хотеть его больше, чем кого бы то ни было в мире, закрывая глаза, она будет видеть перед собой лицо Майкла.

Быть изнасилованной — это еще не самое страшное. Остаться в живых после этого — вот что убивает.

— Энджи!

Наверху раздался удар, потом треск ломающегося дерева. Передняя дверь с грохотом распахнулась.

— Энджи! — закричал Уилл. — Где ты?

Она наклонилась к Майклу, заставив его смотреть себе прямо в глаза, и прошептала:

— Поцелуй вот это, тупой ублюдок!

И воткнула ему нож под ребра.

Рот Майкла приоткрылся. Вытянув нож, Энджи снова всадила его по самую рукоятку, издав душераздирающий крик:

— Помогите! Я внизу!

Она вынимала нож и била им снова и снова, продолжая кричать, пока не охрипла:

— Уилл! Мы здесь, внизу!

— Энджи!

Уилл пытался выломать дверь погреба. Та трещала, но держалась.

— Уилл! — умоляла она, всаживая нож Майклу в живот. — Помоги мне!

Прогревели три выстрела, которые разнесли замок. Когда на ступеньках послышались шаги, она, используя торчащий нож, как ручку, рванула тело Майкла на себя.

Уилл схватил его и отшвырнул в сторону, как мешок с мусором.

— Энджи! — Уилл едва мог говорить. — Он ранил тебя? Ты в порядке? — Он попытался забрать нож, но она не могла разжать пальцы. — Все хорошо. Я здесь.

— Уилл...

— Твои руки... — с ужасом прошептал он. — Что он сделал с твоими руками?

В дом вошел кто-то еще. Она увидела мужчину, бегущего по лестнице. Джон Шелли остановился как раз перед последней ступенькой. Он посмотрел на Майкла, потом на Жасмин, как будто не мог решить, что делать.

— Энджи... — Уилл обнял ее обеими руками и принялся укачивать, как маленькую. Она не останавливала его, хотя у нее все болело. — Ох, Энджи...

Джон подошел к девочке, проверил пульс, осмотрел рану на голове.

Энджи не отрывала глаз от Майкла. Она хотела, чтобы ее лицо было последним, что он увидит.

Глаза его были открыты. Кровь лилась рекой, и на полу уже образовалась целая лужа. Кровь заполняла легкие, и на губах Майкла появились розовые пузыри. При каждом вдохе из ран, оставленных ножом Энджи, вырывался свист.

Майкл понимал, что с ним случилось.

Он был в ужасе!

Уилл прижался губами ко лбу Энджи.

— С тобой все хорошо, — прошептал он. — С тобой все о'кей.

Веки Майкла затрепетали. Подвал заполнился булькающими звуками, когда он начал захлебываться собственной кровью. Потом рот его широко открылся, и оттуда хлынула кровь.

Энджи сложила губы бантиком и отправила ему прощальный воздушный поцелуй.

Глава 39

13 февраля 2006 года

— Вы.

Это было единственное, что сказала Лидия Ормевуд, когда открыла дверь и увидела на пороге Джона и Джойс.

Мать Майкла выглядела хорошо для своего возраста, или — что более вероятно — потратила немало денег, чтобы добиться такого результата. Хотя Джон знал, что Лидии уже под семьдесят, кожа на ее лице оставалась молодой и здоровой. Даже шея и руки, на которых годы обычно отражаются в первую очередь, были у нее такими же гладкими, как у Джойс.

Судьба к ней благоволила, это было очевидно. Жила она в Винингсе, одном из самых дорогих пригородов Атланты, в новом трехэтажном доме. Белые стены, на полах из отбеленного дубового паркета — белые ковры. В гостиной стоял белоснежный рояль, а возле отделанного мрамором камина располагались два черных кожаных дивана. На окнах висели шелковые занавески нежного кремового цвета, на стенах — абстрактные картины ярких основных цветов, вероятно оригиналы. Лидия была одета в черное. Джон не знал, было ли это ее обычным нарядом или же это траур по сыну.

Когда Джона арестовали, Джойс находилась в здании суда округа Де-Кальб, где в поисках Лидии просматривала старые записи страницу за страницей. Взяв на работе отгулы, она перекапывала все публичные архивы, какие только смогла найти. С тех пор как умер Барри, Лидия еще дважды выходила замуж и разводилась. Каждый раз она меняла фамилию, но Джойс все-таки удалось найти след матери Майкла через знакомого, который работал в отделе социального страхования. Когда дядя Барри умер, он был облачен в системе всеми имущественными правами. Лидия начала собирать чеки его социального страхования четыре года назад.

Через три дня у Джойс уже был ее адрес.

Они уселись перед камином: Джойс и Джон на одном неудобном диване, Лидия — напротив них, на другом. Она сидела, выпрямив

спину, колени сомкнуты, ноги слегка наклонены в сторону — настоящая Мисс Хорошие Манеры — и смотрела на Джона с нескрываемой ненавистью.

Он знал, что выглядит ужасно. Мисс Лэм постучала в его дверь сегодня в пять утра. Она вручила ему емкость для анализа мочи, а сама принялась осматривать квартиру в поисках запрещенных предметов. Когда он вернулся из туалета, то застал ее с фотографией матери в руках. Джон стоял, держал в руках пробирку, и чувствовал, как внутри медленно разгорается стыд. Еще одно унижение, которое он навлек на Эмили. Когда же все это закончится? Когда его мать наконец получит возможность почтить в мире?

— Мы здесь по поводу Майкла, — сказала Джойс.

— Он был моим сыном, — сообщила им Лидия, как будто все было так просто.

Джойс напряглась, и Джон покачал головой, умоляя ее проявить терпение. Он любил свою сестру, но она жила в мире, где было только белое и черное. Когда она сталкивалась с оттенками серого, то просто не знала, как себя вести.

— С девочкой, которую он похитил, все хорошо, — сказал он Лидии.

— Прекрасно, — ответила она, равнодушно пожав плечами, словно отмахиваясь от этого факта.

Джон ждал, но она так и не спросила об Энджи Поласки, не поинтересовалась здоровьем последней жертвы своего сына. Похоже, сейчас ее вообще ничего не интересовало.

— Если бы вы могли...

— Он ненавидел тебя, и ты это знаешь.

Джон и сам уже догадался, но ему нужно было кое-что понять.

— За что?

— Не знаю, — ответила она, расправляя юбку. На пальце у нее было массивное золотое кольцо шириной не меньше сантиметра с большим бриллиантом. — У него, похоже, была навязчивая идея в отношении тебя. Он собирал газетные вырезки. — Она встала. — Сейчас принесу. — И вышла из комнаты, мягко ступая по белому ковру.

Джойс шумно выдохнула сквозь зубы.

— Успокойся, — сказал Джон. — Она не обязана этого делать.

— У нее в руках твоя жизнь.

— Я знаю.

Он уже привык, что его жизнь контролируют другие люди, будь то отец, Майкл, надзиратели в тюрьме или Марта Лэм. Джон не помнил момента в своей взрослой жизни, когда бы он не старался кого-то ублажить, лишь бы только спокойно прожить еще один день.

У Джойс опять потекли слезы. Он уже и забыл, какая она плакса.

— Я ненавижу ее, Джон. Я так ее ненавижу! Как ты вообще можешь находиться с ней в одной комнате?

Он провел пальцем по ее щеке.

— Это нам от нее кое-что нужно. А ей от нас не нужно ничего.

Лидия вернулась, прижимая к груди большой альбом для фотографий. Она положила его на низкую кожаную оттоманку между диванами и села.

Джон увидел свою фотографию на обложке. По крайней мере, он решил, что это его фотография. Лицо было исчеркано чернильной ручкой.

— Боже мой! — прошептала Джойс, придвигая альбом к себе.

Она открыла первую страницу, вторую... Джон смотрел через ее плечо. Они потеряли дар речи, глядя на снимки Джона: начальная школа, футбольная команда, Джон в спортивной форме бежит по дорожке стадиона... Майкл фиксировал каждый момент жизни Джона-подростка.

— Это Барри все усугубил, — сказала Лидия. Дядя Барри, ее муж, брат их матери. — Барри все время говорил о тебе, ставил тебя ему в пример.

— В пример? — спросила Джойс, потрясенная увиденным.

— После смерти отца Майкл пошел не по той дорожке. У него начались проблемы в школе, потом наркотики... В общем, я не знаю. В школе был парень постарше, который заинтересовал его неправильными вещами. Майкл сам никогда бы ничего подобного не сделал.

Джойс уже открыла рот, но Джон сжал ее руку, предупреждая, чтобы она молчала. От таких людей, как Лидия Ормевуд, не добьешься желаемого, если будешь рассказывать, что им делать. Просто приходишь, держишь шляпу в руках и ждешь. Джон всю жизнь так делал. Он знал, что одно неверное слово может все испортить.

Лидия продолжала:

— Барри думал, что ты будешь для Майкла образцом. Ты всегда так хорошо учился. — Она вздохнула. — Майкл был хорошим мальчиком. Просто он прибился к плохой компании.

Джон кивнул, делая вид, что понимает ее. Возможно, в какой-то степени так оно и было. Джона самого затянуло в компанию Майкла. Как и Алишу Монро. Она постоянно околачивалась у Майкла в доме, после вечеринок оставалась даже на ночь. У нее были любящие родители, умные братья и сестры, которые всегда были среди лучших учеников в классе. Может быть, Джон закончил бы так же, как Алиша, если бы Мэри Элис не погибла? Или же его жизнь все равно пошла бы насмарку, что бы ни происходило?

Лидия тяжело вздохнула.

— Это я заставила его пойти в армию, — сказала она. — Я не дала ему сидеть без дела, когда тебя осудили. Он воевал. Он пытался помочь арабам обеспечить свою независимость, но был ранен в ногу.

Джойс напряглась, и Джон буквально ощущал, как она звенит, словно натянутая струна.

Лидия сняла пушинку с юбки.

— А потом он вернулся обратно в Атланту, остепенился, завел семью. — Она взглянула на Джойс. — Эта девочка, на которой он женился... С ней, очевидно, было что-то не так. Майкл не виноват, что Тим родился таким.

Она произнесла это с большим чувством, и Джон огляделся в поисках фотографии Майкла или его сына. Полка над камином была пуста, если не считать стеклянной вазы с искусственными шелковыми цветами. На строгом металлическом столике у дальней стены лежала аккуратная стопка журналов и телефон маленькой принцессы, похожий на тот, что был у Джойс в детстве. Даже толстый шнур от телефонного аппарата висел строго вертикально, словно боялся вызвать неудовольствие Лидии.

Это место напоминало мавзолей.

— Он получил благодарность за то, что спас жизнь женщине, — с гордостью продолжала Лидия. — Вы это знали?

— Нет. Я не знал.

— Это была автокатастрофа. Он вытащил ее из машин, прежде чем та взорвалась.

Джон не знал, что сказать. Может, Майкл и спас одну женщину, зато он изуродовал жизнь множеству других, продавая наркотики проституткам, насилая и убивая ради своего извращенного удовольствия.

— Майкл был хорошим, — настаивала Лидия. — Та, вторая его часть... — Она махнула рукой, словно отметаая все то зло, что он совершил. — Это был не мой Майкл. Мой Майкл был хорошим мальчиком. У него было столько друзей.

«Сколько же своих друзей он приучил к тяжелым наркотикам, — подумал Джон. — Как Алишу».

— Он подавал такие надежды, — продолжала Лидия.

— Вы не можете так поступать! — Голос Джойс дрожал от злости. — Вы не можете сидеть здесь и рассказывать нам, каким ангелом был Майкл. Он был зверем!

— Джойс... — попробовал унять ее Джон.

Она не знала правил, не знала, как держать себя в руках. Ей никогда не бросали в лицо дерьмо только за то, что кому-то не нравится, как ты выглядишь. Она никогда не пыталась заснуть, слушая, как шестидесятилетний старик за стеной шепчет о том, какое у тебя прекрасное тело, и в мельчайших подробностях рассказывает, что он хочет с тобою сделать.

Лидия приподняла тонкую бровь.

— Вам следует прислушаться к словам брата, юная леди.

— Не смейте говорить о моем брате!

В глазах Лидии вспыхнуло изумление. Джон понял, что они проиграли. В один момент они потеряли все.

— Вы угрожаете мне? — спросила Лидия.

Джойс вскочила с дивана.

— Вы знали, что это Майкл убил Мэри Элис! — выкрикнула она.

— Ничего этого я не знала.

— Как вы можете его защищать?!

Джон попытался усадить Джойс на диван, но она оттолкнула его.

— Как вы можете сидеть здесь и...

— У вас никогда не было детей, иначе вы поняли бы это, — резко бросила Лидия. — Вы и... ваша подружка.

Джойс сжала кулаки.

— Да, — сказала она, — у меня никогда не было детей. Тут вы правы. Я не воспитала ни одного ребенка. Но убийцу и насильника я тоже не воспитала!

Лидия смотрела на нее так, будто только что получила пощечину.

— Вы не имеете права разговаривать со мной в подобном тоне!

— Вы сказали об этом маме? — допытывалась Джойс. — Вы были у нее в больнице. Именно тогда вы рассказали ей, что случилось на самом деле? Что это ваш ребенок убил Мэри Элис, а не ее!

— Не будем тревожить мертвых, пусть покоятся с миром, — заявила Лидия.

Джон не понял, имеет она в виду Эмили или своего сына. Что касается его самого, то Джон не был уверен, что смерть Майкла принесла ему мир и спокойствие. Стоя там, в этом погребке, он безумно хотел каким-то образом вдохнуть, вбить жизнь обратно в Майкла, сделать все, что угодно, лишь бы оживить его, чтобы иметь возможность убить его собственными руками.

Но он ничего этого не сделал. Вместо этого он занялся Жасмин. Она перестала дышать, и Джон буквально дышал за нее, более сорока минут делая ей искусственное дыхание, пока к маленькому домику, купленному Майклом на имя Джона, не подъехала карета скорой помощи. Те же руки, которые изуродовали Синтию Барретт, теперь вернули жизнь другой девочке. В этом должна была быть какая-то высшая справедливость. В этом тоже должен был быть какой-то мир.

Джон смотрел, как его сестра отошла в другой конец комнаты, подальше от женщины, которая разрушила их семью. Джойс просто пыталась защитить его. Он понимал это. Но он понимал и то, что она уничтожила последнюю возможность вернуть его честное имя.

И все же он должен был попробовать. В отличие от сестры, Джон научился терпению, которое ей и не снилось. А еще научился разговаривать с людьми, находящимися в подобном душевном состоянии.

— Она расстроена, — сказал он Лидии извиняющимся тоном, понимая, что она чего-то такого от него и ждет. — Все это очень тяжело для нее.

— Ты же получил свободу! — заявила Лидия. — Я не понимаю, что вам от меня нужно. Я старая женщина. И я хочу, чтобы меня оставили в покое.

— Все не так просто.

— Но ты же вышел из тюрьмы!

Она сказала это так, как будто все хорошо, как будто Джон не жил в постоянном страхе, что на него могут опять надеть наручники, что надзиратели в любой момент могут снова бросить его в камеру к какому-нибудь Зебре. Он едва не обделался, когда Трент ударил его о стену... Есть тюрьмы, из которых нельзя выбраться никогда.

Джон вздохнул, прежде чем объяснить бывшему адвокату по уголовным делам, как работает система правосудия.

— Я зарегистрированный сексуальный преступник. Педофил. Я не могу получить приличную работу, не могу купить дом. Моя жизнь закончена.

— А как насчет Майкла? — спросила она. — Его жизнь тоже закончена.

Джойс раздраженно фыркнула. Она стояла возле рояля, скрестив руки на груди. Точная копия их отца.

Джон повернулся к Лидии, стараясь говорить спокойно и донести до нее свою мысль.

— Майкл убил женщину по имени Алиша Монро.

— Она была проституткой.

Значит, она все-таки следит за новостями.

— Он похитил сотрудника полиции, — продолжал Джон. — Кости у нее на руке сломаны так серьезно, что она может навсегда потерять работоспособность.

На это Лидия ничего не ответила.

— Он похитил девочку, изнасиловал ее и практически забил до смерти.

— Насколько я поняла, — едко заметила она, — девочка была далеко не новичком в таких делах.

— Он откусил ей язык.

Лидия снова разгладила свою юбку и промолчала.

— Майкл откусил ей язык точно так же, как откусил его Мэри Элис.

Если бы Джон не смотрел так внимательно на Лидию, он бы прозевал ее реакцию. Он был уверен, что на какую-то долю мгновения она удивилась.

— Я знаю о заключении, написанном экспертом штата по стоматологии, — сказал Джон.

Ее подбородок с вызовом задрался.

— Я понятия не имею, о чем ты говоришь!

— Полагаю, что это не так.

— Я не припоминаю такого заключения. — Потом она добавила:
— А если бы и припомнила, сейчас я уже ничего не могу сделать.

— Вы можете вернуть мне мою жизнь, — попытался убедить ее Джон. — Для этого вам только нужно под присягой заявить...

— Это смешно!

— Это все, чего я от вас хочу. Чтобы вы под присягой сказали, что Мэри Элис убил Майкл, а не я. Убедите их снять с меня обвинение, и я...

— Молодой человек! — резким тоном перебила она Джона. По ее позе он мог сказать, что на этом все закончено. Она указала на дверь. — Я хочу, чтобы вы с сестрой немедленно покинули мой дом!

Джон машинально встал, приученный повиноваться приказам. Джойс замерла у рояля. В глазах ее стояли слезы поражения. Она так яростно сражалась за него, но сейчас поняла, что больше ничего уже сделать не может.

— Мне очень жаль, — одними губами произнесла она.

Джон окинул взглядом дом, этот мавзолей, который Лидия возвела на деньги, заработанные на исках против корпораций, докторов, да кого угодно, кто совершал ошибки, из которых она могла извлечь выгоду. Она много часов провела с Джоном в тюрьме округа, стараясь сфабриковать его защиту. Двадцать лет назад она посоветовала ему не давать показаний. Она взяла в свои руки лабораторные анализы, экспертов, свидетелей. Лидия лично приехала к нему в «Коустел», чтобы сказать, что все кончено, что не осталось никаких лазеек в законе, которые они могли бы использовать. Тогда она плакала, а он пытался успокоить ее.

Джон помнил и другой день в «Коустел», первый визит матери после того, что Зебра с ним сделал.

— Ты не должен сдаваться, — решительно сказала Эмили, так сильно сжав его руки, что начали неметь пальцы. — Ты понял меня, Джонатан? Ты не должен сдаваться!

За двадцать лет такой жизни неминуемо чему-то научишься. Тюрьма являла собой громадные часы, которые никогда не перестают тикать. Каждому из них было отпущено свое время, и они проводили это время за разговорами. Они обсуждали план побега, план прирезать мерзавца, который неуважительно повел себя в очереди за едой, — но это было только болтовней. Все неизменно заканчивалось разговорами о том, кто как попал за решетку. Все они были невиновными, всех посадил свихнувшийся коп. И у каждого была своя точка зрения на то, как добыть себе счастливый пропуск на волю.

В 1977 году Верховный суд Соединенных Штатов принял решение, которое привело к организации во всех федеральных тюрьмах и тюрьмах штатов адекватных библиотек по правовым вопросам. Никто толком не знал, что подразумевалось под словом «адекватные», но своей библиотекой тюрьма «Коустел» могла поспорить с любой юридической школой, и каждый заключенный в итоге заканчивал тем, что с головой погружался в умные книги, выискивая невнятно прописанный в законе момент, малоизвестный указ или какую-то лазейку, которую можно было бы использовать. Большинство осужденных знали о законах больше, чем адвокаты от штата, назначенные бесплатно представлять их интересы, — и это нормально, потому что обычно получаешь ровно столько, за сколько ты заплатил.

Джон взял с каминной полки вазу с цветами.

Лидия встала.

— Поставь на место!

Он взвесил вазу в руке. Хрусталь с добавлением свинца, тяжелый, как кирпич. И стоит, наверное, на вес золота. Единственное, о чем Лидия думала сейчас, были деньги: сколько она может заработать, сколько может приобрести. Четыре брака, сын, внук... А все, чего она в итоге добилась, — это безжизненные предметы под крышей ее роскошного, но холодного особняка.

— У вас хороший дом, тетя Лидия, — сказал он.

— Вы оба, немедленно убирайтесь отсюда!

— Ваш дом... — повторил Джон, вынимая цветы и роняя их на дорогой белый ковер. — Так намного интереснее.

— Я сейчас вызову полицию!

— Лучше пригнитесь.

— Что за...

Она была старая, но двигалась достаточно быстро. Джон швырнул вазу намного выше ее головы, но отскочившие от стены осколки серебристым дождем обрушились на диван, где она только что сидела.

— Да как ты посмел! — взвизгнула Лидия.

Эта ваза, вероятно, стоила больше, чем он заработал за все время после выхода из тюрьмы, но Джон о деньгах не думал. Есть множество богатых людей, которые живут в своих тюрьмах, пойманные в западню собственной жадностью, отгородившись от мира. Все, чего он хотел сейчас, была свобода, и Джон готов был сделать все, лишь бы вернуть ее.

— Как ты думаешь, сколько может стоить этот дом? — спросил он у сестры.

Джойс застыла на месте с приоткрытым от удивления ртом. Все конфликты в ее жизни обычно ограничивались напряженными переговорами и тонко завуалированными угрозами, отпускаемыми за полированным столом в конференц-зале или за бокалом мартини в клубе. Но в государственной тюрьме «Коустел» завуалированные угрозы не стоили и ломаного гроша.

— Четверть миллиона долларов? Полмиллиона? — наугад спросил Джон.

Джойс покачала головой, слишком шокированная, чтобы ответить.

— Эй вы! — сказала Лидия дрожащим от гнева голосом. — У вас есть ровно минута, чтобы убраться из этого дома, прежде чем я вызову полицию.

— Миллион баксов? — продолжал гадать Джон. — Давай же, Джойси! Ты ведь заключаешь сделки по недвижимости каждый день. Ты точно знаешь, сколько может стоить этот дом.

Джойс смотрела на брата, ничего не понимая. Но потом она сделала кое-что, что его удивило. Она оглядела комнату, оценивая высоту готического потолка в зале, занимавшем два этажа, большие окна с видом на искусно подстриженную лужайку на заднем дворе, и снова взглянула на Джона. Он видел, что Джойс по-прежнему сбита с толку, но она доверяла ему. Она доверяла ему достаточно, чтобы сказать:

— Три.

— Три миллиона... — эхом повторил Джон недоверчивым тоном.

А он считал себя богачом, когда снял три тысячи восемьсот долларов, которые Майкл оставил на поддельном банковском счете!

— Разделив это на двадцать лет, — сказал он, — мы получим где-то по сто пятьдесят тысяч баксов в год?

Джойс начала понимать, куда он клонит.

— Да, Джонни. Примерно так.

— Тебе не кажется, что этого маловато?

Глаза сестры весело блеснули. Она улыбнулась.

— Кажется.

— Как ты думаешь, сколько денег у нее в банке? — Он снова повернулся к Лидии. — Возможно, мне следовало бы адресовать эти вопросы непосредственно вам?

— Вам лучше немедленно уйти, пока еще не поздно!

— А на какой машине вы ездите? «Мерседес»? BMW?

Джон чувствовал себя адвокатом в телевизионном шоу. Может быть, он и стал бы адвокатом. Если бы Майкл Ормевуд не вторгся в его жизнь, Джон Шелли, возможно, был бы сейчас доктором, или юристом, или учителем, или... Кем еще? Кем бы он мог стать? Он этого уже никогда не узнает. И никто этого не узнает.

— Джон! — окликнула его Джойс тревожно.

Его голос уже не был таким жестким, когда он спросил:

— А как насчет кольца у вас на пальце? Сколько стоит оно?

— Убирайтесь из моего дома!

— Вы ведь юрист, — сказал Джон, — и, очевидно, очень хорошо зарабатываете, выставляя людям иски на все, что у них есть.

Он снова оглядел все эти бесполезные вещи.

— Я хочу, чтобы вы ушли! — заявила Лидия. — Я хочу, чтобы вы сделали это немедленно!

— А я хочу этот дом! — ответил Джон, обходя комнату и размышляя над тем, что может заставить ее сломаться. Он снял со стены черно-белую картину. — Я хочу это, — сказал он, бросая полотно на пол и идя дальше. — Я хочу этот рояль.

Он подошел к Джойс. Что бы ни произошло, ничто не будет значить для него больше, чем осознание того, что она ему поверила. Майкл попытался уничтожить его, но Майкла больше нет. Ничто не может изменить прошлого. Все, на чем они могут сосредоточиться сейчас, — это только будущее.

— Помнишь, мама кричала на нас, чтобы мы разучивали гаммы? — спросил он сестру.

— Постоянно.

Джон пробежал пальцами по клавишам.

— Ей бы это понравилось, — сказал он, проигрывая несколько нот, которые запомнил из далекого-далекого детства. — Ей бы понравилось, что я снова занимаюсь музыкой.

— Да, — согласилась Джойс с грустной улыбкой. — Думаю, она была бы рада.

— Все, с меня довольно! — выкрикнула Лидия.

— Думаю, вам следует аккуратнее подбирать слова, разговаривая со мной, — предупредил Джон.

Лидия уперлась рукой в бок.

— У вас нет никаких оснований, требуемых для уголовного дела. Даже с учетом этих последних... инсинуаций... ты будешь выступать против моего сына, и у тебя нет никаких доказательств.

— В гражданском процессе «бремя доказательства»^[23] проще. Вы и сами это знаете.

— Вы хотя бы представляете себе, на сколько лет я смогу растянуть показания под присягой и вообще слушание этого дела? — Она улыбнулась крокодильей улыбкой, блеснув жемчужно-белыми зубами. Потом заговорила тихим, ломающимся голосом: — Я старая женщина. Это ужасный удар для меня. У меня были хорошие времена и плохие...

— Я могу заморозить все ваши активы, — сообщил ей Джон. — Я уверен, у вас будет предостаточно плохих времен, когда вы будете жить в однокомнатной квартирке на Буфордхайвей.

— Вы не смеете мне угрожать!

— А как насчет прессы? — спросил он. — Джойс вас нашла. Я уверен, что найдут и репортеры. Особенно если им в этом немного помочь.

— Я звоню в полицию! — предупредила Лидия, твердой походкой направившись к телефону.

— Все, о чем я вас прошу, — это заявление под присягой. Просто скажите им, что это Майкл засадил меня за решетку, что это он убил Мэри Элис, и вы меня никогда больше не увидите.

— Я звоню в полицию, чтобы они выбросили вас из моего дома!

— А как вам понравится, если группа репортеров разобьет палаточный лагерь перед вашим крыльцом? Как вам понравится отвечать на их вопросы о том, что вы знали, что ваш сын убийца, но ничего не сделали, чтобы остановить его?

Она сняла одну из массивных золотых сережек и поднесла трубку к уху.

— Я ничего об этом не знала.

— Там, в погребке, Майкл рассказал мне одну интересную вещь.

Ее рука зависла над кнопками, хотя номер она уже набрала.

— Он уже знал, что умрет. Он был абсолютно уверен, что умрет, и ему захотелось мне кое-что сказать.

Лидии опустила трубку на плечо, и телефонный шнур ударил по металлическому столику.

— Майкл сказал, что это он убил Мэри Элис и что вы знали об этом. Он сказал, что это была ваша идея — засадить в тюрьму меня. Он сказал, что вы с самого начала спланировали все это. — Он подмигнул ей. — Предсмертные признания нельзя считать слухами, верно? Тем более, если человек точно знал, что умирает.

Ее костлявая рука сжала телефонную трубку

— Никто тебе не поверит!

— Помните копа, которого он захватил? Женщину, которую Майкл похитил и избил до полусмерти, которую собирался изнасиловать и убить? — Он понизил голос, словно сообщал ей какой-то секрет. — Она тоже слышала, как он это сказал.

Столик покачнулся и ударился о стену, когда Лидия оперлась на него. Глаза ее горели ненавистью.

— Как вы думаете, — спросил Джон, — к кому прислушается прокурор, когда будет принимать решение, выдвигать ли против вас обвинения в препятствовании отправлению правосудия, неправомерном лишении свободы и тайном сговоре?

В трубке зашумело, и механический голос посоветовал Лидии, если она хочет позвонить, положить трубку и попробовать еще раз.

— Прокурор придет к нам, — продолжал Джон. — Он спросит меня и Джойс, хотим ли мы выдвинуть против вас обвинения или оставим все так, как есть. — В трубке слышались короткие гудки, эхом разносившиеся в гулком большом зале. — Позвольте сообщить вам одну вещь, которая пришла мне в голову: Майкл был хищником, а вы

его привратником. Вы были человеком, который знал, кто он такой на самом деле, тем не менее разрешили ему разгуливать на свободе.

— Нет...

— Тогда вперед! — бросил Джон. — Набирайте номер. Звоните.

Лидия в упор смотрела на него, ноздри ее раздулись, в глазах стояли слезы ярости. Он как будто читал ее мысли: ее острый юридический ум прорабатывал разные точки зрения, рассматривал все возможные варианты. Где-то в доме, в этой ухоженной белой тюрьме, забили часы. Джон молча считал удары, дожидаясь своего часа.

— Хорошо, — наконец сказала она. — Хорошо.

Джон понимал, что Лидия имеет в виду, но он хотел услышать, как она произнесет это, хотел заставить ее сказать это вслух.

— Что хорошо?

Ее рука дрожала так сильно, что она с трудом положила трубку обратно на аппарат.

Она не могла смотреть ему в глаза. От унижения голос ее звучал сдавленно:

— Скажите, что я должна сделать.

Глава 40

18 февраля 2006 года

Уилл сидел, слушал альбом «Дьяволы и пыль» Брюса Спрингстина и вычесывал собаку. Он не понимал, почему соседка настаивала на том, что ее нужно вычесывать. Шерсть у Бетти была очень короткая, она у нее практически не лезла. Уилл догадывался, что смысл этой процедуры был исключительно в том, чтобы доставить собаке удовольствие, хотя его соседка никогда не производила впечатление человека, переживающего за комфорт своего домашнего любимца.

Не то чтобы он наделял это животное человеческими качествами, но хорошее вычесывание щеткой ей явно нравилось.

В дверь позвонили, и рука Уилла замерла. Еще один звонок, затем отрывистый стук в дверь.

Уилл вздохнул, отложил щетку в сторону и опустил закатанные рукава рубашки. Взяв Бетти на руки, он отправился к двери.

— Какого черта так долго?

— Я догадывался, что это ты.

Энджи скорчила гримасу, что было непросто, учитывая, что лицо ее еще не зажило. Лоб был заклеен несколькими пластырями-бабочками для стягивания ран, а щека уже превратилась из темно-синей в желтую. Швы на пальцах были закрыты антисептическим пластырем. На ее правую руку была наложена неоноворозовая пластиковая шина, а вокруг запястья, в том месте, где были стянуты сломанные кости, торчали металлические стержни.

Он взглянул ей через плечо и увидел припаркованный на улице автомобиль.

— Так ты приехала на машине?

— Арестуй меня за это.

— Но почему? — спросил он. — Мне что, запирать тебя на замок, чтобы ты не шлялась по городу?

— Не в этот раз.

— Уж не хочешь ли ты бросить меня ради Джона?

Она рассмеялась.

— Один придурок уже испоганил ему половину жизни. Думаю, мне нужно оставить его в покое, чтобы хотя бы вторую половину он прожил в мире.

— Ты не спала с ним?

— Конечно же, я с ним спала.

Плечи Уилла поникли, хотя он не мог сказать, что очень этим удивлен.

— Может, зайдешь в дом?

— Давай останемся здесь, — предложила Энджи, неловко пытаясь присесть на крыльцо.

Уилл с неохотой присоединился к ней. Он прижимал собаку к груди, и Бетти опустила голову, уткнувшись мордой ему в жилет.

— Сегодня суббота, — сообщила Энджи. — Почему ты в костюме?

— Я в нем хорошо выгляжу.

Энджи толкнула его плечом.

— Ты так думаешь? — насмешливо спросила она.

Он попытался обратить все в шутку.

— Ты же знаешь, я не ношу нижнее белье.

Она глухо и вульгарно хохотнула.

Уилл улыбнулся, ему нравилась эта непринужденность между ними.

— Почему, когда ты говоришь об этом, у тебя получается сексуально, а у меня — нет?

— Потому что мужики, которые не носят нижнего белья, обычно околачиваются вокруг детских игровых площадок с полными карманами сладостей.

— У меня в карманах тоже есть конфеты, — сказал он. — Сунь руку и убедись.

Она снова рассмеялась.

— Какой же вы болтун, мистер Трент! Это только слова.

— Да, — согласился он. — Видимо, ты права.

Они сидели и смотрели на улицу. Ветерок доносил с Понсе-де-Леон шум оживленного уличного движения, гудки машин, крики людей. Уилл еще издалека слышал перезвон «музыки ветра», и мимо их дома проехал велосипедист.

— Я люблю тебя, — очень тихо сказала Энджи.

Бетти беспокойно пошевелилась. Уилл почувствовал, как в груди у него что-то дрогнуло.

— Я знаю.

— Ты моя жизнь. Ты всегда был рядом со мной.

— Я по-прежнему с тобой.

Она тяжело вздохнула.

— Когда я была в погребке, я разговаривала с тобой. Перед тем как ты пришел. — Она замолчала, и он понял, что она вспоминает это ужасное место. — Я тогда пообещала, что если выберусь оттуда живой, то оставлю тебя.

— Я никогда не ждал, что ты станешь выполнять свои обещания.

Она снова умолкла. Мимо проехал еще один велосипедист, металлический скрип колес напоминал хор кузнечиков на лугу. Уилл хотел обнять Энджи за плечи, но вспомнил о ее ранах. Она обернулась к нему.

— Я действительно плохая для тебя.

— Для меня плохими являются многие вещи. — Он начал перечислять. — Шоколад. Заменитель сахара. Табачный дым.

— Страсть, — сказала она, прижимая сжатую в кулак руку к груди. — Я хочу, чтобы у тебя появилась страсть, Уилл. Я хочу, чтобы ты узнал, каково это — влюбиться в кого-нибудь, не спать по ночам, думая, что ты умрешь, если не будешь вместе с этим человеком.

— Я не спал множество ночей, думая о тебе, — ответил он.

— Беспокоясь обо мне, — поправила она. — Я не пара старых ботинок, которые можно носить до конца дней только потому, что в них удобно.

Уилл не понял, что плохого в том, если что-то является удобным, но придержал язык и только спросил:

— И где мне найти женщину с такими же низкими требованиями, как у тебя?

— А Аманда Вагнер не свободна?

— Ох, — простонал он, — она меня добьет!

— Ты заслуживаешь этого, балбес неграмотный!

Он рассмеялся, и Бетти завозилась у него на руках.

— Боже, какая она все-таки уродина! — Энджи похлопала Уилла по ноге. — Помоги мне встать.

Уилл подхватил ее под здоровую руку и помог подняться.

— Куда направляешься?

— Хочу посмотреть объявления о приеме на работу. — Она кивком указала на свое сломанное запястье и ободранные руки. — Я не собираюсь следующие двадцать лет сидеть за письменным столом, а даже администрация Атланты не настолько смелая контора, чтобы дать мне в руки пистолет. — Она пожала плечами. — К тому же было бы неплохо найти работу, где не нужно будет одеваться, как шлюха, если я сама этого не захочу.

— Тебе не обязательно работать, — осмелился сказать он.

Она удивленно хохотнула.

— Ты осел, Уилл! Неужели ты действительно думаешь, что я смогу сидеть дома, готовить и убирать, пока ты ходишь на работу?

— Бывают вещи и похуже.

— Сомневаюсь.

— Бетти может понадобится хозяйка.

— Да пошла она!

— Я...

Энджи приподнялась и прижалась губами к его шее. Какие они мягкие! Он чувствовал тепло ее дыхание, нежное прикосновение пальцев к своему плечу.

— Я люблю тебя, — сказала она.

Он смотрел, как она идет по дорожке, оставив руку в розовой шине. Один раз она обернулась, чтобы помахать ему, потом села в машину и уехала.

Энджи как будто гордилась порезами, покрывавшими ее лицо и руки. Это выглядело так, словно она в конце концов нашла способ продемонстрировать то, что все время ощущала внутри. В подвале ему не хотелось спрашивать ее о том, что произошло, не хотелось осматривать раны Майкла и считать, сколько раз его ударили ножом. Уиллу хотелось только одного: бережно обнять ее, взять на руки, вынести наверх и быть рядом столько, сколько получится. И несколько часов она позволяла ему это делать...

Уилл не знал, сколько простоял так, глядя на опустевшую улицу. Внезапно послышалась песня «Лия» группы «Босс», и на дорожку к соседнему дому въехал желто-коричневый «Шевроле Нова». Бетти

мирно похрапывала у него на груди, но когда дверца машины громко хлопнула, она проснулась

Уилл прошел через двор к женщине, которая, сняв туфлю, пыталась каблуком забить в землю деревянный колышек.

— Могу я вам чем-то помочь? — спросил он.

Она испуганно вздрогнула и схватилась за горло.

— Господи, вы меня до смерти перепугали!

— Я Уилл Трент. — Он показал в сторону своего дома. — Живу по соседству.

Она посмотрела на собаку, и губы ее брезгливо скривились.

— Мне казалось, мама говорила, что это создание сдохло.

— Бетти?

— Да, Бетти. Мы перевезли Бетти в дом престарелых.

Уилл нахмурился.

— Простите, я не понял.

— Ну, Бетти, моя мама. — Женщина явно теряла терпение. Было видно, что она не собирается задерживаться здесь и уж совершенно точно не хочет вступать в объяснения с Уиллом. — Сейчас она живет в доме престарелых. А этот дом мы продаем.

— Но, — попытался Уилл, — я сам слышал, как она... — Он посмотрел на собаку. — Иногда по ночам она, то есть ваша мама, кричала на кого-то по имени Бетти.

— Она орала на себя, мистер Трент. Вы никогда не замечали, что моя мамаша немного не в себе?

Он вспомнил о ночных воплях, о том, как иногда соседка начинала громко распевать, поливая искусственные растения на своем крыльце. Тогда эти вещи не казались ему такими уж странными, учитывая эксцентричность всего района. Невольно с опаской будешь выходить на улицу, на которой в крохотном доме, разрисованном всеми цветами радуги, живет шестеро хиппи, напротив церкви меннонитов стоит на кирпичях брошенный «вайнермобайл»^[24], а чуть дальше живет малограмотный парень ростом за метр девяносто, который прогуливает комнатную собачку на ярко-розовом поводке.

У женщины был с собой степлер, который она использовала, чтобы прикрепить к деревянному колышку нечто похожее на самодельную табличку с надписью «ПРОДАЕТСЯ ВЛАДЕЛЬЦЕМ».

— Ну вот, — сказала она. — Это должно сработать. — Она обернулась к Уиллу. — Через день-другой кто-нибудь появится здесь, чтобы вывезти вещи.

— Ага.

Она надела туфлю и швырнула степлер в машину.

— Подождите, — сказал Уилл.

Это ее не остановило. Она все равно села в машину и, уже заведя мотор, опустила боковое стекло.

— Что еще?

— Собака, — сказал он, поднимая Бетти (если ее действительно так звали). — Что мне с ней делать?

— Мне все равно, — ответила женщина, скривившись при взгляде на собаку. — Мама терпеть не могла эту маленькую крысу.

— Она сказала мне вычесывать ее, — сказал он, словно это могло что-то изменить.

— Вероятно, она имела в виду не «вычесать», а «выбросить».

— Но...

Женщина почти перешла на крик:

— Ради всего святого, да просто утопите ее в пруду!

Взглянув через плечо, она с места рванула задним ходом по дорожке, едва не задавив мужчину, бегущего трусцой. Оба уставились на машину, которая вылетела на улицу, по пути зацепив мусорный бак Уилла. Бегун улыбнулся и спросил:

— Тяжелый день?

— Да уж.

Уилл ответил не так любезно, как обычно, но в данный момент у него были проблемы поважнее.

Он взглянул на Бетти. Прижавшись к его груди и свесив язык, она с любовью смотрела на хозяина полуприкрытыми глазами-бусинками.

— Вот блин! — пробормотал Уилл, направляясь в дом.

Он думал о том, что сказала женщина, ее пронзительный голос до сих пор звенел у него в ушах. Войдя, он опустил Бетти на пол, и она, пробежав через комнату, запрыгнула на диван и, как обычно, устроилась на своей любимой подушке.

Тяжело вздохнув, Уилл запер входные двери. Человек, который вырос в детском доме, не может утопить собаку в пруду.

Даже если это чихуахуа.

От автора

Став литератором, я получила возможность побывать в самых красивых уголках мира, но все же больше всего на свете люблю Атланту, свой родной город. Я всегда считала, что писатели — в основном профессиональные выдумщики, а хорошие выдумщики знают, как смешать факты и вымысел так, чтобы было похоже на правду. В этом романе я попыталась передать колорит моего города — тех мест, которые я люблю, тех, куда не решусь пойти с наступлением темноты, а также всего остального, находящегося между ними. Я очень вольно обошлась в своем повествовании с названиями улиц, зданий и районов, так что если вы захотите посетить наш замечательный город, то я настоятельно рекомендую вам купить карту.

«Сити-Холл-Ист» когда-то был универмагом «Сирс», и хотя здесь действительно расположены некоторые городские учреждения, они никоим образом не связаны с тем, что я описывала. К тому моменту, когда я писала все это, район Грейди Хоумс был назначен под снос. Как и большинство основных мегаполисов, мы медленно, но верно уничтожаем все мало доходные и субсидированные постройки. Выплаты по схемам кредитования типа «заплатишь в получку» колеблются в районе от трехсот до пятисот процентов годовых. Месячная квартплата, которую я привела для бывшего педофила, соответствует обычным ценам; то же касается и государственного сбора в пользу штата. Автобусные маршруты, одежда и прочая другая роскошь низкооплачиваемого рабочего были проверены мною лично.

К счастью, мне никогда не доводилось посещать государственную тюрьму «Коустел», и многая информация, которую я приводила относительно этого заведения, была взята мною из Интернета (www.dcor.state.ga.us). Заключение из камер смертников были реальными людьми, и их возраст указан правильно, насколько мне известно. Атланта постоянно входит в первую десятку городов США, где совершается больше всего насильственных преступлений. По данным статистики (www.ganet.org/gbi), на территории Атланты с пригородами в прошлом году зарегистрировано более тысячи

изнасилований. В масштабах страны приблизительно сорок четыре процента жертв изнасилований не достигли возраста 18 лет, а пятнадцать процентов — возраста 12 лет (www.ncvc.org). В Соединенных Штатах Америки каждую минуту, по статистике, насилию подвергается 1,3 женщины.

На Пьемонт-роуд есть автомойка, перед которой стоит машущая рукой горилла, но на этом все параллели с романом заканчиваются. «Соколы» в этом году не попали в финал Суперкубка. Дактаун — реальный городок в штате Теннесси. Бывший шериф округа Де-Кальб Сидней Дорси действительно был осужден за организацию убийства своего вновь избранного преемника Дервина Брауна. У мэра городка Блу Ридж на самом деле был выкуплен первый ряд кресел вокруг ринга на петушиных боях. Цитировалось его высказывание, где он говорил, что становится стар и может вскоре уйти в отставку от «политики и кур».

Да, и еще одно: поверьте, собакам на самом деле не нужно давать сыр.

Благодарности

Два года назад я решила, что хочу написать книгу вне своей серии «Округ Грант». Это было действительно рискованное предприятие, и я знала, что люди подумают: она либо по-настоящему умная, либо по-настоящему ненормальная. Поэтому первая моя благодарность направляется в адрес Кейт Элтон, Кейт Мисиак и Виктории Сандерс за то, что они остались преданы мне и позволили этой истории родиться из моей головы.

Как всегда, все медицинские подробности проверял доктор Дэвид Харпер. Триш Хокинс ответила на миллион вопросов по проблемам необучаемости, а Дебби Тиг поделилась информацией из первых рук относительно жизни людей, страдающих дислексией. Джей Эс рассказал мне о тяжелой жизни осужденных преступников и уточнил некоторые нюансы относительно наркотиков. А Жанин Инглиш побеседовала со мной о загадочном маленьком существе под названием чихуахуа.

Вот кого мне хотелось бы поблагодарить в издательстве «Делапорт»: Ирвина Эплбаума, Ниту Таублиб, Барб Бург, Сьюзан Коркоран, Бетси Халсебош, Синтию Ласки, Стива Мэддока, Паоло Пепе, Шэрон Пропсон, Шэрон Сводос, Дона Вайсберга, Кейтлин Александер, Келли Чиан, Лойал Коулс, а также команду по сбыту из «Рэндом Хаус». Лиза Джордж, спасибо тебе за такое количество неожиданных друзей.

Майк Эбботт, Рон Бирд, Фэе Брюстер, Майк Бродерик, Ричард Кейбл, Джорджина Хотрей-Вур, Клэр Лоулер, Саймон Литтлвуд, Дейв Пэрриш, Джейл Ребак, Эмма Роуз, Клэр Раунд, Сьюзан Сэндон, Триш Слэттери и Роб Уоддингтон из «Рэндом Хаус Ю Кей» — благодарю вас.

Мои друзья Билли Беннетт-Уорд, Ребекка Кейпер, настоящая Марта Лэм, Фиделис Морган и Коллин Уинтерс постоянно поддерживали меня. Мой папа заботился обо мне в горах, а когда я приходила домой, меня всегда ждал Ди Эй.

---

notes

Примечания

Хартсфилд — международный аэропорт, расположен близ Атланты, штат Джорджия. — *Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.*

«Матч футбольной чаши» — ежегодная футбольная встреча между лучшими университетскими командами региона, отобранными организаторами встречи на данном стадионе.

Кредитный балл — показатель, характеризующий вероятность возврата долга заемщиком; рассчитывается по специальной модели, исходя из данных о кредитной истории и текущем финансовом состоянии заемщика.

МАРТА — Управление скоростного городского транспорта Атланты.

Младшая средняя школа включает 7–9 классы средней школы.

Арийское братство — белая тюремная банда, появившаяся в тюрьме Сан — Квентин в 1964 г.; в тюрьмах США традиционно противостоит бандам афроамериканцев.

Стикбол — упрощенная форма бейсбола, уличная игра, в которой вместо бейсбольного мяча используется резиновый мячик, а вместо биты — ручка от метлы или палка.

«Джунгли» — гимнастический снаряд, обычно деревянный; на него можно влезть и раскачиваться, подобно обезьянам в джунглях.

«Коджак» — телевизионный сериал (1973–1978, 1989–1990 гг.) о работе нью-йоркской полиции.

Коустел (*Coastal*) — дословно «Прибрежная», Гарден-Сити (*Garden City*) — дословно «Город-сад».

Карвер (*Carver*) — *англ.*, резчик; нож для резки мяса.

Опра Гэйл Уинфри — известная американская телеведущая, актриса, продюсер, общественный деятель, ведущая ток-шоу «Шоу Опри Уинфри».

«Сквозь дождь, снег и слякоть» — девиз почтового ведомства США.

Чарльз Миллз Мэнсон — знаменитый американский преступник, лидер коммуны «Семья», отдельные члены которой в 1969 г. совершили ряд жестоких убийств, в том числе известной киноактрисы Шэрон Тейт, жены Романа Поланского.

Джейкоб Марли — привидение, персонаж повести «Рождественская песня в прозе» Чарльза Диккенса.

Форма DD-5 — стандартная документация, заполняемая офицерами и детективами полиции по текущим делам.

Специальная команда по задержанию преступников — Special Criminal Apprehension Team, SCAT; *scat* — дерьмо, экскременты; Брысь! Убирайся! (*англ.*)

Two Egg — дословно: «двужайцовый» или «с двумя яйцами»
(англ.).

Барни Файф — простофиля-полицейский, юмористический персонаж из телевизионного «Шоу Энди Гриффита».

Йип (*yip*) — визг, лай (*англ.*).

Виокс — медицинский препарат, оказывает противовоспалительное, анальгезирующее, жаропонижающее и антиагрегантное действие.

Рогипнол, на сленге «руфи» — запрещенное снотворное без цвета, запаха и вкуса; часто подсыпается маньяками ради секса с жертвой «в отключке».

«Бремя доказательства» — обязанность доказывать в суде истинность приведенных утверждений о фактах и событиях.

«Вайнермобайл» — автомобиль в форме хот-дога с булочкой, использовавшийся для рекламы продуктов Оскара Майера.